

АЛЬМАНАХ
КАЗАНСКОЙ
ДУХОВНОЙ
СЕМИНАРИИ

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСЕДНИК

ВЫПУСК
1(16)-2008

КАЗАНЬ
КАЗАНСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ

УДК 2
ББК 86.3+86.372
П 68

*Печатается по благословию
Высокопреосвященнейшего Анастасия,
Архиепископа Казанского
и Татарстанского*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета
Ректор Казанской Духовной Семинарии,
Архиепископ Казанский и Татарстанский
АНАСТАСИЙ

Главный редактор иерей Александр ПАВЛОВ

Помощник редактора иерей Сергей ДЕМАКИН

Доцент КГУ, кандидат филологических наук
НОВАК Мария Олеговна

Профессор КГТУ, доктор философских наук
КУРАШОВ Владимир Игнатьевич

* * * *

П 68 **Православный собеседник:** Альманах Казанской Духовной Семинарии.
Вып. 1(16)-2008: Казань: Казан. Духов. Семинария, 2008. - 238 с.

ISBN 5-902821-11-8

Альманах "Православный собеседник", издаваемый по благословию Архиепископа Казанского и Татарстанского Анастасия, является изданием, в котором печатаются богословские, философские, исторические, филологические и прочие затрагивающие вопросы религиозной жизни работы.

Предназначен для широкого круга читателей. Альманах будет интересен всем, кто желает глубже познакомиться с вопросами православного богословия и истории развития Православия в Казанской епархии.

УДК 2
ББК 86.3+86.372

ISBN 5-902821-11-8

© Казанская Духовная Семинария, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Презентация

А.М. ЕЛДАШЕВ. Новые публикации 4

История

протоиерей Владимир МУХИН. История закрытия храмов и монастырей
г. Казани в 20-е – 30-е годы XX столетия (продолжение) 6

А.М. ЕЛДАШЕВ К истории возникновения и развития женских монастырей
Казанского края 122

Исследования

иерей Павел КИРИЛЛОВ. Архиепископ Суздальский Гурий (Степанов):
Биографическое исследование 139

А.Ю. КУЗЬМИН. Обзор истории богослужения Русской Церкви 180

М.З. ХАБИБУЛЛИН. Миссионерские отделения Казанской духовной академии в
1884-1920 гг. 227

А.М. ЕЛДАШЕВ

Вышла в свет книга казанского историка-краеведа А.М. Елдашева «Арский православный некрополь». Это часть осуществляемого автором большого исследовательского проекта по изучению истории казанских некрополей XVI-XX вв.

Его изыскания – это исследования по истории возникновения, развития, разрушения и возрождения православных обитателей Казанского края, а также жизни именитых горожан, оставивших глубокий след в процветании края, проводимые автором на основе как изданных, так и вновь выявленных архивных документов и источников. За последнее время им опубликовано около 50 научных работ, в том числе три монографии из истории духовной жизни Казанского края XVI-XX веков.

В 2004 г. им издана монография «Монастыри Казанского края: очерки истории», посвященная 425-летию обретения чудотворной Казанской иконы Божией Матери. Он является автором статей в Православной энциклопедии: «Монастыри мира. Монастыри России» (том IV, 2004 г.), Татарской энциклопедии (том III, 2006 г.). Его статьи опубликованы в печатных изданиях Казанской Духовной семинарии – альманахе «Православный собеседник», журнале «Семинарский вестник»; научно-документальном журнале Главного архивного управления при Кабинете министров Республики Татарстан «Эхо веков», в республиканских газетах и журналах.

А.М. Елдашев – активный участник Всероссийских и республиканских научно-практических конференций. В июле 2005 года выступил с докладом на международной научной конференции «Православие в поликонфессиональном обществе: история и современность», посвященной 450-летию учреждения Казанской епархии Московского Патриархата. Он один из создателей научно-документального фильма «От избытка сердца уста глаголют», посвященного истории Свято-Успенского Зилантова монастыря.

В октябре 2005 года стал номинантом Макариевского конкурса, организованного Фондом памяти митрополита Московского и Коломенского *Макария* (Булгакова).

Исследовательскую работу А.М. Елдашев сочетает с преподавательской деятельностью. Он доцент кафедры права, истории и политологии Академии государственного и муниципального управления при Президенте Республики Татарстан и преподаватель Казанской Духовной семинарии, где читает учебные курсы по отечественной истории, византологии, а также новую и новейшую историю зарубежных стран Европы, Америки и Азии. Заметным вкладом в изучение этой темы стали вышедшая в 2004 году его монография «Монастыри Казанского края: очерки истории», а также серия статей, опубликованных в 2002-2007 годах в изданиях Казанской Духовной семинарии: альманахе «Православный собеседник» и журнале «Семинарский вестник». Автор продолжает традиции, заложенные известным исследователем Казани XIX века Н.Я. Агафоновым и епископом Никанором.

Во внимание к усердным миссионерским трудам и в связи с 10-летием возрождения Казанской Духовной семинарии А.М. Елдашев в ноябре 2007 г. был

ИСТОРИЯ ЗАКРЫТИЯ ХРАМОВ И МОНАСТЫРЕЙ Г. КАЗАНИ В 20-Е – 30-Е ГОДЫ XX СТОЛЕТИЯ

(продолжение)

протоиерей Владимир МУХИН

Закрытие приходских храмов

*Блгвв. кнн. Феодора Смоленского и чад его Давида и Константина,
Ярославских чудотворцев (Кладбищенская церковь)*

12 февраля 1931 г. к общине Кладбищенской церкви присоединилась община Матфеевской г. Казани церкви, с имуществом в 40 пунктов описи. Буквально через три дня Кладбищенская община приняла и Варваринскую общину (случилось это 15 февраля 1931 г.). По этой причине было собрано общее собрание, где избрали тройку, вопрос о служителях культа был исключен КГСом, а вот доклад о принятых церковных вещах и имуществе из вливающих общин оставлен на рассмотрение.

Меж тем кампания по снятию колоколов набирала обороты. Во время отпевания епископом Иринеем (Шульминым) покойников 21 февраля агент «Металлома» Петров активно взялся за исполнение директив власти, да так усердно, что был разрушен железный зонт над входной дверью, убыток составил 200 рублей, однако это не остановило рвения исполнителя. 22-го работы продолжались, невзирая на вечерню и чтение акафиста. Последующие жалобы владыки Иринея остались без внимания, разрушения восстанавливались из средств общины.

Было бы ошибочным считать, что воздействие представителей государственной власти этим ограничилось. Отнюдь нет. Бауманский РайКомХоз 10.07.32 г. предложил в 10 дней освободить церковную сторожку, для помещения в ней рабочих. Принимая во внимание жилищный кризис, понятно, что в такой срок найти подходящее помещение для квартиры (к тому времени) исполняющего обязанности правящего архиерея (преосвященного Иринея Шульмина) и его канцелярии, разместить сторожей, охранявших имущество церкви, было просто невозможно. Прошение епископа Иринея об оставлении сторожки в ведении Кладбищенской религиозной общины вызвало следующую реакцию: церковь в 1934 г., невзирая на протесты верующих, была передана обновленцам. Предварительно общину вынудили 2.02.34 г. произвести передачу из Кладбищенской церкви разных «излишних» ценностей (9 пунктов) – т.е. серебряных риз с икон (12 штук) весом 12540 грамм.

Православные староцерковного течения продолжают борьбу за храм, и Казанское Митрополитанское Областное Управление заявляет в культкомиссию ТатЦИКа, что «Кладбищенская церковь приписная к кафедральному собору, а у тихоновцев есть рядом Серафимовская церковь».¹ Требования староцерковников достигли цели, и на заседании Секретариата ТЦИК 2.03.34 г. было постановлено: предоставить здание Арско-Кладбищенской церкви с церковной сторожкой и имуществом. В руках верующих церковь пробыла недолго, решение пересмотрели,

и уже в мае церковь вновь отошла к обновленцам. Храм функционировал в качестве обновленческого и в ноябре 1935 г. Обновленческой общине пришлось принять часть прихожан закрываемой Пятницкой церкви (именовавшейся тогда у обновленцев кафедральным собором).

Обновленчество, пытаясь упрочить позиции, ссылалось на нехватку церковей, о чем и вело переписку с правительством республики. В августе начался осмотр технического состояния здания инженером Исаевым в присутствии представителя религиозной общины Кладбищенской церкви Богоявленского. Перечень работ по ремонту составил 16 пунктов. Через несколько дней община обратилась с заявлением в культкомиссию, суть его сводилась к тому, что ремонт в материальном выражении оценивался в 6-8 тысяч, а церковная касса располагала только 1,5 тыс. рублей. Община предлагала следующий выход: поскольку некоторые ремонтные работы были произведены до составления акта, и столь крупную сумму сразу взять негде, то нельзя ли произвести ремонт, на сколько хватит средств, а остальные работы перенести на следующий 1937 год. Президиум был непреклонен и окончание ремонта назначил на 1.10.36 г., предупредив при этом, что в случае отказа от ремонта и частичного невыполнения указанных в акте работ к сроку будут приняты меры в соответствии с п.4 ст.52 Инструкции ВЦИК с вытекающими последствиями. Настал срок окончания ремонта, и в комиссию по делам культа при ЦИКе ТР поступило заявление следующего содержания: «Ремонт с наружной стороны произведен, внутри начат, но не кончен за болезнью бригадира, по сообщению инженера Исаева»², посему исполнительный орган просит разрешить отложить продолжение и окончание до весны 1937 г.

Как выяснится позже, это была уловка. Община не располагала средствами и была не в силах сделать требуемый объем работ.

Власти не спешили проверить визуально исполнение работ, и в переписке на 1.05.37 г. за № 7 Кладбищенская церковь числилась функционирующим молитвенным зданием г. Казани (с пометкой – «обновл. на поле Ершова»³). Время шло, и кладбищенский обновленческий диакон, оценив свое состояние и место в этом мире, пришел к выводу, что будет лучше «сознать свою деятельность (т.е. служение при церкви) вредным для народа и посему сложить для себя сан».⁴ Заявление поступило 27.11.37 г. Община долго не могла поверить в случившееся и только в середине августа 1938 г. подала заявление в культкомиссию, информируя о том, что протодиакон Александр Абросимов с 21.11.37 г. добровольно оставил служение и поступил на гражданскую службу, а посему просит снять его с учета в Кладбищенской церкви. Возможно, поступок протодиакона не был для него лишен смысла, ибо заявлением исполнительного органа доведено до сведения, что служитель культа Фирсов Николай 16.11.37 г. взят властями, посему просит также снять и его с учета.

Члены общины Тихвинской церкви 4 сентября 1938 г. заявили в культкомиссию при ТЦИКе о желании перенести в Кладбищенскую церковь предметы религиозного обихода, в том числе иконы, а также мощи святителя Гурия со своими принадлежностями на временное пользование (мощи первосвятителя края Казанского и поныне почивают в Кладбищенской церкви).

Обновленческий архиерей Иерофей (Померанцев) был арестован 4.08.38 г., его арестом закончилась жизнь и фактическая деятельность обновленчества в земле Казанской.

Уже в 1939 году в июне месяце Центральный музей ТАССР и ВС ТАССР, Центральный краеведческий музей просит разрешение на получение из Кладбищенского церковного архива «новой церкви»⁵, разных журналов (400 экз.), икон XIII-XIV вв. (в частности преп. Сергия Радонежского) и других вещей, представляющих музейную ценность: среди них посох, облачение и раку святителя Гурия. Договоренность с представителями общины имела. Предназначались все эти предметы для антирелигиозного отдела Центрального музея. Виза, наложенная властями, гласит: «все предметы, кроме архива, можно передать в антирелигиозный музей 1.07.39 г. Мустафин».⁶

Последний документ, свидетельствующий о кончине обновленчества, – секретный проект постановления КГСa – Кладбищенская церковь совершенно пустует и никем не используется. Вскоре церковь вновь отдали староцерковникам. Старожилы утверждают, что церковь была закрыта только три дня.

Это была единственная церковь в г. Казани, с тех пор уже не закрывавшаяся и сосредоточившая в себе почти все святыни Казанской епархии – не только мощи святителя Гурия, оставленные обновленцами, но и чудотворные иконы Седмиезерную Божией Матери, а также Грузинскую Божией Матери и особо чтимые храмовые иконы из городских храмов и монастырей.

Боголюбская (Екатерининская) церковь в Адмиралтейской слободе

Терзания Боголюбской общины перешли на новый качественный уровень в 1929 году. Уже в праздник Рождества Христова состоялось общецеховое рабочих и служащих пожарной команды собрание, на котором и постановили: «повести компанию по закрытию церквей и мечетей и использовать их для культурных целей»⁷. С этого времени пошли собрания: 16.02.29 г. – избирательное рабочих завода № 40, в дополнение наказа КГСa, постановившее обязательно закрыть Екатерининскую церковь и мечеть на Большой улице; 19.02.29 г. – избирательное рабочих Кожзавода с требованием закрыть Ягодинскую (т.е. Смоленско-Димитриевскую) церковь, Ягодинскую мечеть, еврейскую синагогу, закрыть Екатерининскую церковь в Адмиралтейской слободе и использовать ее на строительный материал для предполагаемой постройки бани в Адмиралтейской Слободе.

8 апреля 1929-го Президиум ТатЦИК принимает резолюцию по Екатерининской церкви, аргументируя тем, что в Заречном районе имеется достаточное количество церквей для обслуживания верующих, что в непосредственной близости имеется еще две церкви (Макарьевская и Смоленско-Димитриевская), что при недостатке строительных материалов необходимо использовать здание церкви как строительный материал; постановил и договор расторгнуть, церковь закрыть, строительный материал использовать на постройку школы и бани в Заречье, согласовать КГСa с НКФ (Госфондом) приобретение строительного материала разбираемой церкви.

19 июля состоялось заседание Пленума Заречного райсовета, на котором т.

Малюгин доложил о необходимости закрытия «Екатерининской церкви в Адмиралтейской Слободе и одной мечети в той же слободе»⁸. Вследствие чего постановили: во исполнение наказа избирателей завода № 40, Текстильной фабрики и Кожзавода сломать Екатерининскую церковь и стройматериал использовать на постройку школы-девятилетки в Слободе Восстания и закрыть мечеть»⁹, отдав ее под детплощадку РОКК.

Вслед за этим пошла череда собраний, постановивших срочно закрыть Екатерининскую церковь, а заодно и мечеть в рабочем районе. 24 июля – собрание фабричной ячейки № 2 ВКПб Текстильной фабрики; 27 июля – общефабричная конференция Текстильной фабрики (на которой решение принято было большинством голосов, при одном «против»); 7 августа Заречный райсовет препроводил в ТатЦИК выписки из протоколов о закрытии церкви Екатерининской и мечети с просьбой разрешить вопрос в скором времени, так как в строительном материале ощущается острая нужда, а мечеть предоставить детплощадке РОКК. 13.08.29 г. ТЦИК руководствуясь своим же циркуляром от 6.04.29г., препровождает в Орготдел ТатНарКоматаВД, переписку по вопросу о закрытии Екатерининской церкви и мечети в Адмиралтейской Слободе со всеми материалами, необходимыми для окончательного решения вопроса.

7 сентября НКВД ставит заключительную точку отношением в Президиум ЦИКа, считая целесообразным закрытие Екатерининской церкви и мечети № 14 по нижеприводимым соображениям: «что в Ягодной Слободе есть Смоленско-Димитриевская церковь, а в самой Адмиралтейской Слободе имеется Макарьевская, могущие удовлетворить религиозные потребности Екатерининской церкви. ТатНКВД вполне разделяет мнение рабочих и служащих завода № 40, Текстильной фабрики, Кожзавода и райсовета Заречье о целесообразности закрытия и передачи мечети под детплощадку и сноса Екатерининской церкви на строительный материал для предполагаемой постройки бани в Адмиралтейской Слободе»¹⁰. Подпись – Наркома Внутренних Дел Багаутдинова.

Президиуму ЦИК оставалось лишь формально удовлетворить, принимая во внимание аргументацию НКВД, ходатайства ряда рабочих организация Заречья и постановить: расторгнуть договор на пользование храмом и «церковь закрыть с передачей здания КГСу для использования как строительный материал на постройку бани; предложить ГорСовету согласовать с НКФ (Госфондом) вопрос о приобретении стройматериала разбираемой церкви; постановление КГСу привести в жизнь с соблюдением 44 ст. ПостВЦИК и СНК от 8.04.29 г. (С.У. ТР 29 № 18 ст.166)».¹¹

На обороте выписки из этого протокола председатель общины Поскребышев расписался в получении на руки выписки, а также в объявлении протокола 21.09.29 г.

Все вышеприведенные документы свидетельствуют о том, что цинизм был веянием времени и Церковь рассматривалась как орудие классовых врагов. Безбожная власть проводила активную агитацию среди рабочих за закрытие и снос храма, ничуть не чуждаясь лицемерия по отношению к Церкви (как видим, сочла целесообразным закрыть и разобрать храм) и заигрывания – мечеть

приспособить под детучреждение.

Самое удивительное произошло потом: срочное отношение ТНКФина от 23.09.29 г. в адрес НКВД ТР гласит: «по дошедшим слухам предполагается закрытие Екатерининской церкви в Адмиралтейской Слободе, поэтому Госфонд РТ просит поставить в известность о дне закрытия церкви для приема церковного имущества, принадлежащего Госфонду на основании декрета СНК РСФСР». ¹² Октябрь 1929 г. ознаменовался составлением акта о сдаче и принятии имущества закрытой Екатерининской церкви (79 наименований: иконы, лампы, сосуды, облачения, мебель и т.д.) Оказывается, НКВД не считал нужным информировать Наркомфин, который, в свою очередь, пользовался слухами.

Касаясь дальнейшего положения общины, скажем, что в том же 1929 году, она пришла с поклоном и просьбой о слиянии со Смоленско-Димитриевской церковью, и 13 октября положительным решением общего собрания Смоленско-Димитриевской общины ей было предоставлено и одно место в исполнительном органе. Хотя вскоре и Ягодинской общине пришлось сливаться, только уже с религиозной общиной Макарьевской церкви.

С 1927 г. при Боголюбской церкви служил настоятель протоиерей Владимир Петрович Любимов 47-ми лет (с 22-летним священническим стажем), пользовавшийся большим уважением среди прихожан. Будучи единственным священнослужителем, отличался особенным усердием в службе, только в 1928 году в помощь ему дали диакона Александра Ивановича Померанцева 24-х лет (сына псаломщика Евдокиинской церкви).

Жизнь священнослужителя никогда, тем более в описываемые годы, не была легкой, и не каждый был способен до конца вынести ее испытания. 10.04.30 г. в ТатНКВД обратился Александр Померанцев с таким заявлением: «Довожу до сведения НКВД, что я, Померанцев Александр, от должности диакона бывшей Боголюбской общины, ныне присоединенной к Макарьевской Адмиралтейской слободы г. Казани с 18.03.30 г. отказался, имею намерения заняться полезным для строящегося социалистического государства трудом и потому из списков служителей культа прошу меня исключить». ¹³ Подпись.

Был ли это акт малодушия или сознательное решение порвать с Церковью, судить не нам, но с тех пор о Боголюбской церкви остались лишь воспоминания.

Богоявленская церковь

1929-й. По практике того времени, закрываемая община сливалась с близлежащей, поэтому Георгиевская церковная община обратилась в НКВД с просьбой о разрешении собрания 4 декабря в 12 часов дня в Богоявленском храме. Повестка включала организацию новой общины, подписание договора и описи имущества, выборы приходского совета и ревизионной комиссии. В действительности собрание состоялось позже, в воскресенье после Божественной литургии, копия протокола была отослана в НКВД своевременно.

Первая попытка закрыть уже Богоявленский храм состоялась в конце декабря 1929 года. Собрание Татстраха заслушало предложение т. Каримова и постановило просить Горсовет о закрытии Богоявленской церкви для устройства в ней

сельхозмузея, призывая Горсовет поддержать решение. Вскоре состоялось еще одно собрание. Сотрудники Управления Татлесотреста согласились с постановлением собрания Татстраха, одновременно прося КГС «снять колокола со всех церквей, употребив их на индустриализацию страны».¹⁴ Затем собирались швейники, безработные, и их решения новизной и тем более состраданием к верующим не отличались, аппетиты разрастались, и уже требовали закрыть кроме Богоявленской церкви еще Духосошестввенскую и Четырех-Евангелистовскую церкви, а также заодно и три мечети. Набрали 197 подписей.

В 1930 году 12-го января рабочие и служащие валяно-обувной фабрики в количестве 25 человек внимательнейшим образом выслушали докладчика Алексева «о классово-враждебной роли церкви к пролетариату»,¹⁵ а посему помимо выборов сборщика членских взносов постановили: «просить скорейшего закрытия церквей и мечетей и передачи оных под школы и дома культуры (закрыть «Московских чудотворцев» на Булаке, Серафимовскую на Клыкковской стройке и Богоявленскую)».¹⁶ Конец января ознаменовался действием Домтреста № 1, интрига которого состояла в возбуждении судебного дела, для чего НКВД выдал списки членов общины с 1927 по 1929гг.

Все меры воздействия властных структур имели свои результаты, и 30 января 1930 года в правление исполнительного органа уже Богоявленско-Георгиевской общины подал заявление протоиерей Иван Красовский Ссылаясь на слабость здоровья, он просил освободить его от обязанности приходского священника и «сообщить в НКВД об уходе в заштат».¹⁷

Не нужно обладать особым чутьем, чтобы понять, что именно послужило истинной причиной ухода «по состоянию здоровья». За полгода до описываемых событий в рабочем порядке ТатЦИК секретным циркуляром определяет механизм закрытия церквей, а 4 февраля 1930 года препровождает переписку по вопросу закрытия Богоявленской, Сошестввенской, Четырех-Евангелистовской и Серафимовской церквей в НКВД на заключение для принятия окончательного решения.

Всего через четыре дня в НКВД ТР поступило заявление от общины Воскресенской церкви, которая решила по закрытии своего храма присоединиться к Богоявленскому и принести с разрешения компетентных органов особо чтимые и ценные иконы. Слияние общин несколько притормозило процесс закрытия Богоявленской церкви.

10 марта 1930 года появился на свет следующий документ: «Акт осмотра церкви Богоявления на предмет определения возможности приспособления ее под культурно-просветительное учреждение».¹⁸ Согласно заключению комиссии, проводившей осмотр, характер сооружения и техническое состояние позволяют приспособить здание церкви под клуб или кинотеатр, на что потребуется 10-15 тыс. руб. То ли не нашлось этих 10-15 тыс. руб., то ли были на тот момент более первоочередные вопросы, неизвестно, но от идеи скорейшего закрытия церкви отказались.

Весной следующего 1931 года в КазГорсовет заявили представители общины евангельских христиан о нижеследующем: прекратить, по требованию ОГПУ,

в занимаемом до сего времени бывшем здании Владимирской читальни молитвенно-богослужебные собрания и освободить помещения для склада материалов от начинающихся работ разборки бывшей Покровской церкви. Учитывая все изложенное, баптистская община просит КГС предоставить один из православных храмов под свои собрания (на выбор Горсовета были заявлены: «Богоявленская колокольня, Владимирский храм, Московских чудотворцев и пустующая церковь на Большой Проломной улице, что против Ивановского монастыря»);¹⁹ расчет был верным и потому оправдался – поданное заявление в день рождения «вождя пролетариата» было удовлетворено. И уже 1 июня 1931 года состоялась передача в бессрочное пользование для религиозных нужд верующих «Евангельского исповедания»²⁰ колокольни Богоявленской церкви.

Весной 1932 года начался очередной этап движения за закрытие Богоявленской церкви – 20 человек рабочих первой бригады ПСХ собрались решать дальнейшую судьбу храма и вынесли следующую резолюцию: «на 15 году революция рабочие скажут довольна нечего попами нас церкоф не кормить на заводе наша родная дела, сломат нетолика две (имеются ввиду Кирилло-Мефодиевская церковь и Трехсвятительская) и Богоявление (орфография сохраняется – прим. авт.)».²¹ Безграмотные вершители судеб постановили: «сломать». Но по Божией милости тучи развеялись.

В 1933 году в жизни всей Казанской церкви произошло значимое событие: на кафедру был назначен митрополит Серафим (Александров) и с 11 августа приступил к управлению епархией, избрав кафедральным храмом Богоявленскую церковь, которую с тех пор стали именовать собором.

К февралю 1934 года в списке служителей культа под № 1 значился Серафим Александров – митрополит Казанский и Свияжский 67 лет, далее два протоиерея, митрополичий протодиакон Грекулов. Включая вышеуказанных, в штате было шесть человек, сверх штата трое – священник, игумен и диакон, которых приписали из сострадания к их полуголодному существованию. Список членов общины состоял из 650 человек, хотя объединенная из трех общин Богоявленская была чуть ли не самой многочисленной.

Гром грянул, как всегда, неожиданно: в первой половине 1935 года храм закрыли, ходатайства 68-летнего старца-митрополита Серафима остались без удовлетворения. Как последний крик души было обращение стариков в ТЦИК к тов. Байчурину с великой просьбой проявить понимание к старикам и дать «дожить, как полагается», – «откройте нам храм Богоявления, ходим вокруг и плачем, последнее удовольствие у стариков отняли».²² Святая простота – ведь тов. Байчурин, как председатель ТЦИКа курировал работу Союза Воинствующих безбожников, и закрытие храма было плодом трудов именно вышеупомянутой организации, посему заверение о том, что молодое поколение не будет ходить в храм, что дети служат в доблестной Красной Армии на пользу государству – разве могло быть весомым аргументом? А оказалось, что могло! Храм стал, как и прежде, полноценно жить. Вновь воля Божия сохранила храм для спасения словесного стада Христовых овец. Утраченные позиции СВБ пытался вернуть – началась массированная агитационная, за закрытие храма, работа – стали проводить собрания и собирать подписи рабочих

меховой фабрики – 82, фабрики «Спартак» – 321, СК – 4, механического цеха Жиркомбината, цеха питания и мыловаренного цеха того же Жиркомбината – 64, студентов КЖГТ – 240, физкультурников Лынокомбината, рабочих трампарка – 222, студентов Вегинститута – 190, бюро ФК завода им. Ленина – 74, рабочих 4-го участка «Кинопленки» – 69, завода «Красный Восток» – 472, Татполиграфа – 350, и вся эта смута была организована и уложена в две недели октября месяца.

11.11.35 г. в комиссию по делам культа при ТатЦИКе была вызвана Мария Семеновна Богданова, как председатель исполнительного органа, где ей объявили и взяли расписку в том, что «не позднее 15 ноября сего года будет закрытие молитвенного здания».²³ А через несколько дней подобную расписку взяли и с Четырех-Евангелистовской общины (бывшей при Андреевском храме – теплом храме Богоявленской церкви). Что знаменательно: при самом лояльном отношении сов. власти к сектантам, точно такую же расписку взяли и с Т.В. Чебурахина, как представителя общины верующих Евангельских христиан при колокольне Богоявленской церкви. Ноября месяца 14 дня ответственный секретарь культкомиссии при Президиуме ТЦИК Мустафин раздавал справки о том, что собрал все договоры на пользование Андреевским храмом, колокольней, а 15-го – Богоявленской. К концу 1935 года (а именно на планируемый день закрытия) количественный состав священнослужителей не изменился, хотя и пришлось оправдываться в отсутствии справок по регистрации их при церкви.

В 20-х числах ноября вспомнили о ходатайствах коллективов, по наущению СВБ требовавших закрытия Богоявленской церкви. Они пришлись весьма кстати, ведь надо же было (хотя бы задним числом) обосновать уже принятое решение, «подготовив» общественное мнение. Настало время, когда тонкие и хитроумные формулировки стали просто не нужны. КГС постановил: «закрыть Богоявленскую церковь и передать какой-нибудь (все равно какой – прим. авт.) организации для использования...»²⁴. Президиум ТЦИКа «сохранял свое лицо» а посему старательно, принимая во внимание справки о культовых зданиях, решал уже давно решенный вопрос о закрытии Богоявленского, Андреевского храмов и колокольни Богоявленского Кафедрального Собора, с переводом духовенства кого в Пятницкую, а кого в Серафимовскую церковь.

Высший Совет физкультуры при ЦИКе ТР ходатайствует в ТЦИК, рапортуя при том о достижениях, рекордах, количествах участников и т.д., о закрытии ныне действующей в г. Казани церкви Богоявления и передаче помещения церкви в распоряжение физкультурных организаций для создания общегородского спортклуба. Дата 4.12.35 г. этого ходатайства не стыкуется с реальностью: ведь храм был закрыт еще 20.11.35 г., а в документе церковь действующая. 9 декабря во время Рождественского поста КазГорФО предлагает Центральному музею ТР в трехдневный срок очистить здание церкви от имущества культового характера. Все что смогла сделать «тройка», – запросить предметы культового характера. Комиссия по вопросам культов разрешила это действие, но с непременным условием: «ни в коем случае не допускать открытого перевоза по городу икон и других предметов»,²⁵ и, конечно, занести их в опись того храма, куда они будут перевезены.

Прошло немного времени, и митрополит Серафим от имени верующих

Богоявленской церкви информирует комиссию по вопросу культов о том, что служители культа причисляются к Серафимовскому храму г. Казани, и просит сосуды, облачения, богослужебные книги... Просьбу уважили, составив акт 17.12.35 г. Владыка Серафим оправдывался, что в связи с переездом ему необходимо разобрать бумаги, и информировал о том, кого из священнослужителей определил к какому храму (Петропавловскому собору и Серафимовской церкви).

Приближался праздник Рождества Христова, а в Богоявленском храме царило запустение. ВСФК и ГОРФО выясняли отношения, каким образом занять храм и когда же ГОРФО заберет хлам. ГОРФО счел своим долгом жаловаться в КГС на Центральный музей, предложивший относиться к иконостасу как к музейной ценности, и на ВСФК, который должен провести фиксацию иконостаса. Богоявленская община, принявшая и Георгиевскую, и Воскресенскую общины, теперь должна была сливаться сама с Серафимовской церковью.

В 1936 году Республиканскому Совету СВБ была отдана колокольня под канцелярию и антирелигиозный кабинет, а сам храм Богоявления подвергся разграблению со стороны КазГорФО: сняли и увезли электрооборудование, расковыряли стену под окном (снимали радиаторы отопления), сняли дверь, выдернули ручки из дверей. Вероятнее всего, из-за лени не сняли кресты и люстры (некоторое время храм имел относительно приличный вид). 20 января КазГорФО констатировал отсутствие акта передачи ВСу ФК.

Последний раз вспомнили о Богоявленском храме, как некогда принявшим к себе верующих-единоверцев, и датировано воспоминание 22-м апреля 1939 г. Храм Андрея Первозванного, в котором и служили единоверцы, в 1950 г. был снесен. Сама же Богоявленская церковь уцелела, хотя и в сильно обезображенном виде: снесли главки и заштукатурили декор. Казанской епархии храм возвращен в 1997 г.

Борисоглебская церковь в Плетенях

Январь 1930 года был тягостным – в Рождественский сочельник заслуженный протоиерей Петр Руфимский подал заявление в НКВД о том, что с 4.01 настоящего 1930 года за слабостью здоровья службу оставляет.

Дела шли крайне плохо: ни погасить налоговой задолженности, ни содержать храм община была не в состоянии, по этой причине на два часа 19 января было назначено общее собрание прихожан, предварительно согласованное с НКВД. К сожалению, ничего конструктивного предложить не удалось – рабочие нищенствовали, и те крохи, которые все же выделялись из скудных семейных бюджетов на храм, положения не исправили.

А налоги, предъявляемые церкви, росли ежедневно, вместе с ними росли и задолженности. Общее собрание членов Борисоглебской религиозной общины 2 февраля 1930 года в присутствии 52 человек слушало: поземельный налог достиг суммы в три тысячи рублей. Беспомощность в разрешении сложившейся ситуации вылилась в роковое для церкви решение: «Борисоглебская религиозная община находится в рабочем районе, состояние верующих бедное. Вышеуказанного (налога) по бедности платить не может. Ввиду чего просит ТатЦИК расторгнуть договор, заключенный осенью 1929 года религиозной общиной и Советом Рабочих,

Крестьянских, Красноармейских Депутатов».²⁶ Переизбирать церковный совет не имело смысла, поэтому полномочия по ликвидации остались за прежним составом.

У общины был шок, граничащий с унынием, – все 52 участника собрания закрепили своими подписями решение, понимая при этом, что подписали для храма смертный приговор. ТЦИК ликовал, конечно, – такая победа над Богом, религией, Церковью – атеизм торжествует.

Эмоции можно контролировать – на заседании Правительственной комиссии при ТЦИКе по рассмотрению религиозных дел, уже 5 февраля, с изрядной долей самообладания постановили: «принимая во внимание а) что общины верующих отказалась от дальнейшего пользования церковью; б) что в Казани имеется вполне достаточное количество церквей для удовлетворения религиозных потребностей верующих, Комиссия считает: действие договора, заключенного с общиной, прекратить и церковь закрыть, с передачей здания под культурные нужды».²⁷ Сухая, стандартная формулировка пронзила сердца верующих. Воинствующий атеизм наступал, и Церковь была вынуждена сдавать свои позиции. Понимая, что в единстве сила, Борисоглебская община решила соединиться с Михаило-Архангельской кладбищенской религиозной общиной, о чем было подано заявление в НКВД 6 февраля. Через три дня официальными лицами был составлен акт о зачислении в Госфонд церковного имущества, вверенного общине согласно договору. В этом же день в НКВД поступает заявление диакона-отступника Петрунина с просьбой о выдаче справки об оставлении им (еще 15.12.29) службы. Последовало совершенно неожиданное для Матвея Петрунина и логичное для НКВД решение: «наймом и увольнением служителей культа НКВД не занимается и никаких справок по этому вопросу не дает»,²⁸ т.е. больше бывший диакон, а ныне отказник не нужен.

Остатки Борисоглебской общины обращаются в НарКомат за справкой о том, что по причине бедности прихожан община ликвидирована и церковное имущество сдано 9.02.30 г., для представления в правительственные учреждения.

В канун празднования Сретения Господня случилось невероятное – священник Константин Покровский (бывший законоучитель) в связи с самоликвидацией Борисоглебской общины уходит за штат, слагает сан и желает «возвратиться в первобытное состояние гражданина СССР»,²⁹ о чем и просит в НКВД удостоверение, которое в свою очередь нужно для ходатайства перед ТЦИКом о даровании гражданских прав и избирательного голоса. Верность Церкви сохранили протоиерей Захарий Кузнецов и псаломщик Илья Буров, перешедшие вместе с общиной на службу в Михаило-Архангельскую церковь. Побочным эффектом слияния двух общин стало увеличение и разбросанность прихода. Решение было найдено – приходской совет постановил образовать должность второго священника при церкви с назначением на оную Захария Кузнецова. 9 марта общим собранием решались текущие вопросы уже объединенной общины.

Относительно здания Борисоглебской церкви можно сказать следующее: недолгое время ее пытались приспособить под культурные нужды, но сочли, что лучше ее вовсе разобрать и материал использовать для советского строительства, а кладбище срыть. Поросший бурьяном пустырь глубокой душевной болью все

еще напоминал местным жителям о стоявшем на этом месте храме.

Варваринская церковь

На начало 1926 г. количество верующих исчислялось 900 чел. (это на 250 чел. больше в сравнении с 1920 г.), а в 1927г. Варваринская община православного, староцерковного течения, с числом верующих в 1000 человек, возглавлялась епископами Иосафом, Афанасием, Андроником и Варсонофием.

Тучи сгустились летом 1929 г. В местной прессе началась массированная травля – газета «Красная Татария» опубликовала статью «Очаг мракобесия в районе трех вузов». Автор утверждал, что храм малопопулярно – 3-4 старушки, поэтому необходимо его закрыть. Сия публикация и спровоцировала волну студенческих собраний, неизменной резолюцией которых было определение – храм закрыть. Первым был профком ВСЕРАБЗЕМЛЕСа Пролетстуда Казанского института сельского хозяйства и лесоводства, подавший 2.07.27 г. в Президиум ЦИК ходатайство о передаче Варваринской церкви, ссылаясь на бедность помещений, с целью использовать ее под военный кабинет для подготовки командиров запаса РККА. На следующий день Правление института письменно присоединилось к ходатайству профкома, подтверждая целесообразность и справедливость решения именно таким образом вопроса о военной подготовке. Уже 6.07.29 г. НКВД передает на срочное заключение по поводу ходатайства Сельхозинститута и профкома Пролетстуда о передаче институту Варваринской церкви под спортзал и стрелковый тир. Президиум ТЦИК постановил ходатайство поддержать, хотя при этом и запросил в ТНКВД «все исчерпывающие материалы, необходимые для окончательного разрешения вопроса».³⁰ Почти через месяц ТНКВД вернул переписку с сообщением, что одного ходатайства сельхозинститута без подготовки общественного мнения недостаточно, и «подготовки, как видно, никакой не ведется и поэтому от передачи следует воздержаться».³¹ Вновь вернулись к этому вопросу уже осенью для проработки передачи Варваринской церкви под спортзал и стрелковый тир.

В вопросе закрытия церкви делать ставку исключительно на молодежь оказалось неэффективным. Новая власть, учитывая просчеты, решила воспользоваться общественным мнением, подготовленным сознательной трудовой массой, для чего заседание 6.11.29 г. было приурочено к 12-й годовщине Октябрьской революции, при содействии СВБ, приславшего своего активиста тов. Никитина. Все 245 чел. присутствовавших постановили просить Горсовет о скорейшем разрешении этого вопроса. Учитывая то, что в действительности община насчитывала не 3-4 старушки (как писала газета), а около 100 человек, необходимо было набрать ратующих за закрытие уж никак не меньшее количество, поэтому в тот же день еще 70 человек (во время обеда) поставили свои подписи под резолюцией о закрытии храма. Затем 12.11.29 г. в райсовет безбожников зав. ком. КГЖД направляет отчетную выписку из протокола и просит принять меры по закрытию Варваринской церкви. Продолжался сбор подписей за закрытие, и рабочие и служащие КГЖД дополнили прежний список еще 597 подписями. Общий список согласившихся закрыть церковь пополнился и списком учащихся школы первой ступени № 1.

Наступил 1930 год – последний год жизни в стенах родного и близкого сердцу

верующего человека храма. Вскоре после празднования Рождества Христова (16.01.30 г.) ТНКВД препроводил рассмотренные материалы по вопросу закрытия Варваринской церкви в Президиум ЦИК ТССР. Тот, в свою очередь, привычной штамповкой подобного рода постановлений договор с общиной расторгнул и церковь постановил закрыть с передачей зданий под клуб рабочих трампарка, не забыв при этом взять расписку с председателя правления общины в получении выписки из протокола заседания ТЦИК. Немногочисленные прихожане, сплоченные общей бедой, в едином молитвенном порыве обратились ко Господу, и Господь внял прошению – храм жил еще почти месяц. Невзирая на фактическое решение вопроса о закрытии храма, к желающим строить новый мир без Церкви примкнули военнотружачие авиаотряда, переслав четыре листа подписей уже 26.01.30 г. в райсовет СВБ. 7 февраля 1930 г. выдана справка НКВДом Варваринской религиозной общине в том, что она с 13.02.30 г. ликвидирована, и что «сие удостоверяется для предоставления в налоговое управление ТНКФ».³²

Объективно оценивая сложившуюся ситуацию, община решает просить административное управление НКВД Татреспублики предоставить при переходе в другой храм в бесплатное пользование некоторые вещи из имущества, находящегося в Варваринской церкви (всего 32 пункта). На очередное заявление общины по тому же адресу, только по поводу присоединения к общине Грузинской церкви, датированное 9 февраля 1930 г. наложена виза: «отказать».³³ Слиться с общиной Кладбищенской церкви было позволено. 15 февраля 1931 года общим собранием и церковные вещи, и община были приняты в общину церкви блг. кнн. Феодора, Давида и Константина, Ярославских чудотворцев.

В день назначенной ликвидации общины был составлен акт о принятии и зачислении имущества закрытой Варваринской церкви в Госфонд ТР, включавший в себя 131 пункт наименований (№ 128 – книг разных богослужебных до 20 пудов)».³⁴

Вот так буднично, в рабочем режиме был закрыт еще один храм первого благочиния кафедрального города, а настоятель вскоре был арестован и сослан.

Многократно менялся профиль использования культового здания. Поочередно в храме были: кинематограф, протезная мастерская, кафедра Казанского химико-технологического института. И только в конце 1994 года результатом усилий православных стало возвращение храма Русской Православной Церкви.

Варлаамовская церковь

В 1927 году настоятельство и председательство в приходском совете совмещал священник Иван Порфирьевич Тимерчинский. Под его управлением административно-хозяйственная жизнь прихода ничем не отличалась от сотен тысяч других приходов. Собственно, жизнь граждан видоизмененного государства оставляла желать лучшего, ведь едва хватало средств на содержание семьи, но и в таких условиях люди находили возможность финансово поддерживать свой храм.

Осенью 1929-го возник вопрос о присоединении прихода Московских чудотворцев, ликвидированного «для госпотребностей»,³⁵ и 94 чел. собравшихся решили принять людей, беспардонно лишенных храма, вместе со священником Дмитрием Царевским и с предоставлением места в исполнительном органе объединенной общины. Война,

объявленная Церкви, приносила свои плоды: 1 февраля 1930 года – дата выписки из протокола заседаний Президиума КазГорсовета об утверждении закрытии церковью в городе Казани по их «добровольному» слиянию. Собственно «слиять» предложено правящему архиерею по своему усмотрению (из семи под № 4 Варлаамовская). Решение таково: «постановление КГСa по ликвидации утвердить и использовать помещения рационально»³⁶ (что именно «добровольно» и «рационально» было в понимании большевиков, будет описано ниже). 4 февраля община подает заявление в административный отдел ТНКВД о разрешении собрания 9.02.30 г., на котором в присутствии 27 чел. было официально оформлено освобождение казначея и председателя приходского совета. Принимая во внимание тогдашние отношения государства и Церкви, становится вполне ясным и «болезненное состояние»³⁷ казначея Чижова, и «семейные обстоятельства»³⁸ председателя (выбранного 3,5 месяца назад) Минеевой. Состоявшееся собрание отблагодарило бывшего казначея Чижова за бесплатный труд, наскоро заполнив вакансии (чем обернется поспешность выбора в исполнительный орган, не подозревал никто). Массу сведений, описывающих приходскую жизнь, можно почерпнуть из прелюбопытнейшего документа – заявления Смоленско-Варлаамовской общины во ВЦИК. К моменту появления этой бумаги (т.е. к концу 1930 г.) звона уже нет, несмотря на отсутствие в этом районе фабрик, школ, заводов, закрыты Троицкая и Московская церкви. Вышеуказанные общины слились с Варлаамовской, которая соблюдает все условия договора.

Попытка отстоять храм во многом объясняет дальнейшие события. От имени общины было направлено письмо-жалоба во ВЦИК. Москва, несомненно, взялась за рассмотрение вопроса, не забыв при этом известить периферию о том, что до решения ВЦИК молитвенный дом остается в пользовании верующих.

Тем временем архиепископ Афанасий (тянувший с конкретным решением почти год) составил обобщенный документ на семь церковей о слиянии с другими общинами следующего содержания: «ввиду материальной несостоятельности некоторых религиозных общин и в целях поддержания и укрепления других, – ликвидируются следующие религиозные общины: ..., 4. Варлаамовская... переходит ... в Тихвинскую...».³⁹ Заключенные договоры подлежали расторжению со всеми вытекающими последствиями и были направлены в административный отдел ТНКВД. Последствия были весьма неприятными, ведь, зная о том, что вопрос о закрытии храма будет решаться во ВЦИКе, владыка и так не торопился с составлением заявления.

Несогласованность действий спровоцировала раскол. Недовольная решением архипастыря, одна часть общины обратилась в Казанское епархиальное управление о приеме в обновленчество. Инициатором такого поступка стал наспех выбранный (9.02.30 г.) исполнительный орган. Другая же часть подчинилась духовной власти.

Все перипетии захватили начало великого поста (1931 г.). На запрос НКВД о точном количестве прихожан 16.03.31 г. была составлена справка о том, что ни по количеству, ни по производственной сфере учета не ведется (многие колебались – либо обновленчество, либо староцерковничество, либо вообще отвернуться от

Церкви). Быстро, однако, сориентировавшись, обновленческая часть составила список «членов религиозной общины Смоленско-Варлаамовской церкви г. Казани»,⁴⁰ разбив по профессиям и происхождению 54 человека (37 домохозяек, служащих 2, рабочих 3, монахинь 4). Насколько этот список отражал действительность, определенно сказать невозможно.

Переписка ТЦИКа и ВЦИКа пополнилась и этим списком, с примечанием, что не желают слияния именно домохозяйки, а не рабочая религиозная масса. Ловко пользуясь расколом в общине, местные власти сочли заявление необоснованным, ходатайствуя оставить решение о слиянии в силе.

Обновленчество уже не пользовалось прежней благосклонностью властей, и, легко оправдавшись перед Москвой, председатель ТЦИКа Мратхузин рекомендует прокурору ТАССР церковную тройку – Брендину, Метелькова и Кознова – «привлечь к ответственности за предоставление ТЦИКу ложных сведений (имеется в виду упоминание в заявлении о том, что община в основном состоит из рабочих, когда список указал 37 домохозяек, рабочих только 3) и своим заявлением введение в заблуждение секретариата президиума ВЦИК».⁴¹

Староцерковная часть, смирившись с тем, что спасти храм от ликвидации уже ничто не поможет, положила на волю Божию, усердно говея (напомню – шел Великий пост). Чудны дела Господни – Великий пост объединил староцерковников и обновленцев. Вскоре община составляет два документа (13.03.31 г.): в одном просит ЦК ТССР отсрочить закрытие до 22 апреля, с целью встретить в родном храме праздник Пасхи и помянуть усопших на Радоницу; второй – список предметов имущества, которые желательно перенести в Тихвинскую церковь во временное пользование (всего 47 наименований). Оба подписаны обновленческим исполнительным органом.

Центр меж тем (переписка продолжалась) интересовался, каким образом намечено использовать здание церкви, есть ли проект переоборудования и имеются ли средства на его воплощение в жизнь, а также объявлено ли верующим о закрытии церкви. Дабы уложиться в поставленные секретарем президиума ВЦИК Воробьевым сроки в один день, 8.04.31 г., заседал КГС. На основе постановления этого заседания секретарь ТЦИК Зарипов рапортовал, что «здание закрытой бывшей Смоленско-Варлаамовской церкви ввиду его ветхости и соображений планировочного бюро ГКХ, постановлением КГС разбирается, и материал будет употреблен на новое строительство (это к вопросу о рациональном использовании здания церкви – прим.авт.), что же касается объявления постановления от 4.03. сего (1931) года, верующим о слиянии объявлено Казанским архиепископом».⁴² Желавшие слиться с другой общиной остатки Смоленско-Варлаамовской общины 7.04.31 г. перенесли просимые 47 предметов в Тихвинскую церковь, о чем и составили акт, представленный позже в ТЦИК за подписями принявших в опись имущества представителей Тихвинской общины. Пасху встречали уже в Тихвинской церкви.

Смоленско-Варлаамовская церковь была обновленческой до марта 1932 г., когда пришло ВЦИКовское утверждение постановления президиума ТЦИКа о ликвидации Смоленско-Варлаамовской церкви за подписью секретаря ВЦИК

Киселева. Рациональное использование на стройматериал привело к тому, что церковь разобрали, и, кроме мусорной кучи возле колхозного базара, уже больше ничего не напоминало о двухпрестольном храме.

Последний раз Варлаамовская община фигурировала в 1933 году только как составная часть Тихвинской общины, участвовавшая в пере выборах исполнительного органа и ревизионной комиссии объединенной общины.

Вознесенская церковь

В 1929 году 13 марта ТЦИК на своем заседании рассматривал параграфом 29-м заявление НКВДела о возможности закрытия Вознесенской церкви. Во исполнение этого рассмотрения ТНКВД предписал районной милиции проверить договор и наличие имущества церкви. Этим же днем (15.04.29 г.) был составлен акт по результатам проверки – несоответствий не найдено. В этой связи решили зайти с другой стороны – подготовить общественное мнение. И вот в сентябре месяце 29 числа состоялось на первый взгляд ничем не примечательное собрание членов ЖАКТа № 256, в первую очередь обсуждавших цели и задачи культпохода, для достижения которых постановили ликвидировать неграмотность, а вот во вторую – вопрос «о закрытии Вознесенской церкви». ⁴³ Председатель собрания Константинов доложил «о культурной революции и тормозящей роли церкви на пути движения культурного роста пролетариата». ⁴⁴ Секретарь Малышев подытожил: «со всей очевидностью ясно, что церковь была и есть одним из активнейших врагов рабочего класса на пути к социализму, и каждый рабочий и служащий, которому дороги завоевания Октября, был и будет непримиримым врагом церкви, религии и религиозных толкований, пусть попов и церковь защищают те, кто не испытал на себе их предательской работы, а пользовался ей для одурманивания масс, рука же пролетариата в защиту церкви никогда не подпишется». ⁴⁵ После столь пламенных речей несложно догадаться, каким было постановление собрания – просить Горсовет Вознесенскую церковь закрыть и передать ее ЖАКТу № 256 под клуб. Управление ЖАКТа активизировало антицерковную борьбу и 5.09.29г. направило протокол полуторамесячной давности с решением о закрытии Вознесенской церкви в ГорСовет, который, в свою очередь, практически не откладывая дело в долгий ящик, принял ходатайство к рассмотрению, сразу постановив с закрытием согласиться и передать вопрос Горчасти НКВД для окончательного разрешения перед ТЦИКом. Прежде чем вынести окончательное решение, ТЦИК запросил в НКВД материалы, заключив по его рассмотрению, что «предоставленный материал недостаточен для закрытия храма». ⁴⁶ Тучи над храмом несколько рассеялись, но ненадолго.

В наступившем 1930 году ЖАКТу № 256 объяснили, каким образом надо пополнить материал для гарантированного закрытия храма. В конце января ЖАКТ призывает рабочих и служащих коллектива безработных и швейников присоединиться к просьбе о закрытии Вознесенской церкви и передаче помещения под клуб домохозяек и детские ясли. А в феврале присоединились швейники и Татжилсоюз, а также местком при бирже труда объединенных безработных и вместе с ними 600 человек, работающих на производстве.

26 февраля 1930 года председатель управления ЖАКТа № 256 сделал запрос в

НКВД ТССР, желая получить ответ на «заявление о закрытии Вознесенской церкви и передаче таковой для культурных целей ЖАКТу». ⁴⁷ Днем позже Комиссия по делам музеев предложила решение вопроса ТЦИКу: «...учитывая ходатайство рабочих организаций о закрытии и принимая во внимание: а) что рядом с Вознесенской церковью находится другая, Николо-Вешняковская, которая вполне может обслужить и верующих Вознесенской церкви; б) что в Казани ощущается острый недостаток в помещениях под культурные учреждения, комиссия постановляет...». ⁴⁸ Что могла постановить комиссия, кроме того, чтобы договор расторгнуть и передать здание КГСу, с неременным соблюдением надлежащих статей постановлений ВЦИК и наблюдением за процессом представителей НКВД и КГСа?

7.03.30 г. ТЦИК, собственно, продублировал решение музейной комиссии, вызвав при этом протоиерея Троицкого, которому ничего не оставалось, как поставить свою подпись на обороте постановления в том, что копию выписки из постановления ТатЦИКа получил 19.03.30. На следующий день после получения клочка бумаги, на котором был отпечатан «смертный приговор», приходской совет просит НКВД разрешить «общее собрание на 23.03.30. для сообщения верующим о закрытии храма и обсудить вопрос о присоединении к другому храму». ⁴⁹ Присутствовавших на собрании было 88 человек, которые и постановили присоединиться к Николо-Вешняковской церкви (без принятия на себя ее долгов), о чем сообщить в НКВД, также просить перенести с собой «особо чтимые в приходе иконы: Корсунскую икону Б.М. (деревянную в медной обложке, не имеющей ценности); Знамения Б.М. (деревянную в парчовой ризе, не имеющей ценности); икону Вознесения (деревянную и без ризы); большой Крест (деревянный без ризы), и книги богослужебные: Апостол в переплете, Евангелие в медной обложке (не имеющей ценности) в 8 листа; Триодь постную 2 экз.; Триодь цветную 1 экз.» ⁵⁰ (список предоставлен 25 марта). Праздник Пасхи, и уж тем более престольный праздник в стенах родного храма встретить было уже не суждено никогда. Пустующей церковью простояла до 14 июня 1930-го, т.е. до тех пор, когда Президиум КГСа запросил Вознесенскую церковь (в ряду прочих) для разборки на стройматериал. ЦИК АТССР интересовало подробное заключение НКПроса (музейного отдела) и НКВД о возможности разборки шести церквей, среди которых числилась и Вознесенская. Академический центр ТНКПроса пытался сохранить две церкви – Ягодинскую и Вознесенскую, напоминая, что эти церкви принадлежат к числу охраняемых памятников второй категории (т.е. их надлежит использовать для утилитарных целей). По мнению Акадцентра, разборка Вознесенской церкви, из-за ее древности и малых размеров, «навряд ли даст ожидаемый экономический эффект», ⁵¹ и лучшим выходом из этой ситуации была бы передача ее общине взамен рядом стоящей Николо-Вешняковской. Пока решалась участь Вознесенского храма, стал проявляться активный интерес к Знаменскому, причем со стороны Казанского Гостеатра с целью размещения в нем декораций (заявление датировано 2.08.30). 4.08.30. на свет появляется докладная записка представителя отдела по делам музеев Корнилова для ТНКВД, в ней предлагается: «если община доселе существует», ⁵² вместо Знаменской церкви лучше «использовать

Ивановскую там же».⁵³

Но уже 15.08. НКВД ТР в лице т. Балужева предоставил в ведение Большого Театра именно Знаменскую, церковь.

Неудачная попытка оживить храм была предпринята общиной в октябре – собрание членов Вознесенской общины в количестве 59 человек постановило ходатайствовать об оставлении церкви до конца года по случаю задолженности за ремонт церкви за летний период. Общине отказали, и все, что было возможно, так это только собирать справки и подводить итоги с задолженностями по налогам и страховкам (этим заняты были конец октября – начало ноября). В двадцатых числах ноября был составлен акт приема-сдачи имущества Вознесенской церкви, в присутствии инспектора ГФ КгорФО тов. Эскина. Сдала представителем Правления Вознесенской религиозной общины Сметанина, принял представитель ТНКВД Балуев. Днем позже (т.е. 24 ноября 1930) был составлен и подписан теми же лицами еще один документ – акт передачи предметов в Николо-Вешняковскую церковь (список состоял из 33 пунктов).

Община продолжала собирать и предоставлять справки во все заинтересованные органы, в частности в Налоговое Управление ТНКФ. До сих пор существует пожелтевшая от времени узкая полоска бумаги с выбитым печатной машинкой текстом, гласящим, что Вознесенская религиозная община «согласно постановления Президиума ЦИКа ТР от 7.03.30, протокол № 32 от 21 ноября с.г., ликвидирована, что и удостоверяется...».⁵⁴ Список памятников истории второй категории помог простоять храму до февраля 1932 года, до тех пор, пока отдел Коммунального хозяйства КГСа не разрешил КоммунЖилСтрою на основании договоренности с ТатНарКомХозом «производить разборку бывшей церкви Вознесения»⁵⁵ для использования кирпича на надстройки бывших Никольских номеров, что, в общем-то, незамедлительно и сделали, при непосредственном участии Дома Печати. На сегодняшний день на месте храма стоят жилые дома «сталинской» постройки ярко-желтого цвета.

Воскресенская церковь

Нет необходимости заострять внимание на всех аспектах кампании по изъятию церковных ценностей, а также на чуть ли не ежегодном перезаключении договора на пользование храмом. Остановимся на том, что отличало Воскресенскую церковь от остальных. Осенью 1920-го впервые Воскресенский храм был освобожден от общины, и здание было занято Налоговым Управлением до 1926 года. Когда «надобность в помещении миновала»⁵⁶, хозотдел отдал ключи от церкви в ГПУ, которое вскоре снисходительно передало их общине.

Изменения начались в 1929 году, тогда традиционный крестный ход на озеро Кабан для водосвятия совместно с общиной Богоявления 19 января не состоялся, хотя и заблаговременно был заявлен. Аргументация отказа НКВД сводилась к тому, что совместный крестный ход будет «ввиду большого скопления тормозить движение по городу».⁵⁷

Далее в течение года была проведена соответствующая работа по выдумыванию причин для закрытия храма и дальнейшего «рационального» использования здания

храма. И к концу года Пленум КазГорСовета постановил: закрыть и передать под студенческий Дом Культуры бывший Воскресенский храм. Понимали, что один из необходимых шагов – это подготовка «общественного мнения», поэтому для этой цели был избран Тюрко-татарский рабочий факультет, который, в свою очередь, послушно исполнил поставленную задачу, сочинив преобъемное письмо в адрес КГСа уже на следующий день. Содержание письма сводилось к сетованию на то, что наряду с успехами, неудобно пользоваться залом сельхозинститута и лучше всего иметь свой, для каковой цели использовать помещение церкви Воскресения, тем более что колокольной этой церкви пользуются как пожарной вышкой и соседствует храм с Главсудом, НКЮ, НКЗдравом, Центральной горбидбиотеккой, общежитиями студентов рабфака и курсантов облпартшколы, и вообще частных домов в округе нет, и закрытие никак не воздействует на население «в смысле давления на религиозную совесть».⁵⁸ Позволю себе привести выдержку из письма, которая наиболее ярко характеризует отношение к Церкви вообще и к Воскресенской церкви в частности: «...на протяжении целого ряда лет в эту церковь искусственно организованными мерами стягивались богомольцы из других, даже отдаленных районов города. Здесь организуют частые архиерейские службы с предварительной рекламой; здесь пел хорошо подобранный церковный хор под руководством опытных регентов; приглашались голосистые дьякона; подбирались проповедники-ораторы. Во всяком случае, можно определенно сказать – церковь эта имеет назначение не для удовлетворения религиозных потребностей так называемых верующих, а скорее имеет характер выставочный, показательный, рекламный...».⁵⁹

Ставка на тюрко-татарский контингент, конечно, стала выигрышной, ведь неужели иноверные будут против закрытия православного храма? Но не останется не замеченным и тот факт, что из 800 рабфаковцев поставили свои подписи за закрытие чуть более половины учащихся.

Тема закрытия храма получила развитие и в следующем 1930 году, уже 14 января ТНКВД Управление АдмНадзора препроводило в Президиум ТЦИКа материалы по мелкооптовому закрытию трех церквей, среди которых фигурировала и Воскресенская церковь, поддержав постановление пленума КГСа (от 3.12.29) о передаче ее под СтудДомКультуры, ибо община «по натянутым данным включает в себя 119 человек, фактически – около 70».⁶⁰ Следовательно, таковое количество «легко может быть обслужено»⁶¹ близ находящимся Богоявленским храмом, да и мнение татрабфака ТНКВД вполне разделяет. Буквально через день заседал Президиум ТЦИКа и параграфом 18-м постановил: принимая во внимание..., учитывая ходатайства..., «договор, заключенный общиной верующих Воскресенской церкви г. Казани, расторгнуть и церковь закрыть, передав здание ее КГСу для использования под культурные учреждения студенчества г. Казани».⁶² Пункт второй стандартно определял исполнителя постановления и напоминал о соблюдении 44 ст. пост. ВЦИКа и СНК РСФСР от 8.04.29 (С.У. – 18 ст.166). Все это время в церкви, ощущая нависшую угрозу, все же служили и в Рождество Христово, и в Крещение, и в будни, желая вознести молитвы к Богу и запомнить место молитвенной улады. 26.01.30-го начальнику первого отдела милиции поступает

«предложение» – обязать явкой в НКВД через два дня представителя Воскресенской общины, что, конечно, и было сделано. В 11 часов 28 января 1930 г. для получения копии решения ТЦИКа о закрытии храма прибыл и.о. председателя общины, диакон этой церкви Иван Васильевич Грекулов, который и расписался в получении.

С шоковым состоянием община справилась довольно быстро. Уже на следующий день в ТатНКВД поступает заявление о разрешении взять с собой 20 икон разного размера, распятие, 4 иконы из иконостаса, некоторые облачения, воздухи и 4 подризника. К 8 февраля община обсудила и согласовала с Богоявленской общиной вопрос о присоединении к ней и подала заявление в НКВД об утверждении, заодно попросив еще 12 икон к заявленным ранее. 11 февраля в присутствии инспектора Госфонда, агента Налогового Управления, сотрудника НКВДдела, представителя Горсовета и председателя общины верующих Воскресенской церкви был составлен акт приемки-сдачи «имущества бывшей Воскресенской церкви».⁶³

В праздник Сретения Господня, который отмечали объединенной общиной, тем же самым сотрудником НКВДдела Балухевым в прошении перенести имущество (от 29 января) было отказано. «Культурным учреждением» студенчества г. Казани здание закрытой Воскресенской церкви так и не стало. 14-го апреля 1930 г. Президиум Горсовета просит разрешения ЦИКа ТР на разборку церквей, в том числе и Воскресенской. ТЦИК, в свою очередь, запросил заключения Музейного отдела НКП и НКВД к 25 июня. Пройдя со своим предложением все инстанции и, выждав положенный срок, 7 марта 1932 года Президиум Горсовета «предложил» начальнику конторы Комжилстроя «немедленно приступить к разборке церквей»⁶⁴ (среди упомянутых и Воскресенская), предупредив при этом, что означенные церкви должны быть разобраны в течение трех дней и что в противном случае этим займутся другие организации.

Осмотрев Воскресенскую церковь, заключили, что оба придела заняты ЦентрАрхивом (как видим, совсем не домом культуры студентов), а посему прежде необходимо помещение освободить, подыскав другое.

В последний день 1932 года совещанием представителей строящихся организаций при СНК ТР решено было передать Воскресенскую церковь под общежитие КоммунЖилСтроя. И все же общежитием церковь не стала (быть может, просто не успела) – сломали.

Георгиевская церковь

Во время зарождающейся обновленческой смуты Георгиевская община для духовного руководства избрала в 1923 году епископа Афанасия. На 9.08.23 г. религиозная община насчитывала 66 человек (сказался голод 1921 года). Крестный ход для освящения воды на озеро Кабан в Крещение Господне 1929 года был последним для 71 члена религиозной общины Георгиевской церкви. Запрос в НКВД на разрешение общего собрания 24 февраля удовлетворен не был, хотя и был подан заблаговременно и на нем планировалось обсуждать вопросы сугубо административно-хозяйственного плана. Такая «политика», имевшая целью посеять смятение в ряды общины, была поддержана и появлением комиссии ТатНКВД,

проверившей наличие имущества. Конечно, изъяны (особенно при поставленной цели) найдены были в два счета – в опись не были внесены несколько матерчатых пелен, в этом и усмотрели нарушение религиозной общиной договора. Попытки общины объяснить или хоть как-то оправдаться результатов не дали. Ведь если хотят закрыть храм, то неважно, что пелены настолько ветхи и грязны, что не могут быть потребны при богослужении, что «три пелены полуизношены, но будут приняты и будут записаны по извещении Комиссариата».⁶⁵

25 марта НКВД, Управление Адмнадзора, представило в Президиум ЦИК АТССР ходатайство, где указывалось на бесхозяйственное содержание богослужебного здания (отсутствие текущего ремонта, полов колокольни, лестницы, оштукатурки стен), на «не оприходование поступающих с граждан пожертвований».⁶⁶ усматривая в этом нарушение п.п. 1 и 5 договора, оно просило договор расторгнуть, церковь закрыть и снести, как мешающую уличному движению. Подлинное подписали: Вр. НКВД ТССР Мратхузин, Нач. упр. адмнадзора Апанасов, Зав. общ. отделом Таипов. Параллельно закрыли еще и синагогу 3.04.29 г.

8 мая был вызван председатель общины Курицын, который и расписался в том, что постановление ТЦИКа от 10-11.04 ему объявлено. Этим же днем было подано заявление на собрание для сообщения решения ТЦИКа о закрытии и сносе. Тов. Апанасов посчитал собрание лишним и от разрешения на его проведение счел нужным воздержаться «ввиду несоблюдения срока подачи заявлений».⁶⁷ К чему привело подобное воздержание, увидим позже. Община, в свою очередь, не сидела сложа руки и, наивно надеясь на то, что в Москве, узнав, не допустят храм снести, написала жалобу во ВЦИК 16 мая 1929 года, который, в свою очередь, принял обжалование, лишь приостановив действие постановления и оставив здание церкви в пользование верующих до окончательного решения вопроса.

Дабы соблюсти все формальности, приходской совет Георгиевской общины 17.05 довел до сведения Президиума ТЦИКа о подаче жалобы во ВЦИК. Совсем другими были действия властей – уже 24 мая представителями НКВД ТР, КазГорКомХоза, Госфонда ТНКФ, в присутствии председателя общины, казначея и настоятеля составили акт о приемке всего имущества, «переданного общине по договору»⁶⁸, во исполнение постановления Президиума ТЦИК от 10-11 апреля.

Ввиду столь наглого попрания законодательной процедуры со стороны власти безмолвствовавший доселе народ возмутился. Возмущение приобрело такие формы, что милиция едва удержала в руках ситуацию. После того как составили акт и запечатали Георгиевский храм, в течение двух часов на площади у храма стал собираться народ, преимущественно женщины (около двухсот человек). Милиция наблюдала. Люди, возмущенные закрытием храма, стали кричать: «советская власть закрывает церкви, а мечети не закрывает», «коммунистам этот номер не пройдет закрывать церкви», «умрем около церкви, закрывать ее не дадим».⁶⁹ Переодетые в штатские милиционеры выявляли кричавших и арестовывали их. Люди на площади не расходились до девяти часов вечера. Наряд конных милиционеров «предложил» разойтись, а около храма было поставлено три милиционерских поста. Итог трудов милиции таков: шесть человек задержано с оставлением под арестом, четверых до выяснения отпустили. А на следующий

день взяли под арест фотографа, инвалида второй группы Г.А. Репина, хотевшего сфотографировать храм. О всех вышеописанных событиях под грифом «сов. секретно» третий отдел милиции рапортовал Начальнику Милицейского Розыска ТР.

30 мая председатель приходской общины Курицын и еще 95 человек подписали заявление в ТЦИК о том, что поскольку нет ответа из ВЦИКа на жалобу, распорядиться «о снятии печатей с дверей Георгиевского храма и разрешить богослужения». ⁷⁰ И только 5 июня Президиум ЦИК ТР приостановил выполнение постановления до ВЦИКовского решения, но богослужения возобновить не дал. Далее началось великое бумажное дело: ВЦИК запросил все материалы, ТатЦИК поручил НКВД ТР подготовить затребованное, а он, в свою очередь, 22 июля произвел на свет докладную записку, из которой явствовало что: у церкви «исключительно неудачное расположение», ⁷¹ а это препятствует движению и «при наличии трамвайной линии является угрожающим ввиду постоянной возможности несчастных случаев, это же расположение опасно в пожарном отношении», ⁷² так как мешает пожарным частям; община не выполняет текущего ремонта и не приходит пожертвованные вещи; рядом находится Духосошестввенская церковь, и вообще «материал в не разобранном еще виде (т.е. храм) уже передан в Госфонд, а им КГСУ». ⁷³

А то, о чем просила община (т.е. разрешить богослужения), просто проигнорировали. Чтобы снять напряжение ожидания, община стала перебирать возможные варианты сохранения. Самый реальный – перебраться всей общиной в другую церковь, с этой целью велись успешные переговоры с Никольской Единоверческой общиной, которая согласилась предоставить один из своих храмов. По итогам переговоров Георгиевская община обратилась в НКВД ТР 7 августа с просьбой утвердить переход к единоверцам и разрешить взять с собой антиминсы, иконы, утварь, за подписью 43 человек. Хронология дальнейших событий: 16 августа – вызван председатель приходского совета, вероятно, для выяснения предмета переговоров; 25 октября – в присутствии надлежащих лиц составлен акт приема-сдачи всего имущества Георгиевской церкви (это мебель, облачения, лампы, ризы с икон, сосуды, колокола... всего 76 пунктов наименований); а 30 ноября община получила известие, что занять единоверческий храм никак нельзя, и все, что возможно – это слияние с Богоявленской общиной (разрешение на слияние дано в надежде скорого закрытия Богоявленского храма). Напомню, что ВЦИК к тому времени еще ничего не решил.

Находясь в такой ситуации, община просила разрешить собрание 4 декабря уже в Богоявленском храме для регистрации вновь организованного религиозного общества, подписания договора и описи. ТНКВД благосклонно разрешил.

Только 6 декабря Секретариат Председателя ВЦИК сообщил о решении – просьбу верующих отклонить, постановление ЦИК ТР вступает в законную силу, о чем объявить «заинтересованной группе верующих». ⁷⁴ Президиум ВЦИКа пожурил представителей местной власти за нарушение закона, т.к. закрытие было проведено до решения дела ВЦИКом. Подписал эту депешу лично М.И. Калинин.

Остатки общины в числе 42-х человек (в начале года их было 71) слились с общиной Богоявленского храма. В обобщенном списке действующих, разобранных

и закрытых церквей на 31 мая 1931 года в главе II, «Разобранные», под номером 4 упомянута Георгиевская церковь, как разобранный ТСО.

Улицу переименовали из Георгиевской в Свердлова, храм снесли, а трамвай ходит и сегодня, только ... по соседней улице.

Грузинская церковь

На 10 февраля 1927 г. община: течения староцерковного, число верующих 500, возглавляется епископами Афанасием (Малининым) и Варсонофием (Лузиным).

В мае 1929 года в общину Грузинской церкви обратилась община бывшего Феодоровского монастыря с просьбой о слиянии. По принятии положительного решения, приходской совет Грузинской церкви присоединился к ходатайству совета Феодоровской общины о возвращении Госфондом святых икон и церковной утвари с передачей оных в Грузинский храм. А 9 июня в НКВД был подан список служителей культа и членов их семей, принятых из бывшей Феодоровской в Грузинскую общину – это священник Преображенский с пятью иждивенцами и псаломщик Трусов с двумя. Ровно через месяц Управление Адмнадзора ТНКВД распорядилось, чтобы Госфонд ТНКФина передал Грузинской церкви по два комплекта облачений священнических и стихарей диаконских, «из имущества бывшего Феодоровского монастыря». ⁷⁵ Все запрошенное Госфонд отдал в Грузинскую церковь – это лампы, подсвечники, Евангелия, два антиминса, кресты, иконы, зимние рамы (всего 30 наименований). Среди икон, переданных в Грузинскую церковь, были: чудотворная Феодоровская икона Божией Матери, копия с нее, чтимый образ вмч. Феодора Стратилата, икона Святой Троицы, икона св. прор. Божия Илии, икона Б. М. «Троеручица» и местные иконы Казанской Божией Матери и Нерукотворного Спаса с их киотах. В ноябре все того же 1929 года община констатировала наличие 157 человек своих членов.

Февраль 1930 года начался с заседания Президиума КГС, на котором и утвердили закрытие церквей по их «добровольному» слиянию, однако предоставили возможность Грузинской общине приютить протоиерея Петрова и диакона Рождественского. В конце года община послала запрос в НКВД об оставлении икон, плащаницы, книг, напрестольных крестов, сосудов, кадила, Евангелия в случае «добровольного» слияния. Собственно «добровольно слить» все же предоставили правящему архиерею – архиепископу Афанасию, который 23 января передал в секретариат ТатЦИКа следующие соображения: «ввиду материальной несостоятельности, в целях поддержания и укрепления других, ликвидируются религиозные общины... 2. Грузинская... переходит в Петропавловский собор». ⁷⁶ Столь непопулярная, но необходимая мера верующими Грузинской церкви была воспринята с пониманием, и через день община заявила в ЦИК об оставлении за собой икон, подсвечников, сосудов и прочей церковной утвари (практически всего заявленного 25.12.30 г. в НКВД, даже меньше). Ровно через год Президиум КГС слушал заявление Казанского Епархиального Управления о закрытии церквей, постановив при этом полученную информацию принять к сведению и договоры с 1.02.31 г. считать расторгнутыми; ГорФО и Управлению нач. милиции активировать принятие церковного инвентаря; просьбы религиозных общин о передаче части

имущества в объединенные общины удовлетворить, с обязательным занесением в опись; «вопрос об использовании помещений оставить открытым до следующего заседания»; постановление утвердить в ТЦИКе, а также предложить ГКХ представить свои соображения о порядке использования зданий.

Акт передачи церковному совету Петропавловской общины советом Грузинской икон и церковной утвари включал в себя 44 пункта и был датирован 16-м февраля 1931 года. В тот же день объединенные общины Грузинская, бывшего Казанско-Богородицкого монастыря и Петропавловская просили разрешение на общее собрание 1 марта для избрания исполнительного органа, которое получили 20.02.31 г., с условием довести результаты до сведения административных органов. Но собрание состоялось тремя днями позже заявленной даты, причиной тому послужили организационные накладочки, которые все же не помешали выбрать и исполнительный орган, и ревизионную комиссию и кандидатов к ним.

Опустевшей и опечатанной церкви суждено было стоять довольно долго. 4 марта состоялось заседание Секретариата ТЦИК, где решалась дальнейшая судьба храма. Постановили: «на основании ходатайства закрыть и санкционировать, предложить КГС разработать проект по приспособлению зданий под культучреждения».⁷⁷

1932 года марта 9 дня предписано Президиумом КГСа Начальнику Конторы КомЖилСтроя в трехдневный срок разобрать в числе прочих и Грузинскую церковь.

Удивительно, но церковь не разобрали, и только в конце года о ней также в числе прочих вспомнили на совещании строящих организаций СНК ТР и решили предоставить выяснение возможного использования спецкомиссии. Здание использовалось как клуб ДКА (Дом культуры Армии – прим. авт.), а разобрал храм уже не КомЖилСтрой, а завод «Пишмаш» в 1933 году. Сегодня на этом месте стоит пятиэтажный жилой дом с районным почтовым отделением на первом этаже. Что здесь было прежде, можно узнать, только рассматривая старые открытки и фотографии.

Духосошестввенская церковь

Анализируя сложившуюся обстановку, Духосошестввенская община пришла к выводу, что надо осмотреть все имущество, что и было сделано – к ноябрю 1925 г. была составлена опись (939 пунктов, разбитых на 22 главы). Подписи поставили всего 63 человека. Предусмотрительно, с учетом «присоединительной политики» госструктур, также к 1.11.25г. община достигла соглашения с Трехсвятительской общиной и составила список (из 128 пунктов) вещей из описи Духосошестввенской церкви на предмет передачи их в Трех-святительскую, в случае присоединения на, так сказать, «добровольной» основе.

Духосошестввенская же община по состоянию на 1926 год – староцерковного течения, с количеством верующих в 1000 человек, возглавлялась епископом Афанасием. Прошло еще четыре года, за которые также ничего особенного не произошло, если не считать вошедших в жизнь атрибутов – травли священства, крупномасштабных антирелигиозных акций, издевательства безбожников. Именно одна из ячеек СВБ и стала инициатором собрания рабочих и служащих

фабрики им. Галактионова, на нем и приняли резолюцию: «...отмечая опасную агитацию попов и сектантских религиозных обществ, направленную против соц.строительства решительным образом, настаиваем на непременном закрытии церкви Сошествия... ...мы рабочие и служащие развернем с энтузицией (орфография сохранена) социалистическое соревнование без участия богов, устроим себе лучшую жизнь».⁷⁸ Данная резолюция была принята в канун рождественского сочельника. А в самый праздник Рождества Христова 1930 г. все тот же СВБ на собрании в акционерном обществе «Транспорт» постановил: «В период праздника «старого рождества» 7 и 8 января ни одного пропуска на работе».⁷⁹

12 января объединение кино и театров решило, что пока еще действующая церковь «Сошествия» вполне подходит под кино «Маяк», с чем и обратилось в ТЦИК, который, в свою очередь, препроводил это отношение в ТНКВД на заключение и для предоставления материалов, имея целью окончательно этот вопрос решить, заодно запросив материалы еще по трем церквям кроме Духосошестввенской.

Не лишенная христианского сострадания община предоставила полуподвал церкви под жилье монахиням и приютила одну «частную семью», что и послужило одной из причин закрытия храма, поскольку, по мнению ТатЦИКа, община имела себе серьезную прибыль, тем самым нарушая условия договора.

7-го марта 1930-го года Президиум ТЦИКа, заседаая, постановил ликвидировать церковь, продублировав решение комиссии по делам культов от 27 февраля и объявив решение 13 марта все того же 1930-го. Без промедления община адресует официальную жалобу во ВЦИК, по рассмотрении которой в Казань приходит предложение ВЦИКа от 9.06.30 г., адресованное Президиуму ЦИКа ТР: «до окончательного решения Москвы Духосошестввенскую церковь оставить в пользовании верующих».⁸⁰

Рассмотрение Президиума ВЦИКа 20-го февраля 1931 года отменило ликвидацию церкви с оставлением ее общине. В феврале-марте 1931-го по инициативе рабочих спиртоводочного завода, фабрик им. Галактионова и «Спартак», рабочих и служащих «Татлестреста» проводились собрания в цехах, на которых «настойчиво высказывались за закрытие данной церкви и использование помещения таковой под столовую и под культурное учреждение».⁸¹ Заполнили подписные листы общим счетом 1800 человек. ГорКомХоз направил 3.03.31 г. своего техника для осмотра помещения. Посланец тов. Митрофанов отнесся к поручению со всей ответственностью, обосновав личным мнением нижеследующее: «...по причине занятости полуподвала жильцами помещение приходит в большую ветхость, а колокольня отклонилась в сторону улицы и в случае падения она может повлечь за собой человеческие жертвы».⁸²

С учетом описанного технического мнения уже к 20-му апреля была составлена смета на переустройство помещения под кинотеатр, которую быстренько утвердили. В тот же день (т.е. 20-го апреля) Секретариат ТатЦИКа утвердил постановление КГСа о закрытии Духосошестввенской церкви, а общину известили через неделю, доведя до сведения информацию следующего порядка – в течение двух недель решение ТЦИКа можно обжаловать в Центре, чем исполнительный орган не

преминул воспользоваться.

Терпеливо прождав до 21 мая и не получив ответа, община потеряла надежду на благополучный исход, рассудив примерно так – в Москве и так дел много, поэтому не станут вторично вступаться за храм, да и жалоба скорее всего затерялась, ведь ответа-то нет, поэтому лучше всего воспользоваться договоренностью 6-летней давности и с имеющимся причтом (7 чел.) присоединиться к общине Трехсвятительской церкви, о чем в тот же день составила заявление в ЦИК ТССР, который, разумеется, беспрепятственно «желание» общины верующих удовлетворил.

А жалоба-то не затерялась и взята к рассмотрению, и в этой связи ВЦИК запрашивает материалы. Материалы выслали вместе со сметой на переустройство церкви под кинотеатр, сопровождая просьбой утвердить постановление от 20.04.31 г. о закрытии, напомнив, что церковь закрыта по настоятельному требованию рабочих и что, между прочим, предиспоргана, некто Недорезков И. И. в конце 1930 г. ГПУ ТР за контрреволюционное деяние выслан в Архангельск, поэтому закрытие церкви надо утвердить. Во избежание задержки решения в свою пользу ТатЦИК телеграфирует в Москву о слиянии, и 1-го июля 1931 г. актом за подписью уполномоченных лиц «бывшую Сошествия церковь» уже передали в ведение т/о «Восток-кино» под кинотеатр, с предоставлением права незамедлительного ремонта и переоборудования под к/театр, «с тем, чтобы в декадный срок открыть там стационарку легкого типа». ⁸³ Меж тем ВЦИКовская комиссия по вопросам культов 19 июня с пометкой «весьма срочно» запрещает начатое переоборудование и требует подробный доклад по делу с указанием виновных в невыполнении распоряжений Президиума ВЦИК, отдавая на все 15 дней.

Такого поворота ЦИК ТР не ожидал. Жалкие попытки оправдаться привели к полной неразберихе, в результате чего Президиум ВЦИК, точнее, комиссия по вопросам культов, дабы разобраться в сложившейся ситуации, 13-го 07.31 г. запросила список всех церквей г. Казани. Но и это не внесло ясности. Беспомощность периферии уже не раздражала Центр, а просто выводила из себя. Разуверившись в получении запрошенной конкретной информации от 13 июля, 21.02.32г. комиссия максимально упростила задачу Казани – нужно-то всего ответить на два ясно поставленных вопроса: «а) выполнено ли и когда постановление ВЦИК от 20.02.31 г. об оставлении Духосошестввенской церкви верующим и б) является ли Духосошестввенская церковь, о которой говорится в постановлении ТЦИКа 20.04.31 г. одной и той же церковью, которую имеет в виду постановление ТЦИКа от 7.03.30 г., отмененное Президиумом ВЦИКа 20.02.31 г., или же это совершенно другая церковь». ⁸⁴ Вот это у Секретариата ТЦИКа получилось успешнее (правда, 15 марта). Долгожданный ответ содержал в себе следующее: постановление от 20.04.31 г. объявлено своевременно; в Казани Духосошестввенская церковь одна и другой нет, в настоящий момент община слилась по добровольному согласию с другой. В качестве приложения был список церквей и мечетей г. Казани, затребованный еще восемь месяцев назад. На 26 сентября 1932 г. был вызван представитель НР РТ для присутствия на заседании культурной комиссии ВЦИКа при рассмотрении дел ликвидации Духовской и Никольской церквей г. Казани.

Командировать решили тов. Резяпова, но чтобы он «не ударил в грязь лицом», т. Бикеев набросал основные тезисы следующего содержания: 1) Духосошестввенская церковь в первый раз была закрыта 13.03.30 г.; 2) Церковь закрыта постановлением заседания секретариата от 20.04.31 г. по ходатайству рабочих в количестве 1800 чел. и здание передано под к/т «Восток-кино»; 3) 9.05.31 г. уполномоченные общины обжаловали пред ВЦИКом решение ТатЦИКа; 4) 21.05.31 г. община согласилась присоединиться к Трехсвятительской общине. 5) 20.02.31 г. Президиум ВЦИК отменяет постановление от 13.03.30 г. и церковь оставляет общине; 6) после доклада от 25.05.31 г. ВЦИК утвердил решение ТатЦИКа.

С очередным пересмотром обстоятельств порядком надоевшего Москве дела ВЦИК мелким оптом утвердил ликвидацию Духосошестввенской и Белокриницкой старообрядческой церковью 20 октября 1932 года и тем самым развязал руки для переоборудования помещения бывшей «церкви Сошествия».

На сегодняшний день с трудом угадывается в чередке зданий на улице Луковского Духосошестввенский храм – снаружи его украшают куклы, внутри фойе, гардероб, зрительный зал. Ведь до сих пор это Казанский городской кукольный театр.

Евдокиинская церковь

Из поданных в НКВД сведений о Евдокиинской общине узнаем, что она староцерковного течения с числом верующих 152 человека (пополнение произошло за счет притока крестьян, приехавших в город на развернувшуюся стройку), возглавляется епископом Афанасием (Малининым), договор на стадии утверждения, страховка есть, в планах на строительный сезон ремонт, краж не было, задолженностей по налогам нет, сторожка имеется. Этими несколькими строчками и характеризовалась богослужбная и финансовая жизнь общины 1927-го года.

Относительное благополучие в делах Евдокиинской общины было лишь внешним, ведь жизнь верующего человека не определяется только участием в общих собраниях, вместе с тем личностное определение своего места в Церкви является фундаментальным. 30-го ноября 1929 г. в НКВД поступило заявление Прохора Петровича Чистова об исключении его из списка общины и снятии с него всякой ответственности. Вероятнее всего, это был акт малодушия – грех, повлекший за собой разрыв не только и не столько с Евдокиинской общиной, сколько с РПЦ. По человеческим меркам, быть может, и можно понять этого несчастного человека, но по морально-нравственным это было, в первую очередь, предательством, а во вторую – соблазнительным примером, которому последовали член общины Яхонтова Юлия Николаевна, подавшая заявление в НКВД 16.12.29 г., в праздник Сретения Господня 1930 года, и член приходского совета Дорогова В., а 14.06.30 г. – уже и председатель прихода Добреньков Михаил Васильевич, «по болезни», что парализовало административно-хозяйственную сторону жизни Евдокиинской общины. «Болезнь» председателя имела совсем не физическую основу. Давление властей, активные действия представителей СВБ, полуголодное существование, ущемление в правах, финансовые затруднения, груз ответственности – это лишь малая часть искушений, которые предстояло пережить и перебороть верующим, и, как видим, не каждый был способен на такой подвиг. 1931 год начался с нововведения властей –

«трудгужповинности», суть которой заключалась в следующем: «нетрудовой элемент» должен отработать определенное властью количество «трудодней». Освободить от повинности могло только НКВД, да и то по своему усмотрению. Эта самая «трудгужповинность» была снята с правящего архиерея, благочинных и настоятелей некоторых церквей. В частности, 7 марта 1931 года освобождение от повинности получил настоятель протоиерей Борис Феодорович Филипповский, благодаря хлопотам канцелярии правящего архиерея (именно так именовался административный орган православной церкви тихоновской ориентации, у обновленцев – «Казанское Епархиальное Управление»). Невзирая на уход из общины малодушных, все же большая часть осталась верна Вселенскому Православию, и, по свидетельству ТатСовНарКома, на декабрь 1931 года в общине было 300 человек верующих, а юридически принадлежащих пять тысяч.

9 марта 1932 года Президиум КазГорСовета дает указание начальнику конторы КомЖилСтроя немедленно разобрать на кирпич для жилищного строительства семь церквей уже закрытых и «из числа подлежащих к закрытию»⁸⁵ (но еще действующих!) – церковь Евдокии и церковь Николо-Вешняковскую, за подписью зам.предгорсовета Муратова. Однако для соблюдения процедуры необходимо было общественное мнение, подготовкой которого и стало собрание на 1-ой пошивочной фабрике 20 марта. Рабочие массы заслушали доклад о «строительстве больших гигантов тяжелой индустрии г. Казани... для строительства которых нужно большое количество рабочих, а для них требуется жилплощадь».⁸⁶ Особо не мудрствуя, постановили просить Президиум КГСа закрыть церковь Евдокии в Засыпкине, т.е. попросили о том, что уже решено более недели тому назад, к этому же прошению присоединились днем позже рабочие и служащие фабрики «Пишмаш». В общей сложности подписались 196 человек.

В последний день марта 1932 года состоялось заседание Секретариата ТЦИК, где параграфом 71 слушали ходатайство КГСа от 23.03.32 г., фабрик 1-ой пошивочной и «Пишмаш» о закрытии церкви Евдокии и передачи на новое строительство. Ходатайствующих рабочих указано почему-то 387 человек (вероятнее всего, спешно добивались подписи, чтобы количественно перекрыть число верующих, а возможно, и просто приписка), тем не менее ходатайство удовлетворили, подтвердив «первое решение КГСа от марта месяца 1932 года»⁸⁷ и предоставив здание для использования под помещения ТОГПУ. Об этом было сообщено общине, но церковь на стройматериал не разобрали только благодаря такой организации, как ГПУ. Опять же, устроило местоположение храма.

Вновь обратили внимание на Евдокиинскую церковь на заседании представителей строящих организаций при СНК ТР 31.12.32 г., учитывая острый кризис жилплощади в Казани, и чтобы закрытие церквей и мечетей по территориальному расположению не отразилось на политико-моральном состоянии верующих, признали возможным закрытие пяти церквей, из которых под № 4 была Евдокиинская, но ... не решились оспорить «право использования церкви Евдокии за ГПУ»,⁸⁸ благодаря чему «скромный образчик провинциального зодчества типа восьмерика на четверике, удовлетворительной сохранности»,⁸⁹ отнесенный Акадцентром к III-й категории памятников, стоит до сего дня. После ГПУ в храме

была электроподстанция, но с 1998 года это вновь действующий храм.

Ильинская церковь

Летом 1929 года богослужebная и административно-хозяйственная жизнь текла довольно ровно, чего не скажешь об осени, в начале которой член приходского совета Архипов С.А. подал заявление об исключении его из списков общины. Такого рода заявления к этому времени перестали быть редкостью, ибо далеко не каждый мог остаться верным чадом Православной Церкви. Боязнь за свое будущее и будущее детей все же пересиливала, таким образом и отделялись зерна от плевел. В октябре состоялось общеприходское собрание, имевшее целью перерегистрацию общины, присутствовало на нем 28 человек, они и подписали договор на пользование храмом. С исторической точки зрения интересна опись имущества, входившая в пакет документов на пользование церковью, точнее, два последних пункта. Ибо они ярчайшим образом отражают положение Ильинской церкви в октябре 1929 года: «№ 62 каменная, крытая железом часовня, вход в которую наглухо заложен кирпичом для защиты от хулиганов; № 63 разрушенная в кирпичном фундаменте железная решетчатая ограда в каменных столбах с железными воротами... (в графе примечания: не может быть никакими средствами охранена от дальнейшего расхищения, и должна быть разобрана и снята при первом прикосновении хищников к каменным столбам...)».⁹⁰ Тут, как говорится, комментарии излишни.

Такое плачевное положение дел в приходе послужило формальным поводом для внесения Ильинской церкви в печально известный перечень церквей (из семи храмов) по решению Президиума КГС от 1.02.30г., подлежащих закрытию по их «добровольном» слиянии. Почти год это решение проводили по надлежащим инстанциям, а община в течение этого времени не подозревала ни о чем. На собрании 7.12.30 г. выбирался новый состав членов приходского совета вместо умершего председателя и отказниц – членов церковного совета, с последующим решением текущих дел. По прошествии этого временного отрезка общину все же уведомили о ликвидации. Замечу, что это известие община перенесла stoически и 19 декабря подала в НКВД ТР заявление об оставлении за общиной книг, икон, облачений, сосудов, купели... (всего 16 пунктов списка). Секретариат ТЦИКа не возражал, что и завизировал 20.01.31 г. Решая вопрос о ликвидации, ни КГС, ни ТатЦик не смогли усмотреть еще один немаловажный для общины аспект. Дело в том, что в церковной сторожке на арендных условиях проживал протоиерей Ильинской церкви о. Сергей Покровский, и с закрытием храма его автоматически лишали жилплощади – девяти кв.м. Пожилой человек фактически выставлялся на улицу без малейшего шанса зимой найти жилье. Его обращение в ТНКВД от 19.12.30 г. рассматривали пять дней и все же решили вопрос в пользу престарелого человека, кроме того, дозволили отцу настоятелю «хранить некоторые домашние вещи и предметы в церковной кладовой и продукты в церковном подвале».⁹¹

30 декабря в НКВД подано дополнение к заявлению от 19.12 с просьбой оставить за общиной еще 2 напрестольных креста, 2 Евангелия, 3 подсвечника погребальных и 2 венца. Разрешение 20 января 1931г. получили. Владыка Афанасий посчитал, что Ильинской общине лучше влиться совместно с Владимирской общиной в общину Успенского собора, что и засвидетельствовал предложением в Секретариат ТЦИКа

23.01.31 г. Практически в течение недели слияние завершилось, актом подтверждено перенесение имущества и утвари Ильинской церкви с разрешения Секретариата ТатЦИКа. Перечень включал в себя: антиминс, на престольные кресты, лампы, облачения, книги и т.п., всего 22 пункта.

Исполняя рутинную работу, Секретариат ТЦИК протоколом заседания от 4 марта 1931 года санкционировал закрытие семи церквей (в числе прочих за № 6 Ильинская) и совершил прочие юридические формальности для соблюдения «социалистической законности».

Последнее упоминание Ильинской церкви в переписке Секретариата ТЦИКа с комиссией по делам культов было 19.01.33 г., когда в Москву составлялось оправдание в том, что «сносов памятников и молитвенных зданий, состоявших на учете «сектора науки», не проводилось».⁹² Молитвенные здания Ильинской и Алексеевской церквей, имевших историческое значение, разобраны еще в 1929 году. Лукавили товарищи Насыров (пред. комиссии, секретарь ТЦИКа) и Гарипов (секретарь по делам культов), скрывали, что, нарушая постановление Центра, Ильинский храм снесли позже – в конце 1931 года. Именно таким образом «соблюдалась» социалистическая законность.

Кирилло-Мефодиевская церковь

Настало время и Кирилло-Мефодиевской общине определять течение своей православности – ибо «староцерковники» были всячески притесняемы властями, а «обновленцам» препятствий не чинилось практически ни в чем. Используемая государством политика «разделяй и властвуй» принесла свои плоды – восторженные «обновленцы», лояльные к власти, с ней и сотрудничали, как могли. Именно к таким и примкнула община Кирилло-Мефодиевской церкви в первой половине 1927 года. Приверженцы староцерковного течения разошлись по другим храмам, а из оставшихся прихожан многие так и не уяснили, что это за обновленчество такое, и просто ходили в тот храм, к которому привыкли с малолетства.

1928 года июня месяца 8 дня в административный отдел ТатНКВД поступило заявление служителя культа Кирилло-Мефодиевского религиозного общества диакона Николая Петрова об исключении его из списков и членов общины, и членов приходского совета, и служителей религиозного культа данной общины, ввиду отказа от службы. Уход диакона из Кирилло-Мефодиевской церкви ничего особенного из себя не представлял, в то время многие священнослужители меняли церковную службу на светскую. Но это только на первый взгляд. В сущности, это было объявление войны «обновленчеству» диаконом при поддержке многих прихожан. Своего рода битва планировалась на 7 часов вечера 4 июля, по официальной версии, «для обсуждения исключительно религиозных вопросов».⁹³ Собрание не состоялось по техническим причинам, в НКВД желали знать перечень вопросов, стоявших на повестке дня. «Воины» сошлись 12.07.28-го, участников «баталии» было 20 человек, «зрителей» – 38. Председательствовал на собрании диакон Петров. Объективности ради необходимо отметить, что эмоции изобиловали и, честно говоря, собрание свелось к обсуждению поведения и манеры управления церковью священника Катагощина. Постановление было более лаконичным – «иерея Катагощина от

настоятельства освободить, из списков общины исключить, супругу его за сплетни и бранное поведение из общины также исключить и исключить всех сторонников настоятеля. Временно вместо Катагощина просить заштатного священника Царевского Василия Ивановича, 70-летнего старца»⁹⁴ (кстати, Катагощину 79 лет, а диакону Петрову 42). Подписали протокол 37 человек. В противовес «староцерковному постановлению» обновленцы направили в ТНКВД объяснительное письмо 14.07.28 г., тон которого был много спокойнее, чем стиль «староцерковников». Позволю себе привести выдержки из этого письма: «...так называемые староцерковники, пользуясь всяким случаем к возобновлению своих попыток к переходу «на старое» (с чем, к слову сказать, у многих соединяются вожеления далеко не церковного характера)... собирают подписи под ходатайством об удалении настоятеля - сторонника обновления – о. Катагощинацерковный совет ставит в известность ТНКВД, что община твердо стоит на обновленческой платформе, имеет все признаки своей правоспособности, как-то: достаточное количество членов, причт, церковный совет, старосту, исправно платит налоги, не имеет долгов»⁹⁵ и пр., т.е. «вполне законное существование и правильное функционирование (при полной политической лояльности)».⁹⁶ НКВД принял это к сведению 17.07.28 г. Община в 111 чел. была в полном недоумении – староцерковники в лице диакона Петрова шли в народ, а обновленцы в лице о. Катагощина активно общались в властями. Политика «реформаторов» была более выигрышной, что и подтвердило собрание 17 июля при участии 25 человек, которые единогласно выбрали членов церковно-приходского совета обновленческого течения, формально заполнив все вакансии с предоставлением результатов в НКВД 22.07.28 г. В этом приходе обновленцы одержали победу. Удивляет вот что: чем же это так обидели «иерея Катагощина», что он, в почти 80-летнем возрасте, будучи православным с рождения, кроме того, из духовного сословия, решился на переход в обновленчество, вряд ли он был столь «прогрессивно-мыслящим» в таком-то возрасте (но это только предположение). В любом случае, обновленцам пришлось констатировать факт, что 15 человек отошло от общины с подачей письменного и устного заявлений. Традиции сильны постоянством, по этой причине община заявила о разрешении взять из Тихвинской церкви чудотворный образ на 9, 10, 11 сентября для совершения богослужения в общине и обнесения по домам желающих принять ее. На этот раз, невзирая на политическую лояльность, община получила отказ.

Шоковое состояние община пережила 4.11.29 г., т.к. член тройки Игнатий Ананьевич Михеев попросил его исключить не только из исполнительного органа, но и из прихожан. Кое-как смирились с потерей для общины Михеева, но вторичный «сеанс шоковой терапии» Кирилло-Мефодиевским обновленцам устроил Иван Алексеевич Феопемптов, 25.01.30 г. просивший НКВД исключить его из списков общины, «т.к. быть членом церковной общины вообще какой-либо церкви я не хочу»⁹⁷, – этим мотивировал свое решение 73-летний сын мещанина. Больше громких уходов из общины не было, люди, которым надоели склоки обновленцев, тихо переставали ходить в храм, тем более что госструктурами был развернут «идеологический фронт».

13.03.31 г. Казанское Епархиальное Управление запросило разрешение на

получение иконы Грузинской Божией Матери (из Раифской пустыни) для передачи ее Кирилло-Мефодиевской общине. Тов. Бикеев в тот же день разрешил. Так через председателя КЕУ митрополита Алексия (Баженова) попала чудотворная икона Божией Матери в Казань. Обновленцы торжествовали, но недолго, ибо, невзирая на политлояльность, СВБ активно проводил собрания с целью не только закрыть, но и сломать оптом три церкви, не особо стремясь количественно превысить число верующих.

Собирали по 20-30 человек, но чаще рабочих Казпресса, 1-ю и 4-ю бригаду ПСХ, 1-ю и 3-ю бригаду вооруженной охраны завода им. Вахитова, и уже 9 июня протоколом № 50 секретариат ЦИК ТР, заслушав ходатайства рабочих завода Вахитова и Казпресса, постановил: вышеупомянутое ходатайство «удовлетворить, церковь «Кирилло-Мефодия» закрыть с передачей для строительства СК-4»,⁹⁸ что вскоре и исполнили.

Последний раз о Кирилло-Мефодиевском храме упоминал председатель Казанского Митрополитанского Управления митрополит Иерофей (Померанцев) в контексте жалобы на малочисленность в городе обновленческих церквей, потому что три из пяти, в том числе и Кирилло-Мефодиевская, к 1934 году были закрыты и разобраны. И это последнее упоминание о храме с 40-летней историей существования.

Макарьевская церковь (в Адмиралтейской Слободе)

На следующий день после Сретения 1930 г. в Макарьевскую общину обратились представители Смоленско-Димитриевской общины с просьбой о слиянии, поскольку их храм закрывали. 23 февраля состоялось собрание, постановившее бедолаг, лишившихся храма, принять, а 25-го подали прошение в НКВД об утверждении слияния. Приняв их в братское общение с предоставлением места в исполнительном органе, общинники даже и не знали, что уже 2-го апреля ТЦИК прорабатывал в НКВД возможность закрытия самой Макарьевской церкви по ходатайству Президиума РайСовета от 16.03.30 г. Причем 9 апреля ТЦИК уже торопил НКВД с ответом. Но решение вопроса основательно «зависло».

Жизнь текла прежним порядком, но не столь ровно, как хотелось бы. Все «лишенцы» обязаны были отбывать «трудповинность». Поскольку к вышеупомянутой категории относились и священнослужители, то правящий архиепископ Афанасий (Малинин) обратился с ходатайством в ТЦИК об освобождении хотя бы настоятелей, в т.ч. и настоятеля Макарьевской церкви протоиерея П.И. Маргаритова. Справку об освобождении выдали 7.03.31г., а тремя днями позже его и арестовали. Немногим позже 22.03.31 г. Президиум РайСовета просит ТЦИК утвердить свое решение о закрытии Макарьевской церкви. ЦИК ТР с закрытием соглашается, «предложив всем заводским комитетам обсудить вопрос на широких заводских собраниях»,⁹⁹ а ранее закрытую церковь Макария (старую – их было две: старая и новая – прим. авт.) «передать Госпароходству под столовую».¹⁰⁰ Что тут началось! Собрания шли чередой: 23.03.31 г. на Кожзаводе (383 чел.), 25.03.31 г. на заводе «Серп и молот» (100 чел.), 31.03.31г. на 5-й пошивочной фабрике, 4.04.31 г. цеховые на Шорно-седельной фабрике (283 чел.), 4.04.31 г. на

заводе № 40 (385 чел.), 6.04.31 г. – грузчиков Устья Казань (200 чел.). Все подлинники Заречный Райсовет препроводил в Секретариат ТЦИК с неизменным решением: «церковь закрыть». 20.04.31 г. параграфом 7-м протокола № 7 ТЦИК желания утвердил с передачей здания под рабочую столовую водников и сезонных рабочих, затребовав от райсовета план использования, проект переоборудования, смету на переустройство, не упустив из поля зрения и то, что общине о ликвидации надо сообщить с упоминанием о двух недельном сроке обжалования. Исполнительный орган 24.05.31 подал во ВЦИК жалобу с просьбой к местным властям дать ей надлежащий ход, а до ответа ВЦИКа храм не закрывать. ТЦИК отреагировал вполне оперативно – дано было распоряжение составить докладную записку. Но главное не это, а то, что написано на обороте этого отношения: результаты переговоров с Госпароходством – отказ от переоборудования, ничего определенного в переговорах с Швейтрестом, т.е. решили закрыть, а как использовать – дальше никто и ответ дать не может! Более того, количество рабочих, проголосовавших за закрытие, было менее 1500 чел., а в жалобе в Москву было указано 4000 верующих. Не трудно догадаться, каким будет решение ВЦИКа. Дабы не провалить закрытие «очага мракобесия», Райсовет активно убеждал Швейтрест в необходимости использования церковного помещения под клуб швейников. Составив планы переоборудования и смету на работы, объединение швейной промышленности 10.07.31 г. запросило здание Макарьевской церкви, 19.07-го райсовет еще раз просит ТатЦИК храм закрыть.

Идет время, а райсовет 2-го января 1932 г. интересуется у ТЦИКа ответом Москвы, а 5-го ТЦИК свое решение отменяет из-за «недостаточного оформления материала».¹⁰¹ Разумеется, Райсовет удовлетвориться этим не мог и настойчиво принялся за «работу над ошибками». С 23 марта по 14 апреля прокатилась вторая волна собраний на заводах № 222 и № 40 за закрытие Макарьевской церкви. Отрадно вот что – не всегда решения о закрытии принимались «единогласно», находились люди голосовавшие против (2 человека) и воздержавшиеся (1 чел.). Понятно, что в более чем 500-х за они затерялись, но... Господь управил так, что Секретариат ТЦИК 26 мая 1932 г. постановил – в ходатайстве Пролетарского райсовета и рабочих завода № 40 от 7.04.32 отказать, церковь оставить в пользовании верующих.

20-го января 1936-го секретарь по вопросам культов Мустафин составил очень пространную записку о Макарьевской церкви, где отразил ошибки первой кампании по закрытию, назвав решение райсовета неграмотным и необоснованным, кроме того, заострил внимание на том, что райсовет не объявлял общине о двух-недельном сроке обжалования подобающим образом, а расклеил на стене храма и на углах ближайших домов объявления; высказал опасение, что, по его мнению, «настоятель Тимерчинский назначен духовным начальством в Макарьевскую церковь с целью усиления позиции активности религиозного объединения»; сделал и выводы: «вполне назрел вопрос о закрытии Макарьевской церкви и использования ее здания под культурные нужды».¹⁰² Далее ссылка на то, что в Казани семь открытых церквей, из них три находятся у тихоновцев (Петропавловский собор, Серафимовская церковь и Смоленская в слободе Восстания). «Ни в коем случае не повторять ошибок, допущенных при закрытии этой церкви в 1931-32 гг., привлечь

к ответственности настоятеля Тимерчинского и исполнительный орган как «ставших на контрреволюционный путь обмана государства... и сообщения явно ложных сведений».¹⁰³ На июнь 1936-го Тимерчинский еще не был арестован, т.к. фигурировал в представленных митрополитом Серафимом сведениях о Макарьевской церкви.

ТЦИК учёл прошлые ошибки и, что называется, зашел с другой стороны: 5.08.36 г. затребовал акт технического состояния храма, получив который, следующим днем, уже 10.08.36, обязал провести ремонт согласно акту (срок окончания работ назначен на 10-е сентября). Зная истинное положение дел, т.е. то, что проблематично приобрести материалы, а также недостаток рабочих сил, ТЦИК удовлетворил ходатайство общины от 8.09.36 г. о смещении срока окончания работ на 15 дней. Если задаться целью, то изъяны в работе можно найти, для чего и была Президиумом ТЦИКа направлена 11.10.36 г. техкомиссия для осмотра, актом которой зафиксировали несоответствие требованиям «акта осмотра техсостояния от 6.08.36 г.»¹⁰⁴ в результате чего получили формальный предлог расторгнуть договор, чем и воспользовались 14.10.36 г. На 17 октября были приглашены члены приходского совета в Культкомиссию, где и огласили «приговор».

Сообщение не стало громом среди ясного неба, однако оправдилось от известия только через неделю. 22.10.36 г. подали заявление в комиссию по вопросам культа при ТЦИКе о перенесении с собой вещей в Смоленскую церковь (ближайшая). Причт в полном составе, включая Тимерчинского, был переведен вместе с общиной в Смоленскую церковь определением митрополита Серафима 31.10.36 г. Закрытой церковь стояла не очень долго, ее запросил 13 ноября ЦСОсоавиахим и получил в свое распоряжение уже на следующий день, но с условием к 15 декабря переоборудовать помещение. Соблюдая все формальности, принявшая сторона (т.е. Смоленская община) составила акт о принятии вещей из Макарьевской церкви 16.11.36 г. Предваряя жалобу общины, Президиум ТЦИК доложил Президиуму ЦИК СССР о расторжении договора из-за нарушений условий оного.

21 мая 1937 года община попробовала жаловаться М.И. Калинину, но его служба переслала жалобу в Казань, тем все и кончилось. Последний раз упоминалось о вещах из Макарьевской церкви 15.05.39 г., да и то в связи с закрытием Смоленской церкви.

Матфеевская церковь

Для не слишком многочисленного матфеевского прихода революционные события были чем-то второстепенным, да и власть обратила внимание на кладбищенский храм едва ли не в самую последнюю очередь.

По состоянию на 1927-й год Матфеевская религиозная община зарегистрирована по адресу: 3-й район, Арское поле, Сибирский тракт 6, православная староцерковническая, насчитывает 360 верующих, возглавляется епископами Афонасием и Варсонофием, «хищений нет, сторожка в бесплатном пользовании согласно декрету с 29.04.25».¹⁰⁵

Поодаль от всех событий, как государственного, так и городского масштаба, Матфеевской церкви удалось простоять до января 1930 г. В самый день Рождества Христова командир 1-го Казанского стрелкового полка казанской строительной

дивизии не только «положил глаз» на Матфеевскую церковь, но и запросил ее в качестве строительного материала у НКВД.

Редкий случай, когда светские власти встали на сторону «интересов» военных. 9-го января ТЦИК срочно, согласно своему же секретному циркуляру за № 841/с от 25.07.29., запрашивает в НКВД возможность передачи в распоряжение полка деревянной церкви на Арском кладбище. А вот НКВД расторопностью не отличался, хотя добротный анализ материалов по Матфеевской церкви провел, но только 27 марта. Приведу это представление с небольшими сокращениями: «В Президиум ТЦИК. Препровождая при сем ходатайство 1-го Татарского Стрелкового полка, о передаче ему церкви на Арском кладбище, для разборки и постройки из ее материалов столовой для комсостава полка в лагере № 1 – ТНКВД уведомляет, что со своей стороны препятствий не усматривает»,¹⁰⁶ далее следует упоминание о малой вместимости, о 27 прихожанах, местожительство которых поблизости от Серафимовской церкви.

Так нависла угроза над самим существованием церкви. Дурные вести распространяются довольно быстро, и в этой связи, почувствовав неладное, настоятель Земляницкий и исполнительный орган общины обратились в ТатНКВД с просьбой утвердить представленную опись на случай закрытия храма и слияния с какой-либо другой общиной. Наркомат не возражал.

Давление на архиепископа Афанасия (Малинина) достигло своей цели, и в направленном в Секретариат ТЦИКа письме от 23.01.31 г. содержался перечень общин назначенных к ликвидации, в котором была упомянута и Матфеевская, «добровольно» сливавшаяся с кладбищенской. 1.02.31 г. Президиум КазГорСовета рассматривал заявление Епархиального Управления. Постановил не только принять к сведению информацию, но и договоры считать с этого дня расторгнутыми. Составить акты приемки имущества, разрешить перенести часть имущества с собой в принимающую общину вменяли в обязанность. Как использовать помещения, решили обсудить на следующем заседании, а все вышеперечисленное передали на утверждение ТЦИКа.

Прошло чуть более недели, и присоединившаяся к кладбищенской церкви Матфеевская община отчиталась перед Секретариатом ТЦИКа о свершившемся слиянии с перенесением разрешенного имущества. Требовалось документальное подтверждение акта слияния, с каковой целью 14.02.31 г. запросили разрешение на общее собрание. Это был последний раз, когда матфеевская община упоминалась как община, далее она стала одной из трех составных частей кладбищенской общины, наряду с Варваринской.

Только в марте Секретариат ТЦИКа санкционировал закрытие семи церквей, в числе которых и была Матфеевская. Тем же постановлением было предложено Горсовету разработать проект по приспособлению зданий под культурные учреждения.

В решении участи Матфеевской церкви вышла заминка – военным на стройматериал храм отдавать не стали, но долго не могли придумать, чем занять освободившуюся площадь. Лишь 21.10.31 г. на заседании фракции ВКП (б) Горсовета определились – церковь использовать под мастерскую гробов. Нет слов,

действительно культурное учреждение! Складом произведенной продукции Матфеевская церковь служила еще долгих шесть лет, после чего она была разобрана и использована как материал на стройках города.

Без малого четверть века кладбищенский храм служил людям поочередно местом тихой молитвы, мастерской гробов, складом все тех же гробов, напоминая о суетности мира, о скорбных обстоятельствах. Едва заметные очертания фундамента – это единственное, что сегодня осталось от Матфеевской церкви.

Михаило-Архангельская церковь

Течение Великого Поста 1931 года совершалось с должным благоговением и в ожидании пасхальных торжеств. На первый взгляд, только мелочи мешали полноценной церковной жизни общины, но это только при поверхностном взгляде. «Гром» должен был грянуть, его ждали ибо жизнь не могла так долго быть благополучной. В ожиданиях прошла весна, прошло и лето, а гром грянул только поздней осенью. Казгорсовет заседал 21.10.31 слушал параграф седьмой о рациональном использовании отобранных церквей и постановил: считать необходимым закрыть находящуюся «на территории соцгородка церковь Михаила Архангела»,¹⁰⁷ оставив решение вопроса об использовании за Горсоветом. Вот так фракция ВКП (б) КГС и разделила, что называется, «шкуру неубитого медведя».

Ничего не подозревавшая община говела в Рождественский пост, затем славил Рождшагося Христа, гражданский новый 1932 год, присутствовала в полном составе на великом водоосвящении в праздник Крещения Господня, а тем временем... Тем временем шла усиленная подготовка положительного решения о закрытии храма. Подготавливалась инициатива рабочих и служащих, для чего были проведены собрания, но в конце лета. Параллельность событий такова: община постится в преддверии Успения Пресвятыя Богородицы, а рабочие и служащие (54 чел.) СК-4, рабочие Энергостроя (52 чел.), даже вохровцы (57 чел.) проводят собрания с единственной целью – закрыть Архангельскую церковь. Однако по поводу дальнейшего использования во взглядах разошлись – СК-4 считало оптимальным решением разобрать на стройматериалы, а энергостроевцы и солидарные с ними вохровцы видели храм клубом «для культурного обслуживания».¹⁰⁸ Получив подписные листы, прежде всего Горсовет препроводил материал о закрытии Михало-Архангельской церкви с просьбой об утверждении постановления от 23.03.32г. в Секретариат ТЦИКа. Уполномоченный по делам культов был более чем лаконичен – закрыть. В принципе решенный вопрос, необходимо было провести по всем инстанциям с обязательным дополнением – подписными листами прошлогодних собраний. В общем, формально все было подготовлено должным порядком. Президиум КГС назначил заседание на 23.03.32., где слушали ходатайство рабочих о закрытии и разборке на стройматериал церкви Михаила Архангела, постановили: храм «закрыть и передать его на нужды строительства».¹⁰⁹ В ТЦИКе по поводу такого решения вопроса возражений не было, а поэтому заседание Секретариата ЦИК 31 марта продублировало решение КГС.

Церковь, конечно, закрыли, но на разбор передали лишь 31 декабря все того же 1932 года, а храм так и стоял опустевшим лето, осень, и зиму, не давая зажить

душевной ране в сердцах верующих людей. Сегодня есть только Архангельское кладбище, а где именно стояла церковь, даже из людей почтенного возраста помнят далеко не все.

Московских чудотворцев церковь

Весна 1929 года, точнее, конец ее последнего месяца, была горячей порой для заседаний Президиума 14-го созыва КазГорСовета. В рабочем порядке решалась масса вопросов, среди них 30 мая в категории «разные» было постановлено «возбудить ходатайство перед Президиумом ТатЦИКа о закрытии церковью Московских чудотворцев и Николо – Низской».¹¹⁰ Таким образом, появилась на небосклоне Московской церкви первая тучка, которая довольно быстро увеличивалась в размерах. В 20-х числах июня ходатайство КГС прошло надлежащие инстанции – согласование в НКВД и рассмотрение в ТЦИКе, а уже 26 июня для вручения представителю общины была заготовлена выписка из протокола № 4 заседания Президиума ЦИК Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов Татарской Соц. Сов. Республики, где в пункте 33-м, принимая во внимание: во-первых, неуплату ренты и налогов; во-вторых, наличие других церквей для удовлетворения религиозных потребностей; в-третьих, недостаток строительных материалов, постановили – договор на пользование храмом расторгнуть, церковь закрыть, здание снести, а на месте храма разбить сквер, вопрос реализации стройматериала между собой согласовать КГСу с НКФинком, а наблюдать за исполнением будет НКВД. Выписку вручили адресату, ознакомившему в свою очередь с ее содержанием приходской совет. А он своевременно известил отдел иностранных и церковных дел НарКомата Внутренних Дел ТСССР об обжаловании постановления во ВЦИКе.

ЦИК ТР держал под контролем дело церкви Московских чудотворцев, а КГС меж тем на следующий день постановил, будучи твердо уверен в несомненном закрытии храма, сразу по закрытии приступить к разборке церкви, «согласовав с комсекцией вопрос об использовании освобождающейся площади под зеленую зону».¹¹¹

10-го августа Госакадемия Истории Материальной Культуры уведомила, что церковь Московских чудотворцев представляет интерес с архитектурной стороны, по этой причине уничтожение церкви хотя бы на год следует отложить, сохранив ее «до полного изучения».¹¹²

Уверенность КазГорСовета в закрытии храма несколько поколебалась 26-го августа, т.к. в этот день ВЦИК запросил доклад и исчерпывающие данные, с изложением плана использования здания, проекта переустройства и обозначения суммы на эту затею (причем ограничение во времени составило календарный месяц), распорядившись оставить здание верующим до решения дела ВЦИКом.

Течение Успенского поста, празднование Успения Пресвятой Богородицы община совершала в своем храме. В день отдания праздника, т.е. 5.09.29, ТЦИК перепоручает НКВД ТР сбор тех самых исчерпывающих данных по делу «Московских чудотворцев». На следующий день была готова справка с комментарием о необходимости и рациональности закрытия и экономическим

обоснованием (задолженность составила 293,75 руб.). Вся документация была отправлена в центр, где вершители судеб утвердили приговор Московской церкви. Вслед за этим в Казани процедурный аспект был соблюден неукоснительно. В этой печальной череде событий радовало только то, что престольный праздник 1929 года верующие все-таки встречали в своем родном храме. Окончательно община распрощалась с храмом в середине октября. Собранием представителей от ТатНКВД, ТНКФина, религиозной общины (от КГСа зачинщиков закрытия не было никого) 15.10.29. был составлен и подписан акт передачи имущества церкви для реализации Госфондом. Перечень, прилагаемый к акту, состоял из 66 наименований, в их числе железного лома 15 пудов, а колоколов не числится. Через пять дней произошло слияние Московской общины вместе с причтом со Смоленско-Варлаамовской, предоставившей место и в исполнительном органе. Лишив здания общину, НКВД формально завершил дело. Под грифом «секретно» 26.11.29-го составлено сообщение в Президиум ТЦИКа по двум церквям (Московской и Николо-Низской), Кафедральному собору и Спасо-Преображенскому монастырю. В частности, о храме «Московских чудотворцев» говорится следующее: «к закрытию церкви никаких возражений не встречается» и «мнение Президиума КГСа... ..совершенно рационально и своевременно».¹¹³

Прошел месяц, и пустовавшая церковь привлекла внимание строителей валяно-обувной фабрики Татпромстроя. Именно они, собравшись 12 января 1930 года в количестве 25 человек, заслушали доклад тов. Алексеева о классово-враждебном отношении церкви к пролетариату. Для полноты картины приведу выдержку из этого «доклада»: «...колокола-побрякушки религии продолжают звонить даже на 13-м году Октябрьской революции. Пора покончить с этим пережитком старины. Наш лозунг «Долой церкви, долой колокола. Даешь фабрики и машины. Даешь колхозы и тракторы».¹¹⁴ Неудивительно, что решением собрания стало требование передачи культового здания под школу фабзавуч союза строителей.

Случайно обнаруженные в канцелярии ТЦИКа бумаги, присланные Госакадемией Истории материальной культуры НКПроса РСФСР, дополненные отделом по делам музеев при ТатНарКомПросе, были переправлены в ТНКВД на заключение. Ознакомившись с сим заключением, орготдел ЦИКа ТР решил повременить с уничтожением церкви и занять ее вовсе не школой фабзавуча, как того просили строители, а складом Союзхлеба. Это отсрочило исполнение приговора, вынесенную архитектурному памятнику «провинциальных форм, подражающих «столичному» барокко первой половины XVIII века».¹¹⁵ 3.03.31. община, будучи в составе Смоленско-Варлаамовской, заявила во ВЦИК о несогласии по поводу закрытия уже собственно Варлаамовской церкви. На храм предъявляли свои притязания (в качестве одного из вариантов) евангельские христиане. Единственной отрадой для бывших прихожан было то, что храм был все еще цел, а простоял он до весны 1932 года.

9.03.32. зам. пред. КГСа предложил начальнику конторы КЖСтроя «немедленно приступить к разбору»¹¹⁶ нескольких церквей, в числе прочих под № 7 церкви «Московских чудотворцев», но, учитывая то, что она еще занята Союзхлебом, начать разбирать с колокольни, а арендаторам «срочно очистить указанную

церковь».¹¹⁷ Коммунистской церковью начал работы именно с колокольни, однако не столь активно, как хотелось бы КазГорСовету. Поэтому 31 декабря 1932 года право разбирать перешло к СК.

Год 1933-й – год окончательного разрушения храма, но удивительно то, что колокольня до сего дня стоит на своем месте, хотя сохранность оставляет желать лучшего. Упоминание об общине последний раз промелькнуло в обвинениях обновленцами тихоновского духовенства, датированных февралем 1935-го, других документальных свидетельств не сохранилось.

Долгое время в «службах» (они, кстати, тоже сохранились) располагался детский сад, но в сентябре 2000 года все, что осталось от церкви Московских чудотворцев, было передано под дворье Раифского монастыря. Сейчас идет активное строительство храма на месте прежнего.

Николо-Вешняковская церковь

От попыток, а тем более случаев краж Бог миловал, не числилось за общиной и задолженностей. В постреволюционной истории приходской жизни Николо-Вешняковской церкви была одна интересная особенность: кроме штатного священника – протоиерея Владимира Михайловича Крестникова (с 32-летним стажем непорочного служения церкви), к Николо-Вешняковской церкви были причислены служители культа закрытого Ивановского монастыря, отнятого в конце 1926 – начале 1927-го у «тихоновцев» и переданного обновленцам. В список служителей культа входили в качестве приписных епископ Андроник (Богословский) (он преставился в 1927-м будучи 83-х лет от роду), три иеромонаха и иеродиакон.

Первая половина 1929-го лишь усугубила и без того тяжелое финансовое положение общины – долг составил 671 руб. 99 коп. Для нищего прихода сумма немалая, хуже всего то, что денег взять негде!

15-го августа в НКВД пришел запрос СоцСтраха ТатССР о предоставлении списка адресов членов Николо-Вешняковской общины для принятия принудительных мер к взысканию суммы долга, ввиду добровольного отказа общины от погашения задолженности.

В экстренных условиях проявляется либо слабость человеческая, граничащая с малодушием, либо крепость, мобилизующая на подвиг. В этот раз четкие очертания приняла, к сожалению, слабость. Подтверждением тому является череда заявлений в религиозный отдел НКВД об исключении, как из членов приходского совета, так и из членов общины вообще.

Глядя на то, как рушится сообщество людей, объединенных верой, таинствами и иерархией, в рамках родного прихода, 31 августа заявление пишет и настоятель Крестников, ссылаясь на болезненное состояние, и передает «распорядок в ведение тройки, каковую община должна избрать из своей среды».¹¹⁸

Оставшийся член приходского совета Кремкова сложила с себя обязанности 2.09. о чем известила НКВД. То самое собрание, о котором упоминал священник Крестников, состоялось только 10 ноября, на нем 25 человек выбрали новую «тройку исполнительного органа»¹¹⁹ – так стал именоваться приходской совет. Община пользовалась услугами «не заполняющих штатные места, до приискания места

временно находящихся при Николо-Вешняковской церкви»¹²⁰ иеромонахов.

В конце февраля 1930 года НКВД обратил внимание на Николо-Вешняковскую церковь, как могущую обслужить верующих Вознесенской церкви, поскольку она была расположена через дом от закрываемой. В марте того же года Вознесенская община проработала возможность влиться в Николо-Вешняковскую с условием – без принятия на себя ее долгов. Так проходил Великий Пост. Во вторник шестой седмицы состоялось заседание исполнительного органа. На повестке стоял актуальный вопрос о замещении свободной должности настоятеля, вместе с тем имели место суждения о бывшем настоятеле и его сослужителе – иеромонахе Максиме. В ходе выборов на настоятельское место остановились на кандидатуре архимандрита Палладия (Шерстенникова), давшего свое согласие, при условии сослужения протоиерея Крестникова и иеромонаха Максима (Комлина). Пасха этого года была 20 апреля, и радость Праздника праздников переполняла сердца, отдаляя всякого рода заботы, не оставляя места для печали.

Еще до Троицы, а именно 3.06.30 г. 19 человек собрались для довыборов исполнительного органа и, главное, для изыскания средств на ремонт тротуаров около храма и уплату налогов. Было от чего «схватиться за голову», ибо подотдел благоустройства Управления Коммунального Хозяйства принял решение от 12 мая 1930г. за № Б-67-12 «об асфальтировании тротуаров на территории храмов»,¹²¹ о чем известив, поставил в тупик прихожан. Надежды возлагались на добровольный сбор и специальный сбор в храме во время богослужений, однако... Однако по тому же вопросу (изыскания средств) пришлось собраться повторно – 15 июня, но и это не помогло – ну где взять полугодным людям средства на уплату налогов, даже радея всей душой за храм? Все усилия отстоять храм Воскресенской общиной успехом не увенчались, поэтому поздней осенью слияние с Николо-Вешняковской общиной совершилось и было подытожено актом от 24 ноября 1930 г., согласно которому при слиянии в Николо-Вешняковскую церковь переданы для пользования предметы (33 пункта прилагаемого списка, закрепленного соответствующими подписями). В последний день уходящего года в НКВД было подано заявление от Николо-Ляпуновской церкви, в нем оговаривалось слияние с Вешняковской общиной в случае закрытия Николо-Ляпуновского храма.

Год 1931-й. Январь. 20-е число. Секретариат ТЦИКа штампует разрешения на слияния, как Ильинской, так и Николо-Ляпуновской церквей. Через 9 дней в Секретариат подан список, согласно которому впоследствии (опять же с разрешения от 30.01.1931 г.) тройка Николо-Вешняковской церкви приняла вещи от вливающейся общины. 2-го февраля всю документацию вернули в Секретариат, который три дня спустя и приобщил оную к личному делу Николо-Вешняковской общины. А вот в эти-то три дня обнаружили несоответствие списку, за которое пришлось оправдываться перед Горсоветом. Собственно оправдание составлял уже новый настоятель Николо-Вешняковского храма протоиерей Белокуров (бывший настоятель Николо-Вешняковской церкви архимандрит Палладий шел по этапу). К концу года активизировалась антирелигиозная работа в отношении Николо-Вешняковской церкви. 14 декабря 1931 года состоялось ничем не выделявшееся в череде прочих заседание рабочих строителей. Такие собрания проводились

десятками, и это только в масштабах района, а в масштабах города, республики количество увеличивалось на несколько порядков. Так вот на вышеупомянутом собрании рассматривались всего три пункта, но каких! Во-первых, слушался доклад областного инструктора В. Петрова на тему «что такое физкультура?»; во-вторых, доклад активиста СВБ «о религии»; и наконец, в-третьих, вопрос... «о закрытии Николо-Вешняковской церкви».¹²² Вопрос о том, чем занять здание, не стоял: конечно, домом физкультуры для союза строителей и древоотделочников. Несложно догадаться, что решение 235 человек было единогласным. Днем позже состоялось собрание рабочих строителей шести группомов, посвященное антирелигиозной кампании. 355 присутствовавших внимательно прослушали доклад представителя ЦС СВБ, лектора-химика тов. Кратера о религиозных чудесах, после чего поразмышляли «о Центральном Доме Физкультуры для рабочих строителей»¹²³ (помогал мыслить все тот же инструктор Петров). Резолюция такова: «организовать ячейки СВБ и просить проведения аналогичных докладов»¹²⁴ и требовать освобождения под Центральный Дом Физкультуры церковь Николо-Вешняковскую, «для проведения военной и физкультурно-оздоровительной работы».¹²⁵

Ровно через неделю ФЗУ Пушносиндиката собирает 420 человек и ставит перед ними два вопроса; председательствует тов. Гизатуллин, слушают доклад человека неумной энергии (физкультурника-инструктора областного уровня) Петрова «о физкультуре» и о закрытии церкви Николо-Вешняковской. Постановление опять принято единогласно: «организовать кружок физкультуры»¹²⁶ и развернуть массовую работу, закрыть церковь, передать ее под Центральный Дом ФК. Через день к этой резолюции присоединится 137 человек, а 25 декабря – еще 175 человек, параллельно с ними дает свое согласие на закрытие Президиум КГСа. Закончилась физкультурная эпопея собранием 158-ми представителей меховой фабрики № 3, ОМКУЗа красильного цеха, желавшими быть физически культурными, и именно в стенах Николо-Вешняковской церкви.

Кампания проводилась с размахом, с привлечением «широких масс» рабочих и комсомольцев. В начале февраля 1932 года ТатЦИК слушал ходатайство КГСа от 1.02.32 г. «о закрытии Николо-Вешняковской церкви, находящейся на Банковской (ныне М. Джалия) улице города Казани»,¹²⁷ обильно сдобренное штампованными резолюциями собраний: меховой фабрики № 3 «ОМКУЗ», «ОМКУЗ» красильного цеха, фабрики «Татваленки», фабрики «Спартак», «ТатСоюзТранса», рабочих строителей, охранников «ОМКУЗа», школы «СтройУча», рабочих строителей группы Лесосплава, школы ФЗУ КазМехКомбината, ФЗУ Пушносиндиката, меховых фабрик № 1 и № 2. Итог – 2085 подписей «за закрытие». Прошла неделя, и уже Совет Профсоюзов настоятельно просит ТЦИК отвести Николо-Вешняковскую церковь под ЦД ФК, замечая при этом, что средства на ремонт и оборудование помещения запроектированы и отпущены (напомню, что церковь еще не закрыта). 21-го февраля ответственный секретарь ГСФК Павлов просит секретариат ТЦИКа не отказать в передаче церкви под Центральный Дом ФК. 4-го марта ТЦИК на заседании Секретариата протоколом № 38, заслушав ходатайства рабочих союзов, постановил: «Постановление КазГорСовета утвердить, церковь закрыть и использовать под Центральный Дом ФК, но при этом в точности соблюсти

требования инструкции Постоянной Комиссии по делам Культов при ВЦИКе». ¹²⁸ Страстному желанию заняться физкультурой не суждено было сбыться. 9-го марта (всего через пять дней) Президиум КГСа предложил начальнику конторы «Комжилстроя» для разбора в паре с Евдокиинской церковью и Николо-Вешняковскую. По кирпичу до самого основания церковь разобрали к 1933-му году.

Сегодня место Николо-Вешняковской церкви занимает «сталинка» грязно-зеленого цвета с магазинами на первом этаже. И ничто уже не намекает даже любопытствующему взгляду, что здесь в течение 80 лет стояло «культовое здание».

Николо-Ляпуновская церковь

1929 года августа месяца, дня 25-го Совет общины Николо-Ляпуновской церкви рассматривал желание членов закрытой Николо-Низской церкви присоединиться, попросив НКВД дать разрешение на собрание для выбора административного органа по управлению объединенной общиной.

Влившаяся община принесла с собой серьезное «приданое». В список имущества входили: престол, жертвенник, плащаницы, книги, хоругви, аналои, иконы, о чем доведено до сведения НКВД 21.10.29 г.

Наступил 1930-й. Первого числа последнего месяца зимы состоялось заседание Президиума Казанского Городского Совета, где постановили рационально использовать помещения церковей (перечень включал в себя монастырь и семь церковей, под № 5 шла Николо-Ляпуновская церковь). Община жила обычной приходской жизнью, абсолютно не подозревая, что участь её уже решена каким-то протоколом № 6.

В последний день декабря 1930 года, учитывая свое положение и разговор с епископом Афанасием (Малининым), община принимает важное для себя решение – слиться с Николо-Вешняковской общиной, как ближайшей к своему храму, с перенесением (разумеется, с разрешения НКВД) с собой храмовых святынь.

Владел реальной ситуацией владыка Афанасий, который вскоре после Крещения Господня 1931 года, а именно, 23 января направил в Секретариат ТатЦИКа письмо, содержавшее схему объединения закрываемых общин с могущими их принять. Тяжело далось решение, но объективные и субъективные условия вносили свои коррективы. Неприязнь властей, подогреваемая обновленцами, мощная антирелигиозная пропаганда – лишь малая толика из описания положения дел. Архипастырь одобрил решение прихода и благословил переход в Николо-Вешняковскую.

Механизм был запущен, и 2-го февраля на свет появился «акт передачи имущества Николо-Ляпуновской церкви общине Николо-Вешняковской». ¹²⁹ Сосуды, кресты, кадила, подсвечники, хоругви, плащаницы, ковры, облачения, покровцы, пелены, платы, завесы, книги, иконы, мебель – все это переместили в течение дня. Накануне суетились чиновники КГСа, чтобы документация была в полном соответствии с требованиями и нормами. 5-го марта зав. канцелярией Горсовета Максимов заверил выписку из протокола заседания Президиума КГСа о расторжении договоров, об удовлетворении просьб общин о части оставшегося имущества, о переносе вопроса использования освободившихся помещений на

следующее заседание, о предоставлении решения на утверждение ТЦИКа. Пока ТЦИК рассматривал и утверждал решение, представитель Госфонда при Горсовете «изваял» памятник бюрократизму, лишенный здравого смысла. Позволю себе привести текст с небольшими сокращениями: «Акт 1931 г. марта 8 дня. Настоящий акт составлен комиссией о приемке имущества Николо-Ляпуновской г. Казани в составе следующих лиц (далее фамилии и занимаемые должности)... в том, что при приемке имущества старой Николо-Ляпуновской церкви самое здание вследствие ветхости разрушается и грозит падением... при изъятии иконостасов, чтобы были приняты соответствующие меры предосторожности. При осмотре оказалось следующее: два иконостаса, 18 шт. разных подсвечников металлических, старый битый колокол весом 3 пуда 35 фунтов, чугунный столб от крыльца с кронштейнами. (Далее «верх совершенства» лексики и логики). Все означенное имущество, кроме столба, находится в храме и запломбировано».¹³⁰

Разрешив взять некоторые вещи при переходе в Николо-Вешняковскую церковь, горсоветские чиновники выявили несоответствие со списком некоторых вещей, кои начальствующие повелели списать за ветхостью. В день рождения вождя пролетариата (22 апреля) казанская община евангельских христиан «положила глаз» на Николо-Ляпуновскую церковь как на возможное место для своих собраний, однако храм передан не был. До начала лета церковь так и пустовала, пока НКВДешники, преобразованные в ТатОГПУ, не собрались заняться строительством жилья. Для этой цели решили использовать кирпич Николо-Ляпуновской церкви. Фракция ВКП(б) Президиума КазГорСовета 7.06.31. постановила, заслушав ходатайство, «разрешить» церковь разобрать для использования в качестве строительного материала для дома чекистов. Было бы крайне удивительно, если бы не разрешили! (Кто рискнул бы связаться с Республиканским ОГПУ?). Дом чекиста стоит и по сию пору – построен добротнo. А вот от Николо-Ляпуновской церкви остался лишь адрес: ул. Баумана, 18...

Так делалась история...

Николо-Низская (Магистратская) церковь

Как требовала того политика, инициатива закрытия храма должна была исходить «снизу», т.е. от активных трудящихся масс, желательно, обработанных СВБ. В данном случае инициаторами оказались жильцы ЖАКТа №7, которые на апрельском собрании постановили закрыть церковь «Николо-Низскую», с передачей в распоряжение ЖАКТа. Один экземпляр выписки из протокола направили в Горсовет, второй в газету «Красная Татария», которая в апреле и напечатала его текст на своих страницах.

Через неделю после Троицы (а именно 30.05.29.) состоялось заседание Президиума XIV-го созыва КГСa, на котором решили «возбудить ходатайство уже перед Президиумом ТЦИКа о закрытии церковью Московских чудотворцев и Николо-Низской».¹³¹ Кольцо стало сжиматься. В течение месяца велась подготовительная работа, и вот на заседании Президиума ТЦИКа 26-го июня по представлению НКВДела и ходатайству КГСa, «принимая во внимание: 1) что в пределах одного квартала, почти рядом находится три церкви (Николо-Низская, Николо-Ляпуновская

и бывш. Ивановского монастыря (его закроют через месяц, т.е. в конце августа того же года), из коих церковь Николо-Низская вполне м.б. приспособлена под жилое помещение; 2) две другие... вполне могут удовлетворить религиозные потребности верующих, Президиум ЦИК ТР, учитывая острый жилищный кризис в г. Казани, постановляет: 1. договор расторгнуть, церковь закрыть с передачей КГСу... под жильё; 2. наблюдение ... возложить на НКВД с соблюдением... ». ¹³² На следующий день в Горсовете Президиум решал участь Кафедрального собора, Спасского монастыря, церковей Московских чудотворцев и Николо-Низской. Относительно Николо-Низской церкви определили: «по закрытии переоборудовать под жильё». ¹³³ Что сказать? Потрясающая оперативность! Это горькое известие общине сообщил НКВД 10.07.29. Только вот выписка... Выписку из протокола № 4 представитель общины Петров получил в канцелярии ТЦИКа, позже, аж 16-го июля 1929-го. Учитывая, что более эффектной победой большевиков над Церковью был бы снос церкви с лица земли, честно говоря, удивляет то, что не только запросили справку в отделе по делам музеев, но и, получив оную 15.07.29, прислушались к мнению члена Госакадемии истории материальной культуры профессора К.К.Романова! Профессор заключил, что «церковь Покровская при Николо-Низской представляет собой разновидность соборного типа» ¹³⁴ ... единственная в Казани, «благодаря чему представляет большой научно-архитектурный интерес», ¹³⁵ сохранность вполне удовлетворительная, и ярусная с черепичной главкой колокольня заслуживает сохранения.

Община Николо-Низской церкви обращалась в Управление Коммунального Хозяйства об оставлении за ней Покровской церкви (под жильё переоборудовали только Никольский придел), но к просьбам были глухи. Последнее слово Секретариат ТЦИК оставил за УКХ, чем оно не преминуло воспользоваться. В спешном порядке пропустили по документации переоборудование всего комплекса Николо-Низской церкви, включая Покровскую и колокольню при ней. Все, что удалось выторговать у НКВД, так это последнюю службу в родном храме на именины настоятеля. Кстати, налог все же содрали. Переговоры о слиянии общины с Николо-Ляпуновской завершились положительно. Оставалось получить благословение управляющего владыки.

Как бы то ни было, а 29-го июля 1929 года собрались представители: от НКВД – Балувев, от ТНКФ – Кадыров, от КГС – Базяков, от Николо-Низской общины староста Туков и сторож Коклихин для активирования проверки и приемке здания церкви и имущества. Прилагаемый список состоял из 200 пунктов: начинался с иконостасов Никольского, Покровского, часовни Иоанна Воина и заканчивался колоколами.

Намеренно или выдавая личные опасения за свершившийся факт, распускались слухи, что в ряду предназначенных к сносу храмов стоит и Николо-Низская церковь. Посему, дабы предотвратить уничтожение памятника архитектуры или прекратить всякие измышления, отдел по делам музеев в ТЦИК направил срочную депешу о «недопустимости самотека в деле разборки храмов Казани». ¹³⁶ Как выяснилось – «нет дыма без огня». Церковь Феодоровского монастыря разобрали, Гостинодворскую пытались разобрать на кирпич, Николо-Низская уцелела (не

исключено, что просто не успели до нее добраться).

25 августа советом общины Николо-Ляпуновской церкви желание Николо-Низской присоединиться было одобрено. Фактически с этого момента и началось автономное друг от друга существование храма и общины. Последний раз представители общины зашли в свой храм, в котором были крещены, выросли, в котором венчались, молились, в который приносили на отпевание почивших прихожан, 21-го октября, чтобы забрать остатки разрешенного к переносу в Ляпуновскую церковь имущества. Прощание с храмом оставило глубокую рану и ноющую боль в сердцах верующих. Объединенная община решала текущие вопросы, а церковь... В конце октября 1929-го с дверей храма сняли сургучную печать для использования его в качестве склада хлеба и картофеля (полным ходом шла «хлебозаготовительная кампания»). Несколько позже вокруг церкви развернулась настоящая война. На гневное письмо музейного отдела ТЦИК не мог не ответить, отвечать голословно тоже не мог, поэтому в НКВД Балуюеву «спустили задание» подготовить исчерпывающую информацию по данному вопросу. Докладная записка №1107/с была готова 26.11.29 (литера «с» через дробь означала гриф «секретно»), в ней выражалось полное согласие с мнением Президиума КГСа. Ввиду слияния общин в очередной раз перезаключили договор, под которым подписались 59 человек. Так 3-го ноября Николо-Низская община как таковая прекратила свое самостоятельное существование.

Пустующая церковь раздражала ЖАКТ № 7, точнее, его руководящий орган (напомню, что именно этот орган и был инициатором кампании закрытия Николо-Низской церкви) но ни в одном постановлении, ни КГСа, ни НКВД, ни ТЦИКа ссылок на это нет. Скорее всего, потому, что желания активистов «снизу» и вершителей судеб «сверху» совпадали. Не получив просимого, объединение ЖАКТ № 7 уже 15 января 1930 года заявило о своем недовольстве, излагая мнение в трех экземплярах: оригинал – председателю Горсовета, копии – редактору «Красной Татарии» и Союзу Безбожников при Верхне-Городском райкоме ВКП(б).

Планы использования здания нельзя назвать грандиозными. ЖАКТ настойчиво требовал помещение под «культурчаг», а жилое помещение под «детский приют, который по предложению ТатЖилСоюза и НКЗдрава должен быть открыт».¹³⁷

О храме вспомнили в январе 1930 года, когда возникла необходимость выяснить начисления страховки. НКВД решил вопрос одним днем, выдав беспристрастный клочок бумаги в несколько строчек текста на нем: «Справка от 31/I-30 за №100. Выдана представителю бывшей «Николо-Низской» общины гр. Тукову в том, что церковь «Николо-Низская» закрыта 29/VII-29, согласно постановлению ТатЦИКа от 26/VI-29, протокол №4/34, что и удостоверяется. Справка выдана на предмет представления в Госстрах. Гербовый сбор в сумме двух рублей взыскан. Зав. Общ. Отделением ТНКВД (подпись) Балуюев»,¹³⁸ – а за этими строками – жизнь, труды, радости, печали многих поколений верующих.

Церковное здание, сменяя «хозяев» и профиль использования, простояло до счастливого момента открытия, и вновь в храме зазвучала молитва, затеплились лампы и свечи, стал разноситься забытый запах ладана. Более того, скромная приходская церковь получила статус Кафедрального Собора. Случилось это в 1946

году. К сожалению, немногие прихожане этого храма дожили до радостного события.

Никола-Преображенская единоверческая церковь

Не вдаваясь в глубину вопроса «о единоверии», все же скажем несколько слов о единоверчестве в Казанской Епархии. Во-первых, существовало благочиние единоверческих церквей епархии, в которое входило два казанских городских прихода – Четырех-Евангелистовская и Никола-Преображенская церкви, и два уездных – села Абалдуевка Спасского уезда и села Марьино Тетюшского уезда (к ним приписных 2 и 4 деревни соответственно). Во-вторых, в городских приходах числилось 536 человек обоего пола, в сельских – 1602. В-третьих, общины посылали своих представителей на единоверческий съезд в Петербург (в 1912 году).

Из воспоминаний Димитрия Феодоровича Камахина: «Настоятеля отца Михаила (т.е. священника Мясникова Михаила Васильевича, там же псаломщиком в сане диакона служил Радаев Иван Гаврилович – прим. авт.) помню с детства, тогда он мне казался большим, но добрым. Нас, детишек, в Рождество одаривал чем-нибудь сладким, на Пасху кому яичко, кому денежку. Денежка невелика, а нам радостно. А так строгий был...».

К Никола-Преображенской единоверческой общине относились два отдельно стоящих храма – зимний (отапливаемый) и летний (соответственно, не отапливаемый). Именно этот факт оказался раздражителем для правления ЖАКТа № 32, который в адрес ТНКВД отправил гневное письмо, указывая, что иметь два храма – роскошь, что летний храм, как не отапливаемый, «поддается разрушению»,¹³⁹ что зимний храм надо передать в распоряжение ЖАКТа. Примечательно, что виза «иметь в виду, до рассмотрения для передачи под клуб»¹⁴⁰ датирована 18-м февраля, а написано письмо 11.06.29, т.е. более восьми месяцев письмо провалялось в канцелярии.

Желая мирно решить спорные вопросы и учитывая, что содержать два храма в создавшихся условиях накладно, община решила отказаться от Преображенского храма. С 1 октября 1929 г. храм стал ссыпным пунктом Хлебосоюза, а 3 ноября (в канун чествования Божией Матери в честном ее образе Казанском), общинники просили НКВД передать некоторые вещи из закрытого летнего храма.

Что называется, «трезво оценивая ситуацию», как политическую, так и экономическую, после долгих размышлений решили добровольно соединиться с общиной своего благочиния Четырех-Евангелистовской. На ближайшем же общем собрании присутствовало 40 чел., но на малочисленность не обращали внимания, поскольку необходимо было в спешном порядке решить техническую сторону слияния, а также обсудить и возможность предоставления храма Георгиевской общине по ее предложению (Георгиевскую церковь закрывали). Слиянию власти препятствий не чинили, а вот предоставлению храма...

10 ноября председатель общины Тюрина обратилась в НКВД за разрешением на перенесение, ввиду слияния, некоторых вещей (список прилагался). Замечу, что список небольшой – три основных пункта: 1. Большой крест в медном посеребренном окладе, который «устроен на подставке за крилосом в церкви»;¹⁴¹ 2. Иконы чтимые: а) Скорбящей Б.М. в медной позолоченной ризе, б) Преображения

Господня в медной посеребренной ризе, в) Спасителя в медной позолоченной ризе (взять разрешили, но без ризы), г) запрестольные из холодной церкви (почему-то не разрешили); и «3. Книги богослужебные, какие необходимо».¹⁴² В этот же день подано заявление на справку в Татстрахконтору об «отобрании летнего храма»,¹⁴³ дабы решить все вопросы со страховкой.

Как известно, Никольская община была не против предоставления своего храма Георгиевской общине, которая 30 ноября получила ответ НКВД на свое заявление от 7.08.29 о том, что храм занять невозможно Разрешается слияние с Богоявленной общиной.

Шло время, а Никольская община была в «подвешенном состоянии» – церковь формально еще в пользовании, а фактически верующие – изгнанники из родного храма. Для прояснения положения дел наметили на 8 декабря собрание двух общин по вопросу «о слиянии»,¹⁴⁴ запросив НКВД о разрешении четырьмя днями ранее. Собрание состоялось. Рассмотрев все аспекты, постановили: слиться, ходатайствовать о переносе некоторых вещей (по списку), предоставить место в составе тройки от Никольской общины Пчелинцеву, а возможные претензии к Никольской общине до слияния адресуются и решаются ею, не затрагивая общину Четырех-Евангелистовскую. 17 декабря, в день памяти св. вмц. Варвары, закрыли Никольский храм. О том, как это происходило, вспоминает Д.Ф. Камахин: «Я мальчишкой был, помню, что к тому времени в летнем храме был склад зерна, а зимний... пришли какие-то люди после службы, вытолкали из храма тех, кто еще был в церкви, сказали – храм закрыт, ходите в Евангелистовскую. Потом замок повесили и опечатали».

Никольская община, точнее, то, что от нее осталось, завершала все расчеты с Налоговым Управлением, для этих целей и получила 25.12.29 справку о времени закрытия летнего храма и зимнего.

27 декабря заседал Президиум ТЦИКа и пунктом 18-м протокола № 25, «имея в виду отказ общины от дальнейшего пользования церковью и учитывая острую недостаточность в помещениях...»,¹⁴⁵ вынес решение: «действие договора от 9/III-26 прекратить, церковь закрыть и передать в распоряжение КГСа под культурно-просветительное учреждение».¹⁴⁶ Все. Так вот в рабочем режиме теперь уже документально закрыли фактически уже закрытую церковь. Выписку представителю общины вручили в январе следующего года (т.е. 1930-го). Летний храм так и оставался складом Союзхлеба, а зимний заняли «экскурбазой». Как видим, ЖАКТовские инициаторы закрытия не получили клуба. Далее жизнь общины текла отдельно от судьбы храма. Аналогичных случаев по Казани было предостаточно, с таким развитием событий сталкивалась каждая община, вынужденная сливаться с другой.

В 1930-м году храмы использовались по-прежнему, однако привлекли внимание старообрядцев белокриницкой иерархии. Их тоже лишали возможности проводить моления в своем храме. 13 марта на заседании Президиума ТЦИКа пунктом 34-м протокола № 32 постановлено: «ходатайство общины старообрядцев белокриницкой иерархии удовлетворить и предоставить им взамен закрытой церкви часовню во дворе бывшей Никольской ограды».¹⁴⁷ Но до исполнения постановления дело не

дошло, и 2 июня в письме в адрес НКВД старообрядцы вынуждены были согласиться на храм-часовню при Покровской церкви, с соседями баптистами, чем весьма были недовольны, помимо малой площади. 10 июня 73 человека, присутствовавших на общем собрании старообрядческой общины, констатировали, что постановление ТЦИКа «о предоставлении храма в Никольской ограде»¹⁴⁸ не осуществлено, и ТЦИК отменил свое прежнее постановление, а новым предоставил бывшую Владимирскую читальню при храме Покрова; посему постановили: обратиться в ТЦИК, не отказываясь от ходатайства перед ВЦИКом, а также ходатайствовать еще и о предоставлении храма «во дворе Никольской ограды»¹⁴⁹ (имеется в виду Преображенский храм) согласно первому постановлению.

В 1931 году продолжалась борьба за храм, в которой одним из «орудий тяжелой артиллерии» стало секретное письмо ТЦИКа в Президиум ВЦИК. В нем, в частности, говорится о том, что старообрядческая община согласна на пользование Никольским храмом. Датировано письмо 26-января. Также с грифом «секретно» 16 июня Секретариат ТЦИКа дополняет письмо сведениями о Никольской единоверческой церкви, которая «с момента закрытия в 1929 году используется: летний – как склад неприкосновенного фонда, зимний – занят областным отделом и общежитием ОПТЭ, община соединилась с другой».¹⁵⁰ После долгой переписки, в которой неоднократно уточнялись всякого рода нюансы, 17 декабря 1931 года Секретариат ТЦИК все же удовлетворил просьбу старообрядцев, передав им летний храм Никольской единоверческой церкви, с извещением о решении Президиума ВЦИКа. Решить технические вопросы (по освобождению храма) было предписано в течение августа месяца, правда, уже 1932 года, но после бурных и продолжительных дебатов протоколом № 62 от 23.09.32. Секретариат все же предоставил храм Никольской единоверческой церкви. 25 сентября КГС получил выписку из вышеупомянутого протокола с предписанием в трехдневный срок оформить передачу. 20 октября требовались выписки – все еще технически, вернее формально решали вопрос о летнем храме, но самое абсурдное в том, что 31 декабря 1932 года совещание строящих организаций при СНК ТР решило Никольскую единоверческую церковь передать под общежитие КоммуналСтроя...

Сегодня на улице Левобулачной стоит внешне ухоженное здание, в котором угадываются черты «культового», но вместо куполов, увенчанных крестами, красуется эмблема «новых хозяев» – аптечного дома «Саламат».

Покровская церковь

Первым обновленческим храмом в Казанской епархии и в городе Казани стал именно Покровский. Епархиальная власть пыталась бороться с вирусом «обновленчества», но безуспешно – не помогли ни уговоры, ни внушения, ни даже административные воздействия.

О своей «обновленческой позиции» община заявила 8 июня 1923 года, эта дата и стала началом обновленчества в Казанском крае. Именно в этот прекрасный летний день в адрес НКВД АТССР поступило заявление приходского совета Покровской церкви на собрание членов общины. На недоуменный вопрос начальника Административного Отдела тов. Коновалова: «каковы мотивы сего прошения

помимо Епархиального Управления?»¹⁵¹ – приходской совет пояснил, что 1) община считает соответствующим религиозно-церковной жизни исключительно выборное начало, а Епархиальное Управление – административное; и 2) расхождение по специально-религиозным вопросам, «как, например, о брачности епископов, второбрачии духовенства и др.»¹⁵²

Десятью днями позже подали заявление на регистрацию религиозного общества с предоставлением надлежащего набора документов. Подписей под этой «петицией» стоит 102, среди них священник Александр Семенович Гаврилов. При поверхностном взгляде все соответствует требованиям, но это только при поверхностном. В действительности в обновленческом движении полным ходом шла борьба за власть, и в этой связи община раскололась, – одни не желали единения с Епархиальным Управлением, другие остались в подчинении епархиальному Архиепископу Алексию (Бажанову). Хотя тоже нет твердой гарантии того, остались ли бы с архиепископом Алексием протоиерей Михаил Колокольников и священник Рафаил Милов, не будь их амбиции удовлетворены. Так или иначе, но в адрес все того же НКВД 6-го июля поступило два заявления о том, что «в деле регистрации по пути раскола – отделения от епархиального Архиепископа Алексия»¹⁵³ не идут М. Колокольников и Р. Милов. Эти заявления дали формальный повод для отказа в регистрации документов, поданных от имени общины группы В.Козиной. Юрисконсульт ТатНКВД Волков даже счел возможным возбуждение уголовного преследования против исполнительного органа по статье 90 УК за предоставление ложных сведений. Пока напуганные уголовным преследованием члены исполнительного органа пытались, придя в себя, оправдаться, отец Михаил Колокольников успел зарегистрировать общину. Направленная в СовНарКом ТССР весьма объемная, безупречная с юридической и логической стороны жалоба, подкрепленная заявлением рабочих и служащих торговой бани «Гигиена» о пересмотре дела в пользу приходского совета (за подписью 37 чел.), действия не возымела. Так с 18.07.23. при управлении приходом оказался предусмотрительный стратег и тактик протоиерей Михаил Колокольников. Приходскому совету осталось только смириться с этим положением дел.

Весной 1929-го Президиум ТЦИК и Секретариат того же ТЦИКа протоколом № 32 от 13.03.29 г. параграфом 28-м по рекомендации НКВД наметил к закрытию Покровскую церковь. Ничего не подозревавшая община подает заявление в НКВД с просьбой передать ей из ликвидируемого Ивановского монастыря (точнее, летнего его храма) «Нерукотворенный Образ Спасителя и иконостас при нем, находящийся на паперти».¹⁵⁴

Просьба удовлетворена 28-го августа, т.е. в день Успения Пресвятой Богородицы. Такой вот подарок от благоволивших (своеобразно) обновленцам властных структур. Экономическое положение общины стало настолько шатким, что 16 октября в ТатНКВД со спецкурьером из НКФ Конторы Госстрахования ТР «Татстрах» пришло информационное письмо о том, что община «отказывается от уплаты причитающейся страховой премии»,¹⁵⁵ срок истек аж 8.10.с.г. почему «Татстрах просит воздействовать на общину».¹⁵⁶ Покровская община захирела настолько, что часовню во дворе храма облюбовали хулиганы, пугая и нападая по

ночам на одиноких прохожих. Вот такое «соседство». Первыми забили тревогу ученики пятой группы опытной школы при Казанском Чувашском Педтехникуме. Не разбираясь в иерархических подразделениях госструктур, они сразу написали в газету «Красная Татария». Редакция переслала письмо в Горсовет, тот в Горчасть НКВД, а уж там и стали составлять заключение по этому вопросу. Положение оказалось довольно щекотливым: с одной стороны, инициатива учеников не была организованной агитаторами-атеистами; с другой стороны – неожиданное дополнение к претензии «Татстраха». Идею учеников о закрытии церкви и приспособлении оной под клуб или библиотеку решили поддержать, только, правда, уже в начале января 1930-го (спустя полтора месяца). Профактив ФЗК на собрании постановил: «Покровскую церковь закрыть и приспособить ее под клуб»¹⁵⁷ печатников. Подтвердить позицию профактива решились рабочие и служащие Татполиграфа. Ниже приведу удивительный факт: из 227 подписей собравшихся есть проголосовавшие против закрытия, и не один-два, а 25 человек. Люди, противопоставившие себя большинству, не пошли против своей совести. Это не помешало механизму заработать. 4.02.30 г. ЦИК ТР спускает в НКВД всю переписку по вопросу закрытия на заключение, «для окончательного разрешения вопроса».¹⁵⁸ НКВДешный чиновник на обороте документа пишет несколько строк следующего содержания: «Покровская церковь не платит налоги, посещаемость небольшая».¹⁵⁹ Возможность ускорить решение вопроса о закрытии представилась, и 27 февраля Комиссия по делам культов пунктом 14 слушала представление НКВДела. Во внимание принималось следующее: 1) нарушение договора в части страхования здания и наличие задолженности свыше 3-х тыс. рублей; 2) численность общины не более пяти десятков, причем живущих в разных местах Казани; далее стандарт: 3) наличие достаточного количества церквей для обслуживания верующих; 4) острый недостаток в помещениях под культурные учреждения. Постановление было предсказуемым: договор расторгнуть, церковь закрыть, здание передать КГС под культурно-просветительное учреждение, наблюдение за выполнением постановления возложить на КГС и НКВДел, с соблюдением надлежащих статей постановлений ВЦИК и СНК РСФСР. Однако власть не торопилась использовать здание с теми культурно-просветительскими целями, ради достижения которых закрывала храм. В старом храме, как гласит историческая справка, помещалась библиотека-читальня.

Именно этот храм 1 апреля 1930 года Президиум ТЦИК постановил предоставить старообрядческой религиозной общине (речь идет о старообрядцах белокриницкой иерархии), взамен закрытого старообрядческого храма в гор. Казани под первой горой. Этот вариант старообрядцев не устроил, и они подали жалобу во ВЦИК. В рамках разбирательства по этому вопросу выяснилось, что им была (двумя неделями позже) «предоставлена вполне оборудованная Покровская церковь»,¹⁶⁰ но и от нее тоже отказались. Это не было капризом со стороны старообрядческой общины – старый храм, вмещавший около 70-ти человек, действительно был мал для многочисленной общины, кроме того, туда же «заселили» баптистов. Каким образом совершать богослужение одновременно с баптистскими собраниями? Решительно никак невозможно! 14 июня 1930 года

Президиум Горсовета запросил в ТЦИКе разрешение на разборку нескольких храмов, в числе которых был и Покровский, «ввиду важности постройки»¹⁶¹ фабрикухонь и соц. городка и «неимения стройматериалов».¹⁶² Туда же (т.е. в ТЦИК) 15 июня 1930 года подано заявление от старообрядцев, в котором помимо прочего обосновывается отказ от «храма во дворе Покровской церкви».¹⁶³ ТЦИК поручил НКВД и музейному отделу НКПроса представить подробное заключение к 25 числу, на предмет определения участи шести церквей (в т.ч. Покровской).

Собственно Покровский храм все еще был занят обновленческой общиной, приводить в действие постановление от 4 февраля 1930 года не спешили. Финансовые дела шли все хуже и хуже, а вот ГорФинотдел, ГорСтрах продолжали расчет долгов Покровской общины за 1929/30 годы, даже в конце января 1931-го, с представлением материалов в Секретариат ТЦИКа (за 1929/30 долг составил 311 рублей 86 коп., за 1930/31 – 292 рубля 78 коп.), именуя общину не иначе как «злостным не плательщиком гос. налогов и сборов»¹⁶⁴ и рекомендуя расторгнуть договор. В день двенадцатого праздника Сретения Господня встретились тройки исполнительных органов церквей Пятницкой и Покровской. Обсуждалась возможность «соединения обеих общин ввиду закрытия Покровской».¹⁶⁵ И поскольку в ту пору практиковалось «слияние общин», то Покровская община и «слилась» с другой обновленческой общиной – Пятницкой. Перенесенные с собой предметы инвентаря, – иконы, облачения, завесы, напрестольные кресты, сосуды, купель, семисвечник. Итоговым пунктом № 40 шла библиотека бывшей Владимирской читальни. Все было внесено, как положено, в опись принимающей стороны.

22 апреля 1931 года в адрес КГСа от общины евангельских христиан поступило заявление с просьбой о предоставлении другого православного храма в пользование, т.к. ОГПУ потребовало прекратить «молитвенно-богослужебные собрания»¹⁶⁶ в помещении бывшей Владимирской читальни, «которое потребовалось для склада материалов начинающихся работ разборки бывшей Покровской церкви».¹⁶⁷

В течение 1931-32 гг. и Покровская церковь, и здание, известное под именем «Владимирской читальни», были разобраны до основания.

Пятницкая церковь

В 1931-м году основным событием для общины стали переговоры с Покровской общиной слиянии. Пятницкая община была принимающей стороной, но поскольку окончательный срок закрытия еще не был определен, то вопрос решили принципиально, оставив открытой техническую сторону. В опись имущества Пятницкой церкви внесли «список предметов из инвентаря Покровского храма»¹⁶⁸; это, во-первых, вся библиотека Владимирской читальни; во-вторых, облачения; в-третьих, сосуды, серебряные напрестольные кресты, семисвечник и прочая утварь. Вдохновленные идеей «светлого будущего», строители оно не разбирались в течениях и расколе, в равной степени одинаково относились к религии как «чуждому явлению», и потому храмы для них представляли интерес только с сугубо практической стороны. Так, 7 февраля 1932 года Контора Казанского отдельного производителя военно-строительных работ «КОПР» НКВМ запросила Президиум

КГСа передать в распоряжение «церковь пятницу»¹⁶⁹ для переоборудования ее под столярную мастерскую, упоминая об общественном мнении рабочих строителей, красноармейцев и командного состава ТатБашШколы. Как видим, лояльность обновленцев к революционным свершениям и курсу руководящей партии, военных ничуть не заботила. Так как Пятницкой церкви обновленцы присвоили статус «кафедрального собора», то собрания епархиального уровня проводились именно там, и уж тем более Пленум Казанского Областного Митрополитанского Управления (КОМУ). Не был Пленум просто очередным собранием, а был приурочен к «10-летию юбилею обновленчества 12 мая 1932 года».¹⁷⁰ Вызывает интерес и тот факт, что празднование «юбилея» проводилось, согласно распоряжению Священного Синода, для укрепления начал обновленчества.

Ровно через неделю в адрес культкомиссии при ТЦИКе председатель Казанского Митрополитанского Областного Управления митрополит Иерофей (Померанцев) направил письмо. В письме он сетовал на малое количество обновленческих храмов, на трудность для прихожан добраться с разных концов города в Пятницкий храм и Введенскую церковь бывшего Ивановского монастыря и подытожил письмо просьбой о передаче Кладбищенского храма «обновленческой группе в полное пользование».¹⁷¹ КазГорФинотдел 11 апреля 1935 года направил своего агента в Пятницкую церковь с единственной целью – составить опись оставшихся «предметов культового характера»¹⁷² из драгоценных металлов. Список состоял из 16 пунктов. Через неделю с небольшим, 22 апреля, все «изделия» на основании инструкции... в присутствии... были приняты и зачислены в ГосФонд (далее по списку). Штат на конец 1935 года состоял из двух священников – Троицкого Александра Ивановича и Колокольникова Михаила Николаевича (слияние свершилось).

К ноябрю власти «положили глаз» на храм Андрея Первозванного (придел Богоявленской церкви), занятый единоверцами Четырех-Евангелистовской общины. Несложная комбинация – и пятницкие обновленцы сливаются с Введенской общиной бывшего Ивановского монастыря, Пятницкая церковь передается «в совместное пользование общин верующих Четырех-Евангелистов – единоверцев и Евангельских христиан».¹⁷³ Поражает не эта простота комбинации, а следующий факт – 23 ноября заседал Президиум ТЦИК, имея в виду недостаток помещений для различных курсов по подготовке в ВУЗы, наказ избирателей о передаче части молитвенных зданий под культурно-просветительские учреждения, ходатайства по этому вопросу 50 тыс. физкультурников, рабочих Татполиграфа, Кинопленки, завода «Красный Восток», завода им. Ленина, меховой фабрики № 4, фабрики «Спартак», завода СК-4, завода им.Вахитова, Льнокомбината и трампарка, а также студентов Ветинститута, Сельхозинститута, института инженеров коммунального строительства, пединститута, финансово-экономического института, института Сов.строительства, института советского права, КХТИ, Госуниверситета, педтехникума, кожевенного техникума, КАТа, финансово-экономического техникума, жирового техникума, валеного техникума, и с ними членов союза работников госторговли предприятий, расположенных на ул. Баумана (был и такой союз); кроме того, поскольку обнаружили нарушения со стороны религиозных

объединений и служителей культа законов о регистрации (отсутствовали удостоверения о регистрации религиозного объединения, справки о регистрации служителей культа), Президиум и постановил удовлетворить ходатайства вышеуказанных рабочих, студентов, физкультурников и «иже с ними» и закрыть-таки церкви Богоявленскую и Пятницкую, а заодно и Белую мечеть.

Преемник по обновленческой Казанской кафедре митрополита Алексия (Бажанова) митрополит Иерофей (Померанцев) 25 декабря в переписке с ТатНКВД по поводу Пятницкой церкви рисует перспективу дальнейшего существования общины, да и всего обновленчества в целом.

Вкратце, по мнению иерарха, развитие событий может быть таково: часть имущества и общину целесообразнее приписать к Введенской церкви (бывшего Ивановского монастыря), с учетом того, что часть общинников отойдет к Тихвинскому кафедральному собору, часть к Кладбищенской церкви, а часть не будет никуда ходить. Далее говорится о перемещении духовенства, о церковном имуществе: перенести облачения архиерейские, священнические, а также стихари, шкафы, комоды, ковры и «дабы не было нареканий на обновленцев, следует взять в Введенскую церковь мощи св. свт. Гурия с принадлежностями к ним (кроме золоченного балдахина)..., некоторые иконы и лампы к ним, сосуды»;¹⁷⁴ далее идут организационные вопросы об освобождении помещения здания. Кстати, список вещей состоял из 30 наименований описи Пятницкого храма и семи – Покровской церкви.

С начала 1936 года Пятницкая церковь перешла в пользование единоверческой Четырех-Евангелистовской общины (исполнение решения о закрытии задержали), а Булычкову Петру Егоровичу по заполнении анкеты выдали справку, подтверждающую его председательство в исполнительном органе общины верующих, находящихся при Пятницкой церкви баптистов. Бюрократическая волокита была одной из характеристик того времени, поэтому ответственный секретарь комиссии по вопросу культов Мустафин потребовал от заведующего ГорФО Терехина 29 января объяснения по вопросам затягивания оформления передачи Пятницкой церкви и изъятия имущества, подлежащего реализации, «в частности даже серебряных предметов весов до двух кг.»¹⁷⁵ Кроме того, интересовало, «чем вызваны преступные действия».¹⁷⁶ Снизшедший от «верхов» гнев имел последствия.

10 февраля председателю исполнительного органа евангельских христиан при Пятницкой церкви Чебурахину Тимофею Васильевичу в комиссии по вопросу культов выдали справку в том, что от него принято «металлолома: 1) серебряный лом 84 пробы по нанесенному на нем весу в 113 S золотников, 2) простых металлических листов без веса (бронза) 3 шт., 3) крест простой металлический».¹⁷⁷ Несколько позже баптисты сделали запрос о разрешении пасхального чаепития 12 апреля. Памятуя о сданном металлоломе, разрешение дали. Невозможно понять в данной ситуации одно – как? Как в Пятницкой церкви соседствовали старообрядцы и баптисты? Предположу, что этим «объединением» общин под одной крышей достигались вполне определенные цели – возбудить среди верующих нежелание ходить в храм, во-первых, и, во-вторых, положить начало межконфессиональным распрям.

Как бы то ни было, в списке функционирующих молитвенных зданий гор. Казани по состоянию на 1.05.37 г. Пятницкая церковь стоит под двумя номерами – 3-м и 4-м, из девяти церквей (№ 3 – старообрядцы, № 4 – евангелисты). Тучи стали собираться над Пятницкой церковью осенью. Вершитель судеб храмов города Президиум ТЦИКа на своем заседании 3 октября 1937 года, в виду «необходимости гос. надобностей, учитывая, что наиболее подходящим помещением является здание Пятницкой церкви»,¹⁷⁸ а также «имея в виду, что подыскать другое помещение в настоящее время не предоставляется возможным, постановил:

Предложить общинам верующих единоверцев и евангельских христиан освободить помещение Пятницкой церкви в двухдневный срок со дня объявления настоящего постановления.

Общине верующих единоверцев предоставить придел первого этажа Петропавловской церкви, а общине верующих евангельских христиан – придел второго этажа той же Петропавловской церкви.

Обязать заведующего КазГорФО тов. Ярмухаметова в двухдневный срок очистить помещение Пятницкой церкви от культового имущества».¹⁷⁹

Третьего же октября (во второй половине дня) представителями общин единоверцев, евангельских христиан, Петропавловского собора была прочитана выписка из протокола № 65, в чем они и расписались. Вот такая оперативность.

Теперь несколько подробнее о той «госнадобности», которая упоминала в постановлении. Храм стал шестой городской пересыльной тюрьмой для заключенных перед отправкой в лагерь после вынесения приговора. Там же позже приговоры приводились в исполнение, так церковь стала местом совершения массовых расстрелов. В своих мемуарах многие вспоминали тюрьму Пятницкой церкви, в том числе Евгения Гинзбург.

После закрытия Пятницкой церкви официально о ней вспоминали дважды. Первый раз – 20 февраля 1938 г., в списке церквей, закрытых с 10 августа 1937 года по 1 февраля 1938 г.; второй – в связи с разбирательством по делу об общине верующих единоверцев, 22 апреля 1939 года.

В 1950-е годы снесли колокольню, в храме царил мерзость запустения. Во второй половине 1980-х был проведен косметический ремонт, а вновь действующим храм стал с 1997 года.

Серафимовская церковь

1930-й. Веяние времени – огромное количество собраний, докладов, решений, резолюций и, само собой разумеется, участников. Демократия. Не лишенное патетики, несмотря на численность (25 чел.), общее собрание «рабочих и служащих постройки валяно-обувной фабрики Татпромстроя»¹⁸⁰ принимало активное участие в строительстве «светлого будущего». Для этого 12.01.30 г. надо было: 1) выслушать доклад «о классово-враждебной роли церкви к пролетариату»; 2) выбрать сборщика членских взносов; 3) выделить нар(одных) заседателей в Главсуд, выделить людей на краткосрочные курсы, после которых слушатели отправятся в деревню на два месяца; 4) рабочую неделю сделать непрерывной; 5) кульминация собрания: решение вопроса о воровстве Исмагиловым рабочих инструментов с продажей

оных на сенном базаре. До стройки ли?

Докладчиком Алексеевым в первую очередь было заявлено о ненужности и вредности «религии вообще и в пролетарском государстве в частности»,¹⁸¹ во вторую – ненужности «церквей и колоколов, существующих лишь для утехи попов и старух».¹⁸² Воодушевленные тезисами, участники собрания из последних сил пожурили Исмагилова и решили, что Серафимовскую церковь на Клыкковской стройке надо закрыть и передать под клуб РЖСКТ «Звезда», заодно закрыть церкви Богоявления и Московских Чудотворцев.

Соответствующие инстанции дали ход этому решению. Бюрократическая машина заработала. Редактор-консультант ТЦИКа Перетц препроводил переписку по вопросу закрытия четырех церквей (в их числе и Серафимовской) на заключение в НКВД. И, конечно, не забыл снабдить переписку «всеми материалами, необходимыми для окончательного разрешения вопроса»,¹⁸³ уже 4 февраля. Основа закрытия начала закладываться, теперь нужен был только подходящий момент...

В 1935-м власти закрыли Богоявленскую церковь, имевшую статус Кафедрального собора. В этой связи единоверцы, бывшие при Андреевском храме, были переведены в Пятницкую церковь, а правящий митрополит со штатным духовенством кафедру перенес в Серафимовскую церковь, объединив две общины.

Фактическое слияние произошло, но технические вопросы окончательно не были отработаны. 15.12.35 митрополит Серафим (Александров) совместно с председателем Богоявленской общины Богдановой обратился в культкомиссию с просьбой о выдаче церковного имущества: сосудов, богослужебных книг, облачений, пелен, икон... всего 24 пункта списка (под № 24-м числилась фисгармония). Просьбу удовлетворили. Активирование имущества было датировано 17-м декабря. А 21.12.35 владыка Серафим в переписке с ответственным секретарем культкомиссии при Президиуме ЦИКа ТАССР Мустафиным информировал о перемещениях духовенства, поблагодарив за выдачу необходимых предметов по списку.

В конце января митрополит Серафим, будучи заместителем Патриаршего Местоблюстителя и членом Священного Синода, отбыл в Москву на очередное заседание, и по этой причине не успел упорядочить дела в исполнительном органе. В отсутствие митрополита решили проблему трехлетней давности – с деревянной звонницей. 10 февраля председатель общины обратился с заявлением о том, что звонница, давно лишенная колоколов, стала «хорошим убежищем для преступного элемента и удобным пунктом антисанитарии».¹⁸⁴ Этот довод был убедительным и являлся основанием для сноса данной постройки. На следующий же день запрос имел положительное решение. С легкой душой ветхое строение снесли.

С возвращением из Москвы владыки Серафима епархиальная и приходская жизнь вроде бы наладилась. Относительно благополучно все было до осени. Из воспоминаний В. Лошадкина (бывшего иподиаконом владыки Серафима): «на Михайлов день владыка служил всенощную, как обычно это бывало по праздникам. Наутро в Петропавловском соборе вышли на «встречу», ждали долго. Владыки все нет, ну и начали литургию без него. Позже кто-то сказал, что ночью его арестовали».

В Серафимовском приходе прождали две недели, пытаясь прояснить судьбу

правлящего архиерея, но тщетно. 5 декабря 1936 года составили протокол о проверке церковных сумм, приходно-расходной книги (с 27 января по 1 декабря 1936 года).

Вся Русская Православная Церковь проводила течение рождественского поста, верующие привыкшие приготавливать к встрече праздника свой внутренний мир, молились, постились, причащались и жили ожиданием праздника, даже в такое тяжелое время, когда аресты стали будничным событием.

Комиссия по вопросам культов, создавая видимость усердной работы, составила три списка: 1) функционирующих молитвенных зданий; 2) не функционирующих; и 3) разобранных и использованных на строительство. По состоянию на 1.05.37 года Серафимовская церковь относилась к категории функционирующих и была одной из четырех «тихоновских» церквей г. Казани.

Заключительный год существования Серафимовской церкви, 1938-й, в своем начале особо не отличался от прежних лет, разве что активность идеологических нападков на Церковь несколько ослабла и была заменена направленными действиями.

Скромно, но торжественно встретили праздник Рождества Христова. Храм наполнился благоуханием еловых ветвей. Немногочисленные прихожане усердно молились о мире всего мира, благостоянии святых церквей. Возглавлял службу настоятель протоиерей Григорий Николаевич Смеловский. Полноты праздника лишала душевная скорбь. Что такое «уверенность в завтрашнем дне» в таких-то обстоятельствах? Тяготило предчувствие близкой беды. И действительно, предчувствия его не обманули. Арест настоятеля пришелся на 11-е января. Это был довершающий удар по Серафимовской общине. Тем временем госструктуры трудились над вопросом уничтожения и самой Серафимовской церкви, и к его решению подошли основательно.

На святках, а именно 8 января главный городской архитектор отвел Авиаинституту под строительство пять кварталов, а на территории одного из них и находилась Серафимовская церковь. Горсовет 9 января отвод земли в таком варианте утвердил.

В течение четырех месяцев шли согласования, отлаживалась техническая сторона. В этой связи 9.05.38 начальник ЖилУправления Молотовского района Агапов обратился в культкомиссию. Его интересовало следующее: «Будет ли подлежать (Серафимовская) церковь закрытию, или же ее следует перенести на другой участок».¹⁸⁵ Поразительно, что в огромной массе начальствующих нашелся один мыслящий человек, в голове которого учитывался вариант сохранения храма. Что и говорить – редчайший случай!

Остатки общины и причт Серафимовской церкви жили ожиданием дальнейшего развития событий. После недвусмысленного намека о перспективе обозримого будущего, представителей общины вынудили практически всю наличность (70 тыс. руб.) перечислить на счет комиссии по фондам им. Ленина при Президиуме ВС РСФСР, в чем выдали «квитанцию за № 21838 от 21/VIII-38».¹⁸⁶ То, что от суммы осталось, благосклонно разрешили внести на счет принимающей Петропавловской общины. Днем раньше община обратилась в культкомиссию с просьбой о переносе трех икон и шести священнических риз. Мустафин был настолько добр, что разрешил. Окрыленный этим малым успехом, исполнительный орган вновь

обращается в ТЦИК к ответственному секретарю с просьбой о разрешении закончить течение Успенского поста в стенах родного храма. И опять доброта секретаря культкомиссии не знала границ. И это он разрешил, но с условием – передать заранее имущество церкви Серафимовской в госфонд.

28.08.38г. Успение Пресвятой Богородицы. Последний день богослужебной жизни Серафимовского прихода. По отпуске с пением величания люди выходили из храма, со слезами наблюдая за тем, как на входных дверях закрывается замок, безвозвратно отсекая возможность помолиться в родном храме. Церковь пустовала еще несколько месяцев. Только 1.10.38 Президиум ВС ТАССР на своем заседании слушал п. 26 «о здании Серафимовской церкви г. Казани».¹⁸⁷ Постановлением констатировалось слияние общины с Петропавловской и определялась участь собственно Серафимовского храма. Участь незавидная – храмовое здание надо передать Горсовету для использования в соответствии с существующими положениями.

К концу года место, занятое в течение нескольких десятилетий храмом, было расчищено для строительства.

Смоленская церковь (в Козьей слободе)

Осенью 1926-го власти вспомнили о Смоленско-Седмиезерной общине, наряду с Троицкой церковью Пороховой слободы, как о возможном варианте прибежища прихожан и насельников Кизического монастыря, предназначенного к закрытию.

Территориально к Смоленско-Седмиезерной церкви стали относиться слободы – Козья и Гривка; стройки – Савиновская, Кизическая, Ивановская; улицы – 1-я, 2-я, 3-я, 4-я Удельные. Община течения православного староцерковного; численность верующих 1000 чел. Штат (на 1928-й год) состоял из священника (протоиерея Четаева) и диакона на псаломщицком месте (Ефимова).

В третьей декаде октября того же 1928 года кроме текущих вопросов возник вопрос заполнения диаконской вакансии, т.к. Ефимов ушел за штат. Кандидатом на «диаконскую вакансию»¹⁸⁸ пригласили гражданина Николая Петрова. После надлежащих испытаний Петров был утвержден архиепископом Афанасием на диаконское место и приписан к Смоленско-Седмиезерной церкви.

Неудачно начался год 1930-й: уже после всех январских праздников в который раз возникла проблема со средствами на погашение страхового, поземельного налогов и налога со строения.

Праздник Сретения Господня в Смоленско-Седмиезерной церкви встречала слитая в одну община. Преобразованный в приходскую церковь, а затем и вовсе ликвидированный (6.02.30) Кизический монастырь, вернее, оставшиеся от него служители протоиерей Михаил Феодорович Красновидов (58 лет), игумен Порфирий Сергеевич Точарин (55-ти) и остатки усердных прихожан стали неотъемлемой составной частью Смоленского прихода.

Областной комитет ВКП(б) заседал 23.04.31 г. Результаты заседания были засекречены. Оказывается, строго секретным был вопрос о ходе развертывания пригородного хозяйства ТатСоюза. Отчего же аграрные вопросы были окутаны тайной? Лишь потому, что решать их хотели за счет существования козинской

церкви, а оформление передачи церкви ТатСоюзу следовало, по мнению заседавших, предложить ГорСовету и ЦИКу ускорить. Маховик закрутился. Через три дня во фракцию Президиума ТатЦИКа с копиями в адрес председателя и секретаря Пролетарского района под грифом «сов. секретно. Весьма срочно» секретная часть ТатСоюза предоставила информацию об угрозе срыва работы фермы № 1 ТатСоюза ввиду необеспеченности жильем 280-ти человек, «вследствие чего происходит текучесть»¹⁸⁹ кадров. Решение вопроса сводилось к закрытию церкви, с последующим приспособлением здания под общежитие, средства на переделку были обеспечены. 27 апреля 1931 года зав. иностранным регистрационным сектором при Секретариате ТЦИК тов. Бикеев, после личного выезда на место, на стол Председателя ТЦИК ТАССР положил докладную записку. В этом добротном составленном документе сообщалось по существу вопроса следующее: 1) в части закрытого Кизического монастыря – о занятых и пустующих помещениях; 2) в части «красной церкви в Козьей слободе – в настоящее время функционирует».¹⁹⁰ Примечательно, что Бикеев, описывая бытовую жизнь 86-ти человек прихожан, сетует на то, что «санитарные правила соблюдаются»,¹⁹¹ квитанции об уплате страховых, налога со строения, ренты за землю имеются, т.е. пункты, по которым можно было бы придаться, соблюдаются должным образом. Далее следуют рекомендации: 1) Пролетарскому Райсовету и Правлению ТатСоюза предложить договориться об использовании пустующего здания (в Кизическом монастыре); 2) а фракции ВКП(б) «развернуть работу среди рабочих окружающих заводов на предмет возбуждения ходатайства о закрытии Смоленско-Седмиезерной церкви для использования здания под общественные надобности».¹⁹²

Схема достижения нужных результатов такова: если нет возможности формального закрытия, то необходимо организовать общественное ходатайство – все просто! Работа закипела, и что удивляет – так это оперативность и исполнительность. Проходят считанные дни, 5 мая заседает фракция ВКП(б) Президиума ТЦИК и выносит постановление: «предложить ПролетРайСовету по существу закрытия церкви представить в Президиум ТЦИКа соответствующий материал».¹⁹³ Причем ведь было известно, что церковь функционирует и «обслуживает население Козьей и Хижицкой слобод, Гривки и Савинской стройки».¹⁹⁴ Могло ли это примечание остановить процесс закрытия? Конечно, нет! Только притормозить. Строилось-то государство с атеистической идеологией, посему храмы рассматривались либо как строительный материал, либо как помещение для переоборудования под неважно какие нужды.

О «красной церкви»¹⁹⁵ в Кизицах вспомнили только в феврале 1935 года, да и то она прошла фоном в теме, поднятой обновленцами. Ситуация такова: обновленческий митрополит Иерофей (Померанцев) настроил группу прихожан Тихвинской церкви против «староцерковников», они и составили заявление в культкомиссию с требованием отдать им Тихвинскую. Мотивировали требование тем, что у «тихоновцев» есть три церкви (Тихвинская, Макарьевская в Адмиралтейской слободе и Смоленская в Козьей), а у обновленцев в Сталинском и Кировском районах – ни одной. Власти предрержащие еще были благосклонны к смутьянам, поэтому 3-го мая Секретариат, рассмотрев вопрос, удовлетворил ходатайство

верующих обновленческой ориентации, вследствие чего тихвинские прихожане разделились, слившись с Макарьевской и Смоленской общинами. В ноябре представитель общины Липатников 11-го числа расписался в получении извещения о том, что необходимо представить документы на перезаключение договора на пользование молитвенным зданием, плюс к ним – справки о служителях культа, удостоверения о регистрации религиозного объединения, и что если только к сроку (15 ноября текущего года) все вышеперечисленное представлено не будет, то молитвенное здание закроют. Липатников не из тех людей, которым повторяют дважды, и 14 ноября он держал в руках справку о том, что все требуемое для перерегистрации от него принято. Митрополит Казанский Серафим 16.12.35 г. подписал указ о переводе архимандрита Порфирия (Точарина) (архимандритства удостоен в 1935-м) из Чистопольских Выселок в Смоленский храм Козинской слободы. Напомню, что первый раз отец Порфирий нес пастырское послушание в этом храме в 1930-м, когда закрыли родную обитель, затем возникла необходимость переместить его на приход, и вот место служения – вновь Смоленский храм.

Меж тем в 1936-м году митрополита Серафима вынудили к довольно странному шагу – регистрировать район деятельности священнослужителей в двух приходах: Макарьевском и Смоленском. Причина прозаична и до нельзя проста – решался вопрос о закрытии Макарьевской церкви, и явно не в пользу верующих. Надо было как-то выходить из положения.

31-го октября владыка Серафим (Александров) известил Комиссию по вопросам культа о том, что служители культа Макарьевской церкви перемещены. Им назначены к Смоленской церкви протоиереи И. Тимерчинский, А. Романовский, диаконы К. Пряничников и Ф. Генералов, анкеты были приложены. Все перечисленные регистрацию получили 10.11.36 г. Техническая сторона слияния дала возможность активировать прием-сдачу имущества, разрешенного к переносу, только 16-го ноября. 23 ноября к Смоленско-Седмиезерной церкви был приписан проигравший битву обновленцам в Кирилло-Мефодиевском приходе диакон Николай Петров. В конце декабря получил перерегистрацию священник Николай Иванович Евтропов, неотлучно служивший в козинской церкви с 9/IX-32г.

Теперь о годе 1937-м. Как неоднократно уже упоминалось, к Первомаю (вероятнее всего, для докладов на заседаниях) составили список функционирующих молитвенных зданий г. Казани. Судя по списку, одним из 4-х храмов тихоновского направления был Смоленский храм Козьей слободы.

Осень. Печальное событие – протоиерей Николай Иванович Евтропов, многое переживший вместе со Смоленской общиной: и тяготы, и молитвенную радость праздников – второго сентября отбыл на новое место службы в Елабугу. Тяжело расставаться с привычным местом молитвы, людьми, вручившими себя духовному окормлению, но так устроено Господом – каждый спасается на том месте, которое ему дано. Открывшаяся вакансия была заполнена протоиереем Василием Андроновичем Васильевым, который с 15 сентября приступил к богослужебным обязанностям, а 22-го получил регистрацию. Район деятельности отца Василия также простирался на Смоленский и Макарьевский приходы. Близилась черная дни Смоленской общины. 17-е декабря 1937-го – дата ареста диакона Константина

Петровича Пряничникова.

Активной приходской деятельности отец протоиерей развить не успел, 11-го января 1938 года его тоже арестовали. Нехитрый анализ действительности, и протоиерей Анатолий Романовский заявляет: «По слабости здоровья я не могу больше исполнять обязанности служителя культа».¹⁹⁶ «Слабость» обнаружилась 9 октября 1938, а 17-го того же месяца районный финотдел запросил справку в культкомиссии для перерасчета подоходного налога с Романовского.

Реально оценивая обстановку, принимая во внимание аресты священнослужителей, ожидая, что придут и за ним самим, правящему архиерею с большим трудом удавалось заполнять многочисленные вакансии. Частые перемещения духовенства не спасали положения дел. Смалодушничал и настоятель Петропавловского собора протоиерей Преображенский – подал заявление на освобождение от службы. Заменить его решили козинским протоиереем В. Вороновым.

Первого апреля Воронову было предписано явиться в Кремль, в здание ВС, комната № 16 (то был кабинет председателя культкомиссии Мустафина). Там-то и сообщили о закрытии храма и утверждении на настоятельское место в Петропавловский собор. Список предметов на «перемещение» из Смоленско-Седмиезерной церкви составили «на скорую руку». Мустафин санкционировал перевоз указанных вещей, но список отредактировал.

Ровно через неделю после закрытия 27.04.39 г. в Президиуме Ленинского РайСовета обсуждался вопрос «о пустующем помещении бывшей Смоленской церкви»,¹⁹⁷ в ходе т.н. дебатов пришли к решению – передать Смоленскую церковь под районный пионерский клуб. Вот оказывается, чего не хватало району – пионерского клуба! Скорбь общины финотдел не разделял и принялся выяснять имущественные вопросы. 15 мая 1939-го составлен акт приема-сдачи в Ленинский РФО имущества по описям (Смоленской церкви и перенесенных вещей из Макарьевской).

Неугомонный Ленинский РФО, получив поступление в местный бюджет, решил, как выясняется, поживиться еще и произвел перерасчет суммы за недостающие предметы, насчитав долгу 20109 руб. 94 коп., и сроком погашения платежа установил 1.07.39, пригрозив в случае неуплаты уголовным преследованием. От такой прыти оторопели даже в Верховном Совете, поэтому Мустафин от Президиума ВС ТАССР напомнил, что «вторично требовать уплаты за одни и те же предметы не следует»,¹⁹⁸ и снизил размер долга до 1415 рублей, с учетом всех перерасчетов. С этой поры Смоленская община решала возникающие вопросы совместно с Петропавловской, ибо они слились в одну.

Храм же прибежищем для пионеров был исключительно только до той поры, пока не построили районный дворец пионеров. Некоторое время с видоизмененным внешним видом красная церковь служила... кинотеатром «Октябрь». Стерли ее с лица земли в 1970-е, а на освободившейся храмовой территории построили два девятиэтажных дома.

Смоленско-Димитриевская церковь (в Ягодной слободе)

19-го февраля 1929-го администрация Кожзавода № 1 им. Ленина провела собрание рабочих, где последовательно сначала т. Ковалинский предложил закрыть в рабочих районах (имелись в виду Ягодная и Адмиралтейская слободы) церкви, каковые использовать на нужды рабочих; затем т. Латыпов рекомендовал закрыть Ягодинскую мечеть и отдать ее под детские ясли или сад, т.к. «критическое положение в помещениях»;¹⁹⁹ т. Бляхер предложил «прикрыть еврейскую синагогу, т.к. еврейские рабочие не имеют культурного дома».²⁰⁰ Рабочие дружно проголосовали за принятие райсоветом мер к закрытию церквей и заодно решили добиваться закрытия мечети и синагоги. Ягодинскую церковь решили использовать «под обслуживание на культурно-бытовые цели»,²⁰¹ а Екатерининскую пустить на стройматериал.

Тем временем ничего не подозревавшая община готовила общее собрание на 24 марта для обсуждения текущих вопросов, НКВД не возражал, поэтому все вопросы были решены в рабочем порядке. С каждым днем хуже становилось финансовое положение общины. Долг в областную страховую кассу вырос до 419 руб. 34 коп.

В который раз решили прибегнуть к сбору добровольных пожертвований среди членов общины.

В сентябре, закрывая Екатерининскую церковь, ТЦИК руководствовался следующим соображением: «Смоленско-Димитриевская церковь вполне может удовлетворить религиозные потребности граждан прихода Екатерининской церкви».²⁰² Ужасно, до невозможности стыдно, но от слияния Ягодинская община только выигрывала – представилась возможность погасить задолженность. При слиянии Екатерининская община (60 человек) перешла вместе со своим причтом и принесла иконостасы, иконы, вещи, необходимые при совершении богослужений. Фактическое слияние произошло 13-го октября 1929 года, когда было проведено первое собрание объединенных общин. Решением собрания была поставлена точка не только в меркантильном вопросе о покрытии задолженности (в 200 руб.), но и административном (оставлено место в исполнительном органе представителю Екатерининской общины), и организационном – избрании органа для «заведования кладбищем».²⁰³

Близилась революционные праздники, поэтому решения заседаний преимущественно увязывались с демонстрацией достижений к знаменательным датам. Заседание Пленума Заречного райсовета от 6 ноября 1929 года исключением не было. Там в первую очередь заслушали доклад о 12-й годовщине октября, а во вторую – в связи с 5-летним планом по Заречью предположили большое строительство. Торжественный пленум постановил: закрыть две церкви (Смоленскую в Ягодной слободе и Кизическую при быв. Кизическом монастыре) и две мечети. Ну, а для пущей важности – привлечь к обсуждению вопроса о закрытии «рабочих основных Заречных предприятий»,²⁰⁴ ничуть не сомневаясь в том, что рабочие примут и подпишут резолюцию в таком варианте, в каком надо. Можно подумать, могло быть иначе! Ведь понятия «плюрализм» не существовало в природе революционной идеологии.

Одиннадцать дней спустя 700 человек рабочих и служащих завода № 40 присутствовали на общезаводской конференции, где председатель райсовета т. Иванов довел до сведения собравшихся постановление пленума райсовета о закрытии в Заречье двух церквей, а также двух мечетей, не забыв при этом упомянуть, куда используют материал. Конференция «большинством голосов (700) приняла к сведению и постановила единогласно указанные церкви и мечети закрыть».²⁰⁵ Не удосужились даже посмотреть, чем в конкретном случае отличается «большинство голосов» от «единогласно». А незачем, ведь достигли главного – решения конференции «закрыть».

700 голосов за это – хорошо, но больше – лучше! 26.11.29 г. состоялось районное делегатское собрание Заречья, на котором присутствовало работниц и делегатов 670 человек. О необходимости закрытия церквей и мечетей докладывал т. Новиков. Докладчик знал, как повернуть дело в нужное русло, создав иллюзию демократического решения. Когда женщина была против детских учреждений? Никогда! Поэтому постановили: «просить Правительство ТР о скорейшем закрытии».²⁰⁶ Так мелким оптом и вынесли приговор двум церквям – Смоленско-Димитриевской Ягодной слободы и бывш. Кизического монастыря.

А деятельный тов. Иванов 29 ноября направился с поздравлениями на «широкую конференцию рабочих и служащих Текстильной фабрики им. В.И. Ленина».²⁰⁷ К поздравлениям председатель райсовета присовокупил, что, как ненужные, в районе должны быть закрыты Смоленская и Кизическая церкви и две мечети, что об этом уже есть постановление пленума райсовета. Собственно, все... Никаких призывов... Никакого давления на сознание масс...

Зато широкая конференция текстильной фабрики совместно с красноармейцами 13-го саперного подшефного батальона в почти едином порыве постановила – закрыть, и скорейшим образом. Более чем изящно! Что тут сказать? Благо дело, что нашлись люди, не поддавшиеся на ораторские приемы (хотя и лишь двое, но «против»). Большинство голосов постановление все-таки было принято...

Собрав протоколы всех волеизъявлений трудящихся масс, Президиум ТЦИК препроводил бумаги на заключение в НКВД 6.12.29 г. С этого момента подробным образом «изучалась» воля трудового народа. И пока в недрах НКВД шел процесс осмысления, 21 декабря появился на свет ненужный, поскольку механизм закрытия уже был запущен, шаблонный протокол конференции рабочих швейных фабрик № 5 и 6.

Жизнь общины хирела с каждым днем. Слухи о закрытии церкви распространились достаточно быстро, и практичные люди смекнули, что из членов приходского совета пора уходить. Этот маневр 27 декабря проделала А.Л. Васильева, мотивируя уход преклонными годами, неграмотностью и потерей зрения.

В райсовет, фабком фабрики № 5 им. Шейкмана препроводил с большим опозданием, выписку из протокола общего собрания работниц 5-й пошивочной фабрики смены «А» от 30.12.29 г. Впечатляет спектр желаний работниц, выраженный в прениях: «необходимо еще кроме церквей и мечетей закрыть и моленные баптистов, старовер и еврейские, т.к. они занимают хорошие дома, которые нужно использовать для рабочих. Необходимо закрыть и пивную в Ягодной слободе на

Смоленской улице. При снятии колоколов необходимо их потом использовать на трактора». ²⁰⁸ Мнения, выраженные в прениях, записали в качестве постановления и приняли единогласно. Таким был год 1929-й.

В Рождественский пост, 5 января 1930, несложный маневр по «самоотводу» проделал, по примеру Васильевой, еще один член церковной тройки – Мокеев, известив НКВД о том, что он тоже здоровьем стал слаб, а кроме того, сослался на малограмотность и семейные обстоятельства.

Рождественский сочельник – строгий однодневный пост, преддверие праздника. Так этот день видится верующему. Строители нового порядка отметили этот день по-своему: 450 рабочих Кожзавода № 1 им. Ленина провели общее собрание, где слушали докладчика ТКУ «о Старом Рождестве», результатом явилось постановление: «не вышедших на работу в день Рождества 7 января считать злостными прогульщиками; 2) просить райсовет закрыть церковь и мечеть в Ягодной слободе, находящиеся рядом с заводом». ²⁰⁹

Истерию по закрытию зареченских храмов всячески поддерживал глава райсовета Иванов, так, 12.01.30 он возглавлял президиум общего собрания рабочих 3-й пожарной части. Позволю себе полностью, сохраняя стилистику и орфографию, привести постановление собрания: общее «собрание считает, что религия есть одно из основных орудий служащее капиталу для эксплуатации рабочего класса. Рабочие 3-й Адмир.пож.части далеки от религиозного дурмана и посему постановляют церкви, мечети как ненужное в стране Советов закрыть, здания передать под культочаг, жилища рабочих, колокола как нужные для промышленности с церковью снять и передать на изготовление частей тракторов и др. машин каковые необходимы нам для поднятия сельского хозяйства и индустриализации страны. В первую очередь просим закрыть церкви и мечети в Заречье и снять колокола». ²¹⁰ Что ж, как говорится – комментарии излишни.

5-го февраля заседала Правительственная Комиссия по рассмотрению религиозных дел при ТЦИКе. Протокол № 5 по своему содержанию стал тождественен смертному приговору, вынесенному многим общинам, в том числе старообрядческой и мусульманским, но параграф первый был отведен для Смоленско-Димитриевской церкви. С «подачи» Заречного райсовета комиссия учла «ходатайства ряда рабочих организаций», ²¹¹ приняла во внимание, что церковь находится в рабочем районе, что вблизи есть другие церкви, что здание необходимо в качестве материала для коммунального хозяйства и жилищного строительства. Постановила более лаконично, но предсказуемо: договор с общиной расторгнуть и церковь закрыть, с «передачей здания Заречному Райсовету для сноса». ²¹² На следующий день Президиум ТЦИК продублировал решение комиссии и дополнил распределением обязанностей по согласованию и наблюдению между НКФ, НКВД, Райсоветом.

Извещенная о закрытии община в последний раз отслужила в родном храме на Сретение Господне и днем позже собралась на общее собрание. Нельзя сказать определенно, чего было больше, эмоций или холодного рассудка, при рассмотрении последней повестки последнего собрания. Так или иначе, постановили подчиниться постановлению Президиума, присоединиться со своим причтом к Макарьевскому

приходу, а для удовлетворения религиозных нужд обращаться к бывшему причту Смоленской церкви, «обеспечив их содержанием от добровольных сборов среди верующих общины».²¹³ Макарьевский причт пополнился священниками Ивановским, Тавельским, Любимовым и диаконами Гавриловым, Пряничниковым и Померанцевым. Акт приема-сдачи имущества закрытой Ягодинской церкви датирован 28-м февраля 1930 года. Забирали абсолютно все. Архив сохранил текст этого акта, но особенно привлекают внимание несколько пунктов из 77-ти: «№ 42 – таз медный 1; № 60 – ковровых дорожек худых 10; № 75 – стол простой 1...».²¹⁴

Казалось бы, на этом история Смоленско-Димитриевской церкви должна бы и закончиться. Но нет! Господу было угодно сохранить храм.

Президиум ТЦИКа, прекративший существование общины, 6 марта слушал заявление в НКВД Музейного отдела НКПроса об изменении своего же постановления о сносе здания Смоленской церкви. Изменение стало возможным лишь благодаря усилиям музейного отдела, создавшего особую комиссию, по заключению которой здание как памятник истории и архитектуры должен быть использован под культурные или общественные нужды Заречья. Переустройство здания поручили так много сделавшему для закрытия райсовету, но по согласованию с Музейным отделом НКПроса.

Тремя месяцами позже (14.05.30) Горсовет запросил ТЦИК о разрешении на разборку пяти городских церквей, в числе которых фигурировала и Ягодинская. Чувствуется рука тов. Иванова – если не удалось уничтожить храм на районном уровне, то почему бы не попробовать сделать еще одну попытку, но руками города.

Местные жители, проходя мимо, увидели, что разбирать на строительный материал храм не собираются, и решили возбудить ходатайство об открытии. С этой целью 20 июня 1930 года тройка бывшей Смоленско-Димитриевской церкви от имени 37-ми прихожан обратилась в ТатНКВД с просьбой разрешить собрание, на котором, по совету ТЦИКа, надо собрать подписи и подать прошение. Вероятно, чтобы посмеяться над наивной просьбой, чиновник наркомата Внутренних Дел приписал: «29 июня 1930 г. в 2 часа дня на Ягодинском кладбище».²¹⁵ Виза начальствующего от 27.06.30: «отказать». Вышеуказанное ходатайство было подкреплено списком заявителей с указанием социального статуса, но эти усилия были потрачены впустую.

Узнав о происках председателя Заречного райкома, Академический Центр ТатНарКомПроса, в частности, отдел по делам музеев 25 июня в адрес ТЦИК направил информацию, что Ягодинский храм числится «в списке охраняемых памятников и отнесен по II-ой категории», т.е. подлежит использованию для утилитарных целей. Товарищ Иванов вынужден был смириться.

Ныне здание культового назначения практически неузнаваемо – к нему много раз подстраивали подсобные помещения, и не мудрено – там был сначала магазин, а потом общеобразовательная школа № 81, кстати, она сейчас перестроена так, что только храмовый дом и напоминает о храме.

Тихвинская церковь

На февраль 1927 года сведения об общине таковы: община православная, староцерковного течения, верующих 607 человек, возглавляется преосвященным епископом Афанасием Чебоксарским, викарием Казанским; служители культа: два протоиерея, диакон, псаломщик в сане диакона. Настоятель протоиерей Николай Петрович Измайлов, 60-ти лет, в сане с 1888 года, в общине 13 лет (с 1913 г.) неотлучно; протоиерей Владимир Александрович Нечаев, 67 лет, в общине 11 лет (с 1915 г.), в сане с 1882 г., диакон Тихвинской церкви с 1903 г. Четаев Павел Иванович, 58 лет, в сане с 1892 г., Петров Георгий Наумович 24 лет, псаломщик в сане диакона, в Тихвинской общине 6 лет (с 1921 г.), в сане с 1922-го.

В начале 1930-го Народный Комиссариат Просвещения решил провести Всероссийскую Конференцию по антирелигиозному и совместному воспитанию. Состоялась она в Казани при участии 28 делегатов от национальных республик и областей. Доклады о постановке антирелигиозного воспитания подытожили определение основной задачи «кадров национального советского учительства»,²¹⁶ а именно: борьба за воспитание юных воинствующих безбожников.

В дни проведения конференции, точнее, в канун рождественского сочельника, учащиеся школы № 20, находящейся неподалёку от Тихвинской церкви, в Горсовет послали резолюцию своего общего собрания: «...собрание постановило ходатайствовать о закрытии Тихвинской церкви. Наша школа, как культурное учреждение, больше не может жить с церковью».²¹⁷ Далее, в качестве приложения, – несколько листов аккуратно расчерченных детской рукой, даже не с подписями, а с перечнем фамилий 187-ми ребят, и самое грустное то, что две трети из них русские. Все-таки насколько податлива детская психика. Достаточно в детском воображении нарисовать сказочную картину, и из ребенка можно лепить что угодно...

Ходатайство пионеров конференция с радостью поддержала и обратилась с просьбой в СНК ТР и Горсовет с просьбой принять меры для превращения в «мощные культотчаги для ведения культурно-просветительской работы»²¹⁸ белой и красной мечетей и Тихвинской церкви. Вместе с тем она выразила надежду, что СНК Татарской Республики и Горсовет Казани отметит соответствующим постановлением «решительное наступление против религиозных культов».²¹⁹ Есть небольшая особенность, или, правильнее, штрих – резолюцию собрания школьники послали в адрес Горсовета, а не конференции. Вывод напрашивается сам собой: в политико-идеологические игры детей втянули взрослые. Делегаты, которых не очень-то и интересовали результаты своих обращений, разъехались. Популистские шаги действия не возымели. Церковь не закрыли.

Январь 1931-го наметил коррективы в жизни православной Казани. Ранней весной староцерковная часть расколовшейся Варлаамовской общины обратилась в Тихвинскую, разумеется, с благословения правящего архиерея, с просьбой о слиянии. Вопрос рассмотрели и положительно решили – принять в братское общение желавших слияния членов бывшей Варлаамовской общины, включавшей в себя, в свою очередь, общину Московских чудотворцев. И уже на Страстной седмице (7.04.31.) был подписан акт принятия 47-ми вещей, принесенных в Тихвинскую. Так, что Пасху праздновали объединенными.

Только в конце 1932-го на небосклоне общинной жизни в очередной раз пробежала тень, которую, правда, и не заметил никто ни из прихожан, ни из духовенства. 31 декабря на совещании «представителей строящихся организаций при СНК ТР»²²⁰ рассматривался вопрос о закрытии церквей по городу Казани. Под номером 5 в поле зрения сего совещания попала Тихвинская церковь, о которой итог суждений таков: закрытие возможно, но «не ранее как на этот счет будет проведена достаточно массовая работа».²²¹

Год 1933-й. Группка прихожан-обновленцев совершила первую попытку провести собрание для выборов своего исполнительного органа, исхлопотав разрешение на проведение в ТЦИКе, но безуспешно. Удачно воспрепятствовал бесчинию настоятель протоиерей Василий Ивановский.

Февраль 1935-го задал совсем иной тон жизни Тихвинской общины. Оформилась группа верующих, пожелавших поменять юрисдикцию. Более чем пространственным обращением в Культкомиссию при ЦИКе АТССР она пыталась обосновать свой переход в обновленчество.

Не скажу, что представители «тихоновского духовенства» были гарантированы от ошибок, они же не разбирались в политике. Будучи, в большинстве своем, искренними приверженцами патриаршей церкви, они всеми возможными способами пытались сохранить литургическое единство. Конечно же, далеко не все их действия вызывают одобрение. Так, накануне праздника, чтимого Варлаамовской частью общины (6 июня), храм попросту закрыли, всенощную отменили, чем, несомненно, вызвали недовольство пришедших помолиться. В самый же праздник литургия совершалась самым торжественным образом, при весьма малом стечении народа (многие были обижены, часть разошлась по другим храмам, а кто попросту не знал). Этим происшествием не преминули воспользоваться обновленцы, как основанием для жалобы в Культкомиссию и просьбы о регистрации с передачей церкви в пользование новосформированной общине. «Хожение за храм» 26 человек, подписавших жалобу, поручили Брендиной А.А., Кознову Д.А., Метелькову П.В., Емельянову А.Ф.

Небольшое пояснение – это те люди, которые были инициаторами раскола в Варлаамовской общине еще в 1931-м, и, по мнению председателя ТЦИК, они должны были быть привлечены к уголовной ответственности. Терпения опорочившим себя перед ТЦИКом хватило на два с небольшим года. И вот, умудренные опытом, они стали действовать иначе. Исподволь, без явно выраженного давления на верующих, ловко пользуясь ошибками неполитизированного батюшки, эти люди положили начало расколу.

Почти три недели секретарь Культкомиссии Мустафин ломал голову над принятием решения по возникшему вопросу и переправил «жалобу» в Горсовет на рассмотрение. Именно с этого момента произошло коренное изменение в судьбе Тихвинской церкви. Так, сразу после Первомайских праздников на заседании Секретариата ТЦИК (3.05.35.) слушался вопрос о передаче церкви в пользование верующих обновленческой ориентации. Озвучил просьбу Казанского Митрополитанского Управления лично ответственный секретарь Комиссии по вопросам культов тов. Мустафин. С подачи Горсовета, принимая во внимание все

доводы обновленцев, постановили – ходатайство о передаче здания Тихвинской церкви гор. Казани в пользование верующих обновленческой ориентации удовлетворить; «предложить канцелярии Казанского Епархиального Архиепископа обеспечить передачу, а КОМУ – прием здания с относящимися к нему пристройками и со всем имуществом и ценностями, включая сюда также имущество и ценности, переданные из Варлаамовской и других закрытых церквей по соответствующим описям и документам в полной сохранности и целости означенных предметов»;²²² надзор за передачей здания, имущества и ценностей поручить представителю ТНКФ, с последующим докладом в комиссию. Что сказать? Несомненный успех обновленчества в борьбе, но не по всем флангам. Митрополитанское Управление получило храм и ценности, как материального плана, так и духовного – чудотворный образ Тихвинской Б.М. стал принадлежать «обнагленцам» (так их именовали в народе). А каковы причины успеха? Все потому, что бывший Кафедральный Пятницкий собор у обновленцев отняли и передали этот храм «тихоновцам». Именно поэтому Тихвинская церковь стала преемницей статуса Кафедрального собора.

То, что осталось от общины староцерковной ориентации, объединилось ненадолго с Богоявленской.

4-го мая 1935 года Мустафин, вместе с обновленческим митрополитом Иерофеем (Померанцевым), староцерковным архиереем Серафимом (Александровым), благочинным Казанских Тихоновских церквей, в три часа дня в Приемной ТЦИКа согласовал день и час передачи Тихвинского храма, позже официально известив, участников акта о том, что «передача назначена на 8/V-с.г. с 1 часу дня, с тем расчетом, чтобы передачу закончить к началу вечерни».²²³

Дальше – больше. 10-го мая секретарь ТЦИК, председатель Комиссии по вопросам культов Аюпов и ответственный секретарь той же комиссии Мустафин подписали письмо Прокурору АТССРеспублики за № 27-65, о привлечении «к ответственности бывшего настоятеля Тихвинской церкви гр. Ивановского за неведение приходно-расходной книги с целью скрытия присвоенных и расхищенных предметов, принадлежащих Госфонду».²²⁴ Согласно приведенным данным, «ныне продолжающий службу в церкви Петра и Павла по Банковской улице»²²⁵ Ивановский присвоил или расхитил госценностей за последние 2-3 года на 983 р. 50 коп., кроме того, объявил своей собственной митру.

Даже по прошествии многих лет невозможно объективно оценить вышеописанные события. Эмоции изобилуют со стороны и госструктур, и представителя «тихоновского духовенства». Прокурорское выяснение затянулось до 19 июля, когда тов. Мустафин в дополнение к делу о настоятеле Ивановском предоставил переписку аж на девяти листах. Делопроизводство стало набирать обороты, и имя протоиерея Ивановского осталось только в «поминаниях» тех людей, которых он окормлял, а это у него получалось куда лучше, чем что-то доказывать властям или вести неравную борьбу с обновленчеством.

Тихвинская церковь, как упоминалось прежде, стала кафедрой председателя Казанского Областного Митрополитанского Управления митрополита Иерофея (Померанцева), но это обстоятельство ничуть не смутило одного из активистов, а

именно Кознова Д.А., состоявшего на должности казначея. Дело вот в чем: Кознов принял участие в борьбе за переход в обновленчество совсем не из религиозных побуждений, его интересовала возможность подобраться к церковной кассе. Следует отдать ему должное – он, будучи человеком неглупым, нашел пути, как добиться своего. Овладев должностью, казначей чувствовал себя достаточно вольно – доступ в кладовую, торговля в свечном ящике, заказы на производство свечей, мера надобности всего этого были на его усмотрение. Только вот незадача: 31-го августа свечница Волкова с произведенными свечами попала на глаза председателю А.Ф. Емельянову. Вот тут-то все и открылось. Немедля сняли кассу. Результаты произвели впечатление на весь исполнительный орган – недостача составила 257 руб. 89 коп. за период с 20 августа по 1 сентября. Сразу же состоявшееся заседание исполнительного органа, обменявшись мнениями, вынесло постановление, что Кознова за «самоуправство и неоправдание доверия»²²⁶ надо отстранить от занимаемой должности. Кроме того, исполнительному органу, потребовались объяснения по поводу случившегося, в т.ч. и в покрытии недостачи, т.е. – каким образом и в какие сроки? Теперь уже бывший казначей что-то невнятно лепетал о старании на благо церкви, от усердия вышло недоразумение, определил и срок погашения – до 14-го сентября. Достойное собрание припомнило ему «мелкие» погрешности, замеченные за ним до настоящего случая. Итак, 4-е сентября – дата позорного изгнания с должности Д.А. Кознова и замена открывшейся вакансии П.А. Метельковым. Провинившийся Кознов частично слово сдержал – он покрыл долг, но не 14-го числа, а позже. 23 сентября Культкомиссия была извещена о всех «превратностях судьбы» обновленческой общины. ТЦИК принял информацию к сведению.

Вскоре на заседании Президиума ТЦИКа при рассмотрении вопроса о молитвенных зданиях в числе прочих упомянута была и Тихвинская церковь, как нарушитель законов о регистрации религиозных объединений и служителей культа. Мечеть и две церкви (Богоявленскую и Пятницкую) наметили к закрытию в назидание остальным.

Еще раз о Тихвинском храме вспомнили 27 ноября на заседании Культкомиссии, в связи с рассмотрением использования помещения бывшей Введенской церкви (Ивановского монастыря), т.к. Тихвинская приняла большинство верующих закрытого храма.

Ответственный секретарь Культкомиссии тов. Мустафин для доклада на первомайском заседании Президиума ТЦИКа 1937-го собрал статистику по функционирующим молитвенным зданиям, нефункционирующим и разобранным для использования на строительство. Среди этих бумаг есть один небольшой клочок, на котором указаны церкви каждого течения с количеством священнослужителей. Штат обновленческой Тихвинской на тот момент включал четверых из восьми обновленцев (к этому течению относилась еще только кладбищенская).

Больше в обновленчестве не было необходимости, посему дверцы «воронков» гостеприимно открывались и для обновленческого духовенства. Первым представителем Тихвинской общины, попавшим «в гости» к НКВД несмотря на

лояльность к советской власти, оказался священник Александр Троицкий, его арестовали в ночь с 11-го на 12-е декабря 1937 года. С этого момента играм в «лояльность», во всяком случае, со стороны властей, пришел конец.

Довершающий и сокрушительный удар прочно вставшая на ноги власть нанесла по обновленчеству четвертого августа 1938 года. Именно на этот день пришелся арест Померанцева Иерофея Георгиевича, 1874 г.р. (таковы паспортные данные митрополита), двумя годами позже (2.09.40 г.) постановлением ОСО он был осужден к 8 годам ИТЛ. Правая рука митрополита Иерофея, «служитель культа Колокольников Михаил в ночь с 4-го на 5-ое августа 1938 года взят властями». ²²⁷ Оба обвинялись в контрреволюционной деятельности.

Наутро 5-го августа служба не состоялась по причине неявки священника. Поиски Колокольникова успехом не увенчались, нуждавшиеся в удовлетворении религиозных потребностей выяснили только одно – священник де болеет. Решили обратиться за помощью и содействием к митрополиту Иерофею – и он тоже болен. Тихвинский приход зажил другой жизнью. Единственный кто быстро разобрался в сложившихся обстоятельствах, так это диакон А.А. Пономарев. Он сразу поставил диагноз болезням митрополита и его секретаря и без секунды промедления написал заявление: «Прошу культкомиссию снять меня Пономарева с учета служителей культа, для непосредственного служения отечеству». ²²⁸ Это заявление – просто образец сообразительности и лаконичности, всего-то две строки, а как услаждается слух и зрение чиновника-атеиста!

Вообще, по поводу Тихвинского храма у властей были свои планы. Планы, скажем прямо, предсказуемые – закрыть. На первое сентября были вызваны в кремль Емельянов и Садов, как представители исполнительного органа Тихвинской церкви. В культкомиссии состоялся разговор, в котором обоим представителям К. Мустафин припомнил и контрреволюционную деятельность духовенства, и служение священника без регистрации при большом скоплении народа. Без дальнейших объяснений стало ясно, что дни самостоятельности Тихвинской общины сочтены, что единственно приемлемый вариант – это слияние с кладбищенской.

Тремя днями позже в Комиссию по вопросам культов поступило заявление с просьбой о слиянии, с дополнением к оной – разрешить перенести некоторые иконы и предметы религиозного обихода, список прилагался. Окрыленные достигнутым успехом, соответствующие органы смастерили проект решения о закрытии, а 1.10.38 постановили: «В связи с тем, что община верующих при Тихвинской церкви ликвидировалась – здание Тихвинской церкви передать Горсовету для использования в соответствии с существующими положениями». ²²⁹

Согласно списку, состоявшему из 22-х пунктов, кроме панихидного столика, аналоев, венцов и подсвечников желали перенести мощи свт. Гурия со всеми принадлежностями. Святые останки первосвятителя страны Казанской – не единственная святыня, намеченная к перемещению в кладбищенский храм. Под № 1 записана чудотворная Тихвинская икона Б.М. в серебряной оправе.

Года 1938, месяца сентября, дня 7-го составлен акт принятия на учет и зачисления в Госфонд имущества, находящегося в закрытой Тихвинской церкви. Сдал Емельянов, принял Халитов практически все серебряные вещи, в т.ч.

серебряные ризы с чудотворных икон Б.М. Тихвинской (№ 17) и Грузинской (№ 15), и еще 72 пункта наименований...

Казанской епархии храм был возвращен в 1997 году и передан в пользование кряшенской общине. Богослужения совершаются на кряшенском наречии татарского языка. Тихвинская церковь сегодня – центр кряшенских приходов Татарстана. Ведутся восстановительные работы, при храме действует воскресная школа.

Трехсвятительская церковь

Трехсвятительская община, как в былые времена, так и в 1925 году крепко «стояла на ногах», поэтому община Духосошестввенской церкви заблаговременно прояснила для себя возможность слияния с ней и согласовала и список вещей из своей описи движимого имущества на случай присоединения. Сама же Трехсвятительская община течения православного староцерковного; количество верующих 859; возглавляется епископами Афанасием, Андроником, Варсонофием. В штате Трехсвятительской церкви состояли священники Сперанский Александр Иванович (1875 г.р.) и Евдокимов Николай Александрович (1891 г.р.), диакон Кузнецов Георгий Андреевич (1891 г.р.).

1930-й. В связи с закрытием Духосошестввенской церкви её исполнительный орган обратился с просьбой шестилетней давности о слиянии со Трехсвятительской, которая подтвердила готовность принять и общину и причт. Слияние приурочили к празднику Вознесения, с таким расчетом, чтобы всю ночь служить собором духовенства (т.е. 20 мая). К Трехсвятительскому штату прибавилось три протоиерея, диакон и два псаломщика. Имущественной стороной слияния занимались уже после праздничной литургии. Список предметов, которые решили взять из Духосошестввенского храма, составили и направили на рассмотрение ЦИКа ТССР 21-го мая. 26 мая 1931-го был составлен акт о сдаче оставшегося имущества (73 наименования). 27-го мая о «добровольном» слиянии двух общин доложил телеграммой в адрес ВЦИКа зам. пред. ТЦИКа Хакимов. Принятые в Трехсвятительскую вещи велено было внести в опись. На Троицу попытались дополнить список вещей 4-мя архиерейскими облачениями, но безуспешно.

Господь дал возможность детям прихожан Трехсвятительского храма получить рождественские подарки, похристосоваться на Пасху, набрав разноцветных яичек. Кто мог подумать, что радостный детский крик «Воистину воскрес!» в ответ на пасхальное приветствие раздастся в стенах родного храма в последний раз. Совсем не весеннее небо было над Трехсвятительской общиной в мае 1932 года – тучи стали сгущаться. Четвертого мая (это среда Светлой седмицы) на собрании рабочих 1-й бригады ПСХ слушался единственный вопрос о закрытии двух церквей (Кирилло-Мефодиевской и Трехсвятительской). 20 человек собравшихся слушали «оратора» Кузнецова, который считал, что «родная дела»²³⁰ (орфография сохранена) могут быть решены только через разрушение храмов, и не одного, а трех (добавили Богоявленский). Участники общего собрания в один голос вынесли решение – сломать! В этот же день собиралась 3-я бригада завода им. Вахитова – 30 человек, с той же повесткой, с тем же решением. Днем позже аналогичные резолюции вынесли 4-я бригада ПСХ и 1-я бригада ВОХР завода Вахитова. Более обстоятельно

к вопросу о закрытии отнеслись комсомольцы завода СК-4: сначала они обеспечили проведение общезаводского собрания, а затем и списки (подписи 435-ти рабочих и служащих), не уложились лишь со сроками предоставления подписей (на два дня позже обещанной даты).

Невзирая на многочисленность желавших закрытия, Секретариат ТЦИК на своем заседании от 26.05.32г. постановил в ходатайстве всем выше перечисленным организациям отказать и «церковь оставить в пользовании верующих».²³¹ Чем объяснить такое решение? Все достаточно прозаично! Требовалось массовое выступление за закрытие и так, чтобы число членов общины было перекрыто. Для этой цели ТЦИК затребовал в исполнительном органе общины сведения за последние пять месяцев, согласно которым община православная староцерковная; священников при ней четверо (Катешов Константин Федорович, Красновидов Михаил Федорович, Васильев Василий Андронович, Сельский Алексей Абрамович), диаконов двое (Кузнецов Георгий Андреевич, Делекторский Николай Ксенофонович) и псаломщик (Рождественский Николай Александрович); и сравнительную оценку количества верующих (на 1.01.32 мужчин 520, женщин 1430, на 1.06.32 мужчин 500, женщин 1425). Реально оценивая сложившуюся ситуацию, ТЦИК решил форму не соблюдать. Коли не получилось набрать достаточное число сторонников закрытия, то не стоит и стараться, а просто волевым решением, основываясь на майских ходатайствах и постановлении Президиума КГСа, закрыть храм. Два дня, 4 и 5 сентября, заседали, да так и поступили, вынесли решение церковь закрыть с передачей молитвенного здания «заводу СК-4 для строительных надобностей».²³²

Выписку из протокола вручили церковной тройке общины. Надо отдать ей должное, Трехсвятительская община без боя сдаваться не стала и обжаловала постановление в вышестоящей инстанции, о чем подала заявление 11.11.32 г. в 10 часов утра. Официально заявление приняли к сведению, а негласно принятому постановлению дали ход, не дожидаясь ответа из Москвы. СК-4 приступил к работам по уничтожению церкви, о чем и сообщил представитель завода в Культкомиссию 13.09.32.

19-го сентября в адрес ТатЦИКа пришло объемное письмо от Заготконторы ЗРК Авиастроля, в нем просили отдать здание Трехсвятительской церкви под тарный склад. Отправителю было рекомендовано договариваться с ГорКомХозом, который заготконторские доводы убедительными не счел, поэтому прежнее постановление ТЦИКа осталось в силе.

16.12.32. секретный отдел Казанского Горсовета с досадой констатировал, что «за II-ю половину 1932 года была закрыта всего одна церковь – Трехсвятительская».²³³ Завод СК-4 с объемом работ справился, получив строительный материал и похвалу от руководящих органов.

Последняя попытка сохранить хотя бы относительную целостность общины, конечно, была предпринята. Составили заявление, в котором, «учитывая важность соцстроительства»,²³⁴ смирились с использованием молитвенного здания на нужды строительства и просили разрешить «поставить какоелибо помещение для отпевания и исполнения религиозных обрядов».²³⁵ ТЦИК остался к просьбе глух.

Сегодня на месте храма – небольшой сквер.

Троицкая церковь

К сожалению, точных данных, определяющих время перехода Троицкой церкви в юрисдикцию обновленчества, не обнаружено, по имеющимся документам, это пределы 1928 года.

2-го октября 1928 года местком ст. Казань собрал рабочих и служащих, и председатель т. Платонов информировал собравшихся о том, что требуется утвердить общим собранием закрытие Троицкой церкви и передачу её под культурное учреждение членов союза железнодорожников (местком сильно желал иметь помещение для профсоюзной организации), а также и закрытие пивной и винной лавок. Собравшиеся, разумеется, месткомовское решение утвердили.

Вероятно, староцерковная Троицкая община существовала параллельно с обновленческой. К концу октября правящий архиерей архиепископ Афанасий (Малинин) определился с кандидатурой настоятеля Троицкой церкви и назначил на это место о. Николая Евтропова.

20.11.28 фракция ВКП(б) Президиума Горсовета слушала постановление рабочих и служащих при ст. Казань, которым ходатайствовали не только о закрытии Троицкой церкви, но еще требовали закрыть магазин Центроспирта и пивную по Владимирской улице. Постановление – просить ЦИК ТР закрыть Троицкую церковь. К концу года обновленческое движение упрочило свои позиции в Троицком приходе настолько, что 4 декабря в поданных списках служителей культа уже фигурировал священник обновленческой ориентации Александр Иванович Мякинков.

Не столь благополучно, как прежние годы, начался год 1929-й, вернее его зима. НКВД ТР УАдмНадзора 17.01.29 г. № 387 препроводил в Президиум ТЦИК ТССР переписку о закрытии церкви, с мотивацией утвердить решение рабочих именно в их варианте. На заседании Президиума ТЦИК 13 февраля рассматривали ходатайство Казанского Горсовета о закрытии Троицкой церкви, с передачей «её для использования под культурно-просветительное учреждение».²³⁶ Штампованное ходатайство получило постановление в следующем варианте: «против закрытия Троицкой церкви в принципе не возражать»,²³⁷ для чего дали двухнедельный срок НКВД «проработать вопрос и внести на окончательное разрешение Президиума ЦИК».²³⁸

В своей проработке вопроса НКВД не был оригинален, поэтому с грифом «срочно» сообщил, что закрыть храм прямо-таки необходимо. Так же срочно НКФ 27 февраля прислал с курьером письмо в НКВД, в котором выражал свое беспокойство по поводу (согласно дошедшим слухам) закрытия, в том плане, чтобы НКФ все же был поставлен в известность «для приема церковного имущества».²³⁹ Уже 6 марта Президиум ТЦИК вернулся к обсуждению ходатайства КГСа, но на этот раз о закрытии церкви с целью «использования места, занимаемого ею, и строительных материалов от разборки её для постройки хлебозавода».²⁴⁰ Собрание рабочих и служащих ст. Казань МКЖД принимало резолюцию – храм закрыть, но никто не вспомнил, для каких целей. Это решение дало повод к скорейшему рассмотрению вопроса закрытия, и этого было достаточно. В качестве доводки шла аргументация; что есть другие церкви, что хлебозавод необходим, что место, где стоит церковь, единственно приемлемое для строительства, что материал от

сноса и пойдет на строительство. Не нужно быть прозорливым, чтобы предугадать решение ТЦИКовского Президиума – церковь закрыть, договор расторгнуть, вопрос о приобретении строительного материала разбираемой церкви согласовать с НКФ.

Вскоре на обороте листка с выпиской из протокола появилась строка рукописного текста: «Постановление мне объявлено. Врид настоятеля свящ. А. Мякинъков».²⁴¹ И 21-го марта активировали приемо-сдачу имущества закрывшейся религиозной общины верующих Троицкой церкви, «при чем оказалось: каменная одноэтажная крытая железом церковь с каменной оградой и на углу часовня»²⁴². Акт состоял из 124 пунктов наименований имущества, находящегося в наличии, и 31 пункта имущества, «не числящегося в описи».²⁴³ Выяснить причины приостановления решения Президиума ТЦИК не представилось возможным, но твердо можно сказать, что в описываемый период времени храм стоял на прежнем месте в приличествующем виде. Март-апрель 1929 года – это время ликвидации Троицкой церкви как обновленческого прихода и возвращения храма «тихоновцам».

Летом 1930-го, а точнее, 12 августа была проведена мобилизация на «трудповинность». Священник Троицкой церкви отец Николай Евтропов был распределен на Васильевский лесозавод. Естественно, что, находясь на порядочном расстоянии от храма и семьи, отец Николай не мог подобающим образом исполнять ни свои «профессиональные» обязанности, ни семейные. При ежедневном заработке в 1 руб. 56 коп. и обложении налогом в 165 руб. он не имел возможности ни содержать семью, ни пройти курс лечения, в котором остро нуждался. В этой связи он обратился в ноябре того же года в ТатЦИК с просьбой о переводе его на работы в Казань.

В марте 1931 владыка Афанасий хлопотал об освобождении от «трудповинности» настоятелей действующих церквей, в числе прочих и Евтропова, что благополучно и закончилось для священника Троицкой церкви выдачей справки под № 17 от 7.03.31 за подписью Секретаря ТЦИК. Во всей Русской Православной Церкви совершалось течение Великого поста, а вот по отношению к Троицкому храму конец марта был отмечен новой волной собраний желавших закрытия двух церквей – Троицкой и Макарьевской.

Первыми провели собрание рабочие Кожзавода № 1 им. Ленина (23 марта, в количестве 383 человек), они же и постановили: «указанные церкви закрыть и просить Райсовет срочно переделать на общественные нужды района».²⁴⁴ 25-го марта 100 человек рабочих завода «Серп и молот» посчитали закрытие целесообразным, а Троицкую церковь предложили, закрыв, передать под амбулаторию. Марта 31-го вся Пятая пошивочная фабрика внимательнейшим образом слушала докладчицу Блохину, после чего согласилась, что – да, церковь надо «закрыть, а здание использовать под культурные учреждения».²⁴⁵ В Лазареву субботу (4 апреля) столярный цех Шорно-Седельной фабрики № 3 «Большевик» (а это 31 человек) единогласно «отдали» две церкви (Макарьевскую и Троицкую) – первую под столовую, а вторую под амбулаторию. Более объемным, как по числу, так и по формулировке постановления было общее собрание рабочих Обруйного и Раскройного цехов все той же Шорно-Седельной фабрики № 3. Они не только видели Троицкую церковь уже закрытой, но и приспособленной под амбулаторию. Кроме того, «ввиду наступающего

праздника Пасхи... собрание посчитало необходимым отметить день 100% явкой рабочих на производство».²⁴⁶ В общем, «все как один на выполнение промфинплана Шорной фабрики».²⁴⁷ Дальше всех, причем во всех отношениях, шагнула Текстильная фабрика им. Ленина. 7 апреля она собрала 1025 своих рабочих и работниц, которые слушали об антирелигиозной кампании в связи с предстоящим религиозным праздником Пасхи, докладчиком по этой теме был некто Кокин. После кокинского выступления в едином порыве постановили: «организовать 12 апреля, т.е. в первый день Пасхи субботник»,²⁴⁸ по окончании работ провести массовую политучебу по цехам; просить закрыть все церкви, имеющиеся в районе; одобрить антирелигиозную кампанию, проводимую на фабрике, увязав ее с борьбой за выполнение промфинплана.

Апрельский Пленум Пролетарского райсовета заседал два дня (5 и 8 числа), принимая во внимание ходатайства рабочих вышеперечисленных предприятий, решил с закрытием церковей согласиться, просить Президиум ТЦИК о скорейшем утверждении своего постановления, а Президиум Райсовета использовать помещения для общественных нужд.

12-го (т.е. на Пасху) ответственный секретарь Райсовета Шаймухаметов переслал подлинники постановлений собраний заводов и фабрик не менее ответственному секретарю ТЦИКа. Бумаги, как им и положено, пошли по инстанциям разных уровней и ведомств, и в ноябре 1931 года Троицкая церковь стала общежитием рабочих строек в слободе Восстания (так теперь именовали Пороховую слободу).

С течением времени храм все-таки разобрали и действительно, как и планировали еще в 1929-м, на его месте построили хлебозавод, который по сей день стоит.

Позже Троицкая церковь фигурировала только в обращениях обновленческого митрополита Иерофея Померанцева по инстанциям, да и то только как свидетельство утраты позиций обновленчества в городе Казани (в 1934, 35 гг.).

Четырех-Евангелистовская Единоверческая церковь

Во второй декаде февраля месяца 1927 года по всем храмам собирались сведения об общинах. В частности, о Евангелистовской стало известно: община «единоверческого культа; течения Православно-Старообрядческого, не примыкающего ни к обновленцам, ни к староцерковникам; учет верующих не ведется; возглавляется Православно-Старообрядческим епископом Павлом; означенный храм находится под надзором»²⁴⁹ Археологического Общества охраны памятников и старины как историческая древность.

В 1929-м для Никольской Единоверческой церкви ноябрь начался с обсуждения большого вопроса – ввиду того, что закрывали оставшийся Никольский храм (с Преображенским расстались 1 октября), необходимо было начать прорабатывать вопрос о слиянии, для которого избрали 3 ноября общину Четырех-Евангелистовскую (это решение 40 собравшихся членов Николо-Преображенской единоверческой общины).

Процесс слияния потребовал общего для двух общин собрания, его проведение наметили на 8-е декабря, когда планировалось обсудить техническую сторону

вопроса. В назначенный день собралось 30 представителей обеих общин, которые и приняли решение: ходатайствовать перед НКВД о переносе из «Никольского храма особо чтимых икон и необходимых предметов религиозного культа»²⁵⁰ согласно прилагаемому списку; предоставить место в исполнительной тройке представителю Никольской общины (единогласно избрали А.Я. Пчелинцева); дать самостоятельность решений без затрагивания интересов Евангелистовской общины в случае предъявления претензий за время до слияния.

Расставание с храмом Никольская Единоверческая община пережила 17 декабря, именно со дня памяти вмц. Варвары начался отсчет существования объединенных общин, но под именованием «Четырех-Евангелистовская».

На небосклоне Четырех-Евангелистовской общины стали собираться тучи в феврале 1930-го, когда редактор-консультант ТЦИКа тов. Перетц препроводил, согласно секретному циркуляру ТЦИК (имеется в виду циркуляр ТЦИК от 25.07.29 за № 841/с) в Наркомат ВД, переписку о закрытии четырех церквей, в число которых была включена и Четырех – Евангелистовская, на заключение и представление в ТЦИК со всеми материалами, необходимыми для окончательного разрешения вопроса.

1931-й был временем некоторого затишья, поскольку все усилия были направлены на выяснение вопроса о закрытии Духосошестввенской церкви. До единоверцев «руки не дошли». Зато в конце года активисты СВБ начали активное движение в этом направлении.

9 марта 1932 года Президиум КГС на заседании слушал заявление рабочих меховых фабрик с их «персональными подписями с просьбой закрыть церковь Четырех Евангелистов»²⁵¹ и «полученный материал от разборки таковой употребить на строительство».²⁵² И что же Президиум? Он выразил свое удовлетворение работой СВБ и «вполне одобрил предложение рабочих».²⁵³ Затем постановил: «просить ТЦИК утвердить данное решение».²⁵⁴

9-го же числа зам. ПредГорСовета Муратов направил начальнику работы (так именовалась должность руководителя – прим. авт.) СоюзСтройПушнины секретное предписание, в котором сообщил, что «из числа подлежащих в ближайшее время закрытию церквей»²⁵⁵ руководимой им организации для разбора на кирпич передается Четырех-Евангелистовская, заодно и предупредил, что коли в течение трех дней работы не будут начаты, ее передадут другой организации. Поразительно! Еще не успели решить вопрос с закрытием, а уже назначен исполнитель по уничтожению храма. Стало быть, Горсовет ни в коей мере не сомневался в результатах своей затеи. И действительно, Секретариат ТЦИКа 10.03.32 г. слушал ходатайство Горсовета. Учитывая, что рабочие меховых фабрик (285 чел.) «хотят» закрытия храма и его передачи стройконторе «Союзстройпушнины» для строительных надобностей, вынесли решение. Не решение, скорее, приговор – ходатайство удовлетворить, церковь закрыть, материал от разборки использовать для строительства Дворца Культуры и в заключение – довести до сведения церковной тройки общины.

Получив подтверждение о положительном решении своего ходатайства, Казанский Горсовет, точнее, его ответственный секретарь Кутурмин 8 сентября

известил общину «Четырех Евангелистов» о постановлении Горсовета, которым «разрешается и предлагается занять Андреевский храм Богоявленской церкви, в который переселиться сегодня же».²⁵⁶ Зарапортовался ответственный секретарь. В Андреевском храме община проводила богослужения уже с апреля (т.е. пять месяцев). Об этом напomniaла тройка исполнительного органа 26.09.32 г. и сообщила дополнительно о том, что служители культа при названном храме – священник Кряковцев Лука Андреевич и диакон Радаев Иван Гаврилович, что количество верующих – 50 мужского пола и 140 женского.

Тем временем стройконтора «Союзстройпушнины» распоряжение КГСa исполнила точно и в срок: к декабрю на месте Четырех-Евангелистовского храма осталась куча щебня со строительным мусором. А по определению комиссии по делам музеев и памятников старины Четырех-Евангелистовский храм был выдающимся для Казани памятником XVIII века, конструктивно – восмерик на четверике, с особым переходом арок, перекинутых с восточной стены на западную, обработка стен снаружи, несмотря на провинциализм, указывала на сильное влияние форм столичного барокко елизаветинской эпохи. Колокольня того же времени, и сохранность вполне удовлетворительная. Более того, церковь была отнесена к I-ой категории памятников, т.е. ее можно было приспособить подо что угодно, но не разрушать. В который раз мнение ученых было проигнорировано. Каково было смотреть на все это бывшим прихожанам? Жалость, ноющая боль, скорбь наполняли сердца.

В феврале-марте 1934-го количество прихожан заметно поубавилось – 130 человек (напомню, в 1932-м – 190).

Осень 1935-го года запомнилась многим верующим-единоверцам: их немногочисленную общину посетил Единоверческий епископ Вассиан (Веретенников). Разумеется, приезд епископа Саткинского требовал подготовки, поэтому уже в середине августа преосвященный Вассиан заполнил анкету для контролирующих органов, исполнительная тройка к этой анкете приложила заявление, где «покорнейше просила Горсовет»²⁵⁷ разрешить Единоверческому владыке послужить. Разрешение получили 8 сентября, и всенощное бдение, а затем и праздничную литургию на Усекновение главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна возглавлял епископ Вассиан. Необыкновенная радость наполнила сердца пришедших на богослужение. Храм был полным, пришли даже те, кто давно перестал заходить в церковь и все более и более отдалялся от веры предков. Для архипастырского служения в праздник Воздвижения Креста Господня процедура регистрации епископа была соблюдена безукоризненно, в этой связи разрешение на служение ответственный секретарь Культкомиссии Мустафин подписал беспрепятственно. Вновь божественная служба, возглавляемая владыкой Вассианом, наполнила храм молящимися, вновь объединила в молитве с архипастырем.

14-го ноября представитель Четырех-Евангелистовской общины П.Е. Булычков сдал в ТЦИКовскую культкомиссию договор на пользование Четырех-Евангелистовским же храмом и распоряжение Горсовета от 8.04.32 о занятии храма Андрея Первозванного, в чем получил справку. Возникает вопрос – для каких

надобностей Мустафину (секретарю по вопросам культов) понадобилась вся документация по общине и храму, ею занимаемому? Ответ стал ясен через неделю с небольшим. Все просто! Андреевский храм приглянулся физкультурникам, а Горсовет не только поддержал притязания, но и выступил ходатаем по вопросу закрытия.

Президиум ТЦИК 23.11.35 г. решил КГСовское ходатайство удовлетворить, храм закрыть и передать его «на культурные нужды»,²⁵⁸ а общину перевести в Пятницкую церковь, освобожденную от обновленцев. Вот такие «шахматные» перемещения.

Накануне Сретения Господня 1937 года священник единоверческой общины Кряковцев Лука Андреевич получил справку о регистрации, такую же получил и Иван Гаврилович Радаев, но пятью днями позже. Надлежащие органы бдительно следили за установленным порядком. Процедуру регистрации священнослужители всех течений и иерархических принадлежностей проходили ежегодно.

Как известно, именно на 1937-й пришелся пик репрессий. Невовремя поданная заявка на регистрацию или служение без оной расценивались как саботаж или даже контрреволюционная деятельность. К указанным категориям антиобщественных деяний много что относилось, в том числе воззвание, обращенное к прихожанам единоверческих Четырех-Евангелистовской и Никольской общин, где, в частности, говорилось: «На наш храм и причт наложен непосильный налог, который мы выплатить без приходской помощи не в силах. А посему покорнейшая просьба к Вам войти в наше безвыходное положение...».²⁵⁹ В дополнение перечислены жертвователи (один из них, тайный, внес существенную сумму). Осуществлявший негласный надзор за общиной агент тут же доложил своему начальству, и в скором времени Секретарь Культкомиссии имел свою копию «воззвания».

В начале октября 1937 года для госнадобностей понадобилась Пятницкая церковь, и общину единоверцев вместе с соседствовавшими с ней там баптистами перемещают в Петропавловский собор.

На пасхальной седмице 1939 года зарегистрированным священнослужителям сослужил неизвестный служитель культа, которого не предъявили к проверке по окончании службы по требованию представителя власти. Дело усугубилось тем, что ни Кряковцев, ни Радаев не назвали фамилию этого неизвестного.

Этот поступок переполнил «чашу терпения» культкомиссии, и уже 22.04.39 референт (так стала именоваться должность) Мустафин, собрав воедино и подытожив весь имеющийся компромат, составил заключение. В нем он отразил все созданные условия для «нормального существования общин верующих единоверцев»²⁶⁰ – т.е. все перемещения и, что подчеркнуто – без ликвидации, но, «несмотря на это, со стороны общины»²⁶¹ были допущены нарушения существующих законов. Изложенные факты, по мнению референта, «подтверждают преднамеренное нарушение»²⁶² и не дают «возможности дальнейшему существованию общины»,²⁶³ поэтому «служителей культа Кряковцева и Радаева снять с регистрации с 24 апреля 1939 г., а общину верующих-единоверцев г. Казани ликвидировать»²⁶⁴. Последнее, что успели, так это отслужить на Радоницу, вскоре община действительно прекратила свое существование.

В июле 1939-го служителями культа поинтересовался Молотовский РФО, и лишь для того только, чтобы сделать перерасчет по налогам. Общинники же растворились в других приходах. В апреле 1939-го закончилось существование единоверческого благочиния, и приходов, и последней общины, да и единоверия вообще в пределах земли Казанской.

Заккрытие монастырей

Мужские

Иоанно-Предтеченский монастырь

В конце лета 1918г. устои новой власти в Казани основательно пошатнулись. В августе месяце красные были выбиты из города. Мир и порядок восстановились, но ненадолго (на немногим более месяца). 10 сентября белочехи под стремительным натиском красных вынуждены были отступить, а вместе с ними ушла достаточно большая часть горожан, в т.ч. и духовенства. К ушедшим примкнули митрополит Иаков (Пятницкий) и его второй викарий епископ Борис (Шипулин). Епископа Анатолия (Грисюка) – первого викария митрополита, тоже не было в Казани, он принимал деятельное участие в работе сессии Всероссийского Поместного Собора.

Бремя же управления делами Казанской епархии легло на плечи архимандрита Спасо-Преображенского монастыря Иоасафа (Удалова). Епископ Анатолий (Грисюк), возвратившись в Казань, нашел Спасский монастырь закрытым, а его архимандрита нашедшим кров в Ивановском монастыре, где от него и принял отчет о состоянии епархиальных дел, которыми ведал до назначения на Казанскую кафедру правящего владыки, т.е. до середины 1920г. Резиденцией митрополита Кирилла (Смирнова), вплоть до его ареста в 1922г., из-за своего околотремлевского месторасположения стал Ивановский монастырь. Игумен Ивановского монастыря Ефрем получил назначение на настоятельское место в Свияжский Успенский монастырь с возведением в сан архимандрита, а в ноябре 1922 же года был арестован и сослан в Усть-Цильму (после ссылки поселился в Рязани).

Членами Иоанно-Предтеченского религиозного общества на 16.01.26-го заявили себя 100 человек приверженцев староцерковного течения тихоновской ориентации. Настоятельские обязанности и председательство в приходском совете исполнял начиная 1926 года епископ Мамадышский Андроник (Богословский), а обязанности секретаря – иеромонах Палладий (Шерстенников) (позже переведен в Кизический монастырь с возведением в сан архимандрита). Вся Казань знала и уважала старца-епископа, служившего святой Церкви 60 лет, и за время его настоятельства злых деяний в отношении обители никто не мыслил.

В конце 1926-го – начале 1927 года Ивановский монастырь перешел к обновленцам, чему власти ничуть не препятствовали, напротив, поощряли раскольников. «Обнагленцам» (так их прозвали в народе) многое прощалось... до поры. Членов новой общины было 27 человек, во главе стоял митрополит Алексей (Баженов), который разместил в сторожке свою канцелярию, назначив временно

исполняющего должность настоятеля Александра Мятникова. Так Ивановский монастырь встал на путь обновленческой ориентации. Староцерковная же община с причтом была принята Николо-Вешняковской церковью, которая сама далеко не благоденствовала.

В середине января 1928-го в НКВД обратилась, поддерживая заявление епархиального управления, Ивановская община с заявлением на разрешение хождения с иконой Трех Святителей по кантонам – Мамадышскому, Спасскому, Елабужскому и Лаишевскому под ответственность КЕУ. Не обращая внимания на демонстрации разного рода обновленческой лояльности к новому государственному строю, НКВД в ходатайстве отказал.

Весной 1929 года, пытаясь спасти свой храм от разрушения, Георгиевская община указала на закрытые храмы города Казани, среди которых был упомянут и летний храм Ивановского монастыря. Это упоминание не помогло Георгиевскому храму, и к великому сожалению, нашло сторонников разрушения собора. Для оперативного решения поставленной задачи вызвали председателя приходского совета священника Мятникова А.И., заблаговременно сообщив тему разговора. В канун праздника Успения Божией Матери одна из обновленческих общин (Покровская) подала запрос в НКВД, а в самый праздник уже получила разрешение на передачу ей Нерукотворенного Образа Спасителя и иконостаса, находящегося на паперти летнего храма бывшего Ивановского монастыря. Более того, 29 августа все тот же Мятников дал письменное обязательство до 30-го освободить летний собор. В краткий промежуток времени летний собор использовали под библиотеку, но принципиально трагическая участь величественного трехшатрового собора была уже определена, более того – недвусмысленно.

Далее в официальных документах как Ивановская община фигурировала редко, в последний раз – в конце сентября, в жалобе Татстраха в адрес НКВД на неуплату страховых взносов. Пакет документов на перерегистрацию общины, но уже как Введенской церкви бывшего Ивановского монастыря был принят 29 октября, желающих быть членами общины насчитывалось 23 человека. Спешка при освобождении летнего храма спровоцировала неразбериху и путаницу, кроме того, потребовала и составления новой описи. 6 ноября теперь уже Введенская община обратилась в административный отдел ТатНКВД с просьбой о продлении срока подачи новой описи, в которую решили включить только самое необходимое, а лишнее передать в Казанское Епархиальное Управление с тем, чтобы раздать по бедным приходам. Эту просьбу поддержал лично Председатель КЕУ (так называлась должность митрополита Алексия).

8 июня 1930 отдел по делам музеев в ТЦИКе запросил часовню под строительный материал для восстановления поврежденных стен Кремля, вслед за часовней настал черед и монастырской ограды и летнего храма.

Январь 1931 – время жалоб Горфинотдела в Секретариат ТЦИКа на обновленческие общины Покровскую и Иоанно-Предтеченскую как на злостных неплательщиков. Поступившую информацию приняли к сведению и направили в Горсовет юрисконсульту.

К 1934-му в Казани осталось всего два действующих обновленческих храма –

это Пятницкая церковь и Введенская Ивановского монастыря. Прихожане еще трех закрытых и разобранных церквей рассредоточились по действующим приходам. Именно это обстоятельство дало возможность обновленческому митрополиту Иерофею (Померанцеву), сменившего на Казанской кафедре митрополита Алексия (Баженова), обратиться в Культкомиссию ТЦИКа с запросом о передаче кладбищенского храма в ведение Казанского Митрополитанского Областного Управления. Ходатайство удовлетворили.

Через год (в 1935-м) староцерковники дали повод, а обновленцы воспользовались и выпросили Варлаамовскую церковь в свое пользование. В течение еще полутора лет обновленцы заняли Тихвинскую церковь (правда, в обмен на Пятницкую), и поэтому Введенская церковь стала малопосещаемой – постоянных прихожан около 6-8 человек. Скрыть такое положение дел на продолжительное время не удалось. Комиссия при ТЦИКе по улучшению жизни детей обратилась в ТЦИКовскую же Культкомиссию с ходатайством о передаче Введенской церкви под мастерскую. Так решением заседания Культкомиссии от 27 ноября 1936 года единственная церковь монастыря перестала использоваться в качестве культового здания, а стала мастерской «по привитию профессиональных навыков беспризорным и безнадзорным детям».²⁶⁵

Позже в советское время сохранившиеся Введенская церковь и монастырские постройки главным образом использовались под жилье, небольшую площадь занимали комитет по охране памятников и общество любителей кошек. В 1992-м возвращены верующим все постройки монастырского комплекса – Введенский храм, колокольня, настоятельский и братские корпуса.

Кизический монастырь

Монастырь в 1918г. решили использовать под колонию малолетних преступников, там же (правда, за монастырской оградой) расположили отделение гражданской регистрации.

Только в марте 1921 года вспомнили о том, что детей надо переселить в другие помещения. Возможно, что еще побоялись влияния монахов на подрастающее поколение преступников. Так или иначе, но вопрос был поставлен, и «Жилземподотделу» было велено городским исполкомом «в трехдневный срок»²⁶⁶ найти дом для 60-ти детей. Отдел ЗАГСа, точнее, его 7-е отделение «попросили» освободить занимаемое помещение под канцелярию «Реформаториума» – так официально именовалась колония. Кропотливо начали переписку по согласованию этого вопроса на всех уровнях. В конце концов, начальство этого самого «Реформаториума» силой красноармейцев выдворило из занимаемого помещения работников Горзагса. Пока разбирались с вопросами переселений, община (именно в таком варианте регистрировались монастыри, вернее, то, что от них осталось) подобающим образом совершала течение Великого поста и 1-го мая встретила праздник Пасхи. Все, чем побеспокоили общину, так это проверкой имущества в храмах Кизического монастыря еще в марте месяце.

В 1921-м комиссия по отделению Церкви от государства вела делопроизводство по религиозным вопросам, загоняя Церковь в жесточайшие рамки. Вместе с тем

весьма привольно себя чувствовали всякого рода шарлатаны и аферисты. Так, например, 20 августа 1921г. КазГорИсполКом выдал удостоверение за № 1038 некоему Гасневскому Леониду Афанасьевичу, заявившему себя «психо-френологом и гипнотизером», в том, что в течение полутора недель «ему разрешается заниматься в Казани оккультными науками, как-то: графологией, хиромантией, френологией и гипнотизмом, также разрешается печатанье и распространение объявлений о своей деятельности».²⁶⁷ Губмузей также имел виды на монастырские кладбища, в т.ч. и Кизическое. Действительно, там были захоронения известных людей, в частности деда Л.Н.Толстого, памятник с могилы которого в качестве экспоната и присмотрели.

Возглавлял общину иеромонах Палладий (Шерстенников), к 1926г. возведенный в сан архимандрита. А начало 1926-го было положено обычной процедурой финотчетности председателя, перевыборов приходского совета и ревизионной комиссии. Однако для власти этого было мало, и, пользуясь включенным в договор пунктом № 6, в начале мая представители НКВД пришли с проверкой имущества и обнаружили «сокрытые церковные ценности».²⁶⁸ Вследствие этого ЦАУ НКВД препроводило прокурору АТССР все материалы для привлечения виновных к уголовной ответственности (к виновным относились члены исполнительного органа и служители культа). Разбирательства по данному вопросу длились аж до ноября. К списку сокрытых и изъятых вещей прибавили 15 пунктов описи (серебряные сосуды и кресты и малиновую бархатную митру, шитую золотом). Апогеем всего вышеуказанного стало отношение Горчасти НКВД в Горсовет о возбуждении последним ходатайства о расторжении договора и закрытия монастыря.

Начало 1927-го для общины было тревожным, о напряженности позволяли забыть праздники. Взвесив все «за» и «против», власти решили с ходатайством повременить, но опись пришлось изрядно подкорректировать. Отличительная особенность – Кизическая община все еще состояла из монашествующих.

Несколько позже праздника Пасхи 1928г., 26 апреля, в стенах монастыря случилось ЧП – арест уголовным розыском иеромонахов. В тот же день, невзирая на позднее время, собрался церковный совет и подал прошение в НКВД об исключении вышеупомянутых из числа служителей культа Кизической общины. Столь скорые и жесткие меры имели основания (и отнюдь не монашеские подвиги), которые и архимандрита Палладия (Шерстенникова) повергли в шок. Все обстоятельства дела о порядке ликвидации монастырей под грифами «Сов. секретно» и «Срочно» ОГПУ изложило для ТНКВД, ТЦИКа, СНК, фракции Горсовета. При этом попытожило – к 1-му мая ликвидировать в числе действующих и два казанских монастыря, Зилантов и Кизический, с расторжением всех договорных соглашений, выселением с территорий монастырей «монашествующего элемента»²⁶⁹ и изъятием самих монастырей из ведения Музейной комиссии и передачей в распоряжение ГКХ.

По казанской традиции в день Преполовления Пятидесятницы совершался крестный ход с водосвятием на ближайший водоем. В Кизической слободе это был колодец около роши-кладбища. Для соблюдения традиции и обратились в НКВД за разрешением, но получили отказ и прозрачный намек на ликвидацию монастыря,

которая не уничтожала общины. Для перерегистрации в новом качестве необходимо было провести общее приходское собрание, где должны были решиться назревшие вопросы. 17-го июня 54 общинника переизбрали приходской совет, уволили всех монашествующих «и тем самым прекратили существование монастыря»,²⁷⁰ переведя его на положение приходской церкви. Сразу определили штат: настоятель, два священника, диакон, два псаломщика. На настоятельское место пригласили архимандрита Палладия (Шерстенникова), на диаконском месте как «не монашествующий»²⁷¹ оставлен Померанцев, на священническом – иеромонах Порфирий, иеродиакон Варсонофий (Далматов) принят на должность псаломщика, А.Н.Петров остался на прежнем месте псаломщика, протоиерею Михайлову было отказано, протоиерей Красновидов был оставлен на испытательный срок. Единогласно утвердили увольнение иеромонахов Феодота (Калашникова) и Ермогена (Самарина) (как видим, община не судила обо всех священнослужителях по неблагоприятному поведению двух иеромонахов). Обсуждалось и дальнейшее содержание причта, и найм служащих для храма (на «должность» уборщиц, по примеру других церквей, решили принять двух монашек и, через биржу, охранника). Вероятно, не удовлетворившись своим откорректированным материальным положением, диакон Иван Михайлович Померанцев из Кизической общины перешел в Троицкую. Как такового монастыря не стало, хотя члены общины приложили максимум усилий для того, что бы его хоть как-то сохранить – это удалось, но частично. Так прошел 1928-й год.

Шестого ноября 1929-го на заседании Пленума Заречного Райсовета слушали доклад о 12-й годовщине Октября. Праздничную дату решили отметить большим строительством, как строительный материал для одного определили использовать две церкви и две мечети. Несложно догадаться, что Кизическая церковь была одной из намеченных к сносу. Для окончательного закрытия решили поставить вопрос перед рабочими основных Заречных предприятий и Президиумом ТатЦИКа. Прошло всего-то 11 дней, а на заводе № 40 конференция рабслужащих выслушала председателя райсовета Иванова о закрытии и дальнейшем использовании намеченных к закрытию церковей «и постановила единогласно указанные церкви и мечети закрыть».²⁷² Таким образом, ратующих за закрытие набралось 700 человек. 26 числа того же месяца 670 делегатов районного делегатского собрания слушали некоего Новикова о необходимости закрытия церковей и мечетей. Под впечатлением от перспективы постройки бани из кирпича от церковей, женщины постановили просить правительство ТР о скорейшем закрытии (видимо, не терпелось помыться). Не забыли и про колокола – их использовать для переливки на трактора. Тремя днями позже все тот же Иванов бороздил умы рабочих и служащих Текстильной фабрики, куда подтянули красноармейцев 13-го саперного подшефного батальона. Решение стандартное, но принято не единогласно, а большинством голосов – нашлось-таки два человека, которые были против закрытия. Разумеется, их голоса не сыграли серьезной роли, но зато совесть осталась чистой. Все собранные Президиумом ТЦИКа выписки с определением безоговорочной необходимости закрытия культовых зданий были переправлены в Наркомат Внутренних Дел на заключение. А волна собраний захлестнула и две швейные фабрики (5-ю и 6-ю), на

которых опять же единогласно постановили Ягодинскую и Кизическую церкви закрыть, кирпичи употребить на строительство новой бани, мечети использовать под «деточаги». Что сказать, уж больно любили всякого рода сокращения, как в прямом, так и в переносном смысле. На швейной фабрике № 5 не успокоились определением судьбы двух церквей и двух мечетей, но замахнулись и на «моленные баптистов, старовер и еврейские»,²⁷³ и даже потребовали закрыть пивную в Ягодной слободе. Таким был год 1929-й.

Верующие праздновали Рождество Христово 1930г., а энергичный тов. Иванов уже 12 января принимал активнейшее участие в собрании рабочих 3-й пожарной части, где снова муссировали вопрос закрытия церквей и мечетей. Постановление с идеологическим налетом клеймило религию как оружие «эксплоатации рабочего класса»²⁷⁴ и требовало закрытия церквей с непременным снятием колоколов для индустриализации страны – не больше и не меньше.

Общинная же жизнь текла своим чередом. А о том, что церковь закроют, догадывались, но не хотели этому верить. Диакон Михаил Алексеевич Кузнецов на ближайшем же общеприходском собрании заявил об оставлении им должности в Кизической церкви. Отца диакона не держали и заявление удовлетворили.

Через 10 дней (5 февраля) заседала Правительственная Комиссия при ТЦИКе по поводу рассмотрения религиозных дел. Все рассмотрение сводилось к закрытию оптом нескольких церквей, Кизическая церковь шла под вторым номером. Итог рассмотрения дела Кизической церкви таков – «церковь закрыть с передачей здания Заречному райсовету для сноса, с использованием материалов на коммунальные и жилищные нужды Заречья».²⁷⁵ Президиум ТЦИКа продублировал решение своей комиссии, дополнив его согласованием с НКФ вопроса о приобретении строительного материала разбираемой церкви и назначением ответственных наблюдателей за проведением в жизнь постановления. 1 марта 1930 года составлен акт передачи имущества закрытого бывшего Кизического монастыря, он включал 91 пункт. Не забыли под № 81 внести железную дверь. Остаткам общины ничего другого не оставалось, как слиться с ближайшей общиной – Смоленско-Седмиезерной. В штат своей церкви принимающая сторона включила и «наличных служителей культа ликвидированной церкви – протоиерея Михаила Феодоровича Красновидова (58 лет) и иеромонаха Порфирия (55-ти)».²⁷⁶ Об этом в НКВД сообщил совет Смоленско-Седмиезерной общины, что в Козьей слободе, на Фомину неделю 27 апреля 1930 года.

Так из-за неуёмного желания построить баню прекратили существование монастыря, простоявшего без малого два с половиной века.

От монастырского комплекса осталось немного – надвратная церковь и братский корпус, но и на эти остатки нашлись желающие. 23 апреля 1931 под грифом «Строго Секретно» областной комитет ВКП(б) предложил ускорить оформление их передачи ферме ТатСоюза для развертывания пригородного хозяйства.

КазГорСовет затребовал список членов бывшей Кизической общины, присоединившихся к Смоленско-Седмиезерной религиозной общине Козьей слободы, который ему и предоставили. Летом следующего года в числе прочих строений остатками Кизического монастыря занялась организация с коротким

названием «Татстрой». Вовремя подоспевшие работники музейного отдела забили тревогу, на их сигналы в ТЦИК и Горсовет отреагировали, и до сего дня сохранилась «надвратная церковь с примыкающей к ней частью древней монастырской стены и башни бывшего Кизического монастыря»²⁷⁷ – памятника XVII века.

Что же касается монастырского кладбища, то оно, будучи местом захоронения монахов и монахинь казанских монастырей, а также и профессуры Казанского Университета, и купцов, и прочего «контрреволюционного элемента», для советской власти ценности не представляло. Кладбище сровняли с землей, на его месте разбили парк отдыха, а надгробные плиты развезли по стройкам города для фундаментов.

В 2001 году жалкие остатки монастырского комплекса переданы Казанской епархии, которая и ведет восстановительные работы.

Успенский (Зилантов) монастырь

Еще при взятии Казани в 1552г. Царь и Великий князь Иоанн Васильевич Грозный избрал для своего походного лагеря Зилантову гору как господствующую высоту. Его примеру последовали белые войска, выбившие красных из Казани. По возвращении большевики поставили в вину допущение именно этого момента в развитии военных действий настоятелю обители архимандриту Сергию (Зайцеву) и 10-ти насельникам, а так же и участие в обстреле красноармейцев. За что без суда и следствия братию вывели из трапезной за монастырскую ограду и расстреляли. Чудом уцелел только иеромонах Иосиф (Тюрин), который раненым после ухода карателей выбрался из-под трупов расстрелянных. Ну, а после скорой расправы над монастырской братией настал черед и самой обители. Так узнала церковная и городская общественность, что такое «красный террор», и каково отношение государства к отделенной от этого самого государства Церкви.

Некоторое время монастырь пустовал, но вскоре усилиями вернувшегося преосвященного Анатолия (Грисюка) обитель была населена монахинями, однако женскую общину ликвидировали к началу 20-х годов.

С этого времени по новому законодательству многие монастыри регистрировались в качестве общин или религиозных объединений. Вынуждена была так поступить и Успенская обитель, преобразованная в Зилантовскую общину, членами которой на 1921 год, заявили себя 120 человек, а к 1923-му число общинников возросло до 171.

Весной 1923 года Казанский Горсовет вспомнил о существовании Успенского монастыря, однако весьма своеобразно. Горсовет мучился вопросом, возможно ли использовать обитель под «Детский городок» для детей членов союза ткачей с фабрики им. Ленина, поэтому за консультацией обратился в Отдел по делам музеев и охране старины и искусства. Заведующий отделом К.В. Харлампович лично поспешил на осмотр монастыря. Экспертная оценка Горсовет не удовлетворила, и идея «Детского городка» канула в Лету.

На январь 1926 года членов общины было 327 человек. Служителями культа состояли священник Николай Михайлович Троицкий (возглавлял в середине июня 1918 Братство Защиты Святой Православной Веры) и иеродиакон Никодим (в миру

Николай Терентьевич Куликов).

1927-й подтвердил приверженность четырехсот членов общины староцерковному течению, а также молитвенное общение и иерархическую подчиненность епископам Афанасию (Малинину) и Варсонофию (Лузину).

1928-й начался с подачи в контролирующие органы списка служителей культа Зилантовской религиозной общины. И так, на 3 января настоятельские обязанности временно исполнял 56-летний протоиерей Николай Александрович Дягилев, диаконское место по-прежнему было за иеродиаконом Никодимом (Куликовым), второе священническое – за архимандритом Ксенофонтом (Медведевым).

При внешней стабильности весной ситуация вокруг общины начала изменяться, и не в пользу бывшего Зилантова монастыря. С грифами «Весьма срочно» и «Секретно» 18/IV-28 Председателю ТатСовНарКома было отправлено письмо заместителя руководителя завода № 40 им. Ленина. В нем завод просил предоставить монастырь под размещение рабочих, занятых на заводском строительстве. Более того, был установлен срок передачи – не позднее 1-го мая. В этот раз идея перепрофилировать обитель получила развитие. Уже 24 апреля за № 515/с и грифом «Секретно» НКВД предоставил Президиуму ТЦИК краткую справку с приложением акта комиссии по осмотру богослужебных, жилых и нежилых зданий бывшего монастыря. Там же рекомендовалось, принимая во внимание «малочисленность членов общины, бедность в денежных средствах»²⁷⁸ на ремонты и возможность использования этих помещений под поселок рабочих или колонию, договор расторгнуть. Здания, значит, разрушены, а рабочих разместить все-таки можно.

Уже на следующий день, т.е. 25.04.1928, Президиум ТЦИКа, добавив в текст официальной властности, исполнил рекомендацию НКВД. И послушно постановил – договор расторгнуть и монастырь закрыть, право же распоряжения зданиями передать КазГорСовету. Решение такое принято из-за бесхозяйственного содержания бывшего монастыря религиозной общиной, ей-то монастырь оставлять более просто невозможно, равно как передать его какой-либо другой общине. Для жилищных же целей помещения вполне подойдут. Проект резолюции содержал пункт о праве общины обжаловать постановление в Президиуме ВЦИКа в двухнедельный срок, но поскольку «вопрос срочный и надо к 1 мая»,²⁷⁹ вышеупомянутый пункт вычеркнули.

В гарантированном решении вопроса в нужном ключе была заинтересована такая организация, как ОГПУ. 28 апреля за № 4288/с с грифовой пометкой: «Сов.секретно. Срочно. Мратхузину в ТНКВД, копии в ТЦИК, СНК, фр. Горсовета»²⁸⁰ была отправлена депеша по вопросу ликвидации монастырей за подписью Начальника Татотдела ОГПУ Кандыбина и пом.нач. отдела Хандрикова с предписанием «провести в жизнь следующие конкретные мероприятия: 1) к 1-му мая с/г ликвидировать два монастыря: Зилантовский и Кизический; 2) весь монашествующий элемент, а равно и служителей культа с территории монастырей удалить, предварительно расторгнув с ними всякие договорные соглашения; 3) монастыри из ведения Музейной комиссии изъять, передав их в полное распоряжение ГКХ; 4) всю свободную жилую площадь и службы передать для

нужд рабочих завода № 40, а также строительных сезонных рабочих Заречья».²⁸¹ Также заверили, что «будут приняты все меры к тому, чтобы эти мероприятия были проведены в жизнь без всяких осложнений».²⁸² Кто бы после такого определения ближайшей перспективы развития событий усомнился в результатах?

Пока решалась техническая сторона вопроса и планировался расход еще не полученных средств, монастырское имущество начали потихонечку растаскивать, причем все, кому не лень. В этой связи Управление Неналоговых Доходов забило тревогу и дважды обращалось в ТНКВД с просьбой ускорить передачу имущества в Госфонд для реализации «как имущества республиканского значения».²⁸³ В конечном итоге 9 июня 1928 года в присутствии представителей надлежащих органов был составлен акт приема-сдачи для реализации имущества религиозного культа бывшего Зилантова монастыря. Обращает на себя внимание последняя строка этого документа: «колокола остались висеть на колокольне».²⁸⁴

Как только разобрались с движимым имуществом, так сразу же взялись за недвижимость. 15.06.28 НКВД затребовало от ГКХ назначения ответственных лиц «для приема в ведение ГорКомХоза жилых и нежилых зданий».²⁸⁵ В этот же день УНД ТНКФ доложило в НКВД об обнаруженных излишках – стихарь, фелонь, четыре полотенца, серебряная солонка и медное кадило, а 22 июня при перевозке имущества ликвидированного монастыря обнаружили незаприходованную малую серебряную ризу с иконы весом 6-7 золотников, которую зачислили в Госфонд.

Ну, а что община? Община тем временем прилагала усилия, чтобы вернуть в свое пользование хотя бы один храм – Всехсвятский. В начале лета с этим и обратилась в ТЦИК, который запросил в Наркомате Внутренних Дел заключение по возбужденному общиной вопросу. НКВД оперативно в трехдневный срок сформулировал основания для отказа: 1) нерадение общины в выполнении договорных обязательств; 2) наличие других церквей в районе проживания ходатаев; 3) передача имущества Госфонду, а помещений ГКХ; 4) Всехсвятский храм как памятник старины уже передан Музейному отделу ТНКПроса. Движимая желанием сохранить Успенскую обитель, община не удовлетворилась отказом и предприняла последнюю попытку: послала запрос на передачу ей монастырского кладбища (последними там были похоронены убиенный архимандрит Сергей с расстрелянной братией). Вновь закрутилась бюрократическая машина по выработке отказа. Так, юрисконсульт ТЦИКа Перетц дал заключение, что кладбище, конечно, может быть передано общине или даже ряду общин, но при условии заключения договора с ГКХ, кроме того, вопрос об использовании кладбища не имеет отношения к использованию кладбищенских храмов. Объяснения юрисконсульта приняли за основу, и 26.10.28 ЦИК ТР принял такое решение: 1) передача кладбища, находящегося в ограде, равно как и храма, признана нецелесообразной; 2) мотивы общины безосновательны, «т.к. в ограде монастыря хоронилась только «знать» церковная, а последние годы совершенно не хоронили»;²⁸⁶ 3) другое действующее кладбище есть рядом с монастырем. Посему решение от 25 апреля 1928 оставили в силе. Таким образом были совершенно расстроены планы бывшей общины бывшего Успенского Зилантова монастыря. Монастырский комплекс имел внешние очертания несколько месяцев, но молитвы и монашеского делания, наполняющих

содержанием, больше не было.

6.02.29 заседал Президиум ТЦИК, рассматривая ходатайство КГСа о разрешении разобрать четыре казанские церкви, в их числе и Алексеевский храм Зилантова монастыря. ГКХ в течение недели согласовывал этот вопрос с отделом по делам музеев. Принимая во внимание все указания отдела, Горкомхоз доложил об итогах в ЦИК ТатРеспублики. Несколько позже, невзирая на хорошую сохранность, храм разобрали до основания, разобрали и значительную часть монастырской стены с башнями. Кирпич вывезли, а в конце года оставшиеся здания были переданы под общежитие КоммунЖилСтроя.

За советский период «существования» Зилантовой обители от архитектурного ансамбля остался лишь Успенский собор. В 50-х гг. на бывшей монастырской территории размещали исправительную колонию, позже автобазу. Долгое время то, что некогда было Успенским монастырем, находилось в запустении, и только в 1998-м передано Казанскому Епархиальному Управлению Московского Патриархата. Ныне это действующий женский монастырь, который благодаря помощи доброхотов восстанавливается.

Женские

Богородичный монастырь

К моменту возникновения особого интереса со стороны власти к Богородицкой общине, т.е. к концу 1927г., она насчитывала 520 членов, находящихся в молитвенном общении с епископом Афанасием (360 насельниц, 6 священнослужителей и 154 богомольца).

Спокойного течения Рождественского поста в 1928 году не получилось – в продолжение двух дней (24-го и 25-го числа) появлялись неизвестные общине лица для осмотра, без соблюдения надлежащего порядка и случайным богомольцам между прочим сообщали о предстоящем закрытии храма, чем породили волнения в общине. Многие требовали созвать собрание и писать ходатайства. Дабы разрядить обстановку, настоятель Богородичного храма священник Ал. Лебедев по поручению совета общины довел до сведения НКВД, дабы Наркомат поспешил «обратить на вышеуказанные факты свое правительственное внимание»,²⁸⁷ причем пустующий Крестовоздвиженский храм уже был передан «на нужды Государства».²⁸⁸

После составления и отправки вышеуказанного документа члены общины внешне успокоились, но тревога по поводу дальнейшей судьбы того, что прежде именовалось Казанским женским монастырем, разумеется, оставалась. Так начался год 1929-й. Привычная череда праздников – Рождество Христово, Крещение Господне, неизменный крестный ход с водосвятием отодвинули на задний план переживания.

О том, что еще в прошлом году Крестовоздвиженский храм был передан общиной для нужд государства, а документально этот факт нигде не отмечен, вспомнили в феврале наступившего 1929. Пришлось в спешном порядке пополнить перечень вопросов, рассматриваемых на заседании Президиума ЦИКа АТССР, и 13-го числа постановили в отношении этой церкви действие договора прекратить, церковь считать закрытой. Горсовету же предложили использовать помещение «для

расширения школы № 12, находящейся в одном помещении, а НКФу ликвидировать имущество закрываемой церкви»²⁸⁹ по согласованию с музейной комиссией НКПроса и НКВД. Таким образом, к концу месяца официально закрыли домовый храм, который и без того давно не функционировал, поскольку много раньше в этот же корпус поместили школу первой ступени. 1 марта актом за надлежащими подписями передано в Госфонд для реализации имущество «Крестовоздвиженской церкви бывшего Казанского монастыря согласно описи»²⁹⁰ (111 пунктов), помещение же принято на учет ГКХ.

Образовательное учреждение под названием «Татпедтехникум» присмотрело на территории бывшего монастыря тот самый летний храм и решило использовать его под столовую. Оформив надлежащим образом свое решение, профком педагогического техникума переслал документ в Областное Бюро Пролетстуда, которое 15 июля на своем заседании одобрило и поддержало ходатайство, переслав его в Наркомат Просвещения. А он, в свою очередь, о положительном решении вопроса ходатайствовал перед НКВД. Досконально зная механику процесса закрытия храмов, ТатНКВД указал на основную ошибку всей затеи – отношения без подготовки общественного мнения недостаточно, а работа в нужном направлении не ведется. От передачи педтехникуму указанной церкви НКВД ТР воздержался, но это не помешало уже с октября месяца использовать летний храм как складское помещение для хлеба. Однако существовала небольшая неувязка – иконостас. Если он ценен, то его надо сохранить, если же нет, то «об этом сообщить в НКВД, не позднее 5 ноября»²⁹¹ с тем, чтобы на следующий же день приступить к демонтажу. Под грифами «Срочно» и «Секретно» лично нарком внутренних дел Багаутдинов сделал запрос о ценности иконостаса в Академический Центр.

Именно в связи с передачей летнего собора Союзхлебу неспешная жизнь общины была скорректирована – не успевали пересоставить описание Никольского храма. Плановое собрание по вопросу перерегистрации и избрания нового исполнительного органа необходимо было передвинуть на две недели, на 7 ноября, по поводу чего и обратились в НКВД. Изменения Наркомат санкционировал. А 6 ноября секретная часть НКВД получила пространное извещение от музейного отдела Академического Центра при ТНКП о том, что иконостас «по заключению специалистов имеет художественную ценность, но не представляет из себя большой материальной ценности для реализации».²⁹² Рекомендация: желательна иконостас сохранить до «решения о назначении всего памятника в целом»,²⁹³ поскольку он не мешает засыпке зерна. Участь назначения памятника решал Президиум ЦИКа ТССР 16.11.29. Так как община, трезво оценив ситуацию, отказалась от летнего храма, то определение звучало стандартно: «договор, заключенный НКВД с общиной верующих 22 марта 1926 г. в части, касающейся пользования летним храмом, – расторгнуть и здание храма передать в распоряжение Горсовета».²⁹⁴

В назначенный день и час состоялось собрание в присутствии 67 членов общины, которые и решили текущие вопросы. Кредит доверия общины на место председателя исполнительного органа вновь получил Михаил Николаевич Васильевский – 1873 года рождения, бывший профессор КазДА, с 23.12.1918 – сов. служащий; сын кустика. Представитель духовенства в исполнительном органе – Александр

Васильевич Лебедев, 1888 г.р., служащий религиозного культа с 1916 года.

20-го ноября «в присутствии агента Неналоговых доходов ТНКФ Кадырова, представителя НКВД Балугева и священника Казанского монастыря Лебедева»²⁹⁵ был составлен приемо-сдаточный акт имущества летнего храма – с перечнем из 30 пунктов, в котором кроме прочего было два сундука, лестница, три посеребренных люстры, семисвечник с двумя подсвечниками, остальное – мебель (шкафы, комоды, столы, кресла, скамейки).

Список служителей культа, представленный в конце года, включал в себя 5 штатных единиц.

В 1930-м, достойно встретив Рождество Христово, община по обычаю православной Церкви желала совершить крестный ход на реку Казанку в Крещение Господне, для чего, также по обычаю подала заявление в НКВД, с указанием маршрута и просьбой о разрешении. На этот раз НКВД отказал в просьбе, не утруждая себя объяснением причин. 22 февраля община официально отказалась от колокольни, поскольку после снятия колоколов она стала ненужной. Так обстояли дела с культовыми зданиями, а бывшее имущество Казанского Богородичного монастыря особая часть Татнаркомфина по Госфондам бронировала, даже ковры из веревок.

Конец Великого поста был занят разного рода согласованиями, например, в Великий Четверток председатель общины Васильевский подал заявление в НКВД, в котором просил справку для предоставления оной в Налоговое Управление для перерасчета ренты со строений из-за отказа от колокольни. За весь 1930г. материальные дела общины так и не поправились, да и как можно было им поправиться, если монастырь, привыкший жить своим трудом, был лишен не только средств к существованию, но и статуса монастыря, и храмов, и колоколов, и возможности провести крестный ход, и самого уклада монашеской жизни?

Сердце владыки Афанасия кровью обливалось, глядя на такое положение Православия во вверенной его управлению Казанской Церкви. Чтобы сохранить единство паствы в нелегких условиях, созданных советской властью, он пошел на крайний шаг – благословил ликвидировать семь общин, в том числе и Казанско-Богородичную... Совместно с Грузинской она перешла в Петропавловский Собор в январе 1931-го. С тяжелым сердцем, в последний раз как Казанско-Богородичная, община обратилась в ТЦИК за разрешением перенести с собой в Петропавловский Собор предметы церковного имущества, в прилагаемый список включили и раку с частью мощей святителя Варсонофия. Секретариат ТЦИКа препятствий не чинил, но об обязательности юридического оформления напомнил. Днем позже вновь разрешил к переносу иконы, лампы, книги, хоругви и т.п., всего 23 пункта списка. 16-м февраля датирован акт приема-сдачи имущества в Петропавловскую общину. В этот же день подано заявление в Секретариат ТЦИК на разрешение проведения совместного собрания трех общин для избрания исполнительного органа объединенной общины. Виза кратка: «согласиться, довести до сведения адм. органов».²⁹⁶

4 марта Секретариат ТЦИКа решал дальнейшую участь храмовых зданий, принадлежавших еще недавно самостоятельным, а теперь объединенным с другими

общинам. Новизной решение не отличалось – использовать на культурные нужды.

Третьего июня 1931 года исполнительный орган обратился в КазГорСовет с просьбой прописать в сторожку трех монахинь, которые еще в монастыре несли послушание сторожей при церкви Казанского монастыря. Долго не решаясь и раздумывая, Горсовет все-таки дал «добро» на прописку трех «лишенок», с оставлением их на прежней должности.

Так сложилась судьба Казанского Богородичного монастыря, судьба же насельниц складывалась тоже неоднозначно. По воспоминаниям монахини Рафаилы (Михеевой, в схиме Анны): «Семеро изгнанных из монастыря инокинь поселились на Профессорской улице в подвале. Точно помню, что кроме игумении Рахили было две инокини Александры, Наталья, Зинаида (она мне и рассказывала), Анна... Жили, строго исполняя монашеское правило. По смерти игумении одна из сестер вышла замуж, но жизнь не сложилась, – муж повесился. Остальные ради куска хлеба устроились на швейную фабрику, заработали пенсию. Последняя из них дожила до глубокой старости и умерла 93-х лет от роду».

В советский период на территории, некогда принадлежавшей обители, построили табачную фабрику, три жилых дома. От комплекса монастырских построек остался больничный корпус с помещением Крестовоздвиженского храма, но в несколько измененном виде и сейчас используется как учебное здание Пединститута.

Феодоровский монастырь

В результате пересмотра взаимоотношений государства и церкви монастыри регистрировались как религиозные общества. В свете вышеуказанного Феодоровский монастырь с 6 марта 1925 года стал именоваться женской трудовой общиной, на попечение которой с этого времени и передали монастырский комплекс.

Примерно в конце 1926 – начале 1927-го Феодоровская община примкнула к обновленцам, но ненадолго. Во всяком случае, среди документов, составленных Казанским Областным Митрополитанским Управлением, каких-либо упоминаний или ссылок о Феодоровской общине вообще нет, уж тем более как о твердо стоящей на обновленческой позиции.

К концу 1927-го года численность общины выросла до 67-ми человек, что положило начало росту количества членов общины.

По состоянию на 1928г. священнослужителей было всего двое – священник Аркадий Владимирович Преображенский и псаломщик в сане диакона Михаил Федорович Петкевич. К концу года вакансию псаломщика занимал другой человек – Трусев Василий Павлович.

1929-й – год скорби и печали. Пока община праздновала Сретение Господне, ЖАКТ № 21 провел организационно-информативную работу, назначив на 16.02.29г. собрание, основной темой которого были выборы депутатов в Горсовет. В части наказа XIV Созыву Горсовета к основным пунктам 240 участников собрания добавили: «просить Горсовет и другие правительственные учреждения церковь Федоровского монастыря передать под клуб, детсад ЖАКТу № 21».²⁹⁷ Данный вариант наказа принят единогласно, как впрочем, и остальные вопросы повестки. Тремя днями позже копию протокола с ходатайством о передаче церкви ЖАКТ

переслал в соответствующие инстанции с твердой уверенностью в успехе предприятия. В этих самых инстанциях инициативу «снизу» поддержали и, несколько повременив, провели акцию по выявлению формальной причины для расторжения договора.

За дело взялся лично заведующий иностранно-общим отделением НКВД Таипов. Случай вскоре представился. Монахини кормились рукоделием, в частности, стегали одеяла. Узнав об этой статье «дохода», Таипов вместе с инспектором Уголовного Розыска Закировым по всем правилам разведки и оперативной работы 5-го марта в 11 часов ночи прокрался к храму. Убедившись в том, что монахини-охранницы заняты данным видом работы, он потребовал открыть Троицкую церковь, вызвать священника, как представителя общины, и актом зафиксировал нарушение. Данный документ позволил возбудить ходатайство перед ТЦИКом о расторжении договора, с дальнейшим использованием храма под детский сад ЖАКТа № 21. Управлением Административного Надзора НКВД 19 марта в адрес Президиума ТЦИКа было отправлено на рассмотрение ходатайство о закрытии, завизированное тремя надлежащими подписями – наркома внутренних дел Мратхузина, начальника Управления Адмнадзора ТНКВД Апанасова и заведующего общим отделением Таипова. Для усиления эффекта, производимого на Президиум ТЦИКа, указано, что в общине всего-то 60 верующих. Реально же (по состоянию на 11.03.29 г.) община объединяла 463 человека. Долго разбираться в этом вопросе Президиум не собирался и 10.04.29 г. постановил Феодоровскую церковь закрыть. Информировать верующих не спешили, заняв выжидательную позицию. Между тем до общины дошли слухи, что храм собираются закрыть и сделать из него детский сад. По этой причине 28 апреля приходской совет подал в ТЦИК заявление, где обосновал отсутствие причин закрытия выполнением всех условий договора, произведенным в минувшем (1928-м) году ремонтом, крайним местоположением храма, охраной его музейной комиссией как памятника старины, численностью общины. Все приведенные доводы не смогли повлиять на принятое решение, которое огласили председателю религиозной общины Кувшинову, для чего 9-го мая его вызвали в Кремль. Председатель, в свою очередь, данное постановление довел до сведения членов общины. Воспользоваться своим правом обжаловать решение во ВЦИКе общинники решились и 15 мая направили в Москву жалобу.

Взывая к здравому смыслу, 16 мая председатель Кувшинов и еще 20 членов общины подали заявление в ТЦИК с указанием юридических и логических нестыковок в вынесенном решении, еще раз акцентируя внимание на ранее приведенных в апреле доводах. Днем позже местные руководящие органы получили извещение о поданной в Центр жалобе, но ТЦИК по-прежнему был глух к просьбам. Вследствии чего 23 мая в присутствии представителей НКВД ТР, НКФина ТР, Казанского ГКХ и представителей общины – казначея и священника Преображенского, был составлен акт проверки и приемки «как церковных зданий, так и церковного имущества».²⁹⁸ В тот же день приходской совет составил список предметов, предназначенных к перенесению в «соседнюю Грузинскую церковь»,²⁹⁹ в случае если просьба об оставлении храма за общиной «не будет удовлетворена ни ТЦИКом, ни ВЦИКом».³⁰⁰ Несколько позже, 27.05.29, уполномоченный член

общины получил принципиальное согласие НКВД на выдачу просимых предметов.

Возмущенная община 28 мая подала очередное заявление в ТатЦИК с напоминанием о том, что «фактическое изъятие молитвенного здания и культового имущества от верующих происходит лишь после окончательного разрешения этого вопроса Президиумом ВЦИКа». ³⁰¹ До возмущения верующих людей руководящим структурам дела не было, и 30 мая протоколом № 12 Казанский Горсовет решил участь церкви Феодоровского монастыря – передать ЖАКТу № 21 для использования под культурные цели. Этим же днем Госфонд препроводил в НКВД полученное еще 28 мая заявление церковноприходского совета Грузинской церкви, присоединившегося к ходатайству о передаче имущества Феодоровской общины. В течение двух дней, 30 и 31-го мая, инспектор Отдела Неналоговых Доходов ТНКФ Ключников вывез на склады Госфонда все имущество Феодоровского монастыря, включая 8 колоколов, 8 лампад, 25 подсвечников. Общине ничего не оставалось, как слиться с общиной Грузинской церкви, но надежда на возвращение в близкий сердцу храм еще теплилась. Теплилась и тогда, когда переносили чудотворную Феодоровскую икону Божией Матери и копию с неё, чтимый образ вмч. Феодора Стратилата, иконы Св. Троицы, св. пророка Божия Илии, Божией Матери Троеручицы, Казанской, Нерукотворного Спаса, сосуды, кресты, Евангелия, облачения, антимины и зимние рамы, но...

Делопроизводство по закрытию Феодоровской церкви пополнилось двумя телефонограммами – первая от заведующего Секретариатом ТЦИКа в НКВД, которая содержала требование сообщить меру выполнения постановления о закрытии церкви. Вторая – ответ на вышеуказанную: церковь закрыта, «идет вывоз имущества, окончательно здание освободится не позднее 4 июня». ³⁰² Обе телефонограммы датированы 31-м мая. Вскоре Президиуму ТатЦИКа за № С 36526 от 4-го июня пришло требование из ВЦИКа выслать доклад по закрытию, проект и сведения о средствах на переоборудование здания, фотоснимок, список казанских церквей с указанием их распределения среди верующих. Сия депеша закончилась напоминанием, что до решения дела ВЦИКом «здание Феодоровской церкви согласно закона должно находиться в пользовании верующих». ³⁰³ Не отреагировать на бумагу из Центра было невозможно, поэтому повестку заседания Президиума ТЦИКа от 5 июня дополнили рассмотрением ходатайства общины верующих Феодоровской церкви о пересмотре постановления Президиума ТЦИКа о закрытии церкви и приостановке закрытия до разрешения вопроса во ВЦИКе. Постановление по затронутому вопросу позволю себе привести полностью: «Принимая во внимание: а) что никаких новых оснований для пересмотра постановления нет, б) что в течение двух недель со дня объявления общине верующих постановления Президиума ЦИК о закрытии церкви, сведений о подаче жалобы в ЦИК ТР не поступало и о подаче какой сообщено лишь 28 мая, и то без представления доказательств, в) что по сообщению НКВД церковь уже закрыта – Президиум ЦИК постановляет: ходатайство общины верующих оставить без последствий». ³⁰⁴ Как видим, власть умело воспользовалась юридической неграмотностью простого люда.

Для обоснованного ответа Москве стали собирать затребованные данные по

Феодоровской общине. Списки членов церковно-приходского совета и ревизионной комиссии, список членов Феодоровского религиозного общества (463 чел.) также разбит по профессионально-социальному признаку – рабочих 195, домохозяек – 188, служащих – 42, безработных – 14, ремесленников – 8, нетрудоспособных – 7, портных – 4, художников – 2 и мать служащего. К 15-му июня был собран и отправлен полный пакет затребованных Москвой документов. Приходской совет предупредил, что площадь храма весьма мала (5x5 сажений), и переделать его под детский сад невозможно. Убедившись в этом на практике, власти «дали добро» на разборку храма, к каковой и приступили в конце августа. Музейный отдел забил тревогу – сносили памятник архитектуры начала XVIII века. Гневное обращение в ТатЦИК приостановило уничтожение храма и поставило вопрос о дальнейшем использовании бывшего культового помещения.

В сентябре месяце ЦИК ТР привел все бумаги по закрытию Феодоровской церкви в порядок, вследствие чего предоставил решать дальнейшую участь уцелевших остатков монастырского комплекса Горсовету. А он решил их использовать под общежитие студентов Медфармполитехникума. В очередной раз инициаторам закрытия храма желанное помещение не досталось. Весной 1932 года состояние «общежития» контролирующими органами нашли неудовлетворительным. Непременным условием решения назревшей проблемы было предоставление нескольких фанерных домов, причем немедленное, для переселения 60 человек студентов. Монастырь же и ограду его передать КоммунЖилСтрою для разбора на строительный материал. К началу лета от обители ничего не осталось.

Сегодня на месте монастыря располагается НКЦ «Казань».

Заключение

Начало описываемого периода отечественной истории характеризуется чередой потрясений. Февральский переворот, предваренный убийством московского генерал-губернатора, двоевластие, приход к власти большевиков, создание ЧК, декрет об «Отделении Церкви от государства и школы от Церкви», Гражданская война, вновь террор (теперь уже красный), голод в Поволжье...

Прослеживается тенденция уничтожения не только «царского режима», но и Церкви. Храмы при учебных заведениях закрыты в результате проведения в жизнь вышеупомянутого декрета, при медицинских учреждениях и тюрьмах закрыты без особого промедления. Да и неудивительно, ибо оторвать народ от его корней и заполнить образовавшуюся пустоту атеизмом было едва ли не первоочередной задачей. Не вдруг и не сразу, а сначала укрепив свои позиции, новая власть принялась за уничтожение церковной иерархии, духовенства, мирян – собственно народа, формируя новое государство с новыми гражданами. Для обывателя все происходящее казалось страшным сном.

Голод в Поволжье достаточно ловко использовался в борьбе с Церковью. Организованная Комиссия по изъятию церковных ценностей трудилась без устали, отправляя в Центр практически все, что, по мнению ее сотрудников, подлежало изъятию. Лишь усилия музейной комиссии под руководством профессора К.В. Харламповича сохранили от изъятия многие раритеты, и это при том, что мнение

музейной комиссии чаще игнорировалось, чем принималось во внимание.

Дальнейшая тактика казанских властей по закрытию церквей вряд ли сильно отличалась от тактики властей, скажем, нижегородских. В первую очередь самыми разнообразными налогами (по сути, банальными поборами) церковная община доводилась до нищеты, затем под предлогом финансовой несостоятельности предлагалось объединиться с близрасположенной церковной общиной. Верующим ничего не оставалось, как соглашаться на предлагаемые условия, а власть, в свою очередь, снисходительно разрешала перенести с собой чтимые образа, но с обязательным внесением в опись принимающей общины.

Так мало-помалу результате такой «рокировки» к 1940-му году все казанские монастыри были закрыты, не осталось ни одной действующей домово́й церкви, а из приходских осталась только небольшая кладбищенская церковь.

Поразительно другое – как легко народ в большей своей массе обособил себя от Церкви, как быстро отказался от единства с ней. Да что народ?! Священнослужители слагали с себя сан, становясь яркими атеистами! Разумеется, подобного рода поступки судить не нам, более того, их загробная участь уже давно решена. То же самое относится и к «обновленцам» – раскольникам. Памятуя об этом, нам бы не совершить акт малодушия, если, не дай Бог, случится в жизни попасть в аналогичные обстоятельства.

Государственная политика в религиозном вопросе в настоящее время изменилась, и в этой связи возможным стало получение духовного образования, религиозного воспитания. Восстанавливаются храмы, возрождаются монастыри, открываются воскресные школы, православные гимназии и даже православные детские сады.

Изменения в лучшую для Церкви сторону налицо. Статистические данные сегодняшнего дня разительно отличаются от статистики, например, полувековой, 15-ти летней давности. По состоянию на 1 января 2003 года в Казанской епархии действующих приходов 161 (городских – 55, сельских – 106), монастырей 8 (мужских – 6, женских – 2); священников 261, диаконов – 47 (из них монашествующих священников – 52, диаконов – 9); воскресных школ – 45 (в них обучается взрослых – 514, детей – 1709). В кафедральном городе Казани 3 монастыря (2 мужских и 1 женский), приходских храмов 21 (в это число входят 6 храмов вновь построенных и 5 прежде территориально принадлежавших Казанскому уезду).

МОНАСТЫРИ

Мужские:

Иоанно-Предтеченский: наместник – игумен, иеромонах – 1, священноинок – 1, иерей – 1, диаконов – 2, послушник – 1. Кизический: наместник – архимандрит, иеромонахов – 2, послушников – 2.

Женский Зилантов: настоятельница – монахиня, протоиерей – 1, иереев – 2, диакон – 1.

ХРАМЫ:

1. Никольский кафедральный собор (бывш. Николо-Низская (Магистратская) церковь): протоиереев – 4, иереев – 2, диаконов – 4.

2. Петропавловский собор: протоиереев – 2, игумен – 1, иереев – 2, протодиакон – 1, диаконов – 2.

3. Кладбищенская церковь (блгвв. Кнн. Феодора Смоленского и чад его Давида и Константина, Ярославских чудотворцев): протоиереев – 3, иереев – 1, диаконов – 2.
4. Варваринская: протоиереев – 1, иереев – 2, диакон – 1.
5. Богоявленская церковь: протоиереев – 1, иереев – 1, диакон – 1.
6. Тихвинская церковь: протоиерей – 1.
7. Пятницкая церковь: иереев – 2.
8. Софийская церковь (мцц. Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Надвратная церковь бывш. Казанского Богородицкого монастыря): иерей, – 1.
9. Евдокиинская: иерей – 1.
- Подворье Раифского монастыря свв. жен-мироносиц (бывш. церковь Московских чудотворцев): иеромонахов – 2, иерей – 1, иеродиакон – 1.
- А ТАКЖЕ:
- Казанско-Богородицкая церковь (пос. Царицыно): протоиереев – 1, иереев – 2, протодиакон – 1, диакон – 1.
- Церковь Иоанна Кронштадского: игумен – 1, иереев – 3, иеромонахов – 2, диаконов – 3.
- Никольская церковь (с. Красная Горка): протоиерей – 1.
- Церковь Рождества Христова прихода свт. Тихона: иереев – 4, диакон – 1.
- Успенская церковь (пос. Дербышки): иереев – 2.
- Церковь Б. М. Живоносный Источник (пос. Савиново): иерей – 1.
- Церковь Б. М. Умиление прихода прп. Серафима Саровского: иереев – 5, диаконов – 2.
- Церковь Б. М. Смоленской (с. Сухая река): иерей – 1.
- Церковь Сергия Радонежского: иереев – 2, диакон – 1.
- Борисоглебская церковь (пос. Борисоглебск): протоиерей – 1.
- Тихвинская церковь (с. Вознесение): иереев – 2, диакон – 1.
- Что же касается духовного образования, то в Казани открыта Духовная Семинария, в которой на очном отделении обучается 75 воспитанников (данные также на январь 2003 г.). Это обстоятельство вселяет надежду, что предлагаемое исследование будет востребовано не только в качестве справочного материала, но и положит начало новым исследованиям.

Приложение № 1.³⁰⁵

Список Казанских правящих, викарных, староцерковных, обновленческих, единоверческих, старообрядческих архиереев в период с 1917 г. по 1940 г.

Староцерковные

Правящие:

Иаков (Пятницкий) 28.04.1891 хирот. во еп. Балахнинского, вик. Нижегородской епархии; с 29.09.1892 еп. Уманский, вик. Киевской епархии; с 16.01.1893 еп. Чигиринский, вик. Киевской епархии; с 13.01. 1898 еп. Кишиневский и Хотинский; с 19.08. 1904 в сане архиепископа; с авг. 1904 архиеп. Ярославский и Ростовский; с 25.01.1907 архиеп. Симбирский и Сызранский; с 10.12.1910 архиеп. Казанский и

Свияжский; с 28.11.1917 возведен в сан митрополита; с 1919 митрополит Иркутский; с 1920 митрополит Томский; с апр. 1921 на покое; в марте 1922 арестован; ум. в 1922.

Анатолий (Грисюк) с 11.07.1914 епископ Чистопольский, викарий Казанской епархии; с 26.09.1918 по сентябрь 1919 ВРЕМЕННО УПРАВЛЯЮЩИЙ КАЗАНСКОЙ ЕПАРХИЕЙ; с 1922 г. еп. Самарский и Ставропольский; 1924 – 1927 в Соловецком лагере; с 1928 г. архиеп. Одесский; с 21.10.1932 в сане митрополита; 1934 – 1935 управ. Харьковской епархией; в июле 1936 г. арестован; ум. 23.01.1938 в лагере.

Кирилл (Смирнов) с 6.05.1913 архиеп. Тамбовский и Шацкий; с 19.03.1918 митр. Тифлиский и Бакинский; с 1919 г. в заключении; с серед. 1920 митр. Казанский и Свияжский; с апр. 1922 г. в ссылке; с декабря 1929 запрещен в священнослужении; расстрелян 20.11.1937.

Афанасий (Малинин) 8.11.1920 хирот. во еп. Чебоксарского, вик. Казанской епархии; с 3.09.1923. еп. Спасский, вик. Казанской епархии; с апр. 1926г. еп. Чебоксарский, вик. Казанской епархии; с 24.04.1929 в сане архиепископа; с 1930г. архиеп. Казанский и Свияжский; с 23.03.1933 архиеп. Ташкентский; с 11.08.1933 архиеп. Саратовский; с 30.09.1935 епархией не управлял; ум. 14.05.1939 в ссылке.

Серафим (Александров) с 19.03.1918. еп. Полоцкий и Витебский; с сент. 1918 г. управ. Тверской епархией; с 1919 г. еп. Тверской и Кашинский; с 1922 г. в сане архиепископа; с 24.03.1924. в сане митрополита; с 15.06.1928 г. митрополит Саратовский; с 11.08.1933 митрополит Казанский и Свияжский; с 15.11.1936 на покое; расстрелян 2.12.1937.

Варлаам (Козуля) с 1.08.26. еп. Бершадский, вик. Подольской епархии; с сент. 1928г. еп. Винницкий; с янв. 1931 г. по февр. 1934 г. выслан из Винницкой обл. в Казахстан; с апр. 1934г. еп. Златоустовский, вик. Свердловской епархии; с 17.08.34. еп. Сарапульский, вик. Вятской епархии; с 17.01.1935 еп. Осинский, врем. управ. Пермской епархии; с 21.06.35. еп. Марийский, вик. Горьковской епархии; с половины апр. 1936 г. ВРЕМЕННО УПРАВЛЯЮЩИЙ КАЗАНСКОЙ ЕПАРХИЕЙ; с 29.01.1937 еп. Сызранский; с 23.05.1937 еп. Оренбургский и Тургайский; 2.08.1937 арестован; 10.10.1937 расстрелян.

Венедикт (Плотников) 15.08.1920 хирот. во еп. Кронштадтского, вик. Петроградской епархии; с 18.12.1925 епархией не управлял; с 1926 г. по 1929 выслан в Сибирь; с 1929 по 1932 на покое с проживанием в Нижнем Новгороде; с 1932 г. управ. Вологодской епархией; с 4.04.1933 в сане архиепископа; с 16.06.1933 архиеп. Вологодский; с 5.10.1933 архиеп. Новгородский; с авг. 1936 г. на покое; с 20.12.1936 архиепископ Казанский и Свияжский; с февраля 1937 г. епархией не управлял; с 23.05.1937 на покое; расстрелян осенью 1937 г.

Никон (Пурлевский) 14.04.1920 хирот. во еп. Рыльского, вик. Курской епархии; с 1921 г. еп. Белгородский, вик. Курской епархии; в 1922 уклонился в обновленческий раскол; в марте 1924 принес покаяние; с кон. 1924 г. еп. Белгородский; с 1924 г. по 1926 г. в Соловецком лагере; с 1927 по март 1930 епархией не управлял; апрель – май 1930 в Казани; июнь – ноябрь в Баку; с 16.06.1930 еп. Бакинский; с 06.11.1930 по 1932 еп. Ржевский; с 1932г. по 1933 еп. в Торжке; с 01.11.1933 архиеп. Архангельский; с 05.06.1937 архиеп Казанский; арестован 17.12.1937 г.; расстрелян

27. 12. 1937 (по другим данным 9.01. 1938).

Андрей (Комаров) хирот. 31.12.1923. во еп. Балашовского, вик. Саратовской епархии; 14.01.1924 – 6.03.1926 временно управ. Саратовской епархией; с 26.07.1926 еп. Новоторжский, вик. Тверской епархии; с 29.01.1928 еп. Петровский, вик. Саратовской епархии; с 12.11.1928 еп. Вильский, вик. Саратовской епархии; с 28.10.1929 временно управ. Астраханской епархией; с 13.10.1933 еп. Астраханский; с 3.01.1934 в сане архиепископа; с 27.04.1939 на покое; с 12.09.1941 архиеп. Куйбышевский и Сызранский; с 9.12.1941 архиеп. Саратовский; с 28.05.1942 архиеп. Горьковский и Арзамасский; с 13.06.1942 архиеп. Саратовский; с 26.08.1942 архиеп. Казанский, но на епархии с окт. 1944г.; с 14.04.1944 архиеп. Днепропетровский и Запорожский; ум. 17.07.1955.

Викарные:

Андрей (Солнцев) хирот. 7.11.1932. во еп. Пугачевского, вик. Куйбышевской епархии; с 26.04.1934. еп. Чистопольский, вик. Казанской епархии; с 17.09.1935 еп. Сергачский, вик. Горьковской епархии; с 30.11.1935 еп. Бугурусланский; с 20.12.1936 еп. Рыбинский, вик. Ярославской епархии; ум. 12.01.1937.

Андроник (Богословский) хирот. во 1926 во еп. Мамадышского, вик. Казанской епархии; ум. 26.01.1928.

Антоний (Миловидов) хирот. 6.06.1925. во еп. Усть-Катаевского, вик. Уфимской епархии; с 27.04.1928. еп. Бугульминский, вик. Казанской епархии; в ноябре 1936 арестован (еп. Омский); дальнейшие сведения отсутствуют.

Борис (Шипулин) с 12.02.1915 еп. Чебоксарский, вик. Казанской епархии; с 1918 еп. Киренский, вик. Иркутской епархии; с 1921 г. еп. Уфимский; с 1927 г. в сане архиепископа; с 15.09.1927 архиеп. Тульский; 1927 – 1934 епархией не управлял; с 8.05.1935 архиеп. Томский; с 27.05.1935 епархией не управлял; с 28.02.1936 архиеп. Ташкентский; ум. 1937.

Варсонофий (Лузин) 12.04.1926 хирот. во еп. Спасского, вик. Казанской епархии; с 24.04.1929 управ. Иркутской епархией; с 25.07.1930 еп. Владивостокский; расстрелян 9.09.1937.

Иоасаф (Удалов) 12.07.1920 хирот. во еп. Мамадышского, вик. Казанской епархии; с 1922г. еп. Чистопольский, вик. Казанской епархии; с 1929 г. в лагере в Сибири; с 1936 г. на свободе; 13.12.1937 арестован; расстрелян 2.12.1937.

Ириной (Шульмин) 27.01.1923 хирот. во еп. Кувшинского, вик. Свердловской епархии (единоверческой); с 2.11.1923 еп. Мензелинский; с 26.05.1924 еп. Мамалыжский, вик. Сарапульской епархии; с янв. 1926 в «григорианском» расколе; в мае 1926 принес покаяние; с 1929 г. еп. Елабужский, вик. Казанской епархии; с 1930 еп. Бугурусланский; 1930 – 1934 еп. Мамадышский; с 1934 еп. Пензенский; с 21.05. 1935 еп. Куйбышевский; расстрелян в 1937 г.

Палладий (Шерстенников) 14.12.1930 хирот. во еп. Елабужского, вик. Казанской епархии; с 1933 г. еп. Ржевский, вик. Смоленской епархии; с 1935 г. еп. Ржевский, вик. Калининской епархии; с 1936 г. еп. Олонецкий и Петрозаводский; с 1937 г. еп. Калининский и Павлодарский; с 18.11.1948 архиеп. Омский и Тюменский; с 21.02.1949 архиеп. Иркутский и Читинский; с 20.02.1958 архиеп. Саратовский и Вольский; с 14.07.1959 архиеп. Саратовский и Сталинградский; с 29.05.1963 архиеп.

Орловский и Брянский; с 25.02.1968 в сане митрополита; ум. 23.04.1976.

Обновленческие

Алексий (Баженов) с 1917 г. еп. Елизаветградский, вик. Одесской епархии; с 1921 г. еп. Тираспольский, временно управ. Одесской епархией; с 1922 г. в обновленческом расколе, вскоре обновленческий митрополит Казанский.

Иерофей (Померанцев) 26.12.1919 хирот. во еп. Юрьевского, вик. Владимирской епархии; с 1923г. еп. Иваново-Вознесенский, вик. Владимирской епархии; с 1923 г. в обновленческом расколе, будучи в котором последовательно занимал Нижегородскую, Крымскую и Казанскую обновленческие кафедры; арестован 4.08.1938 г., дальнейших сведений нет.

Мелхиседек (Николаев) 26.09.1920 хирот. во еп. Каширского, вик. Тульской епархии; с мая 1922 г. в обновленческом расколе; с сент. 1922 г. архиеп. Новочеркасский; с февр. 1924 г. архиеп. Владикавказский; с нояб. 1925 архиеп. Ярославский; с нояб. 1926 митрополит Тверской; с 1928 г. митрополит Новгородский; с июня 1932 митрополит Петрозаводский; с дек. 1933 настоятель собора г. Задонска Воронежской обл.; с авг. 1934 митрополит Борисоглебский (Воронежск. обл.); с 6 сент. 1935 митрополит Чистопольский Тат. Республики; в 1944 принес покаяние.

Единоверческие, старообрядческие

Вассиан (Веретенников) 20.09.1926 хирот. во еп. Саткинского; с 22.12.1933 еп. Керженский и Мстерский; 2.03.1936 арестован; 22.04.1936 выслан в ИТЛ Новосибирской обл., где вторично осужден и расстрелян 31.10.1937.

Павел (Волков) 17.07.1922 хирот. во еп. Керженского (единоверческого), вик. Нижегородской епархии; с 1922 в обновленческом расколе, вскоре принес покаяние и оставлен на прежней кафедре; в 1929 добровольно сложил сан; дальнейших сведений нет.

Приложение № 2.³⁰⁶

Храмы г. Казани до 1917 года

Соборы

Кафедральный Благовещенский собор

Каменный, построен в половине XVI столетия первым архиепископом Казанским свт. Гурием; освящен в 1562 г. в честь Благовещения Пресвятыя Богородицы. В 1842 г. пристроена трапеза и два боковых придела: с правой стороны в честь Рождества Христова, с левой – во имя свв. блгг. кнн. Бориса и Глеба. В колокольне в 1832 г. устроена церковь во имя второго архиепископа Казанского Германа. Под главным алтарем, на месте погребения некоторых усопших святителей Казанских, в 1896 г. устроена церковь во имя Всех Святых. В соборе в серебряной раке

почивают мощи свт. Гурия, Казанского Чудотворца. Собор бесприходный.

Владимирский собор

Храмов три: холодный и два теплых. Холодный каменный, построен в 1718 на средства прихожан, однопрестольный во имя Владимирской Б.М.; первый теплый – однопрестольный в честь Рождества Христова, второй – во имя Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих радость», оба эти храма каменные, построены неизвестно когда и на какие средства. Местночтимая Владимирская икона Б.М.

Петропавловский собор

Построен в 1726 г. на средства купца И.А. Михляева, каменный, двухэтажный, трехпрестольный: в верхнем холодном этаже – во имя свв. апп. Петра и Павла, в нижнем теплом в честь Сретения Господня и придел во имя Божией Матери Неопалимыя Купины. Местночтимые иконы: Божией Матери Споручницы грешных, Божией Матери Живоносного Источника и свв. апп. Петра и Павла. Приходское попечительство с 1894.

Успенский собор

Построен в 1799 г. на средства купца И.С. Жаркова, каменный, трех-престольный: главный холодный в честь Успения Божией Матери, приделы теплые – с правой стороны в честь Сретения Господня, с левой во имя Иоанна Дамаскина.

Приходские

Кладбищенская церковь

Каменная, построена в 1796 г. на средства Казанского Городского общества, теплая трехпрестольная: главный престол во имя свв. блгвв. кнн. Феодора и чад его Давида и Константина Ярославских чудотворцев; приделы – с правой стороны во имя свт. Николая Чудотворца, свт. Льва Папы Римского и прп. Марфы, с левой во имя св. Никифора, Патриарха Цареградского. Церковь бесприходная.

Боголюбская церковь

В Адмиралтейской слободе, каменная, построена в 1835 г. на средства купца Сергея Егоровича Павлова, теплая, трехпрестольная: главный престол в честь Боголюбской иконы Б.М., приделы – с правой стороны во имя св. вмц. Екатерины, с левой – во имя свт. Николая Чудотворца. Местночтимая Боголюбская икона Б.М.

Богоявленская церковь

Храмов два: холодный и теплый, неизвестно когда и на какие средства построены, оба каменные. Холодный храм двухпрестольный: главный престол в честь Богоявления Господня, придел с правой стороны во имя св. первомч. и архидиакона Стефана; теплый также двухпрестольный: главный престол во имя св. Апостола Андрея Первозванного, придел с правой стороны во имя свв. мчч. блгв. кн. Михаила Черниговского и боярина его Феодора. Приходское попечительство с 1868 г.

Борисоглебская церковь

В Плетенях, построена в 1816 г. на средства прихожан, каменная, теплая, трехпрестольная: главный престол во имя св. мчч. блгв. кнн. Бориса и Глеба, приделы с правой стороны в честь Усекновения главы иоанна Предтечи, с левой – во имя св. вмц. Екатерины.

Варваринская церковь

Каменная, неизвестно когда и на какие средства построена, теплая, двухпрестольная: главный престол во имя св. вмцц. Варвары, придел во имя свв. Жен Мироносиц. Приходское попечительство с 1899 г.

Варлаамовская церковь

Каменная, построена неизвестно когда и на какие средства, теплая, двухпрестольная: главный престол во имя Смоленской иконы Б.М., придел во имя прп. Варлаама Хутынского. Приходское попечительство с 1890 г.

Вознесенская церковь

Храмов три, все каменные и теплые, построена неизвестно когда и на какие средства. Первый храм, в коем совершается постоянное богослужение, – в честь Вознесения Господня; второй в честь Знамени Пресвятыя Богородицы; третий, пристроенный ко второму, во имя св. вмч. Иоанна Воина. Приходское попечительство с 1899 г.

Воскресенская церковь

Каменная, построена в 1890 г. на средства прихожан, теплая, трех-престольная: главный престол в честь Обновления храма Воскресения Христова, приделы – с правой стороны в честь происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня, с левой – во имя Всех Святых. Вторая церковь также каменная и теплая, в колокольне, во имя прп. Сергия Радонежского Чудотворца, построена в 1839 г. на средства купца Леонтия Крупеникова. Приходское попечительство с 1869 г.

Георгиевская церковь

Каменная, построена в 1717 г., теплая, трех-престольная: главный престол во имя св. вмч. Георгия Победоносца, приделы – с правой стороны во имя св. вмч. Дмитрия Солунского, с левой прп. Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев.

Грузинская церковь

Каменная, неизвестно когда и на какие средства построена, теплая, трехпрестольная. Главный престол во имя Грузинской иконы Б.М., приделы – с правой стороны во имя свт. Митрофана (Воронежского), с левой – во имя Св. Троицы. Местно-чтимая храмовая Грузинская икона Б.М. приходское попечительство с 1898 г.

Духосошестввенская церковь

Построена в 1731 на средства купчихи Е.И. Михляевой, теплая, двухпрестольная:

главный престол в честь Сошествия Св. Духа на Апостолов, придел с левой стороны во имя св. сщмч. Харлампия. Приходское попечительство с 1898 г.

Евдокиинская церковь

Каменная, построена в 1734 г. неизвестно на какие средства, теплая, двухпрестольная: главный престол в честь Нерукотворенного Образа Спасителя, придел во имя прпц. Евдокии. Приходское попечительство с 1898 г.

Ильинская церковь

Построена в XVII столетии неизвестно на какие средства, каменная, двухпрестольная: главный престол холодный во имя св. прор. Илии, придел теплый во имя Толгской иконы Б.М. Приходское попечительство с 1898 г.

Кирилло-Мефодиевская церковь

Построена в 1889 г. старанием протоиерея Петра Диомидовича Миловидова, каменная, теплая, трехпрестольная: главный престол во имя свв. равноап. Кирилла и Мефодия учителей Словенских, приделы с правой стороны во имя Николая Чудотворца, с левой – во имя св. равноап. кн. Владимира. Приходское попечительство с 1902 г.

Макарьевская церковь

В Адмиралтейской слободе каменная, построена в 1712 г. неизвестно когда и на какие средства, теплая, трехпрестольная: главный престол в честь Рождества Пресвятыя Богородицы, приделы – с правой стороны во имя прп. Макария Желтоводского Чудотворца, с левой – во имя прп. Спиридона Тримифунтского Чудотворца. Последний придел устроен в 1895 г. на средства купца Спиридона Ал. Васильева. Приходское попечительство с 1882 г.

Михаило-Архангельская церковь

Построена неизвестно когда и на какие средства, каменная, теплая, трехпрестольная: главный престол во имя Архистратига Божия Михаила, приделы – с правой стороны во имя Казанской иконы Б.М., с левой – во имя свт. Николая Чудотворца. Приходское попечительство с 1897 г.

Московских Чудотворцев церковь

Построена в 1739 г. неизвестно на какие средства, каменная, двухэтажная, двухпрестольная: в верхнем этаже – холодный храм во имя Святителей Московских: Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, в нижнем – теплый во имя св. свт. Николая Чудотворца.

Николо-Вешняковская церковь

Построена в 1853 г. на средства купца Сергея Егоровича Павлова, каменная, теплая, трехпрестольная: главный престол в честь Введения во храм Пресвятыя Богородицы, приделы – с правой стороны во имя Алексия Человека Божия, с

левой – во имя свт. Николая Чудотворца. Приходское попечительство с 1899 г.

Николо-Ляпуновская церковь

Храмов два: первый построен в 1695 году на средства Ляпунова, каменный, теплый, двухпрестольный: главный престол во имя свт. Николая Чудотворца, придел во имя Архистратига Божия Михаила; второй храм также каменный и теплый, построен в 1736 г., однопрестольный в честь Обновления Храма Воскресения Христова. Приходское попечительство с 1892 г.

Николо-Низская (Магистратская) церковь

Храмов два: теплый и холодный, теплый храм построен в 1885 г. на средства прихожан, однопрестольный во имя свт. Николая Чудотворца, холодный построен в XVII столетии, также однопрестольный в честь Покрова Пресвятыя Богородицы; оба храма каменные и разделяются между собой одной стеной. Местночтимые иконы свт. Николая и св. мч. Иоанна Воина.

Николо-Преображенская единоверческая церковь

Храмов два, оба каменные: один холодный, построен в 1862 году на средства купца Арсения Кондратовича Подуруева, однопрестольный во имя свт. Николая Чудотворца, другой теплый, создан в 1870 г. на средства прихожан двухпрестольный: главный престол в честь Преображения Господня, придел – во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость». Приходское попечительство с 1899 г. При церкви имеется богадельня и общежитие.

Покровская церковь

Каменная, построена в 1883 г. на средства прихожан, теплая, пятипрестольная: главный престол в честь Покрова Пресвятыя Богородицы, приделы в передней части храма – с правой стороны во имя Архистратига Божия Михаила, с левой – во имя свт. Николая Чудотворца, в западной части храма – с правой стороны во имя св. блгв. кн. Александра Невского, с левой – во имя свт. Тихона Задонского и Тихона Амафунтского Чудотворцев. Старый храм также каменный, построен неизвестно когда, однопрестольный в честь Покрова Пресвятыя Богородицы, в трапезной части этого храма помещается библиотека-читальня в память св. кн. Владимира и 900-летия крещения Руси. Местночтимая храмовая икона Покрова Пресвятыя Богородицы. Приходское попечительство с 1867 г.

Пятницкая церковь

Каменная, построена неизвестно когда и на какие средства, теплая, трехпрестольная: главный престол в честь Рождества Пресвятыя Богородицы, приделы – с правой стороны во имя свт. Гурия, Варсонофия и Германа Казанских Чудотворцев, с левой – во имя св. мчц. Параскевы. Приходское попечительство с 1899 г.

Мужские

Архиерейский Дом (Воскресенский монастырь)

Первое здание Казанского Архиерейского Дома построено было первым Казанским архиепископом святителем Гурием вблизи Кафедрального собора. С течением времени здание обветшало, почему для проживания Казанских архиепископов был выстроен загородный Воскресенский монастырь, в семи верстах от Казани, на озере Кабане. В настоящем виде городской Архиерейский Дом построен в 1829 г. на Высочайше пожалованные суммы.

Храмы Архиерейского Дома: а) в городском доме – домовая крестовая церковь во имя свт. Гурия. б) в Воскресенском монастыре: 1) каменный двухэтажный собор в честь Обновления Храма Воскресения Христова, 2) каменная церковь во имя св. Тихона Амафунтского, 3) домовая церковь в честь Вознесения Христова.

Здания Архиерейского Дома: в городском доме – 1) каменный двухэтажный корпус, в котором находится Крестовая церковь, архиерейские покои, братские комнаты и кухня; 2) каменный флигель, занятый службами; 3) каменный новый певческий корпус и 4) каменный каретник и конюшни на консисторском дворе.

В загородном доме: 1) каменный двухэтажный корпус, занятый покоями архиепископа, домовою церковью, братскими кельями и кладовыми; 2) каменный флигель, занятый кухней и трапезной; 3) другой такой же флигель, в котором помещается церковно-приходская школа и службы; 4) пристроенный к последнему небольшой двухэтажный корпус, занятый братскими кельями.

Угодья Архиерейского Дома. 1) при загородном доме сад; 2) при том же доме земля с лесом в количестве 406 десятин 2366 кв. саж.; 3) пахотная земля в лесной даче «Гари», в количестве 30 десятин; 4) земля, называемая «Гривкой», между дачами деревень Горки и Аметьевской, в количестве 10 десятин 170 саж.; 5) в г. Казани на Рыбнорядской улице каменная лавка; 6) озера Ближний и Дальний Кабан; 7) озеро в 52 десятин 855 кв. саж., с 15 десятинами 200 саж. земли при нем, при с. Тарлашах, Казанского уезда; 8) «Красное озеро» с другими близ его находящимися озерами и источниками в Спасском уезде; 9) мукомольная вальцовая мельница на р. Казанке при с. Савинове; 10) подворье в Москве, в Ветошном ряду, состоящее из каменного трехэтажного дома.

Иеромонахов трое, иеродиаконов два, монах один, послушников 9 человек.

Спасо-Преображенский монастырь (в Кремле)

Второклассный, необщежительный, возник в 1556 г. по воле и на средства царя и великого князя Ивана Васильевича Грозного. Строителем монастыря был присланный в Казани вместе с св. Гурием, первым архиепископом Казанским, св. Варсонофий.

Храмы монастыря. 1) главный соборный теплый храм в честь Преображения Господня с приделом на правой стороне во имя св. Варсонофия; 2) Теплая церковь

во имя св. Николая Чудотворца, носившая первоначально название церкви Николы Ратного. 3) Холодная церковь во имя св. мч. Киприана и Иустины, построена царем Иоанном Грозным. 4) Церковь во имя св. вмц. Варвары над воротами; над этой церковью каменная колокольня с часами.

Святые и достопримечательности монастыря. 1) Мощи св. свт. Варсонофия, покоящиеся в серебряной раке в правой стороне главного храма. 2) Замечательный по своей древности запрестольный образ Б.М. Тихвинской, помещающийся в приделе во имя свт. Варсонофия. 3) Священные сосуды, воздухи, кресты – работы XVII в. 4) Большое Евангелие в окладе старинной чеканной работы. 5) Устав, первая половина которого написана рукой самого свт. Варсонофия. 6) Деревянный посох и вериги св. Варсонофия.

Здания монастыря. 1) Двухэтажный каменный корпус, занятый миссионерскими курсами. 2) Двухэтажный каменный корпус для братии с примыкающим к нему другим таким же корпусом, занятым кельями, кухней и трапезной. 3) Так называемый «климентовский» корпус, также двухэтажный, каменный – в нем в настоящее время помещаются слушатели миссионерских курсов. 4) Одноэтажный каменный флигель, в нем помещается монастырская школа. 5) каменный флигель, в коем помещается книжная лавка.

Угодья и средства монастыря. 1) Сенные покосы в количестве 19 десятин 246 сажень между деревнями – Малыми Отарами и Победиловой, Казанского уезда, и около деревни Большие Отары, того же уезда, в количестве 6 десятин 1987 сажень. 2) сенные покосы в количестве 183 десятин 2160 сажень и пахотной земли 45 десятин в Козмодемьянском уезде при селе Ильинской Пустыни. 3) Рыбные ловли в Лаишевском и Спасском уездах под названием «Шалбинские озера с истоками». 4) Сенные покосы, образовавшиеся из-под пруда сгоревшей в 1814 г. монастырской мельницы, при дер. Кабачищах, Казанского уезда. 5) Дача «Подсека» близ Казани, состоящая из 21 десятины 1360 саж. земли. 6) Лесной участок в 103 дес. 840 саж. при селе Красной Горке, Казанского уезда.

В монастыре помещаются состоящие при Казанской Духовной Академии миссионерские курсы. При монастыре церковно-приходская школа.

Настоятель – Преосвященный епископ Чистопольский, первый викарий Казанской епархии, ректор КазДА, наместник – архимандрит, он же наблюдатель миссионерских курсов при КазДА, игумен, иеромонахов – четверо.

Иоанно-Предтеченский монастырь

Нештатный, необщежительный; основание его относится к 1567 г. История возникновения и построения монастыря неизвестна.

Храмы монастыря: 1) Каменная двухэтажная церковь в честь Усекновения Главы Св. Иоанна Предтечи. Церковь начата постройкой в 1887 году на месте разобранного с разрешения Св.Синода древнего храма. В верхнем этаже два придела: во имя св. Иннокентия Иркутского и во имя свт. Германа Казанского; в нижнем этаже также два придела: во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость» и во имя свв. семи отроков, пострадавших во Ефесе. 2) Зимняя, теплая, церковь в честь Введения во храм Пресвятыя Богородицы.

Здания монастыря. 1) Каменный новый трехэтажный настоятельский корпус. 2) Примыкающий к зимнему храму корпус, каменный, трехэтажный, занятый кельями братии. 3) Каменный двухэтажный корпус, обращенный лицевым фасадом к гостиному двору. 4) Каменные погреба.

Угодья и средства монастыря. 1) Пахотная и сенокосная земля при с. Тарлашах, Казанского уезда, в количестве 18 десятин 1450 саж. 2) Пахотная и сенокосная земля в том же уезде при с. Каймарах в количестве 11 десятин 2054 саж. 3) Пахотная земля при дер. Мрясовых Челнах, Спасского уезда, в количестве 70 десятин. 4) Рыбные ловли в Лаишевском уезде при с. Тетееве. 5) Мукомольная мельница при дер. Диком Поле, Лаишевского уезда. 6) Земля, отчасти занятая лесом, в количестве 76 десятин 1656 саж. вблизи Казани, за Кизической слободой.

Настоятель архимандрит, иеромонахов четверо, иеродиаконов двое, монах и послушников 14 человек.

Кизический монастырь

Третьеклассный, необщежительный, основан, по монастырским древним документам, в 1687-1691 гг.

Храмы монастыря: 1) Соборный теплый храм в честь Введения во храм Пресвятыя Богородицы с приделом во имя свв. девяти Кизических мучеников; 2) Теплый каменный храм над воротами во имя св. блгв. кн. Владимира; 3) Каменный храм в честь Успения Пресвятыя Богородицы.

Святые и достопримечательности монастыря: 1) Чудотворная икона свв. девяти Кизических мучеников с девятью частицами их св. мощей; эти частицы св. мощей привезены в Россию при Царе Михаиле Феодоровиче и присланы в Казань патриархом Адрианом. 2) Кизический образ Божией Матери, написанный на полотне и наклеенный на доску; икона древнего и очень художественного письма. 3) Вилейская икона Божией Матери в серебряной ризе, с украшениями из жемчуга и драгоценных камней. 4) Два напрестольных креста с частицами св. мощей и частью древа Креста Господня; один из этих крестов от 1690 г. 5) Малый напрестольный крест и большое напрестольное Евангелие. 6) Два Евангелия от 1665 и 1694 гг. 7) Серебряное кадило и ковш старинной работы. 8) Антиминс цветной атласный, присланный патриархом Адрианом.

Здания монастыря. 1) Каменный одноэтажный корпус. 2) Пристроенный к этому корпусу в 1838 г. новый, каменный, трехэтажный корпус с кельями настоятеля, помещением для трапезной, кухни, кладовых и т.п. 3) К последнему корпусу примыкают одноэтажные кельи для братии.

Угодья и средства монастыря. 1) Сенные покосы близ самого монастыря в количестве 7 десятин 499 саж. 2) В Казанском уезде близ с. Каймар при речке Щереде 24 дес. 926 саж. пахотной и сенокосной земли. 3) Мукомольная мельница близ дер. Куземкиной, Свияжского уезда. 4) Рыбные ловли близ деревни Большие Отары, Казанского уезда, в затоне «Соляная Воложка». 5) Два лесных участка – один в 88 десятин, другой в 59 десятин. 6) 116 дес. 1200 саж. пахотной земли в Лаишевском уезде при дер. Тавели-Ходяшевой.

При монастыре церковно-приходская школа – учащихся 103 мальчика.

Настоятель – второй викарий Казанской епархии, епископ Чебоксарский,

иеромонахов – 4, иеродиаконов – 3, послушников 24 человека.

Успенский (Зилантов) монастырь

Второклассный, общежительный, основан тотчас по взятии Казани в 1552 году царем Иваном IV (Грозным).

Храмы монастыря: 1) Соборная каменная, теплая, двухэтажная церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы, с приделом в нижнем этаже во имя св. равноап. кн. Ольги. 2) В честь Всех Святых, каменная, холодная, с приделом во имя св. апп. Петра и Павла; построена в 1681 г., перестроена в 1898 г. 3) Ветхая старая церковь во имя свт. Алексия Митрополита Московского, построена в 1830 году.

Святые и достопримечательности монастыря: 1) Древняя икона Смоленской Божией Матери – копия с иконы, бывшей в походе на Казань Иоанна Грозного; также весьма древнего письма иконы: Господа Саваофа, вмц. Екатерины, свт. Николая Чудотворца, Собора Богородицы с надписью «О тебе радуется»; 2) Жалованные грамоты царей на угодья и владения крестьянами; 3) Серебряная древняя дарохранительница и такой же ковш.

Здания монастыря. 1) Два корпуса – один каменный, двухэтажный, для настоятеля и казначея, а другой деревянный, одноэтажный, для братии; 2) Деревянный флигель также для братии и служителей.

Угодья и средства монастыря. 1) 95 десятин 1680 саж. пахотной земли и 117 десятин 600 саж. леса. 2) 42 десятин 1148 саж. сенокосной земли, из которых часть находится под кладбищем, часть под фруктовым садом и часть под деревянными лабазами на берегу Казанки. 3) Рыбные ловли на р. Сумке в Казанском уезде при дер. Васильевой. 4) Мукомольная мельница на р. Кларе в с. Сюкееве, Тетюшского уезда.

Настоятель – игумен, иеромонахов – пять, иеродиаконов – три, монахов – два, послушников – 17.

Женские

Богородичный монастырь

Первоклассный, общежительный, основан царем Иваном Васильевичем Грозным в 1579 г. по случаю обретения в том же году 8 июля иконы Божией Матери, именуемой Казанской.

Храмы монастыря: 1) Соборный – в честь Казанской иконы Божией Матери, холодный, каменный. Храм построен на месте обветшавшего храма, построенного по повелению Феодора Иоанновича. Разборка старого храма была произведена в 1796 г., а в 1798 г. было положено основание новому храму, который был окончен постройкой в 1807 г., и в следующем году был освящен главный алтарь; через 2 года были отделаны боковые приделы – в честь Успения Божией Матери и во имя св. блгв. кн. Александра Невского. 2) Соборный храм теплый, каменный; заложен в 1810 г. и освящен во имя свт. Николая Тульского в 1816 году; в нем четыре придела: а) в честь Нерукотворенного Образа, б) во имя свт. Гурия, Варсонофия и Германа, в) во имя св. мц. Маргариты и прп. Марии и г) во имя св. Иоанна Крестителя; последние два придела находятся на хорах. 3) Храм над южными воротами во имя св. Софии и её трех дочерей, каменный, одноглавый,

построен неизвестно когда. 4) Храм в честь Воздвижения Честного Креста Господня, расположен в верхнем купольном новом больничном здании, устроен в 1887 г.

Святыни монастыря: чудотворные иконы Казанской Божией Матери и св. Николая Тульского.

Здания монастыря: 1) Настоятельский двухэтажный каменный корпус, отстроен в 1832 г. 2) Двухэтажный каменный корпус для монахинь, построен в 1847 г. 3) Новый каменный двухэтажный корпус с храмом в верхнем этаже, окончен постройкой в 1887 г. В этом корпусе, кроме храма, находятся: свечной завод, трапезная, живописная школа и больница; постройка его обошлась в 70000 руб. 4) Каменный двухэтажный корпус, занят просфоропекарней. 5) Старый каменный корпус с кельями для сестер и странноприимным покоем. 6) Двухэтажный каменный дом, занятый школой. 7) Баня, сторожка, погреб, кладовые, свечной завод и др. службы.

Средства и угодья монастыря: 1) В Казанском уезде при дер. Займище 31 десятина 1982 саж. луговой земли. 2) Рыбные ловли «Большой Затон» с небольшим количеством лугов – при устье р. Свяги. 3) В Спасском уезде близ дер. Мрясовых Челнов 73 дес. 960 саж. пахотной земли. 4) Лесная дача в Свяжском уезде в 48 дес. 1600 саж. 5) В Казани на берегу оз. Кабана 4 дес. 500 кв. саж. огородной и луговой земли со скотным двором и службами. 6) В Чебоксарском уезде при деревнях Водолеевке и Куницыной 244 дес. 1536 саж. земли с хозяйственными угодьями и строениями. 7) Два каменных двухэтажных дома в г. Казани близ монастыря; заняты монастырским причтом.

При монастыре имеются школы: церковно-приходская, живописная и рукодельная. Настоятельница – игуменья, основные должности – казначея, благочинная, ризничная. Причт включает протоиереев – 2; иереев – 3; диаконов – 2; псаломщиков в сане диакона – 4.

Феодоровский монастырь

Нештатный, общежительный, возник в период времени между 1595 и 1607 годами. До XX века был мужским и по бедности материальных средств мало существовал самостоятельно, а большую часть времени своего существования был приписным к другим монастырям. В 1900 г. монастырь преобразован в женский.

Храм в монастыре один – в честь Св. Троицы с приделом во имя св. Феодора Стратилата, – каменный с такой же колокольней, построен в конце XVII в., освящен в 1700 г.

Главная святыня монастыря: икона Божией Матери Феодоровская.

Здания монастыря. 1) Примыкающий к церкви каменный небольшой одноэтажный корпус, занятый кельями. 2) Три деревянных одноэтажных флигеля с кельями и больницей. 3) Деревянный дом, где помещается просфоропекарня. 4) Деревянный двухэтажный дом для помещения настоятельницы и сестер. В ограде монастыря находятся здания Епархиального свечного завода.

Угодья монастыря. 1) Сенные покосы в Казанском уезде близ дер. Займищ в количестве 36 дес. 2294 саж. 2) Два лесных участка в том же уезде, – один в 50 десятин, другой – в 30 дес., в одном из них, около Займищ, дачные помещения, скотный двор со службами и пчельник. Настоятельница – игуменья, причт – священник, диакон и псаломщик.

Приложение № 3. Хронология закрытий

Соборы:

Год закрытия	Наименование	Разрушение собора	Год возвращения
1925	Благовещенский Кафедральный	частич.	2005
1931	Владимирский	полное в 1932 г.	
1931	Успенский	полное в 1930-е г.г.	
1939	Петропавловский	частич.	1989

Храмы:

Год закрытия	Наименование	Разрушение храма	Год возвращения
1929	Георгиевский	полное в 1931 г.	
1929	Николонизский Магистратский	частич.	1946
1929	Никола-Преображенский	частич.	
1930	Боголюбский Адмиралтейск. сл.	полное в 1930 г.	
1930	Борисоглебский в Плетенях	полное в 1930-е г.г.	
1930	Вознесенский	полное в 1932 г.	
1930	Воскресенский	полное в 1930 г.	
1930	Грузинский	полное в 1933 г.	
1930	Покровский	полное в 1931-32 г.г.	
1930	Смоленско-Димитриевский	полное в 1930-е г.г.	
1931	Варваринский	частич.	1994
1931	Ильинский	полное в 1931 г.	
1931	Кирилло-Мефодиевский	полное к 1934 г.	
1931	Матфеевский	полное к 1937 г.	
1931	Московских чудотворцев	полное в 1933 г.	2000
1931	Никола-Ляпуновский	полное в 1931 г.	
1931	Троицкий	полное в 1934 г.	
1932	Варлаамовский	полное в 1930-е г.г.	
1932	Духосошественский	частич.	
1932	Евдокиинский	частич.	1998
1932	Михаило-Архангельский	полное в 1932 г.	
1932	Никола-Вешняковский	полное в 1933 г.	
1932	Трехсвятительский	полное в 1932 г.	
1935	Богоявленский	частич.	1997
1936	Макарьевский Адмиралт. слободы	частич.	
1937	Пятницкий	частич.	1997
1938	Серафимовский	полное в 1938 г.	
1938	Тихвинский	частич.	1997
1939	Смоленский Козьей. слободы	полное в 1970-е г.г.	
1939	Четырех-Евангелистовский	полное в 1939 г.	

Монастыри:

Год закрытия	Наименование	Разрушение монастыря	Год возвращения
1928	Успенский (Зилантов) мужской	частич.	1998
1929	Феодоровский женский	полное в 1932 г.	
1931	Кивический мужской	частич.	2001
1931	Богородицкий женский	частич.	1993
1936	Иоанно-Предтеченский мужской	частич.	1992

Приложение № 4

г. Казани имеющие свое местожительство в г. Казани, заключили настоящий договор с ТНКВД в лице его уполномоченного.....

в том, что сего.....числа.....месяца 1926 года приняли от ТНКВД в бесплатное и бессрочное пользование находящееся по.....ул. за №..... богослужбное здание с богослужбными предметами по особой нами заверенной своими подписями описи на нижеследующих условиях:

1. Мы, нижеподписавшиеся граждане, обязуемся беречь переданное нам народное достояние и пользоваться им соответственно его назначению, принимая на себя всю ответственность за целостность и сохранность врученного нам имущества, а также за соблюдение лежащих на нас по сему соглашению и иных обязанностей.

2. Храмами и находящимися в них богослужбными предметами мы обязуемся пользоваться и предоставлять их в пользование всем нашим единоверцам исключительно для удовлетворения религиозных потребностей.

3. Мы обязуемся принять все меры к тому, чтобы врученное нам имущество не было использовано для целей, не соответствующих ст. ст. 1 и 2 настоящего договора. В частности, в принятых нами богослужбных помещениях мы обязуемся не допускать: а) политических собраний враждебного сов. власти направления, б) раздачу или продажи книг, брошюр, листовок, и посланий, направленных против сов. власти и ее представителей, в) произнесение проповедей и речей враждебных сов. власти или ее отдельным представителям, г) совершения набатных тревог для созыва населения в целях возбуждения его против сов. власти, ввиду чего мы обязуемся подчиняться власти относительно распорядка пользования колокольнями.

4. Мы обязуемся из своих средств производить оплату всех текущих расходов по содержанию храма и находящегося в нем предметов по ремонту, отоплению, охранению, оплате долгов, налогов, местных обложений и т.п.

5. Мы обязуемся иметь у себя инвентарную опись всего богослужбного имущества, в которую должны вносить путем пожертвований и передачи из других храмов и т.п. поступающие все вновь предметы религиозного культа, не представляющие частной собственности отдельных граждан.

6. Мы обязуемся допускать беспрепятственно во внебогослужбное время уполномоченных ТНКВД к периодической проверке и осмотру имущества.

7. За пропажу или порчу переданных нам предметов мы несем материальную ответственность солидарно, в пределах ущерба, нанесенного имуществу.

8. Мы обязуемся, в случае сдачи принятого нами имущества, вернуть его в

том самом виде, в каком оно было принято нами в пользование и на хранение.

9. В кладбищенских храмах и на кладбищах мы обязуемся сопровождать своих единоверцев в случае желания заинтересованных лиц религиозными обрядами, в смысле торжественности одинаковыми для всех и за одинаковую для всех без исключения граждан плату, размер которой должен быть нами объявлен во всеобщее сведение.

10. За непринятие всех зависящих от нас мер к выполнению обязанностей, вытекающих из сего договора, или же за прямое его нарушение мы подвергаемся уголовной ответственности по всей строгости революционных законов, причем договор этот НКВД-ом может быть нарушен и расторгнут.

11. В случае желания нашего прекратить действие договора, мы обязаны довести о том до сведения ТНКВД, причем в течение недельного срока со дня подачи ТНКВД-лу такого заявления мы продолжаем оставаться обязанными этим договором и несем всю ответственность по его выполнению, а также обязуемся в этот период времени беречь принятое нами имущество.

12. Каждый из нас, подписавший договор, имеет право из числа участников договора, подав о том письменное заявление ТНКВД-у, что, однако, не избавляет бывшее лицо от ответственности за весь ущерб, нанесенный народному достоянию в период участия выбывшего в пользовании и управлении имуществом до подачи ТНКВД-у соответствующего заявления.

13. Никто из нас и мы все вместе не имеем права отказать кому бы то ни было из граждан, принадлежащих к нашему вероисповеданию и не опороченных по суду, подписать позднее сего числа настоящий договор и принимать участие в управлении упомянутым в сем договоре имуществом на общих основаниях со всеми подписавшими.

Подлинный сей договор хранится в делах ТНКВД, а засвидетельствованная надлежащим образом копия с него выдается группе граждан, подписавшихся под ним и получивших по описи в пользование богослужебные здание и находящиеся в нем предметы, предназначенные для религиозных целей.

Примечания

¹ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.112, л.4.

² НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.112, л.27.

³ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.133, л.19.

⁴ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.70, л.31.

⁵ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.133, л.5.

⁶ Там же.

⁷ НА РТ, ф. Р-732, оп.1, д.1298, л.123.

⁸ Там же, л.118.

⁹ Там же, л.118.

¹⁰ НА РТ, ф. 5852, оп. 1, д. 726, л.64.

¹¹ НА РТ, ф. 5852, оп.1, д.726, л.65.

¹² Там же, л.68.

¹³ НА РТ, ф. 5852, оп. 1, д. 726, л.69.

¹⁴ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.26Б, л.50.

¹⁵ Там же, л.55.

- ¹⁶ Там же, л.55.
¹⁷ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.15, л.27.
¹⁸ Там же, л.66.
¹⁹ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.41, л.54
²⁰ Там же, л.4.
²¹ НА РТ, ф. Р-732, оп. 6, д. 37, л.23.
²² НА РТ, ф. Р-732, оп. 6, д. 132, л.14.
²³ НА РТ, ф. Р-732, оп. 6, д. 132, л.192.
²⁴ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.132, л.4.
²⁵ Там же, л.10.
²⁶ НА РТ, ф. 5852, оп.1, д.727, л.70.
²⁷ НА РТ, ф. Р-732, оп.1, д.1380, л.126.
²⁸ НА РТ, ф. 5852, оп.1, д.727, л.72.
²⁹ НА РТ, ф. 5852, оп.1, д.727, л.69 .
³⁰ НА РТ, ф. Р-732, оп.1, д.1206, л.89.
³¹ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.26Б, л.183.
³² НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.26Б, л.221.
³³ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.26Б, л.214.
³⁴ Там же, л.219.
³⁵ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.20, л.1.
³⁶ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.42, л.125.
³⁷ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.10, л.155.
³⁸ Там же.
³⁹ НА РТ, ф. Р-732, оп. 6, д. 42, л.133.
⁴⁰ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.42, л.139.
⁴¹ Там же, л.130.
⁴² НА РТ, ф. Р-732, оп. 6, д. 42, л.129.
⁴³ НА РТ, ф. Р-732, оп.1, д.1383, л.252.
⁴⁴ Там же.
⁴⁵ НА РТ, ф. Р-732, оп.1, д.1383, л.252.
⁴⁶ Там же, л.257.
⁴⁷ НА РТ, ф. 5852, оп.1, д.728, л.65.
⁴⁸ НА РТ, ф. Р-732, оп. 1, д. 1383, л.165.
⁴⁹ НА РТ, ф. 5852, оп. 1, д. 728, л.66.
⁵⁰ НА РТ, ф. 5852, оп.1, д.728, л.68.
⁵¹ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.41, л.79.
⁵² НА РТ, ф. 5852, оп.1, д.728, л.100.
⁵³ Там же.
⁵⁴ НА РТ, ф. 5852, оп.1, д.728, л.75.
⁵⁵ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.54, л.14.
⁵⁶ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.26Б, л.267.
⁵⁷ Там же, л.253.
⁵⁸ НА РТ, ф. Р-732, оп.1, д.1378, л.365.
⁵⁹ Там же.
⁶⁰ НА РТ, ф. Р-732, оп.1, д.1378, л.301.
⁶¹ Там же.
⁶² НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.26Б, л.256.
⁶³ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.26Б, л.268.
⁶⁴ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.54, л.19.
⁶⁵ НА РТ, ф. 5852, оп.1, д.707, л.108.
⁶⁶ Там же, л.116.
⁶⁷ НА РТ, ф. 5852, оп.1, д.707, л.109.
⁶⁸ Там же, л.112.
⁶⁹ НА РТ, ф. 5852, оп.1, д.707, л.110.

- ⁷⁰ НА РТ, ф. Р-732, оп.1, д.1288, л.291.
⁷¹ НА РТ, ф. 5852, оп.1, д.707, л.116.
⁷² Там же.
⁷³ НА РТ, ф. 5852, оп.1, д.707, л.116.
⁷⁴ НА РТ, ф. 5852, оп.1, д.707, л.130.
⁷⁵ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.13, л.51.
⁷⁶ НА НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.42, л.134. РТ, ф. Р-732, оп.6, д.42, л.133.
⁷⁷ Там же, л.136.
⁷⁸ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.28, л.97.
⁷⁹ Там же, л.95.
⁸⁰ Там же, л.43.
⁸¹ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.28, л.41.
⁸² НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.31, л.275.
⁸³ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.31, л.276.
⁸⁴ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.28, л.40.
⁸⁵ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.54, л.19.
⁸⁶ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.37, л.54
⁸⁷ Там же, л.50.
⁸⁸ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.54, л.11.
⁸⁹ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.133, л.91.
⁹⁰ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.7, л.125.
⁹¹ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.41, л.88.
⁹² НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.52, л.45.
⁹³ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.11, л.47.
⁹⁴ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.11, л.47.
⁹⁵ Там же, л.46.
⁹⁶ Там же.
⁹⁷ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.11, л.85.
⁹⁸ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.37, л.11.
⁹⁹ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.59, л.50.
¹⁰⁰ Там же.
¹⁰¹ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.59, л.36.
¹⁰² НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.199, л.49.
¹⁰³ Там же.
¹⁰⁴ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.199, л.66.
¹⁰⁵ НА РТ, ф. 5852, оп.1, д.736, л.11.
¹⁰⁶ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.18, л.98.
¹⁰⁷ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.37, л.47.
¹⁰⁸ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.29, л.1.
¹⁰⁹ Там же, л.43.
¹¹⁰ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.26Б, л.298.
¹¹¹ НА РТ, ф. Р-732, оп.1, д.1290, л.268.
¹¹² НА РТ, ф. Р-732, оп.1, д.1378, л.299.
¹¹³ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.26Б, л.307
¹¹⁴ Там же, л.55.
¹¹⁵ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.133, л.91.
¹¹⁶ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.54, л.19.
¹¹⁷ Там же.
¹¹⁸ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.19, л.84.
¹¹⁹ Там же, л.86.
¹²⁰ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.19, л.78.
¹²¹ Там же, л.92.
¹²² НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.37, л.144.
¹²³ Там же, л.146.

- ¹²⁴ Там же.
¹²⁵ Там же.
¹²⁶ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.37, л.141.
¹²⁷ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.37, л.135.
¹²⁸ Там же, л.133.
¹²⁹ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.41, л.8.
¹³⁰ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.10, л.26.
¹³¹ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.26Б, л.298.
¹³² НА РТ, ф. 5852, оп.1, д.733, л.38.
¹³³ НА РТ, ф. Р-732, оп.1, д.1290, л.268.
¹³⁴ НА РТ, ф. 5852, оп.1, д.733, л.40.
¹³⁵ Там же.
¹³⁶ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.52, л.19.
¹³⁷ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.28, л.96.
¹³⁸ НА РТ, ф. 5852, оп.1, д.733, л.49.
¹³⁹ НА РТ, ф. 5852, оп.1, д.735, л.28.
¹⁴⁰ Там же.
¹⁴¹ НА РТ, ф. 5852, оп.1, д.735, л.30.
¹⁴² Там же.
¹⁴³ Там же, л.37.
¹⁴⁴ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.26Б, л.59.
¹⁴⁵ НА РТ, ф. Р-732, оп.1, д.1306, л.237.
¹⁴⁶ НА РТ, ф. 5852, оп.1, д.735, л.41.
¹⁴⁷ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.28, л.34.
¹⁴⁸ Там же, л.64.
¹⁴⁹ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.28, л.64.
¹⁵⁰ Там же, л.22.
¹⁵¹ НА РТ, ф. 5852, оп.1, д.419, л.2.
¹⁵² Там же.
¹⁵³ НА РТ, ф. 5852, оп.1, д.419, л.7.
¹⁵⁴ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.7, л.43.
¹⁵⁵ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.7, л.45.
¹⁵⁶ Там же, л.45.
¹⁵⁷ НА РТ, ф. Р-732, оп.1, д.1383, л.231.
¹⁵⁸ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.41, л.75.
¹⁵⁹ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.7, л.42.
¹⁶⁰ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.28, л.105.
¹⁶¹ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.41, л.81.
¹⁶² Там же.
¹⁶³ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.28, л.103.
¹⁶⁴ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.41, л.3.
¹⁶⁵ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.5, л.72.
¹⁶⁶ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.41, л.54.
¹⁶⁷ Там же.
¹⁶⁸ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.5, л.37.
¹⁶⁹ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.54, л.15.
¹⁷⁰ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.48, л.133.
¹⁷¹ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.112, л.4.
¹⁷² НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.5, л.39.
¹⁷³ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.130, л.34.
¹⁷⁴ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.200, л.5.
¹⁷⁵ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.133, л.54.
¹⁷⁶ Там же.
¹⁷⁷ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.58, л.7.

- 178 НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.130, л.136.
179 НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.130, л.136.
180 НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.26Б, л.55.
181 Там же.
182 Там же.
183 НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.28, л.50.
184 НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.202, л.34.
185 НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.202, л.62.
186 НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.202, л.67.
187 Там же, л.59.
188 НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.24, л.29.
189 НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.50, л.2.
190 Там же, л.3.
191 Там же.
192 НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.50, л.3.
193 Там же.
194 НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.50, л.1.
195 Там же, л.3.
196 НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.70, л.117.
197 НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.3Б, л.27.
198 НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.3Б, л.37.
199 НА РТ, ф. Р-732, оп.1, д.1298, л.122.
200 Там же.
201 Там же.
202 НА РТ, ф. Р-732, оп.1, д.1298, л.125.
203 НА РТ, ф. Р-732, оп.1, д.26Б, л.348.
204 НА РТ, ф. Р-732, оп.1, д.1380, л.116.
205 НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.26Б, л.340.
206 НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.31, л.56.
207 НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.31, л.56.
208 НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.31, л.53.
209 НА РТ, ф. Р-732, оп.1, д.1380, л.123.
210 НА РТ, ф. Р-732, оп.1, д.1380, л.123.
211 Там же, л.126
212 Там же.
213 НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.26Б, л.375.
214 НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.26Б, л.384.
215 НА НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.41, л.79.РТ, ф. Р-732, оп.6, д.31, л.51.
216 НА РТ, ф. Р-732, оп.1, д.1380, л.175.
217 Там же, л.176.
218 НА РТ, ф. Р-732, оп.1, д.1380, л.175.
219 Там же.
220 НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.54, л.11.
221 НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.54, л.11.
222 НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.201, л.9.
223 НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.201, л.16.
224 Там же.
225 Там же, л.18.
226 НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.201, л.18.
227 НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.70, л.63.
228 НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.201, л.37.
229 НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.201, л.79.
230 НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.37, л.23.
231 Там же, л.13.

- ²³² НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.37, л.6.
²³³ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.60, л.30.
²³⁴ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.8, л.88.
²³⁵ Там же.
²³⁶ НА РТ, ф. 5852, оп.1, д.734, л.14.
²³⁷ НА РТ, ф. Р-732, оп.1, д.1275, л.106.
²³⁸ Там же.
²³⁹ НА РТ, ф. 5852, оп.1, д.734, л.15.
²⁴⁰ НА РТ, ф. Р-732, оп.1, д.1278, л.112.
²⁴¹ НА РТ, ф. 5852, оп.1, д.734, л.16.об.
²⁴² Там же, л.17.
²⁴³ Там же.
²⁴⁴ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.59, л.51.
²⁴⁵ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.59, л.83.
²⁴⁶ Там же, л.59.
²⁴⁷ Там же.
²⁴⁸ Там же, л.58.
²⁴⁹ НА РТ, ф. 5852, оп.1, д.736, л.39.
²⁵⁰ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.26Б, л.59.
²⁵¹ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.37, л.125.
²⁵² Там же.
²⁵³ Там же.
²⁵⁴ Там же.
²⁵⁵ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.54, л.26.
²⁵⁶ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.64, л.28.
²⁵⁷ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.64, л.62.
²⁵⁸ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.64, л.1.
²⁵⁹ Там же, л.56.
²⁶⁰ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.64, л.42.
²⁶¹ Там же, л.46.
²⁶² Там же.
²⁶³ Там же.
²⁶⁴ Там же.
²⁶⁵ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.130, л.47.
²⁶⁶ НА РТ, ф. 5852, оп.1, д.122, л.23.
²⁶⁷ НА РТ, ф. 5852, оп.1, д.46, л.298.
²⁶⁸ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.15Б, л.49.
²⁶⁹ НА РТ, ф. 5852, оп.1, д.732, л.30.
²⁷⁰ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.15Б, л.104.
²⁷¹ Там же.
²⁷² НА РТ, ф. Р-732, оп.1, д.1380, л.122.
²⁷³ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.31, л.53.
²⁷⁴ Там же, л.54.
²⁷⁵ НА РТ, ф. Р-732, оп.1, д.1380, л.126.
²⁷⁶ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.24, л.32.
²⁷⁷ НА РТ, ф. Р-732, оп.6, д.52, л.47.
²⁷⁸ НА РТ, ф. 5852, оп.1, д.732, л.34.
²⁷⁹ НА РТ, ф. 5852, оп.1, д.732, л.32.
²⁸⁰ Там же, л.30.
²⁸¹ Там же.
²⁸² Там же.
²⁸³ НА РТ, ф. 5852, оп.1, д.732, л.41.
²⁸⁴ Там же, л.42.
²⁸⁵ Там же, л.35.

К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЖЕНСКИХ МОНАСТЫРЕЙ КАЗАНСКОГО КРАЯ

А.М. ЕЛДАШЕВ

На Руси всегда любили монастыри – духовные оплоты Православия. Верующие стремились совершать паломничества в обители, освященные молитвами многих поколений иноков, подвижающихся за грешный мир.

И сегодня, как в минувшее время, люди идут в обители за духовной поддержкой, за наставлением. Посещение монастыря – лучший способ приобщения к православию. Наше повествование – об истории женского монашества Казанского края.

В пореформенный период 1860-1880-х годов развитие общественной инициативы стало проявляться не только в сферах самоуправления, образования, благотворительности, но и в церковной жизни, в виде возрождения и расцвета монашества. Преодолевалась установившаяся с петровских времен традиция бюрократизации церковной жизни. Весьма заметным явлением в эти годы стал подъем монастырского общежития. Происходила своего рода компенсация, когда новые монастыри открывались вместо тех, которые были закрыты еще при Петре I или в результате политики секуляризации, проводимой в правление Екатерины II.

С 60-х годов XIX столетия отчетливо проявилась тенденция к *феминизации* монашества. Особенно быстро росла численность послушниц (беллиц). Произошло бурное открытие женских православных обителей.¹

В монастырь шли представители практически всех сословий и социальных групп тогдашней России – от дворянок до девиц крестьянского происхождения. Однако в формировании монашества разные социальные слои играли далеко не одинаковую роль.

Абсолютное большинство монашествующих шли в обитель из крестьянского сословия. Монастырь обладал большой притягательной силой для крестьян. Помимо чисто религиозных мотивов, имело значение и то, что, поступая в монастырь, крестьянин поднимал свой социальный статус (соответственно – престиж своих родственников). Кроме того, монашество избавляло его от той материальной нужды, которая постоянно преследовала его в мирской жизни. И потому крестьяне старались пристроить своих детей в ближайший монастырь.

При этом нельзя утверждать, что власти как-то поддерживали это движение, ибо вся инициатива исходила с мест. Общее число подобных монастырей в масштабах Российской империи превысило 200, только в Казанском крае появилось пять новых женских монастырей: в Уфимской епархии – *Мензелинский Пророко-Ильинский* (1855 – 1860 гг.), в Вятской епархии – *Елабужский Казанско-Богородицкий* (1859 г.), в Самарской епархии – *Бугульминский в честь Казанской иконы Божией Матери* (1879 г.), в Казанской епархии – *Чистопольский Успенский* (1879 г.) и *Лаишевский Троицкий* (1888 – 1889 г.).

История создания всех новых обителей весьма схожа. Большинство из них

открывалось в провинциальных уездных городах, т.к. в крупных деятельность общественности направлялась на поддержку уже существующих, обретших известность и славу старинных монастырей.

Сначала возникала небольшая община женщин, добровольно, не имея ни церковного, ни государственного статуса, ведущих монашескую жизнь. Все они известны совершенным общежитием, аскетическим деланием и неукоснительным соблюдением богослужебного устава. При поддержке состоятельных купцов и других благотворителей община обустроивалась, приобретала по указу Священного Синода официальный статус, а через несколько лет, по его распоряжению, преобразовывалась в монастырь.

По законодательству Российской империи со времен Екатерины II на содержание монастырей выделялись «штатные» суммы. На вновь открываемые же выделения средств предусмотрено не было. Поэтому добиться открытия новой обители было непросто – необходим был указ императора, который, как правило, подписывался только в том случае, когда будущий монастырь не только не требовал субсидий от государства, но сам имел стабильные источники существования. Подобными источниками были пожертвованные благотворителями земельные угодья, недвижимость в городах, проценты с капиталов в банках. В конце XIX в. правительство стало всемерно способствовать организации женских общин в целях благотворительности и миссионерства.

Особенностью женских монастырей стала строгая подвижническая жизнь, сочетавшаяся с широкой социальной и благотворительной деятельностью, организацией школ, приютов, всевозможных рукодельных и иконописных мастерских, больниц, богаделен.

Мензелинский Пророко-Ильинский женский монастырь

Инициатором создания женской монашеской общины стал протоиерей Мензелинского собора Александр Шильнов. С 1837 г. возле кладбищенской церкви во имя святого пророка Илии стали селиться вдовы и сироты. В 1855 г. Священный Синод принял женскую общину в свое ведомство, а спустя пять лет по указу Александра II был организован Пророко-Ильинский женский монастырь III класса, с содержанием только за свой счет, без всякого пособия от казны.

Источниками существования святой обители стали около 150 десятин земли, пожертвованные мензелинскими мещанками Собиной и Реутовой (будущими игумениями) и наследниками протоиерея Шильнова. 4 тысячи рублей пожертвовал елабужский купец Иван Стахеев. Немалые пожертвования монастырь получал от проводимых ежегодно мензелинских ярмарок.

Монастырь развивался достаточно успешно – во-первых, потому, что это был лишь второй монастырь в значительной Уфимской епархии, он был богаче других женских обителей на Нижней Каме (Елабужского, Чистопольского, Лаишевского), а во-вторых, он развивался благодаря энергичной деятельности двух первых игумений. Ими были те самые мещанки, которые пожертвовали монастырю основную часть земли: в 1860 – 1880 гг. – *Евгения* (Евфросинья Федоровна Собиная),

в 1880-1905 гг. – *Филарета* (Доминика Александровна Реутова).²

Кроме того, в пяти верстах от города, за рекой Мензелей, находилось монастырское хозяйство (ныне поселок совхоза им. Воровского), в котором работало несколько десятков трудников. В начале XX в. число монахинь и послушниц в Мензелинском монастыре превышало 300 человек. Здесь проживало немало призреваемых сирот и престарелых.

Монастырь был огорожен каменной стеной. Вплотную к ней была пристроена Тихвинская церковь, освященная в 1865 г. Вход в обитель проходил через святые ворота, построенные под церковью. Во дворе – Вознесенский храм. Основной корпус был двухэтажным, в нем располагались кельи, иконная, столярная, швейная, обувная, переплетные мастерские.

Через дорогу от монастыря находилось кладбище с Ильинской церковью и деревянным флигелем для сторожей. На погосте хоронили не только монахинь, но и притесняемых властями людей. Прежде всего, это были военнопленные австрийцы, чехи, словаки, захваченные русскими войсками в Первую мировую войну, а также гражданские поселенцы, сосланные в административном порядке. Только в 1915 г. на кладбище было похоронено 30 пленных и поселенцев.³

В 1871 г. площадь земель, подаренная монастырю императором Александром II составляла 358 десятин пашни и сенокосных угодий. Кроме того, в окрестностях города у обители в двух лесных дачах было 183 десятины леса, два флигеля и пасека, животноводческие помещения, в которых в основном содержался крупный рогатый скот.

Монастырь был закрыт в 1921 г. Религиозная община действовала до июня 1924 г. Монастырские церкви в основном были разрушены летом 1932 г. К настоящему времени в городе сохранилась часть ограда и некоторые второстепенные постройки, а в совхозе им. Воровского – каменная церковь в честь Преображения Господня.

Елабужский в честь Казанской иконы Божией Матери женский монастырь

Основан в 1856 г. по инициативе горожан Елабуги. В 1850 г. купец Григорий Стахеев обратился к епископу Вятскому *Елпидифору* (Бенедиктову) с предложением на предоставленной Елабужским градским обществом земле учредить женскую обитель. Место под строительство было выделено на выгонной земле к северу от города, «между дорогою в село Сарали и оврагом Безымянным, у Сарапульского тракта, за чертою земляного назначенного для города вала». В представлении, направленном в Святейший Синод, епископ *Елпидифор* писал, что основание Елабужского монастыря «представляется возможным, а по отдаленности города Елабуги и всего тамошнего края от двух существующих в Вятской епархии женских монастырей, признается полезным и нужным»⁴. Определением Синода от 31 октября 1855 г. и указом императора Александра II от 15 июля 1856 г. Елабужский монастырь был учрежден как нештатный общежительный, но торжественное открытие монастыря, в котором приняли участие архиепископ Вятский *Аполлос* (Беляев), благочинный монастырей архимандрит *Иосиф*,

городской голова Д.М. Пупышев, состоялось лишь 9 сентября 1868 г. Благотворитель, купец первой гильдии И.И. Стахеев (брат Г.И. Стахеева) истратил на строительство обители и последующее содержание монашествующих свыше 1 млн. руб. Жертвователями монастыря были также Д.И. Стахеев и П.К. Ушаков.

Храмы и другие постройки. В 1857-1868 гг. по проекту известного петербургского архитектора Г.А. Боссе в Елабужском монастыре был возведен пятиглавый трёхпрестольный каменный собор в честь Казанской иконы Божией Матери с четырёхъярусной надпапертной колокольней, освященный 9 сентября 1868 г. архиепископом Вятским *Аполлосом* (Беляевым). Приделы были освящены в честь *св. Иоанна Предтечи* и *св. Параскевы Пятницы*.

В монастыре также были выстроены два трехэтажных каменных сестринских корпуса – северный и восточный. В северном корпусе размещалась монастырская больница с домовою церковью во имя вмц. *Варвары* (1872). К западу от собора находился двухэтажный дом игуменьи; в одной линии с этим домом, к югу от восточного корпуса – полутораэтажный дом монастырских служителей. Имелись также каменные просфирня и гостиница, три деревянных флигеля. Территория монастыря обнесена каменной стеной, при вратах которой 18 августа 1869 г. была освящена часовня.

На территории обители имелись также хозяйственный двор, огород, фруктовый и ягодный сад. Рядом с ним – кладбище для монахинь и благодетелей обители. Предположительно, за алтарем главного храма в 1926 г. была похоронена почетная гражданка города, благотворительница обители *Глафира Федоровна Стахеева*, построившая в 1903 г. Елабужское епархиальное женское училище.

Среди святынь монастыря почиталась принесенная в 1869 г. икона Божией Матери «Достоинно есть» – копия с чудотворной иконы, хранящейся на Святой Горе Афон.

Насельницы. К началу XX в. обитель была крупнейшей в Вятской епархии. Елабужский монастырь возглавляли: с 18 апреля 1868 г. – постриженница Кирсановского Тихвинского монастыря Тамбовской губернии игуменья *Анфия* (1822-1890), с 1889 г. – игуменья *Елисавета* (Симонова), затем игуменья *Ангелина* (Багаева). Первый монашеский постриг шести сестер состоялся 27 и 28 июля 1869 г. В 1869 г. в монастыре проживало 106 насельниц, в 1877 г. – 130, в 1884 г. – 159, 1893 г. – 255, в 1900 г. – 273 насельницы. Среди монахинь представители самой многочисленной социальной группы населения – крестьянства – составляли от 50 % в 1875 г. до 79 % в 1914 году. А среди рясофорных послушниц этот процент был ещё выше – от 52 % в 1869 г. до 81 % в 1914 г.

Подобная картина в конце XIX века наблюдалась в большинстве провинциальных монастырей.⁵ В их числе и Чистопольский Успенский женский монастырь Казанской епархии. В отчете игуменнии обители Аполлинарии за 1883 год среди восьми монахинь лишь одна из крестьянства, из восьми рясофорных послушниц их уже пятеро, а среди 55 послушниц-беллиц – уже 43 (78 %).⁶

Заметное место в пополнении Елабужского монастыря занимали представительницы мещанского сословия. Среди монахинь их было от 11 % в 1914 году до 43 % в 1875 году. Среди рясофорных послушниц – от 12 % в 1905

году до 38 % в 1869 году.

В Елабужском монастыре практически нет представителей купечества (за весь дореволюционный период существования обители – одна монахиня и две рясофорные послушницы), офицерских дочерей, выходцев из высших сословий российского общества, которые предпочитали больше столичные монастыри.

Отметим и незначительную долю пополнения монастыря из духовенства. Хотя среди рясофорных послушниц их число несколько больше, нежели среди монахинь (до трёх среди монахинь и семи среди рясофорных послушниц).

За всю 50-летнюю дореволюционную историю монастыря среди рясофорных послушниц было всего семь дворянок и только две из них приняли монашеский постриг. Это монахиня *Евпраксия* (Софанеева Екатерина Федоровна) и монахиня *Марионилла* (Анферова Мария Спиридоновна).

Своеобразное «хождение» дворянок и разночинок в послушницы было примечательным явлением тех лет, оставшимся, к сожалению, почти незамеченным в нашей литературе. Думается, оно было связано с общим настроением «возвращения долга народу», которым жило молодое поколение 60-х годов. Юноши и девушки становились сельскими учителями, врачами, фельдшерами, занимали другие должности в земстве. Многие молодые люди шли в революционные кружки.

Девушки, имевшие религиозное мировоззрение, предпочитали общины или монастыри с благотворительным уклоном. В этих общинах они работали бок о бок с мещанками и крестьянками. Некоторые из этих последних сознательно отказывались от замужества ради религиозного поприща, у других не сложилась личная жизнь, третьи (особенно рано овдовевшие бездетные женщины) бежали в общины от гнета большой патриархальной семьи, надеясь найти себе здесь приют и трудиться равными среди равных.

С самого начала монастырь формировался из числа прихожан православных общин Елабужского уезда. Так, в 1869 году из 21 рясофорной послушницы 17 чел., или 81 %, были из сёл и городов Вятской губернии (Елабуги, Сарапула, Слободского, Еранска), а из 80 белиц-послушниц – 67 чел., или 84 %.

Но были монашествовавшие и издалека: Перми, Рыбинска, Орловской, Смоленской, Оренбургской, Тобольской губерний.⁷

Основная часть монашествовавших в 1914 году прибыла из Вятской губернии (77 чел., 76%), из Казанской губернии (7 чел., 7%), остальные из Уфимской, Самарской губерний, Перми, Рыбинска.

Для обучения послушниц, не знавших грамоты, уже в сентябре 1869 г. в монастыре была открыта школа. В 1870 г. в ней обучалась 31 насельница. Сестры работали на пасеке, в саду, а также в иконописной и златошвейной мастерских.⁸

С 1870-х годов при монастырях, в том числе женских, стали создаваться иконописные школы академической ориентации. Отметим, что эта тема недостаточно ещё изучена и освещена в современной исторической литературе. Даже в «Православной энциклопедии», изданной к 2000-летию Рождества Христова, в обширной статье «Живопись» И.Л.Бусевой-Давыдовой имеется лишь беглое упоминание о женщинах-иконописцах.⁹

Иконописная деятельность монахинь Елабужского монастыря насчитывает

более 40 лет. В отчете игуменьи обители матушки *Анфим* за 1877 год отмечалось, что послушание в живописных кельях несла монахиня *Феофания Титова*. Судя по всему, она и была одной из первых, кто начинал в монастыре иконописную деятельность.¹⁰

В ходе анализа архивных данных нами установлено, что за период с 1877 по 1918 г. несли послушание в живописной мастерской одиннадцать монахинь и рясофорных послушниц.

Старшими в мастерской были в 80-е годы XIX в. монахиня *Евпраксия* (Анастасия Иванова Фирсова); в 90-е годы XIX в. – монахиня *Аполлиария* (Анна Дмитриева Иконникова), а в последние пятнадцать предреволюционных лет – монахиня *Аглаида* (Александра Петрова Тютикова).

Примечательно, что церковной живописью занималась целая семья *Иконниковых*, выходцев из починка Удалово Елабужского уезда: сестры Анна и Евдокия, а также их племянница Ольга. Отметим, что ещё две их сестры, Стефанида и Мария, были тоже монахинями обители.

В первые годы XX столетия старшей в живописной мастерской становится монахиня *Аглаида* из семьи государственного крестьянина села Лекарево Елабужского уезда Тютикова Петра Ивановича. Под её началом было шесть сестёр-инокинь: *Мария* (31 год), *Надежда* (34 года), *Ольга* (35 лет), *Елизавета* (46 лет), *Елена* (47 лет) и *Анастасия* (49 лет).

Спустя девять лет, в 1914 году, – пять рясофорных послушниц. Состав тот же, отсутствует лишь Надежда, а послушница Елизавета 7 июля 1907 г. была пострижена в монашество и стала *монахиней Емилией*. Особо отметим, что иконописцы монастыря в основном были родом из Елабужского уезда.¹¹

Для сравнения, в Казанско-Богородицком монастыре несли послушание в живописной мастерской больше монахинь и послушниц, нежели в Елабужской обители. По отчетам настоятельниц монастыря видно, что в 1873 г. их было 14,¹² а в 1910 г. 20 человек¹³ и даже в 1927 г., накануне его закрытия, в иконописной мастерской трудился 21 чел.¹⁴

1917-2007 гг. В 1918 г. монастырь был официально закрыт. В 1922 г. он был зарегистрирован как «Казанско-Богородицкое православно-христианское религиозное общество», в котором состояло 243 чел., в т.ч. 173 монахини и послушницы во главе с игуменией *Ангелиной* (Багаевой). Решением президиума Елабужского горсовета от 20 ноября 1928 г. общество было ликвидировано. 17 декабря того же года в Елабужский горсовет безуспешно обращалась община Казанской церкви с просьбой вернуть помещение храма. Сестры переселились к родным, прихожанам, длительное время спустя подвергались репрессиям. Последний клирик, служивший в монастыре в 1920-х годах, священник Василий Головин, решением Кировского областного суда от 9 мая 1939 г. был осужден к 8 годам лишения свободы (по статье 58-10).

В 1930-е гг. XX в. Казанский храм был разрушен. До настоящего времени сохранились лишь фрагменты стен с башенками-пинаклями, два двухэтажных сестринских корпуса, одноэтажный флигель, основание колокольни и трапезной. До войны постройки монастыря использовались под детский городок Наркомата

просвещения. В 1943 г. в кельях бывшей обители разместили немецких военнопленных из дивизий Паулюса. После 1945 г. в помещениях монастыря находился психоневрологический интернат, в иконописной мастерской – авторемонтная база.

Елабужский монастырь – единственный в республике среди бывших женских православных обителей, учрежденных в конце XIX столетия, в котором возродилась монашеская жизнь.

16 июля 1995 г. святая обитель была открыта. К 2007 г. в монастыре проживает около 20 сестер, настоятельница игуменья *Вера* (Шевченко). Богослужения совершаются в небольшом домовом храме во имя вмц. *Варвары* (1872), находящемся в восстановленном трехэтажном келейном корпусе. При монастыре имеется скит в селе Анзирка – с восстановленной церковью в честь Казанской иконы Божией Матери (1847–1858). Храм 27 сентября 2003 г. был торжественно освящен архиепископом Казанским и Татарстанским *Анастасием* в сослужении священников из Елабужского и Набережно-Челнинского благочиний.¹⁵ В скиту ведется собственное хозяйство для нужд обители.

Бугульминский Казанско-Богородицкий женский монастырь

История возникновения женского монастыря во имя Казанской иконы Божией Матери в Бугульме такова. Первоначально в 1867 г. епископ Самарский и Ставропольский *Герасим*, посетив Бугульму, освятил деревянный домовый храм. К 1877 г. здесь сформировалась женская община, не имевшая своего статуса.

На следующий год епископ *Герасим* донес Святейшему Синоду о том, что крестьянка села Михайловки Иустина Матюшкина просила разрешения учредить в городе Бугульме женскую общину с училищем при ней для девиц.

Она предоставила во владение общины и для содержания ее свой дом с надворными постройками и дворовым местом, а также 300 десятин земли. Кроме того, елабужский купец 1-й гильдии Иван Стахеев пожертвовал на устройство общины капитал в 31 тысячу рублей, а городская дума уступила под постройку обители 3.600 кв. сажен выгонной земли.¹⁶

Рассмотрев изложенное, Святейший Синод не усмотрел препятствий к учреждению общины, и разрешил ее с одним условием: чтобы община никогда не производила книжных сборов для укрепления своих денежных средств и не просила каких-либо пособий от казны или Святейшего Синода.

Синодальному обер-прокурору было поручено испросить соизволение Его Императорского Величества на учреждение женской общины, что и было сделано. Государь император Александр II в 3 день февраля 1879 г. учредил в Бугульме женскую общину с училищем для детей.

В степень общежительного монастыря община была возведена 10 мая 1889 г. По случаю коронации Его Императорского Величества Николая II в 1894 г. определением Святейшего Синода были награждены наперсным крестом настоятельница обители игуменья *Евфалия* и священник Микулинской церкви Афанасий Богородицкий. По названию монастыря будет названа главная улица

города. И по сей день часть этой улицы носит название Казанской.

Монахини имели скотный двор, конюшни, гумно и амбары. Возле монастыря разбили первый в городе плодовый сад. В 15 верстах от Бугульмы, у села Спасское на реке Шалтанке, обитель владела 520 десятинами пахотной земли, с которой собирался богатый урожай зерновых. Народ сохранил в памяти имя первой строительницы монастыря, игуменьи *Иустины*.

При монастыре действовала женская церковно-приходская одноклассная школа, где дети обучались бесплатно. Преподаватели жалование не получали. Заведовала школой игуменья *Евфалия*, обучали девочек священник монастыря Николай Сердобов и учительница рукоделия. Согласно Положению, обучение проходило на средства местных обществ и пожертвования частных лиц.

Чистопольский Успенский женский монастырь

Еще в 1854 г. купец Дмитрий Андреевич Поляков ходатайствовал об устройстве в городе женской общины на свой счет. Ходатайство было поддержано тогдашним казанским архиепископом *Григорием* (Постниковым) «ввиду того, что город Чистополь населен в немалом числе некрещеными татарами и, что важнее, раскольниками, на которых пример истинно подвижнической жизни мог иметь весьма сильное влияние».¹⁷

Но очень долгое время ответа из столицы не поступало. Дело здесь в том, что в годы правления Николая I, характерные насаждением военных порядков, подозрительной считалась любая инициатива – в том числе и такая благочестивая, как открытие монастыря. По инерции подобная ситуация сохранялась и в первые годы правления Александра II.

Д.А. Поляков умер в 1861 г., так и не дождавшись ответа на свою инициативу, поэтому он и завещал продолжить дело своей жизни сыну Ивану. В 1863 г. Иван Дмитриевич Поляков (1809-1871) вновь начал ходатайствовать перед властями уже не об общине, а о монастыре. При этом он обещал пожертвовать ему 9.000 кв. сажень земли в городе, на очень удобном месте, построить на свои средства каменный храм, деревянные дома для настоятельницы, сестер, причта (священников и псаломщиков), флигель для кухни и столовой, ограду. Позднее в строительстве обители принимал участие елабужский купец Василий Григорьевич Стахеев († 1907).

Кроме того, Поляков выделил монастырю 22 десятины земли около деревни Муслюмкиной. Еще 46 десятин земли в Лаишевском уезде, напротив Чистополя на противоположном берегу, пожертвовала купчиха Агриппина Петровна Остолоповская.

Ходатайство было поддержано архиепископом *Афанасием* (Соколовым), и вопрос решился достаточно быстро. Уже 24 марта 1864 г. Священный Синод одобрил ходатайство и постановил учредить при монастыре причт из двух священников и псаломщика, а через два месяца, 23 мая, император Александр II подписал указ об открытии нештатного трехклассного общежительного женского монастыря в честь Успения Пресвятой Богородицы, в котором говорилось, что монастырь должен быть «примером подвижнической жизни и трудолюбия,

соединенных со смирением и послушанием, влиять на раскольническое и магометанское население, составляющее значительный контингент Чистополя»¹⁸.

В течение лета 1864 г. были построены жилые дома для сестер и причта, и 1 октября состоялось официальное открытие женской общины, а в 1879 г. она была преобразована в полноценный монастырь.

К концу XIX века на северо-восточной окраине города, на высоком живописном берегу реки Камы вырос монастырский городок. Каменный Успенский храм был построен по проекту архитектора Федора Нестерова и освящен 6 сентября 1879 г. викарием Казанским епископом *Павлом*.

В 1896-1901 гг. по проекту епархиального архитектора Федора Николаевича Малиновского храм был расширен: пристроены два придела – во имя святителя и чудотворца Николая и во имя великомученика Пантелеймона. Он был торжественно, при большом стечении православного населения города, освящен 18 декабря 1898 г. Высокопреосвященнейшим *Арсением*, Архиепископом Казанским и Свияжским.¹⁹ Архиерейское освящение престола и храма представляло собой для чистопольцев редкое зрелище, ибо даже престолы соборной Никольской и Спасской церквей не были освящены архиерейским освящением.

В обновленном храме в честь Успения Пресвятой Богородицы в 1901 г. был установлен иконостас работы известного казанского позолотных дел мастера, купца 2-й гильдии, потомственного почетного гражданина Казани Михаила Александровича Тюфилина.²⁰

Первоначально все жилые и хозяйственные постройки были деревянными. В 1884 г. был построен двухэтажный корпус монастырской больницы и богадельни с домовою церковью во имя преподобного Сергия Радонежского. В 1895 г. с помощью города было построено здание для церковно-приходской школы.

Монастырь был довольно скромным по размерам – в 1905 году в нем было 19 монахинь во главе с игуменией, 13 послушниц и 125 белиц – для сравнения в Лаишевском, Мензелинском, Бугульминском монастырях было более чем по 300 человек в каждом. При монастыре служили два священника.

Настоятельницами обители, в частности, были назначены с 1 сентября 1882 г. игумения *Аполлинария*²¹, с 1894 г. игумения *Серафима*.

Подавляющее большинство сестер были до прихода в монастырь простыми крестьянками Чистопольского уезда и мещанками города Чистополя. В обители они продолжали вести трудовую жизнь – ухаживали за скотом (в обители была ферма на 30 коров), работали в огороде, косили сено. В собственности монастыря находились: более 46 десятин сенных покосов в Лаишевском уезде (пожертвованы Д.А. и И.Д. Поляковыми), более 166 десятин земли в 18 верстах от Чистополя, 27 десятин близ деревни Новопоселенной Чистопольского уезда, три усадебных места в городе Чистополе. Сестры ухаживали также за больными и старушками в богадельне, сами носили кирпичи во время строительных работ.

В Чистополе, где большинство составляли старообрядцы, монастырь вовсе не был предметом заботы и гордости города, в отличие от Мензелинска, Елабуги, Бугульмы. Тем не менее его положение было более или менее благополучным. Доходы позволяли осуществлять масштабное строительство – в начале XX века в

обители стали сооружаться каменные здания. В 1903 г. была построена двухэтажная трапезная с кухней (сохранилась по ул. Пионерская, 1), а в 1911 г. – и двухэтажный корпус келлий, где поселилось большинство монахинь и послушниц (сохранился, – посёлок Водников, 19).

Кроме престольных праздников в обители совершались торжественные празднества – 21 января в честь иконы Божией Матери «Отрада и утешение» и 5 февраля в честь образа Богоматери «Взыскание погибших».

В советское время монастырь продолжал действовать до 1929 г., когда в республике были закрыты все без исключения монастыри. К сожалению, позднее был снесен монастырский храм, который, как и Никольский собор, мог бы быть украшением города. Кирпич с разрушенных храмов и келлий использовался при строительстве зданий судоремонтного завода, который занял территорию обители.

Лаишевский Троицкий женский монастырь

Женская община существовала с середины 1880-х годов. 7 ноября 1888 г. она была учреждена официально на земле, предоставленной городом и пожертвованной коллежской советницей Татьяной Михайловной Ментовой. 5 августа 1895 г. императорским указом община была преобразована в Троицкий внештатный общежительный монастырь. Монастырь существовал и строился исключительно трудами монахинь и пожертвователей.

Сохранились следующие постройки обители:

1. Троицкая церковь, построенная в 1901 – 1912 гг. по проекту, составленному архитектором Ф.Н. Малиновским еще в 1888 г.

Это крупный храм, композиционно-пространственная структура которого представлена пирамидальным нарастанием симметрично расположенных подкупольных объемов. Вероятно, прототипом Троицкой церкви был знаменитый Морской собор в Кронштадте. Практически такой же храм был построен по проекту Ф.Н. Малиновского²² в Иоанно-Предтеченском женском монастыре Свияжска.

Подрядчиком храма был мастер Захаров. Кирпич бесплатно поставлял лаишевский купец К.А. Макашин. В 1904 г. на стройке произошел несчастный случай – рухнули леса, на которых в это время находилось 49 монахинь, подносивших кирпичи. 17 женщин скончались.²³

2. Двухэтажный настоятельский корпус (ул. Космонавтов, 4), построенный в 1889-1891 гг., в нем также находились кельи, трапезная, домовая церковь Сергия Радонежского.

3. Трехэтажный жилой корпус конца XIX в. (ул. Чернышевского, 24).

4. Двухэтажный корпус келлий постройки 1912 г. (ул. Чернышевского, 25).

К сожалению, утрачена монументальная шестиярусная колокольня с проездным нижним ярусом, являвшаяся архитектурной доминантой Лаишева. В ней находились школа, просфорня, кельи и церковь во имя св. Александра Невского (1900 г.), находящаяся на третьем этаже колокольни. Утрачен также домовый храм во имя преп. Сергия Радонежского.

Монастырь был довольно велик, общее количество монахинь и послушниц обычно было более двухсот.

Настоятельницами обители были: в 1884-1897 гг. – монахиня *Анфия* из Чистопольского Успенского монастыря, в 1900-1905 гг. – игуменья *Варвара* (Афанасия Сырчина; 1844-1905), в 1905-1909 гг. – монахиня *Мария* (Людмила Богоявленская), в 1909-1918 гг. – монахиня *Иннокентия* из Казанско-Богородицкого монастыря.

Монастырь был закрыт в 1929 г., а Троицкая церковь – в 1930 г. В 1993 г. храм был возвращен верующим и сейчас действует как приходской.

Троице-Феодоровский монастырь

Феодоровский Троицкий заштатный мужской монастырь располагался на высоком мысе над р. Казанкой. Мы рассматриваем историю этой обители в связи с тем, что монастырь в ноябре 1900 г. был преобразован в женский. Подобное мы связываем с расширением числа женских монастырей в Казанском крае.

Точных данных о происхождении монастыря не сохранилось, но из надписи, имевшейся на окладе иконы св. великомученика Феодора Стратилата выходило, что в 1607 году он уже существовал.²⁴ Святая обитель была устроена заботами Казанского митрополита *Гермогена* и усердием благочестивого воеводы князя *Ивана Ивановича Голицына*.

В монастыре была соборная церковь во имя живоначальной Троицы, освященная в 1700 году с приделом св. великомученика Феодора Стратилата, по имени которого монастырь и берет свое название.

Главную святыню обители составляли местночтимые иконы св. Феодора Стратилата, пожертвованная в монастырь в 1607 г. князем Голицыным и Феодоровская икона Божией Матери. Эта икона – список с чудотворного образа, находящегося в Костроме. Празднование этой иконы проходило по всей православной России 14 марта, а 16 августа торжество совершалось лишь в одной Казани, в память обретения образа князем Василием Юрьевичем Костромским.

Ежегодно 20 июля в Феодоровский монастырь совершался крестный ход из кафедрального Благовещенского собора с иконами Казанской Божией Матери и Смоленской из Седмиозерной пустыни.²⁵

При соборной церкви имелись колокольня и каменные настоятельские кельи; сестринские же помещались около монастырской ограды.

К 1900 году сохранялась лишь соборная церковь с приделом и монастырская колокольня. В разное время обитель приписывалась к Казанскому архиерейскому дому, к Иоанно-Предтеченскому и Спасо-Преображенскому монастырям (к последнему с 1855 года).

Настоятели обители:

Настоятельство в монастыре было игуменское. И, как видно из Указа Казанской Духовной консистории от 11 декабря 1765 года, настоятелем в это время был игумен *Иларион*.²⁶

Арсений 1-й – игумен с 16 июля 1806 г., в дальнейшем переведенный в Кизический Введенский мужской монастырь игуменом;

Анастасий – игумен с 18 ноября 1820 г., переведенный в дальнейшем из Казанской в Воронежскую епархию;

Арсений 2-й, по увольнении от должности в сем монастыре и скончался;

Никанор – игумен с 17 февраля 1821 г., уволен от сей должности на покой в Седмиезерную пустынь;

Иоасаф – игумен с 22 октября 1823 года;

Иннокентий – игумен с 17 января 1826 года, переведен игуменом в Кизический Введенский мужской монастырь.

Аркадий – игумен с 26 апреля 1829 года, по болезни уволен на покой в Седмиезерную пустынь.

Савва – игумен с 15 марта 1830 года, переведен в строители в Цивильский Тихвинский монастырь;

Елевферий – игумен с 19 августа 1830 года, переведен в строители в Цивильский Тихвинский монастырь;

Гедеон – игумен с 23 мая 1831 года.

С 23 сентября 1900 года в жизни монастыря открылась новая страница. В этот день Указом Св. Синода (№ 6491) монастырь из мужского заштатного был преобразован в женский общежительный, с назначением настоятельницей его монахини *Иоанны*. Новая обитель получила название «*Казанский Свято-Троице-Феодоровский женский монастырь*».

12 ноября 1900 года монастырь был освящен Высокопреосвященным *Арсением*, Архиепископом Казанским и Свияжским, как женский.

30 сентября 1910 года в 6 часов утра протяжный звон колокола с монастырской колокольни оповестил сестер обители о смерти матушки игумении *Анфисы*. Отпевание совершал Преосвященный епископ Алексей, архимандрит Варсонофий, духовенство монастыря, священнослужители Казани.²⁷

Игуменья *Анфиса* (Анна Михайловна Бакакина) происходила из мещан г. Мамадыша. В возрасте 20 лет, в 1871 году, она поступила в число сестер Казанско-Богородицкого женского монастыря. Сначала она проходила послушание на свечном монастырском заводе, а через три года была переведена в живописную мастерскую, где вскоре была назначена её заведующей. В 1895 году постригается в монашество. В 1905 году назначается казначеей Феодоровского монастыря, а на следующий год – его настоятельницей. На этом посту она сменила свою предшественницу игумению *Иоанну*. 20 мая 1907 года Епархиальным начальством по Указу Святейшего Синода возведена в сан игумении. За её заботы об обители в 1910 году была награждена наперсным крестом.

Особо хочется сказать о последней настоятельнице святой обители игумении *Ангелине* (Анне Степановне Алексеевой), на плечи которой легла тяжкая участь видеть закрытие и порушение святой обители.

Дочь мещанина г. Казани, она родилась в 1884 году, окончила курс в училище г. Казани. 16 октября поступила в Троице-Феодоровский монастырь, 17 ноября 1907 г. была облечена в рясофор. 17 ноября 1910 года утверждена настоятельницей епископом *Иоасафом* (Удаловым), прожила в монастыре до самого его закрытия в 1928 году. 2 июля 1923 г. оказала сопротивление захвату обители обновленцами, заявив о непризнании обновленческого ВЦУ и обновленческого Казанского епархиального управления.

В начале 1925 г. распускается община обители, о чем можно судить по заявлению

Татотдела ОГПУ от 27 января 1925 г. «О роспуске старой общины Федоровского монастыря, о выселении за пределы Татарской Республики игуменьи Алексеевой».²⁸

После закрытия монастыря проживала в Казани, 27 июня 1931 г. арестована по делу «О филиале Истинно-православной Церкви в Татарской АССР». Обвинялась в «активном участии в организации снабжения продуктами питания и деньгами ссыльного и заключенного за контрреволюционную деятельность духовенства», в выполнении «поручений контрреволюционной организации по связи с епископом *Иоасафом*» и в «распространении контрреволюционных антиколхозных листовок». Мать Ангелина виновной себя не признала.

Была осуждена на три года ссылки в Северный край, отбывала срок в Архангельске и Коми (Зырянском) АО. После освобождения поселилась в Казани. Будучи духовной дочерью епископа *Иоасафа*, по его поручению посещала в ссылке сщмч. митрополита *Кирилла* (Смирнова).

Вновь арестована 8 декабря 1937 г., обвинялась в том, что «среди приезжавших к Удалову верующих крестьян систематически вела антисоветскую клеветническую агитацию, сопровождая ее антисоветскими измышлениями о гонениях на религию в СССР, о голоде в колхозах... Вела антисоветскую пораженческую агитацию о неизбежности свержения Советской власти и о торжестве православия». Виновной в контрреволюционной деятельности себя не признала. Расстреляна в тюрьме НКВД по приговору тройки НКВД Татарской АССР от 15 декабря 1937 г.²⁹

В настоящее время отделом канонизации Казанской епархии готовятся документы и материалы к канонизации игуменьи *Ангелины*.

Монастырь закрывается в 1928 г. В течение двух лет он остается по существу безхозным. В 1931 г. занимается под студенческое общежитие Медфармполитехникума (60 мест), а часть отдается под столярную мастерскую.³⁰ В марте 1932 г. президиумом Казанского городского Совета принимается решение о сносе бывшего монастыря.

«Начальнику конторы комжилстроя. 9 марта 1932 г. Президиум городского Совета предлагает немедленно приступить к разбору предназначенных для коммунального жилищного строительства церквей и мечетей. 1) Владимирский собор (Московская ул.); 2) Грузинская церковь (ул. К.Маркса); 3) Кафедральный собор (коридор по направлению к новому зданию областкома); 4) Воскресенская церковь (ул. Чернышевского); 5) Федоровский монастырь; 6) Спасский монастырь (в Кремле) передать коммунжилстрою, в случае неразбора Татбашшколой для надстроек... Зам. Предгорсовета Муратов».³¹

На месте монастыря в 1930-е годы возник базарчик, прозванный в народе «еврейским», а в конце 1980-х годов был построен помпезный музей В.И. Ленина, ныне НКЦ «Казань».

Тетюшская женская Николаевская община

Далеко не каждая женская община была преобразована в монастырь. Наш рассказ – об истории возникновения Тетюшской женской общины во имя святителя Николая, Мирликийского чудотворца.

В Тетюшах почти одновременно с основанием города возникли два монастыря.

В 1589 г. открывается Никольский мужской монастырь. Он находился в семи верстах ниже по течению Волги, в живописном месте. В этом же году по указу царя Феодора Иоанновича боярину и воеводе Феодору Шестунову была дана монастырю грамота на владение местностью: «на ней пашню пахать, сено косить и всякими угодьями владеть». Настоятелем обители был черный священник *Иона*. Тетюшский Никольский монастырь просуществовал до конца XVII века, когда, по преданию, был сожжен разбойниками Степана Разина.³²

В конце XVI века в Тетюшах был основан еще один мужской монастырь в честь Покрова Пресвятой Богородицы. В 1673 г. он был приписан к Новоспасскому московскому монастырю. В начале XVII века в обители строителем был старец *Пимен*, а казначеем иеромонах *Иоаким*. Обитель просуществовала до середины XVIII столетия.

С тех пор в Тетюшах не было восстановлено ни одного монастыря, хотя надобность в них для окормления православного населения была насущной.

С инициативой о создании святой обители 30 апреля 1903 г. письменно к Архиепископу Казанскому *Димитрию* обратилась местная помещица, княгиня Параскева Николаевна Волконская. Она вознамерилась в своей усадьбе близ деревни Нармонки, что в семи верстах от Тетюш, создать монастырь, отдать на его обустройство все свое состояние, а себя посвятить служению Богу в этой обители.

Княгиня передавала общине до 500 десятин земли, в т.ч. 280 десятин пахотной земли, 40 десятин заливных лугов на противоположной стороне Волги, в Спасском уезде, а также недвижимость и 8000 рублей с процентами с капиталов в банках. Архипастырь *Димитрий* с полным сочувствием и отеческим доверием отнесся к просьбе благочестивой княгини. Им были приняты необходимые меры к осуществлению ее благого намерения.

Его Высокопреосвященством 4 июня 1903 г. было послано в Священный Синод представление об учреждении в имении княгини Волконской женской общины с построением храма и назначением ее начальницей этой общины. Ходатайство Владыки было удовлетворено: указом Священного Синода от 4 ноября 1903 г. архипастырь был уведомлен в том, что Тетюшская женская община во главе с жертвователем княгиней Волконской учреждается.

9 июня 1904 г. в тихой уединенной усадьбе Волконской состоялось открытие новоучрежденной общины, которое при большом стечении народа совершил сам Высокопреосвященнейший *Димитрий*.

Так кто же она – учредительница Тетюшской Никольской женской общины, отдавшая все свое достояние для ее обеспечения?

Параскева Николаевна Волконская, 52 лет, была дочерью симбирского помещика Николая Александровича Мотовилова и его жены Елены Ивановны. Мотовилов – тот самый помещик, которого великий Саровский подвижник, преподобный *Серафим*, исцелил в молодости от неизлечимой болезни ног одним своим словом и которому многое открыл в духовных беседах с ним.

Мотовилов всю жизнь оставался ревностным благоговеющим почитателем старца *Серафима* и неустанно проявлял заботу о том, чтобы все его заветы

относительно Дивеевской обители были исполнены. После блаженной кончины Саровского угодника Божия Мотовилов собирал сведения о его трудах и житии на пользу Дивеевской обители и сам, воодушевляясь примером преподобного *Серафима*, во многом помогал ей в материальных нуждах. Николай Александрович скончался далеко от Дивеева, в своем имении в Симбирской губернии, но тело его было перевезено и погребено в этой обители.

Мать княгини Волконской Елена Ивановна с ранних лет воспитывалась в Дивеевском монастыре под руководством близких родных – Параскевы и Марфы Семеновых, посвятивших себя иноческой жизни и впоследствии принявших схиму. В этом тихом пристанище дожила свои последние годы и Елена Ивановна.

Вот от таких набожных родителей и унаследовала княгиня Волконская благочестивую настроенность. С родителями она нередко посещала Саровскую и Дивеевскую обители. В зрелые годы она совершала паломнические поездки на Святую землю, в Киево-Печерскую лавру.

В 16 лет она была выдана замуж за вдовца, князя Ивана Александровича Волконского, помещика Тетюшского уезда села Карланги. Но Господь, видимо, готовил ей другой жизненный путь: она рано овдовела, после смерти мужа на ее руках осталось двое детей – сын Вячеслав и дочь Ольга. Перед смертью князь продал свое имение, а для обеспечения жены купил на ее имя имение в деревне Любимовка, где и была открыта община. Недолго Параскева Николаевна жила со своими детьми. Сначала она лишилась дочери, умершей от тифа, а в 1902 г. потеряла и свою последнюю отраду и опору в жизни – сына Вячеслава, уже студента университета. Подобные тяжелые испытания укрепили ее дух и, оставшись в одиночестве, она безропотно решила отдать себя всецело на служение Богу.

Мы специально посвятили отдельные строки этой благочестивой женщине. Приходится только сожалеть, что процесс преобразования общины в монастырь прервали события 1917 года и последовавшее за ними время безбожного лихолетья. Но это уже другие страницы бытия.

Такова вкратце история женских монастырей Казанского края, возникших здесь в пореформенный период XIX века. Автор сознательно не коснулся истории более ранних обителей, в частности, Казанско-Богородицкого и Свяжского Иоанно-Предтеченского, к тому времени уже обретших славу и почитание не только среди местного населения, но и далеко за пределами Казанской епархии. Женское монашество Казанского края ждет своего пытливого исследователя, ибо в нем немало еще нераскрытых страниц, полных высоты духа и трагедии утрат, беззаветного служения Богу и поругания в годы богоборческого лихолетья.

Монастыри поистине являются светильниками миру. Как говорил священномученик протоиерей *Иоанн Восторгов*: «Монастыри – это запасные водоемы живой воды религиозного воодушевления; они питают и увлажняют иссохшие пустыни духа мирской жизни, они дают живительную и спасительную влагу душам жаждущим».³³

Примечания

¹ Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. – М.: Русское слово, 1999. – С. 21.

² Республика Татарстан: Православные памятники (середина XVI – начало XX веков). – Казань: Фест, 1998. – С. 206.

³ Мензелинский край: история и современность / Сост.: Юсупов Ю.Ю., Сафиуллин М.Н.. Мензелинск, 2006. – С. 233.

⁴ Григорович Н. Обзор учреждения в России православных монастырей со времени введения штатов по духовному ведомству: 1764 -1869. – СПб., 1869. С. 104.

⁵ Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. – М.: Русское слово, 1999. – С. 24.

⁶ НА РТ. Ф. 4. Оп. 114. Д. 6. Лл. 86-103.

⁷ НА РТ. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1. Лл. 69-92.

⁸ Подробнее об истории возникновения, разрушения и возрождения святой обители см.: Елдашев А.М. Монастыри Казанского края: очерки истории. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2004. – С. 143-198; он же. Русские монастыри: Средняя и Нижняя Волга. – М.: Очарованный странник, 2004. – С. 102-103; он же. Казанско-Богородицкий монастырь. Татарская энциклопедия. Т.Ш. – Казань: Институт татарской энциклопедии АН РТ, 2006. – С. 127.

⁹ Бусева-Давыдова И.Л. Живопись. Православная энциклопедия. Русская православная церковь. – М.: Православная энциклопедия, 2000. – С. 555.

¹⁰ НА РТ. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 2.

¹¹ НА РТ. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1, 5, 7, 8.

¹² НА РТ. Ф. 484. Оп. 67. Д. 1. Лл. 30-52.

¹³ НА РТ. Ф. 484. Оп. 82. Д. 1. Лл. 31-72.

¹⁴ НА РТ. Ф. 484. Оп. 87. Д. 1. Лл. 7-46.

¹⁵ Лелехин, протоиерей, Аникина М.В. Благословенная Богом. Духовная жизнь Елабуги в прошлом и настоящем. – Елабуга, 2006. – С. 81.

¹⁶ Сальников В.Г. Бугульминское земство: дела, тревоги и мечты. – Бугульма: ОАО «Бугульминская типография», 2005. – С. 250.

¹⁷ Цит по: Чистополь и чистопольцы. Из прошлого и настоящего. Казань: По городам и весям, 2004. – С. 128.

¹⁸ НА РТ. Ф. 4. Оп. 114. Д. 6.

¹⁹ Известия по Казанской епархии, издаваемые при Казанской Духовной академии за 1899 год. – Казань: Типо-литография императорского университета, 1899. – С. 162.

²⁰ Алиев И.А. Позолотных дел мастер / Православный собеседник. Альманах Казанской Духовной семинарии. Вып. 1 (9). – Казань: Казанская Духовная семинария, 2005. – С. 189.

²¹ Известия по Казанской епархии, издаваемые при Казанской Духовной академии за 1883 год. – Казань: Типо-литография императорского университета, 1883. – С. 6.

²² Малиновский Федор Николаевич (1864 – ?), архитектор. В 1894-1912 – Казанский епархиальный архитектор. По проектам Малиновского построены: Собор Божией Матери «Всех скорбящих радость» Иоанно-Предтеченского монастыря в г. Свияжске (1898-1906), Троицкий собор Богородицкой пустыни (1904-1907), Троицкая церковь в г. Лаишево (1911) и др. Работал в русле эклектизма. См.: Татарский энциклопедический словарь. – Казань: Институт татарской энциклопедии АН РТ, 1999. – С. 338.

²³ Республика Татарстан: Православные памятники (середина XVI – начало XX веков). – Казань: Фест, 1998. – С. 175.

²⁴ Известия по Казанской епархии, издаваемые при Казанской Духовной академии за 1899 год. – Казань: Типо-литография императорского университета, 1899. – С. 772.

²⁵ Православные русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. – СПб.: Воскресение, 1994. Репринтное издание. – СПб.: Книгоиздательство П.П.Сойкина, 1910. – С. 243.

²⁶ Известия по Казанской епархии, издаваемые при Казанской Духовной академии за 1899 год. –

Казань: Типо-литография императорского университета, 1899. – С. 774.

²⁷ Известия по Казанской епархии, издаваемые при Казанской Духовной академии за 1910 год. – Казань: Типо-литография императорского университета, 1910. – С. 1220.

²⁸ НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 11. Д. 67. Лл. 52-55.

²⁹ Архив КГБ РТ. Дело 2 – 18199; 2 – 15208. Православная энциклопедия. Т. II. М.: Православная энциклопедия, 2001. – С. 295. Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского / Авт.-сост. А.В. Журавский – М.: Изд. Срегенского монастыря, 2004. – С. 664.

³⁰ НА РТ. Ф. 732. Оп. 6. Д. 54. Лл. 18, 23, 27.

³¹ НА РТ. Ф. 732. Оп. 6. Д. 54. Л. 19.

³² Открытие Высокопреосвященнейшим Димитрием, Архиепископом Казанским, женской общины во имя святителя Николая, Мирликийского чудотворца, близ города Тетюш, Казанской губернии, 9 июня 1904 года. – Казань: Типо-литография императорского университета, 1904. – С. 4.

³³ Русская Православная Церковь. Монастыри. Энциклопедический справочник. – М.: Республика, 2000. – С. 8.

АРХИЕПИСКОП СУЗДАЛЬСКИЙ ГУРИЙ (СТЕПАНОВ): БИОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

иерей Павел КИРИЛЛОВ

Студенческие годы

Гурий (Степанов), архиепископ Суздальский (1880-1938), в миру Степанов Алексей Иванович. По выписке из 1-й части метрической книги о родившихся в 1880 году мы видим, что родился он 3 октября 1880 года в Казанской губернии, в г. Чебоксары Тогашевского уезда, в крестьянской семье. Числился 16-м по счету родившимся за 2 октября 1880 года. В дальнейшем, учась в Казанской Духовной семинарии, он указывается по месту жительства: г.Чебоксары, Соборная гора, дом матери.¹ Крещен он был 12 октября в Введенском кафедральном соборе г. Чебоксар. Крещение его совершил протоиерей Селивестр Богородицкий с дьяконом Алексеем Романовским и псаломщиком Андрианом Багиндинским. О родителях же Алексея можем сказать следующее: отец его, отставной унтер-офицер Иван Степанов, служил в кадре постоянным матросом и рабочим Кронштатского порта, старшим надзирателем. Мать его – Ольга Ивановна Степанова, оба православного вероисповедания.²

Об учебной его деятельности мы будем говорить подробнее, т.к. отсюда начинается его деятельность в лоне Церкви. Он окончил Чебоксарское городское училище в 1893 году и духовное училище в 1896 году, но о том, как он учился там, сведений мы не имеем. Среднее образование получил в Казанской духовной семинарии, в которой обучался с сентября 1896 года по июнь 1902 года³, о чем и пойдет речь в нашем дальнейшем описании.

Стоит сказать о его успеваемости. В ведомости об успехах и поведении учеников 1-го класса 1-го отделения Казанской Духовной Семинарии на 1896-1897 учебный год видим, что Алексей, поступивший в семинарию из духовного училища в сентябре 1896 года, по годовым выводам имел такие оценки: по поведению – 5; пропущенных уроков по уважительной причине – 21; Священное Писание – 5 (сочинение – 4); по гражданской истории – 4 (сочинение – 4); по математике – 4; греческий и латинский язык – 4; церковное пение – 3. По экзаменационным баллам: 5 – по Священному Писанию, гражданской истории, математике, греческому и латинскому языку; 3 – по церковному пению.⁴ За 2 класс 1 отделения на 1897-1898 учебный год у Алексея в ведомости видим такие же годовые оценки: по поведению – 5; пропущенных уроков по уважительной причине – 58; Священное Писание – 5; гражданская история – 5; греческий язык – 4 и церковное пение – 3. Экзаменационные баллы: Священное Писание, словесность, гражданская история, греческий язык – 5; церковное пение – 4.⁵ В списке учеников, обучавшихся еврейскому языку, Алексей имел хороший балл. Так же – и в списке изучавших немецкий язык⁶, и очень хорошие – по французскому языку, о чем мы узнаем из его аттестата.⁷ По разрядному списку на заседании

нового академического курса одного из лучших воспитанников, окончивших курс учения. Упоминается о благонадежности избираемого Алексея Степанова, как по способностям к учебе, так и по состоянию здоровья. Просят выслать в Совет Академии к 10 августа документы, назначенные к поступлению: семинарский аттестат; метрическое свидетельство; медицинское свидетельство; свидетельство о приписке к призывному участку и отсрочку; отметку, состояли ли в хоре или пономарил.¹⁹ А также к перечню упомянутых документов к 1 августа предъявить и собственноручную подписку, в которой говорится, «по прибытии в Казанскую Духовную Академию не буду отказываться от поступления в нее, а по окончании академического курса от поступления на духовную учебную службу».²⁰ По билету от Казанской Духовной Семинарии от 10 августа 1902 года можем узнать, что Степанов Алексей, назначенный к поступлению в Академию на казенный счет, следует к месту своего назначения.²¹ Укажем и то, что пансионная плата, в размере оклада, отпускаемого на казеннокоштного студента, составляла 200 рублей, с прибавлением суммы на первоначальное образование, и должна была вноситься в два срока, т.е. в сентябре (25 руб.) и январе.²²

Таким образом, по окончании семинарии в 1902 году Алексей поступил в Казанскую духовную академию, которую закончил в 1906 году.

О его отношении к военной службе мы узнаем из удостоверения Тогашевского волостного правления, Чебоксарского уезда Казанской губернии, что он принадлежит по состоянию своему к обществу крестьян Солдатско-Слободского сельского общества Тогашевской волости и числится по отбыванию воинской повинности в первом призывном участке Чебоксарского уезда и что, будучи рожден 2 октября 1880 года, подлежит отбыванию воинской повинности в 1902 году. По достижении им призывного возраста он будет внесен в призывной список Тогашевским волостным правлением, на общем основании для лиц крестьянского сословия, от п. 121 Уст. о воинск. повинности, 8 Марта 1901г.²³ Из увольнительного же свидетельства 15 сентября 1902 года мы узнаем о том, что оно дано Алексею Ивановичу Степанову, значащемуся по семейному списку под №10, в том, что к перечислению его из крестьян Солдатско-Слободского сельского общества, для поступления в Казанскую Духовную Академию согласно его желанию, препятствий со стороны Тогашевского волостного правления не имеется. Причем требуется соблюдение условий 130 ст. того же положения: 1) увольняемый отказывается от участия в мирском наделе общества навсегда; 2) на семействе его и на нем самом недоимок не имеется; 3) беспорных частных взысканий и обязательств, предъявленных волостному правлению, нет; 4) увольняемый под судом и следствием не состоит; 5) мать, вдова Ольга Ивановна Степанова, на увольнение сына Алексея изъявила полное свое согласие; 6) остающаяся в обществе мать увольняемого в своем содержании обеспечена, малолетних и др. неспособных к труду лиц нет; 7) увольняемый призван к отбыванию воинской повинности в текущем 1902 году со льготой первого разряда, как единственный сын-ратник в семье. Требуемый 134 ст. общего положения опрос на сельском сходе был произведен, и по нему не оказалось препятствий к увольнению.²⁴ В свидетельстве 5 ноября 1902 г. за №1837 о явке и исполнении воинской повинности

Как видим, достойную характеристику приобрел он по окончании академии в 1906 году. Курсовое сочинение его на тему «Буддизм и христианство в их учении о спасении» оказалось настолько хорошим, что ему была присуждена полная студенческая премия митр. Макария, и было признано заслуживающим степени магистра». ³⁰

Хорошо отзывался об иеромонахе Гурии бывший доцент архимандрит Иннокентий (Ястребов) с кафедры калмыцкого языка, вскоре ставший викарием Киевской епархии. Иннокентий рекомендовал Гурия в написанном им письме 29 мая 1906 г. в Совет КДА в качестве своего преемника, окончившего академию в 1906 году. Он советовал обратить внимание на человека, «который представляется мне наиболее достойным занятия освободившейся кафедры калмыцкого языка и соединенных с нею – этнографии монгольских племен и истории миссий среди них». ³¹ О.Гурий заявил о себе за все четыре года выдающимися способностями и блестящими успехами по всем предметам академического курса, благодаря чему всегда сохранял за собою место первого студента. Сочинения его носят печать талантливости и учености. К этим качествам надо еще присовокупить его апологетическую ревность и дар проповедничества, растворенный силою убедительности. Склонность и способность его к ученым занятиям проглядывает в его сочинениях – семестровых и курсовом. За время академического курса он изучил языки – английский и немецкий, столь необходимые для изучения буддизма. А по специальным предметам монгольского отдела «приобрел настолько достаточные познания, что сейчас же, без дополнительной подготовки, может быть преподавателем этих предметов студентам академии. И этому преподаванию он имеет полную возможность отдаться всецело, не отвлекаясь заботами к работе на требуемую уставом ученую степень, так как курсовое сочинение оказалось настолько хорошим, что признано мною заслуживающим магистерской степени. В лице о. Гурия Академия наша приобретет свежую талантливую силу с светлой горячей головой и чистым сердцем». Заклучая свой отзыв о сочинении о.Гурия, о.Иннокентий говорит: «Появление такого произведения в печати должно приветствовать как одно из лучших учено-апологетических исследований; автору же его мы с своей стороны считаем вполне возможным и справедливым присудить за такой труд степень магистра богословия». ³²

За представленное сочинение, которое было признано Советом Академии заслуживающим степени кандидата богословия, на основании §§137-140 Устава Православных духовных академий и указа Св. Синода от 22 февраля 1906г. за №2232 о.Гурий был удостоен степени кандидата богословия 1 июня 1906г., с предоставлением ему права преподавать в семинарии. К тому же иеромонах Гурий за воспитание в академии на казенном содержании в продолжение 4 лет обязан был прослужить 6 лет в духовно-учебном ведомстве или же единовременно уплатить сумму ведомству 810 рублей. ³³

Завершая обзор обучения его в академии, скажем о его успеваемости, а именно о том, что, в отличие от семинарии, где он имел 5 хороших оценок, успехи в академическом курсе значительно более высокие, т.е. оценка отлично стоит по

всем дисциплинам, изучавшимся в академии.³⁴ Он окончил курс Академии при отличном поведении первым магистрантом, в течение академического курса состоял на монгольском отделе миссионерской группы.³⁵

Научная жизнь и деятельность в Казанской Духовной Академии

Принимая во внимание рекомендацию бывшего доцента Академии архимандрита Иннокентия об отличных успехах в занятиях предметами монгольского отдела миссионерского отделения, а также прекрасное курсовое сочинение, Советом Академии 21 июня 1906 года кандидат богословия иеромонах Гурий был утвержден на исполняющего должность доцента и преподавал на кафедре калмыцкого языка с соединенными с ним предметами.³⁶

На открытых 17 марта 1889 года двухгодичных миссионерских курсах при Казанской духовной академии, которые уже с 1 января 1899 г. помещались в Спасо-Преображенском монастыре (в Казанском кремле), иеромонах Гурий в 1906-1907 г. преподавал историю миссии, этнографию монгольских племен и калмыцкий язык.³⁷

Сразу после возведения в должность доцента Гурий был направлен академическим начальством в калмыцкие степи, с 24 июня 1906 года по 1 ноября 1906 года, для изучения языка калмыков, их быта, верований и другого. Вскоре по возвращении из калмыцких степей Гурий Степанов поехал в С.-Петербург для ученых занятий по своей специальности в С.-Петербургском университете и Императорской Академии Наук, с 5 сентября 1906 года по 1 июня 1907 года.³⁸ До поездки в С.-Петербург, за усердную службу 29 июня 1906 г. он был награжден Его Высокопреосвященством Владыкой Дмитрием правом ношения набедренника.³⁹ Находясь же в С.-Петербурге, он не забывает выслать в Академию поздравительную телеграмму в день ее храмового праздника со словами: «Примите и мое смиренное поздравление академии с ее годовым актом».⁴⁰

21 сентября 1907 года в 12 часов дня исполняющий должность доцента иеромонах Гурий прочитал пробную лекцию в 1-й аудитории.⁴¹

В 1906-1907 году было прочитано много бесед-лекций среди солдат со стороны проповеднического кружка со специально религиозно-просветительскими целями от имени Братства Христа Спасителя в Казани, которые проводились под наблюдением членов Совета и военным руководством добровольно изъявившими желание студентами духовной академии, в числе которых был иеромонах Гурий. Предметом чтений были: изъяснение молитв, учения о Церкви и Царстве Божиим, объяснения таинств, житийные рассказы.⁴²

В отчете о состоянии Попечительства при Михайло-Архангельской церкви Казанской Духовной Академии за 1907 год, суть которого – вспомоществование всем служащим и служившим в Академии, за 1907 год в составе попечительства мы видим действительного его члена – доцента иеромонаха Гурия, в числе других видных деятелей Академии.⁴³

По истории миссии среди монгольских племен в 1907-1908 г. преподаватель иеромонах Гурий изложил историко-этнографические сведения о жизни монголов

и калмыков. По калмыцкому языку преподавателем иеромонахом Гурием были преподаны грамматика и синтаксис калмыцкого языка и переведены: со слушателями 1-го курса – 8 глав Евангелия от Марка, а со слушателями 2-го курса – 9-16 гл. Евангелия от Марка и буддийская книга Иэртунцуин толи (1-я часть)⁴⁴.

30 января 1907 года он пишет прошение на имя ректора, представляя для соискания магистерской степени исправленное и дополненное сочинение на тему: «Буддизм и Христианство в их учении о спасении». В результате Совет Академии постановил представленное доцентом иеромонахом Гурием сочинение передать на рассмотрение исполняющему должность экстраординарного профессора священнику И.В. Попову.⁴⁵ (Далее мы узнаем, что только в январе 1909 года о.Гурий утверждён был в степени магистра богословия за сочинение «Буддизм и христианство в их учении о спасении»). Кстати, было указано на недостаток – отсутствие в его работе критики буддизма и полемики с ним).

В списке общества вспомоществования недостаточным студентам Казанской Духовной Академии с 1 января по 31 декабря 1907 год есть имя исполняющего должность доцента иеромонаха Гурия в числе сделавших взнос по 3 рубля.⁴⁶ Также он сделал взнос и в 1908 году.⁴⁷

В его статье «Болезни и кончина и погребение почившего Архипастыря Димитрия» мы чувствуем дух искренней сыновней любви к умершему владыке, это отражается и в его личных чувствах, и в чувствах присутствующих у одра больного, которые мы явно ощущаем в статье.⁴⁸

16 февраля 1908 года, в день торжественного поминовения Патриарха Гермогена, Гурием было произнесено похвальное слово в кафедральном Благовещенском соборе города Казани. В этом слове он показал значение Гермогена для нашей Церкви и русской земли, действенной силы его святительского слова в тяжелые для русского народа дни, против самозванца, изменников и врагов отечества.⁴⁹

Год спустя иеромонах Гурий просит исполняющего должность ректора протоиерея Виноградова отпустить его для занятий по этнографии и калмыцкому языку в калмыцкие степи Астраханской губернии с 3 мая по 15 августа 1908, к этому не нашлось никаких препятствий, и Гурий Степанов был уволен академическим начальством в калмыцкие степи для этнографического изучения калмыков. И уже через год, 5 мая 1909г. он просит отпустить его в астраханские калмыцкие степи для изучения языка и быта калмыков и для занятия в архиве Калмыцкого Управления по предмету: «История распространения христианства среди калмыков».⁵⁰

16 августа 1908 г. накануне освящения храма во имя Св. Великомученика Дмитрия Мироточивого в Ягодной слободе г. Казани, Высокопреосвященнейшим Никанором, архиепископом Казанским и Свияжским, на всенощном бдении во время кафизм иеромонахом Гурием была сказана проповедь о молитвенном взаимообщении прихожан, и отцом настоятелем – о приходском единении, причем было предложено ознаменовать торжество обновления храма устройством при приходской богадельне приюта для девочек-сирот.⁵¹

священные книги которого, находящиеся в постоянном употреблении буддоломаистов нашего государства, ни в коем случае, по мнению автора, нельзя считать за второстепенные. Относительно нирваны Гурий отвечал, что он дает не новое понимание, а, констатируя два существующих в науке противоречивых суждения о нирване, пытается со своей стороны дать психологическое объяснение того, как об одном и том же предмете могли получиться два противоречивых мнения. На возражение второго оппонента автор отвечал, что, хотя он и излагает последовательно буддизм и христианство, но тем не менее это последовательное изложение представляет, по его мнению, не что иное, как одно большое сравнение двух основных проблем: жизни, построенной на отрицании Бога и самоутверждении, и жизни, построенной на признании живого Бога и Его благодатного единения с человеком. Кроме официальных оппонентов с о. Гурием беседовали: Его Высокопреосвященство, Архиепископ Никанор, заслуженный профессор Е.А. Будрин, профессор, протоиерей А.В. Смирнов и священник А.И. Дружинин. Совет признал защиту диссертации вполне удовлетворительной и ее автора достойным степени магистра богословия.⁵³

Таким образом, исправляющий должность доцента по кафедре калмыцкого языка о. Гурий по защите вышеуказанного сочинения определением Совета Академии от 22 января 1909 г. был удостоен степени магистра богословия, а 27 января Высокопреосвященным Никанором, Архиепископом Казанским и Свяяжским, утвержден в звании доцента Академии.⁵⁴

На миссионерских курсах за 1908-1909 г. по истории миссии среди монгольских племен преподавателем магистром богословия иеромонахом Гурием была изложена история распространения христианства среди монголов и калмыков. По калмыцкому языку им были преподаны грамматика и синтаксис калмыцкого языка и переведены: со слушателями 1-го курса Евангелие от Марка, а со слушателями 2-го курса Евангелие от Луки и буддийская книга «Цоджи дакини»⁵⁵.

Далее, 6 мая 1909 г. в воздаяние отлично-усердной службы, ко дню рождения Его императорского Величества, Св. Синодом удостоены различными награждениями многие преподаватели Академии, о. Гурий же был удостоен права ношения наперсного креста.⁵⁶

В этом же году иеромонах Гурий издал книгу «Буддизм и христианство в их учении о спасении» и напечатал в «Православном Собеседнике» статью «Нигилистический принцип буддийской философии и современные движения в ламаизме».⁵⁷

С августа 1909 года, после ухода на пенсию экстраординарного профессора священника И. Попова, определением Совета Академии от 4 сентября 1909 г., с 5 сентября Гурию пришлось совмещать преподавание по своей кафедре, а также по истории и обличению ламаизма и по монгольскому языку⁵⁸ до 5 февраля 1910 года, когда в качестве кандидата на кафедру монгольского языка был поставлен иеромонах Амфилохий (Скворцов), ставший профессорским стипендиатом и доцентом впоследствии.⁵⁹ Об иеродиаконе Амфилохии, студенте 3-го курса миссионерского отделения монгольской группы, 9 марта 1909 г. Гурий, будучи доцентом КДА, написал представление в Совет КДА, в котором просил дать

«Тонилхын чимэк»; студенты 5-го курса переводили с калмыцкого «Историю калмыцких ханов», а с русского на калмыцкий – Литургию верных. По монгольскому языку студенты 1-го курса переводили 1-5 гл. Евангелия от Марка, студенты 2-го курса – изложение буддийской веры, 1-ю ч., студенты 3-го курса – изложение буддийской веры, 2-ю ч.⁶⁶ Переводили Евангелие от Луки и буддийскую рукопись «Йертунцуин толи» (2-ую часть), 4-й курс – «Йертунцуин толи» 1-ую часть.⁶⁷ В марте 1910 года Гурий напечатал в «Православном Собеседнике» свои статьи: «О крещенных калмыках астраханского казачьего войска» и «Богослужбные и религиозно-нравственные переводы на калмыцкий язык».⁶⁸ На миссионерских курсах по истории миссии среди монгольских племен преподавателем иеромонахом Гурием была изложена этнография монгольских племен, по калмыцкому языку были преподаны грамматика и синтаксис калмыцкого языка и переведены: с слушателями 1-го курса Евангелие от Луки в первое полугодие и «Биография Зонкавы» во второе полугодие, а с слушателями 2-го курса переводили Евангелие от Иоанна и буддийскую книгу «Цоджи дакени» и с русского на калмыцкий: Великая ектения и «Вопросы и ответы на исповеди».⁶⁹

Указом Св. Синода от 15 октября 1910г. Гурию разрешено чтение лекций по вакантной кафедре истории и обличения ламаизма и монгольского языка.⁷⁰

В этом отчетном году в Совет Академии были представлены четыре сочинения на соискание премии Высокопреосвященнейшего митрополита Макария. В их числе было представлено сочинение доцента иеромонаха Гурия «Буддизм и христианство в их учении о спасении» (Казань 1908). Соглашаясь с отзывами рецензентов об этом сочинении, Совет Академии определением от 19 ноября 1909 г., утвержденным Его Высокопреосвященством 30 ноября, присудил доценту иеромонаху Гурию студенческую премию в размере 300 рублей.⁷¹

Следует заметить, что после Попова монгольский язык и богословскую энциклопедию в монгольском отделе преподавал с 1909 до 1914г. архимандрит Гурий (Степанов).⁷²

В 1910 году с 13 по 26 июня состоялся миссионерский съезд в Казани. 14 июня в 6 часов вечера состоялось заседание ламайского отдела, в заседаниях которого приняли участие и преподаватели миссионерского отделения Академии. Разбирали судьбу миссии. Докладчиком ламайского отдела был иеромонах Гурий. Он представлял другой метод миссии, как представитель этнографического направления. Сделал несколько докладов по содержанию – этнографических и востоковедческих. О. Гурий дал историческую справку о калмыках-ламаитах, вышедших, как известно, в Европу из Джунгарии в XVII столетии, и о современном положении калмыков-ламаитов, преимущественно в Донской епархии. Обратил особое внимание на чрезвычайное обилие среди них духовенства, содержание которого ложится тяжелым бременем на калмыков. Стремление попасть на место гелюна среди калмыков объясняется не только симпатиями или склонностями последних к жизни духовной, что могут сказать люди, не знающие подлинного положения вещей, но и теми привилегиями, какие даются законом ламайскому духовенству: доказано, что создаются искусственным путем должности сверхштатного духовенства, напр., с целью освободиться от воинской повинности.

был утвержден в звании экстраординарного профессора академии.⁷⁸

18 марта 1911 г. на Пассии, при служении Преосвященнейшего Михаила, епископа Чебоксарского, в кафедральном соборе иеромонахом Гурием было произнесено слово о воспоминании страданий Христовых.⁷⁹

В этом же 1911 г. Советом Академии было поручено экстраординарному профессору Гурию произвести ревизию академической библиотеки.⁸⁰

На прошение учителя Ноин-Ширенской миссионерской двухклассной школы Александра Межуева о предоставлении ему должности практиканта калмыцкого языка в Академии Гурий Степанов представил о нем отзыв, в котором указал, что он природный крещеный калмык, получивший образование на миссионерских курсах в качестве вольнослушателя, является подходящим кандидатом, как лицо не только свободно владеющее языком, но и имеющее хотя небольшое богословское и специально-миссионерское образование. Ввиду благоприятного отзыва учителя Межуева постановили назначить практикантом калмыцкого языка.⁸¹

В 1910-1911 г. на миссионерских курсах по истории миссии среди монгольских племен преподавателем иеромонахом Гурием была изложена история распространения христианства среди сибирских инородцев. По калмыцкому языку им были преподаны грамматика и синтаксис калмыцкого языка и переводились: с слушателями 1-го курса Евангелие от Иоанна в первое полугодие и «Биография Зонкавы» во второе полугодие, а с слушателями 2-го курса Деяния св. Апостолов и буддийская книга «Цоджи дакини» и с русского на калмыцкий «Вопросы и ответы на исповеди»⁸².

В этом 1910 году Казанская епархия понесла утрату: от инсульта скончался Высокопреосвященный Архиепископ Никанор.

Намереваясь заняться в летние каникулы изучением на месте, в епархиях Астраханской, Ставропольской и Донской, миссионерского дела среди калмыков, а также переводческими трудами, о. Гурий просит Совет Академии отпустить его в научную командировку в данные местности с 1 мая 1911 г., для чего просит назначить по его предмету экзамены не позднее данного числа. Побуждающей причиной является значительная величина района, подлежащего обследованию, и то, что благоприятным временем для калмыцкой степи является май и половина июня. А также он подчеркнул, что «науки же, мною преподаваемые в Академии, такого характера, что требуют неизбежно возможно частого посещения мест обитания инородцев и непосредственного ознакомления с миссионерской деятельностью среди них». Увольнительным билетом Совета Академии он направлен в научную командировку с 1 мая по 15 августа 1911 г.⁸³

С 1911 г. иеромонах Гурий Степанов, являвшийся экстраординарным профессором академии, был исполняющим обязанности наблюдателя миссионерских курсов при председателе архимандрите Варсонофии (Лебедеве). Когда же о. Гурий был назначен в 1912 году инспектором академии и стал архимандритом, он уступил место наблюдателя курсов исполняющему должность доцента академии иеромонаху Варсонофию (Лузину), тем самым оставив за собой право преподавания на миссионерских курсах.⁸⁴

курса Казанской Духовной Академии выпуска 1911 г., иеромонаха Назария (Андреева) «Православная миссия среди астраханских калмыков за последнее сорокалетие».⁹¹ Также написал отзыв о сочинении студента Пантелеймона Севрюка: «Будда и Христос (против Зейделя и его единомышленников)»,⁹² отзыв о сочинении студента Михаила Трофименко «Буддизм Махаяны по «Махаяна Sutras» и критический разбор его с христианской точки зрения».⁹³

За воздаяние отлично-усердной службы ко дню рождения Его Императорского Величества, 6 мая 1911 г., многие из числа профессоров и доцентов Академии были пожалованы различными наградами. Экстраординарному профессору иеромонаху Гурию за труды на Миссионерском съезде в 1910 г. наградой от Св. Синода была Библия.⁹⁵

О том, где жил о. Гурий, мы узнаем из прошения от 21 декабря 1911 г. №17627 бывшего студента 1-го курса Академии Петра Савельева об обратном принятии его в число студентов Академии, с разрешением жить в Спасском монастыре в келье экстраординарного профессора иеромонаха Гурия, на что о. Гурий возражений не имел.⁹⁶

На торжестве в память 300-летия мученической кончины патриарха Гермогена 17 февраля 1912 г., перенесенного в связи с пятком 2-й недели Великого поста, когда не полагалось служить парастас и заупокойную литургию, на 18 февраля, субботу, профессором иеромонахом Гурием на литургии вместо причастного стиха было произнесено слово.⁹⁷

В связи с каталогизацией книг, купленных из библиотеки профессора Ковалевского для Академии, о. Гурием была рассмотрена и описана часть книг и рукописей из названной библиотеки на тибетском языке.⁹⁸

На основании бывших суждений от 26 мая 1912 года относительно здоровья инспектора КазДА профессора Павла Пономарева, о постигшей его болезни, Святейший Синод определяет освободить Пономарева от инспекторской должности и на освободившуюся должность назначить экстраординарного профессора академии иеромонаха Гурия с возведением его в сан архимандрита.⁹⁹ Таким образом, указом Св. Синода от 26 мая 1912 года иеромонах Гурий был назначен на должность инспектора Казанской Духовной Академии и возведен 20 июня в сан архимандрита. Он уже проживает в здании Академии и преподает в 1912-1913 г. на 1-3-м курсах историю миссии среди монгольских племен и калмыцкий язык.¹⁰⁰

Для просмотра сделанных в Пекинской Духовной Миссии переводов важнейших огласительных книг на монгольский язык, присланных в Совет Академии, 13 июня 1912 г. была образована комиссия из научных деятелей академии миссионерского направления во главе с инспектором Академии иеромонахом Гурием.¹⁰¹

Для решения вопроса, поставленного на обсуждение Совета 17 августа 1912 г., по поводу того, что 50 лиц заявили желание поступить на миссионерское отделение без экзамена в возрасте от 23 до 62 лет, окончив курс семинарии по 2-му разряду, было постановлено: для предварительного рассмотрения дела о приеме на миссионерское отделение без экзамена лиц в священном сане образовать комиссию из преподавателей данного отделения, инспектора

Академии архимандрита Гурия, проф. М.М. Машанова и М.Г. Иванова, которые должны будут представить заключение о каждом из заявивших.¹⁰²

По результатам приемных экзаменов на новый курс Академии, допущенных к экзаменам было 90 человек. О державших экзамены было заслушано словесное заявление Преосвященного Ректора и инспектора Академии о. Гурия, где говорилось о них не только как о подходящих, но и желательных для Академии.¹⁰³

4 сентября 1912 г. преосвященнейший Ректор и инспектора Академии заявили в Совете, что по вместимости академических помещений в нынешнем учебном году в корпус можно было бы принять 55 человек.¹⁰⁴

Указом Св. Правительствующего Синода от 22 сентября 1912 г. по поводу ходатайства Преосвященного Иакова, Архиепископа Казанского и Свияжского от 10 сентября, о разрешении инспектору КазДА архимандриту Гурию временного преподавания миссионерских предметов на Казанских Миссионерских Курсах, Св. Синод удовлетворил ходатайство и разрешил инспектору Академии преподавание на указанных курсах.¹⁰⁵

Составленный комиссией Академии проект правил, определяющий жизнь и деятельность вновь учреждаемого историко-этнографического миссионерского музея 25 октября 1912 г. постановлено одобрить к исполнению и избрать помимо трех членов библиотечной комиссии преподавателей миссионерских предметов инспектора архимандрита Гурия, проф. М.А. Машанова, доц. Н.Ф. Катанова и делопроизводителем Комитета – и.д. доцента М.Г. Иванова.¹⁰⁶

В связи с кончиной 2 ноября 1912 года Высокопреосвященнейшего Митрополита С.-Петербургского и Ладожского Антония, Первенствующего члена Св. Синода, являвшегося питомцем КазДА выпуска 1870 г., бывшего профессора и один год – инспектора Академии, Совет Академии решил выразить глубокое сожаление по поводу кончины Владыки Антония. Для участия в погребении от лица КазДА 3 ноября был командирован в С.-Петербург инспектор Академии архимандрит Гурий.¹⁰⁷ В академии было решено в течение 40 дней совершать в академическом храме заупокойные литургии с панихидой по почившему.¹⁰⁸

На престольный академический праздник 8 ноября после литургии и праздничного молебна священнослужители и члены академической корпорации перешли из храма в квартиру инспектора для взаимного праздничного приветствия. Архимандрит же Гурий будучи в командировке на погребении митрополита Антония, написал телеграмму из Петербурга, поздравив Академию с престольным праздником.¹⁰⁹

В 40-й день по кончине Митрополита Антония в час дня в актовом зале было торжественное собрание, на котором инспектор Академии о. Гурий, участвовавший в качестве представителя от Академии в погребении Владыки Антония, сообщил сведения, собранные им в Петербурге о последних днях жизни почившего и о кончине его, затем поделился с присутствующими своими впечатлениями от грустно-трогательного торжества погребения митрополита.¹¹⁰

При Академии по инициативе Вл. Антония Волынского существовала «Лепта о. Варсонофия», собираемая с целью устройства монашеских одежд новопостригаемым студентам. С мая 1912 по 25 марта 1913 г. в состав капитала

поступило наличными деньгами 610 рублей 30 копеек, согласно воле жертвователей (Преосвященного Анастасия и о. архимандрита Гурия) 100 рублей израсходованы на устройство некоторых монашеских одежд для новопостриженных.¹¹¹

В 1911-1912 г. по этнографии, истории миссии среди монгольских племен и по калмыцкому языку экстраординарным профессором архимандритом Гурием студентам 1-3 курсов прочитана история распространения христианства среди калмыков до времен Елизаветы Петровны. По языку со студентами 1-го курса пройдена этимология и переводилась с калмыцкого «Жизнь Иисуса Христа», студентам 2-го курса сообщены сведения из синтаксиса; переводилась калмыцкая книга «Дорджи Джотба». Со студентами 3-го курса были упражнения в переводе с русского, с калмыцкого переводилась «Халимак хадиин турджи».¹¹²

Среди учено-литературных трудов в 1912 г. инспектор Академии о. Гурий напечатал в журнале «Голос церкви» «Похвальное слово в память святейшего патриарха Гермогена».¹¹³ В 1911-1914 г. помимо преподавания в Академии о. Гурий продолжает преподавание на миссионерских курсах.¹¹⁴

В этом же 1912 году о. Гурий взял на себя попечение о похоронах настоятеля Казанского Спасо-Преображенского монастыря архимандрита Варсонофия, в схиме Алексия. Известно, что о. Варсонофий был известным и почитаемым в городе монахом. Он возглавлял совет Миссионерских курсов.¹¹⁵

Относительно преподавания в 1912-1913 г. архимандритом Гурием по этнографии, истории миссий среди монгольских племен и по калмыцкому языку были прочитаны студентам 1-3 курсов история распространения христианства со времен Елизаветы Петровны до настоящего времени, история распространения христианства среди бурят и алтайских инородцев. По языку со студентами 1-го курса пройдена этимология и переводилась с калмыцкого «Иисус Христосин туджи», студенты 2-го курса изучали синтаксис калмыцкого языка и переводилась калмыцкая книга «Эртянцуин толи». С калмыцкого переводилась «Дорджи Джотба»¹¹⁶. То же самое и в 1914 году.¹¹⁷

Коснемся и относящегося к нашей теме интересного факта из жизни студента, могущего быть профессорским стипендиатом, воспитанника 55-й группы Шангина. Во время годичных испытаний студентов в конце 1912-1913 года вошел о. инспектор архимандрит Гурий и присел к экзаменационному столу, заявив, что ему нужно видеть одного из студентов, имеющих держать экзамен. О. Гурий просидел до конца экзамена и нужного ему человека не дождался. После выяснилось, что о. инспектор хотел видеть Шангина, которого не было в Академии в течение предыдущего дня и ночи. Он не счел нужным явиться на экзамен. В связи с этим о. Гурий поставил вопрос о поведении Шангина в связи с вопросом о его научной работоспособности. «Ночное его отсутствие обуславливало и отсутствие его наутро и на лекциях, а затаенной характер нетрезвости вынуждал его пропускать и экзамены». Но из-за даровитости его сделано снисхождение с лишением его казенной стипендии. И уже за 4 -й курс поведение его отмечено баллом 5 – за нетрезвость. Но когда вопрос стал об избрании Шангина на академическую кафедру, где нужен аккуратный, систематически занимающийся

работник, о. Гурий высказался, что Шангин, проявивший в течение двух лет предрасположенность к алкоголизму, не может быть хорошим и надежным работником¹¹⁸.

Также в этом отчетном году о. Гурий начал печатать на страницах академического журнала свою ученую диссертацию «Первая православная миссия среди калмыков и ее историческая жизнь»¹¹⁹.

Помимо преподавания в Академии о. Гурий продолжает преподавать на миссионерских курсах¹²⁰.

Комитет Историко-этнографического музея, находящегося при Академии, выразил особенную признательность пожертвованиям инспектора Академии профессора о. Гурия, состоящим из коллекции буддийских (монгольских, калмыцких и бурятских) идолов из бронзы, на полотне и бумаге и др. вещей домашнего быта монголов, калмыков и бурят, которые по своему миссионерскому значению имеют особую ценность¹²¹.

В 1913 году, 21 февраля, в день 300-летия царствования Благоверного Дома Романовых, Его Императорское Величество, отмечая великое историческое значение для России духовных школ, возглавляемых духовными Академиями, в знак Своего Всемилостивейшего внимания к Академиям даровал им имя «Императорских»¹²².

А 20 апреля в 3 часа дня Академию своим посещением осчастливила Ее Императорское Высочество Великая Княгиня Елизавета Федоровна. В вестибюле главного корпуса она была встречена инспектором Академии архимандритом Гурием с помощниками инспектора. При входе в академический храм Ее Высочество была встречена Преосвященным Ректором Академии епископом Анастасием с большим сонмом священнослужителей в праздничном облачении, после чего Ректором была произнесена пасхальная приветственная речь. По окончании речи был отслужен пасхальный молебен с многолетием. По окончании молебна и лобзании Святого Креста Ее Высочество проследовала в квартиру о. инспектора Академии архимандрита Гурия, где ей имели счастье представляться профессора Академии. После двухчасового пребывания в Академии и различных осмотров и представлений в ней Ее Величество отбыла из Академии.¹²³

В том же году 12 мая в Москве было совершено прославление Святейшего Патриарха Ермогена. В Москву от Казанской епархии был командирован для участия в торжествах прославления Преосвященнейший Анастасий. В Москве Ее Императорское Высочество Великая Княгиня Елизавета Федоровна даровала для Академии икону св. Ермогена с частицей гроба. По возвращении в Казань 16 мая его встречал на вокзале крестный ход во главе с инспектором Академии архимандритом Гурием.¹²⁴

30 мая была получена телеграмма из Петербурга о переводе Преосвященного Анастасия Ректором Императорской С.-Петербургской Духовной Академии. В четверг 6 июня в Совете профессоров Академии был заслушан указ о назначении Преосвященного Анастасия Ректором Императорской С.-Петербургской Духовной Академии и епископом Ямбургским. А на его месте епископом Чистопольским и Ректором Казанской Духовной Академии повелено быть

инспектору Императорской Московской Академии архимандриту Анатолию.¹²⁵ Торжественно-прощальное чествование Владыки Анастасия носило сердечный характер. При входе Высокопреосвященнейшего Иакова и Преосвященнейшего Анастасия в зале квартиры раздалось пение «Царю Небесный» и «Небесных воинств Архистратизи». Далее из среды собравшихся выступил вперед и.д. Ректора инспектор архимандрит Гурий и с ним рядом профессор протоиерей Н.П. Виноградов. Державший икону св. Архистратига Михаила о. Инспектор, обратившись к виновнику торжества, сказал прощальную речь. Растроганный до слез Преосвященнейший выслушал искреннюю, правдиво-художественную речь о. инспектора. Приложившись к иконе, он поблагодарил о. инспектора за выраженные чувства, подчеркнул свое недостоинство. Далее началась трапеза. Когда наступил обычный момент застольного обмена мыслей и чувств, первым встал и.д. Ректора инспектор архимандрит Гурий и произнес от лица академической корпорации здравицу. После стали поочередно произносить речи присутствующие. 9 июня в 3 часа дня состоялось последнее прощание Преосвященного Анастасия с академической корпорацией в актовом зале Академии, где отслужен был напутственный молебен и.д. Ректора инспектором архимандритом Гурием и профессорами. Присутствовали также студенты и близкие знакомые Владыки во главе с губернатором и его супругой. Затем наступил момент прощания. В 6 часов вечера наступил момент отъезда Владыки Ректора из Академии. В сопровождении о. Гурия, его помощника и других ближайших лиц тесной академической семьи, Преосвященный Анастасий проследовал из восточного корпуса в квартиру отца инспектора, куда он прежде часто приходил и где часто отдыхал душой и телом, проводя долгое время в приятном взаимном собеседовании. Теперь же была предложена последняя прощальная трапеза. По окончании ее совершен отцом Инспектором молебен святителю Гурию и патриарху Ермогену. Когда окончился молебен, Преосвященный простился с присутствующими, поцеловал горячо каждого, направился под звон колоколов в ждавший его экипаж и уехал на вокзал, где ожидало много провожающих своего любимого Владыку.¹²⁶

14-го июня 1913 года в рассматриваемой сводной ведомости баллов, полученных студентами 4-го курса в 1912-1913 учебном году за поведение, поучения, практические занятия по учебным предметам курса и на устных испытаниях во время бывших в мае месяце экзаменов, видно, что по поведению за год все студенты курса отмечены инспектором Академии архимандритом Гурием полным баллом 5, за исключением студента Капы Мило, ввиду того, что тот, будучи черногорцем, 8 ноября выехал на родину для участия в войне соотечественников с Турцией.¹²⁷ Того же июня по словесному предложению и. об. Ректора Академии, инспектора Архимандрита Гурия имели суждение об оставлении при Академии на 1913-14 учебный год профессорских стипендиатов из ныне окончивших курс студентов. Для оставления в качестве профессорских стипендиатов профессорами Академии были рекомендованы Трифонов Иван и Бельский Алексей.¹²⁸ Также о. Гурием произведено письменное предложение Совету Академии об избрании из окончивших в нынешнем году курс студентов

архимандрита Гурия – 50 рублей.¹³⁵

В списке членов Общества вспомоществования недостаточным студентам Императорской Духовной Академии за тридцатый год ее существования (с 1 января по 31 декабря 1913 года) действительный член Общества инспектора о. Гурий числился внесшим три рубля.¹³⁶

От непродолжительной, но тяжелой болезни 25 октября, в 10 часов 10 минут вечера, скончался почетный член Академии, заслуженный ординарный профессор в отставке, доктор богословия, действительный статский советник Николай Иванович Ивановский. 27 октября в квартире почившего о. Гурием было совершено заупокойное всенощное бдение.¹³⁷

В списке книг, имеющих на складе в 1914 году при редакции журнала «Православный Собеседник», мы видим сочинение иеромонаха Гурия «Буддизм и христианство и их учение о спасении», 1908. Ц. 1р. 50коп.¹³⁸; архимандрита Гурия «Тайна жизни», Ц. 10 коп., «Преосвященнейший Вениамин Пуцек-Григорович, Митрополит Казанский и Свияжский». Ц. 20 коп., «Философия буддизма». Ц. 15 коп., «Философия смерти и религия жизни». Ц. 10 коп., «Нигилистический принцип буддийской философии и современные течения в ламаизме».¹³⁹

О. Гурий отличался от своих предшественников по многочисленным публикациям. Еще будучи студентом, он слушал лекции доцента университета, доктора сравнительного языкознания этнографа Н.Ф. Катанова и перенял у него любовь к этнографии. Архимандрит Гурий не был миссионером, несмотря на то, что написал ряд статей по истории миссионерства и его практическим аспектам.¹⁴⁰ В 1914 году в журнал «Православный собеседник» он пишет статью «Православная миссия среди астраханских калмыков в XVIII и XIX в.».

Продолжает быть преподавателем миссионерских курсов.¹⁴¹

По заявлению профессоров и преподавателей миссионерского отделения Академии от 1 апреля 1914 года он изъявил свое согласие составить монографию по истории миссии в Сибири, Камско-Волжском крае и на Кавказе. В том числе о. Гурий предполагает составить историю противоязыческой миссии среди приволжских калмыков, иркутских и забайкальских бурятов и среди алтайских калмыков.¹⁴²

По указу Его Императорского Величества Совет Императорского Московского Археологического Института имени Императора Николая II постановил командировать действительного члена Института, инспектора Императорской Казанской Духовной Академии архимандрита Гурия на Алтай и в Тобольск для изучения истории миссионерского дела и этнографии – влияния христианства на изменение национальных черт тамошних инородцев. Директор означенного Института, сообщая об этом постановлении Совета, просит не отказать в предоставлении архимандриту Гурию отпуска на 3 месяца, с 15 июня сего 1914 г. Св. Синод разрешил о. Гурию испрашиваемый отпуск.¹⁴³

С 8 ноября 1914 г. по 8 ноября 1915 г. историко-этнографический музей обогатился пожертвованиями от разных преподавателей, в том числе от профессора Академии архимандрита Гурия (Степанова), который подарил весьма

историю распространения христианства среди бурят до времен архиепископа Нила. Студенты 1-го курса под руководством проф. архимандрита Гурия изучали этимологию калмыцкого языка и переводили с калмыцкого «Иисус Христосин туджи»; студенты 2-го курса изучали синтаксис калмыцкого языка и переводили с калмыцкого «Эрдэни цоджид»; студенты 3-го курса переводили с калмыцкого «Тонилхуин чимэк» и упражнялись в переводах с русского на калмыцкий язык.¹⁵²

Помимо преподавания в этом году архимандрит Гурий занимался и другими учеными трудами: в журнале «Православный Благовестник» напечатал «Бодимур и его критический разбор», сотрудничал также в «Церковном Вестнике», напечатал на калмыцком языке «Воскрешение Лазаря» и «Воскрешение Христово».¹⁵³ Также в этом году преподавал на Казанских миссионерских курсах.¹⁵⁴

За отчетный год в Историко-этнографический музей от инспектора Академии о. Гурия поступило пожертвование, состоящее из 18 фотографических снимков Астрахани и ее обитателей: калмыков, киргизов, татар, персиян и др., 1 шелковый шарф с изображениями буддийских святых, 2 знамени с тибетскими знаками, 2 китайские бронзовые статуэтки старика и старухи, 1 деревянная монгольская чашка и др. вещи.¹⁵⁵

Следует отметить важный эпизод из жизни о. Гурия, который связывает его со старцем Гавриилом. Из малочисленных сведений мы можем сказать, что о. Гурий особенно яркую роль сыграл в последние дни жизни старца. Жил в то время батюшка Гавриил в Спасо-Елеазаровой пустыни (Псков). Силы старца были уже на исходе, что было связано как с болезненным состоянием, так и военными тревогами. Чада старца стали просить переехать в более спокойное место. И он выбрал Казань, говоря: «Там меня о. Гурий схоронит, он благочестиво похоронит о. Варсонофия (настоятеля Спасо-Преображенского монастыря), похоронит также и меня». И 24 августа 1915 года он покидает пустынь с двумя своими келейниками. 27 августа приезжает в Казань, где остановился у одного из любимейших чад, инспектора Академии архимандрита Гурия (Степанова), которому совершенно ясно дал понять, что приехал закончить свой земной путь¹⁵⁶. К нему стали съезжаться академические иноки, окружающие его заботой и любовью. Было заметно по нему, что он как бы прощался с приходившими к нему почитателями и благодарил их. 19 сентября состояние совершенно ухудшилось. Врачи видели опасность (воспаление в правом легком), и 20 сентября его причастили. Состояние духа старца, по словам о. Гурия, было необычайно высокое. О. Гавриил был особо ласков со всеми, у подходящих к нему и ухаживающих пытался брать руки и целовать, к тому же непрестанно просил прощения. 21-22 сентября усилился жар, геморрой стал мучительным, трудно стало дышать, жажда мучила смертельно, сердце кое-как работало. Пытался поднимать руки для осенения себя крестом, произнося молитву «Да воскреснет Бог...». 23 сентября попросил причастия. Сидя причастили и положили в постель. В это время подозвал к себе о. Гурия и о. Амфилохия и открыл им, что по причащении увидел полосу света, падающую на него с неба, которая постепенно сужалась и остановилась на его сердце. В это время батюшка ощутил наитие

Святого Духа. Окружающие его не хотели верить в грядущую кончину, питали надежду на выздоровление. Было видно по крестному знаменю и молитве, как он в последние дни борется с врагом. 24 сентября положение было критическое, он исповедался и сказал духовнику: «Прости меня, отче. И разреши грешника... Спаситься подобает многими скорбями...», последнее же слово его было «Илюша». По произнесении разрешительной молитвы о. Ионой причастился. Доктора, осматривая старца, говорили о близком конце. Вечером академическая братия приступила к соборованию по полному чину. В тот самый момент, когда о. Гурий читал первую тайносовершительную молитву, батюшка попытался перекреститься, но рука лишь дошла до груди. В 11 часов 10 минут, вдохнув в последний раз поднесенный ему кислород, скончался. Ночью отслужена была лития во главе с ректором епископом Анатолием, по окончании которой совершалось непрерывное чтение Евангелия.¹⁵⁷

Возник вопрос: где похоронить старца? Относительно места его погребения о. Гурий пишет следующее: «Так как покойный по приезде в Казань не указывал определенного места касательно своего погребения, возлагая это на волю Божию, но, с другой стороны, он выражал желание незадолго до смерти в беседе с одним иеромонахом Седмиезерной пустыни снова поехать в Седмиезерную обитель, если на принятие его туда будет дано согласие всей братии, то мне лично представилось затруднительным по собственному усмотрению выбрать место погребения для усопшего старца. Нам, как живущим в Казани, было бы желательным иметь его погребенным близ себя на кладбище Спасского монастыря, но сознание того, что в Седмиезерной пустыни старец жил долгое время, там принял схиму и начал старческое служение народу, выстроил своими трудами прекрасный храм в целях поминовения усопших, в котором приготовил место для своего погребения, – все это во внутреннем голосе совести препятствовало оставить без внимания Седмиезерную пустынь как возможное место погребения старца. Ввиду этого в рапорте архиепископу о смерти и месте погребения почившего мною было указано два возможных места для погребения с возложением упования на волю Божию, которая должна была сказаться через волю архиепископа. Архиепископ благословил совершить погребение в Седмиезерной пустыни, на чем мы все и успокоились. Вскоре затем пришла телеграмма от Ее Высочества с просьбой устроить погребение так, чтобы с течением времени прах почившего можно было перевезти в Елезарову пустынь. Так как выражение подобного желания нисколько не противоречило погребению в Седмиезерной пустыни, которое должно уже быть только временным, то я поспешил вместо заказанного мною дубового гроба заказать гроб цинковый. Но на другой день были получены телеграммы от Ее Высочества на имя игуменьи Варвары с выражением желания, чтобы почивший был погребен в устроенной иждивением Ее Высочества пещерной церкви женского Богородичного монастыря. Однако в тот момент, когда вопрос о месте нового погребения старца был близок к окончательному разрешению, келейник батюшки, Илюша, категорически заявил, что усопший ни в коем случае не желал быть положенным в женском монастыре, считая это неприличным для схимника, а желал быть обязательно похороненным

в мужской обители. Об этом свидетельстве батюшкина келейника все мы решили довести до сведения Ее Высочества, благодаря чему местом погребения почившего и был окончательно установлена Седмиезерная пустынь».¹⁵⁸

Отпевание о.Гавриила 28 сентября совершалось в академическом храме по полному чину с великим чувством умиления. Во главе архиереев был Иаков (Пятницкий), архимандрит Гурий и другие деятели как академии, так и духовенства, также почтила старца своим присутствием Ее Высочество Великая Княгиня Елизавета Федоровна. Гроб был несен на руках духовных чад почившего до церкви Грузинской, после чего поставлен на дроги до самой Седмиезерной пустыни. После великой панихиды и по установлении гроба на место упокоения, указанное старцем, вечером того же дня архимандрит Гурий и другие возвратились в Казань.¹⁵⁹

Да, тяжело было духовным чадам, потерявшим любимого батюшку, но утешала их мысль, что теперь он с Богом, а значит, и молится о нас. И мы можем смело утверждать, что последующая деятельность и судьба Гурия (Степанова) были основаны на заложенном преподобном отцом Гавриилом фундаменте. Из нашего повествования мы видим, что не зря, а точнее, промыслительно старец выбрал место последнего пристанища и смерти – квартиру о. Гурия. Мы можем сказать, что они были не только единомышленниками, но также имели любовь друг ко другу, подобную любви отца к сыну.

Отец Гавриил воспитал целую плеяду церковных деятелей, сыгравших значительную роль в судьбах Русской Церкви в 1920-х – 1930-х годах: архиепископа Феодора (Поздеевского), архиепископа Гурия (Степанова), епископа Иону (Покровского), епископа Варнаву (Беляева), архимандрита Симеона (Холмогорова) и многих других. Почти все указанные отцы и архиереи и целый ряд других составляли цвет казанского ученого монашества. Но как выясняется далее, душой казанского академического иночества был инспектор архимандрит Гурий (Степанов), будущий архипастырь. Выдающийся богослов, востоковед, знаток буддизма, переводчик богослужебных книг на языки народов Центральной Азии, он сыграл огромную роль в монашеском становлении владыки Вениамина (Милова). В своей квартире архимандрит Гурий устраивал монашеские собрания, на которых присутствующие – преподаватели и студенты – могли свободно обмениваться мыслями. В академической церкви практиковалось строгое уставное пение, в котором Виктор, будущий владыка Вениамин, неизменно принимал участие. Не без участия инспектора Гурия появились и первые проповеднические опыты тогда еще студента Виктора Милова.¹⁶⁰

В 1917 году, 2 мая во вторник, в 8 утра, КазДА, русская наука и вся Россия понесла тяжелую утрату: скончался заслуженный ординарный профессор Академии Петр Васильевич Знаменский. О. Гурий был первым, кто отслужил панихиду над покойным около 10 часов.¹⁶¹

В 1917 г. состоялись два всероссийских съезда монашествующих: 1) ученого монашества, проходивший в МДА с 7 по 14.07.1917, и 2) представителей от монастырей, проходивший в ТСЛ с 16 по 23.07.1917. В числе председателей

решено приступить к избранию кандидатов в патриархи. Возник вопрос: можно ли выбирать кандидата из мирян. Звучали разные мнения. Этот вопрос был поставлен на Поместном соборе 8 февраля 1918 г. в связи с обсуждением представленного епископом Челябинским Серафимом (Александровым) доклада «Об органах епархиального управления», подготовленного Отделом по епархиальному управлению. Одна из статей предусматривала, что кандидатами на епископскую должность могут быть монахи, неженатые белые священники и миряне, начиная с 35-летнего возраста. Архимандриты Гурий (Степанов) и Иларион (Троицкий), отстаивали исключительное право монахов на должность епископов. Защищая рясофор, И.М. Громогласов и о.Гурий подчеркивали, что народ привык видеть в епископе монаха. В результате дискуссий статья 17 о кандидатах в епископы, включенная в определение Поместного Собора от 22 февраля 1918 г. «Об епархиальном управлении», сохранила положение о рясофоре.¹⁶⁵

21 ноября/4 декабря 1917 г. – в день настолования (интронизации) в Патриархи Московского и всея России митрополита Московского и Коломенского Тихона архимандрит Гурий произнес приветствие Святейшему Патриарху от Казанской Духовной Академии.¹⁶⁶ В ответ Святейший Патриарх Тихон ответил архимандриту Гурию словами благодарности за приветствие и подчеркнул большую роль Казанской Духовной Академии в тяжелое время, которое переживает Русская Церковь.¹⁶⁷

Вместе с А.Т. Соловьёвым, являвшимся первым и единственным председателем Комитета Казанского Общества Трезвости (КОТ) на протяжении всей его четвертьвековой истории, у истоков КОТ стояло немало известных учёных, религиозных и общественных деятелей, внёсших заметный вклад в популяризацию идей трезвого образа жизни и спасение многих заблудших душ от смертельных объятий «зелёного змия», в том числе известный религиозный писатель, инспектор Казанской Духовной Академии архимандрит Гурий. Цель КОТ заключалась в том, чтобы «противодействовать употреблению спиртных напитков среди населения города Казани и для сего помогать нуждающимся членам советами, материальными средствами и приисканием занятий», а в более широком смысле она формулировалась как «отрезвление русского народа, выяснение и указание ему истинного пути жизни».¹⁶⁸

В 1920 году академия продолжала свою деятельность в тяжелых условиях советской власти. За первое полугодие состоялось лишь четыре заседания Совета академии. Посещаемость академии давала знать о положении дел. Девять из членов академии не присутствовали из-за ухода с белочехами. Часть отсутствовала по «домашним обстоятельствам» или болезни. Из 34 имеющих право присутствовать на Совете, на третьем заседании присутствовал 26 апреля (9 мая) 21. На этом заседании проходили выборы нового помощника ректора, т.к. архимандрит Гурий (Степанов) был назначен на Алатырскую кафедру и его ожидала архиерейская хиротония.¹⁶⁹

Послеакадемический период гонений

В тяжелое время гонения Церкви советской властью на долю иерархов выпала незавидная участь. Нестроения и смуты в Церкви помимо оппозиционной государственной власти разжигали и «сторонники Церкви», такие как обновленцы и другие раскольнические объединения. События церковной жизни, последовавшие за кончиною Святейшего Патриарха Тихона, приняли столь стремительный и запутанный характер, что ориентироваться в них, не имея достаточной к тому подготовки и некоторых специальных знаний, крайне сложно. Мы будем руководствоваться имеющимися в нашем распоряжении материалами, касающимися именно нашей темы. В это время советская власть широко поддерживала обновленцев и старалась склонить местных тихоновских православных епископов на соединение с последними: упорствующие арестовывались и ссылались, колеблющиеся сулили всякие блага, при условии их перехода в обновленчество. В результате нажима создавалась неуверенность в ряде отдельных местностей.

В 1919-1920 г. архимандрит Гурий стал управляющим Московского Сретенского монастыря.

В 1919 г. 2(3?) октября был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве. Освобожден вскоре.

С 1919 по 25 января 1920 г. был настоятелем Покровского монастыря в Москве.

26 января 1920 г. хиротонисан во епископа Алатырского, викария Симбирской епархии.

Также в этом году он опять становится управляющим Покровского монастыря. Перед арестом проживал в Даниловом монастыре у епископа Феодора (Поздеевского)

27 июня 1920г. епископ Гурий (Степанов) был арестован в Московском Даниловском монастыре вместе с епископом Феодором (Поздеевским) без предъявления обвинения, в связи с тем, что при проведении обыска в монастыре у его ворот собралась толпа. И уже 26 июля осужден Президиумом ВЧК «за агитацию против Советской власти» на заключение в лагерь «до конца гражданской войны»¹⁷⁰. Обвинение по делу официально не было предъявлено. По амнистии 7 ноября 1920 г. заключение в лагере до конца гражданской войны заменено тюремным заключением на 5 лет¹⁷¹.

Сначала в 1920 г. он содержался в Бутырской тюрьме, а 25 августа 1920 г. находился в заключении в Таганской тюрьме в Москве. Из письма будущего Святейшего Патриарха Алексия своему духовнику от 17 мая 1921 г. узнаем, что преосвященный Гурий (Степанов) сидит в Таганской тюрьме в одной камере с преосвященным Феодором и митрополитом Кириллом. У них чисто, много им посылают, так что со стороны внешней они обставлены хорошо. Надежды на Казань у Кирилла нет, в смысле возвращения туда. Патриарх хочет в случае его освобождения, о чем хлопочут его благодетели, назначить его в Киев, где, по словам Патриарха, происходит нечто невообразимое в смысле церковного хаоса: архиереи друг друга предают анафеме – полная разруха. Но митрополит Кирилл

не желал бы этого назначения, это значило бы ехать на верную смерть, по его словам.¹⁷² В воспоминаниях В.Ф. Марциновского, описавшего тюремную обстановку того времени, читаем: «выходя на прогулку, по железным лестницам из разных этажей спускаются заключенные; поблескивая синими очками, низко сидящими на несколько коротком носу, спускается медленно по лестнице епископ Гурий». Также известно, что по многочисленным просьбам заключенных богослужения были разрешены и для этого было отведено в тюрьме школьное помещение. Служил обычно митрополит Кирилл, с сослужащими епископами Феодором и Гурием, игуменом Ионой, управляет хором бывший обер-прокурор Св.Синода А.Д. Самарин. Митрополит Кирилл, епископы Феодор (Поздеевский) и Гурий (Степанов) в одной камере помещались неслучайно, т.к. они были выходцы из Казанской епархии. Марциновский описывает свое посещение камеры владыки Кирилла: митрополит сидел на койке, слева Феодор, справа Гурий. Владыка Гурий был склонен к полемике, но говорил более мягко, чем Феодор: «Это большой грех, что вы пренебрегли Таинством Крещения, совершенным над вами в детстве. Вы должны покаяться и лишь после этого мы можем допустить вас до причащения». Я изложил свои взгляды епископам, они пожали плечами, но не изменили своего требования.¹⁷³

На 25 февраля 1921г. вл. Гурий находился в Таганской тюрьме, в камере 160. 24 марта 1922г. освобожден и определен на поселение в Москве без права выезда¹⁷⁴. Дела епископа Гурия (Степанова) в ведомстве Екатерины Павл. Пешковой были зарегистрированы 25 февр. 1921 г. под №№ 1534 и 1535, но только 3 февр. 1922 г. подана докладная записка в Московский Губернский Отдел Юстиции с просьбой применить к нему амнистию и сократить срок осуждения на одну треть. Но через месяц в просьбе было отказано со ссылкой на применение уже амнистии 1921 года [ГАРФ, ф. 8419, оп. 1, д. 51, л. 7]. Однако, как видно, ходатайство было направлено и во ВЦИК, который оказался отзывчивее органов правосудия.¹⁷⁵

По освобождении из заключения, с марта 1922 по июнь 1923 года, епископ Гурий занимает должность управляющего Покровского миссионерского мужского монастыря в Москве¹⁷⁷.

В то время Патриарх Тихон ради спасения заблудших и ради церковного мира был готов к переговорам с обновленцами и открыл переговоры с лжемитрополитом Евдокимом об условиях восстановления церковного единства. Противниками подобных переговоров выступил Федор (Поздеевский), настоятель Данилова монастыря. Он объединил вокруг себя архипастырей и церковных деятелей, предостерегавших Тихона от уступок раскольникам. К таковым относился и архиепископ Гурий (Степанов). Исторические сведения о «даниловском» течении скудны и часто искажены. По некоторым сведениям, «даниловское» движение возникло в 1922 г. как реакция на примиренческую тактику патриарха Тихона и его окружения с большевиками и состояло из ряда консервативно настроенных иерархов, не согласных с официальным курсом своей высшей церковной власти. В начале сентября 1922 г. под духовным руководством Феодора Поздеевского «даниловцы» начали формирование так называемого «Параллельного Синода»,

В июле 1923 г. владыка Гурий был назначен временно управляющим Петроградской епархией. Ознакомившись на месте с тяжелым положением РПЦ в этой епархии от засилья обновленцев, он тотчас же покинул Ленинград и уехал в Псково-Печерский монастырь, где поступил в число братии¹⁸⁰. В этом же году был арестован за «нахождение в пограничной полосе»¹⁸¹ и содержался в Псковской тюрьме, но вскоре был освобожден¹⁸².

В конце сентября 1923 года в монастыре состоялось совещание для обсуждения результатов переговоров с лжемитрополитом о преодолении раскола.¹⁸³ Заметим, что здесь находили приют многие архиереи, лишённые кафедр за преданность делу Церкви: священномученики митрополит Серафим (Чичагов) и архиепископ Серафим (Самойлович), архиепископ Гурий (Степанов), епископ Пахомий (Кедров) и многие другие архиереи, приезжавшие в Москву.¹⁸⁴

Уже 24 февраля 1924 г. епископ Гурий поставлен в архиепископа Иркутского и в этом же году опять назначен в Москву в Покровский мужской монастырь, где и числится по месту жительства: Москва, Покровский мужской монастырь, Покровский туп., 10-2. И в этом же году арестован и освобожден и продолжил управление Покровским монастырем¹⁸⁵.

25 декабря 1924 г. (7 января 1925 г.) архиепископ Иркутский Гурий (Степанов) участвовал в оглашении исторически важного для Церкви завещания Святейшего Патриарха, где состоял в числе архипастырей Русской Православной Церкви сделавших заключение, что митрополит Петр не может уклониться от послушания во исполнение воли почившего и должен вступить в обязанности Патриаршего Местоблюстителя.¹⁸⁶

19 апреля 1925 г. архиепископ Гурий подписал акт о передаче высшей церковной власти митрополиту Крутицкому Петру (Полянскому). Число иерархов, подписавших акт о вступлении митрополита Крутицкого Петра в права патриаршего местоблюстителя, составляло 60 человек, из которых часть, включая владыку Гурия (Степанова), к концу 1926г. оказалась в заключении.¹⁸⁷

Вступив в права местоблюстителя, митрополит Петр продолжал позицию противления обновленчеству и прочим расколам. Власти ожидали от митрополита компромисса с обновленцами, но патриарший местоблюститель своим посланием от 28 июля 1925 г. резко отклонил всякую возможность переговоров с обновленчеством. К тому же его окружали архиереи «даниловской» группы, разделяющие его взгляды.¹⁸⁸

В связи с опустевшим местоблюстительским местом 11 ноября 1925 года комиссией по проведению декрета об отделении Церкви от государства принято решение ускорить раскол в Церкви. Это означало арест ГПУ тех, кто мог возглавить Русскую Православную Церковь и кто бы воспротивился бы проводимой государством антицерковной политике. **Несмотря на все объяснения местоблюстителя митрополита Петра (Полянского) и на отсутствие какой бы то ни было за ним вины, 10 апреля 1926 года ему предъявили обвинение в контрреволюционной деятельности. Направленный владыкой протест заместителю начальника ГПУ, где он взывал к справедливости, не дал результата. И 5 ноября 1926 года он был приговорен**

к трем годам ссылки.

Пытаясь изолировать митрополита Петра от влиятельного епископского окружения, ГПУ устроило аресты сторонников патриаршего местоблюстительства. 19 ноября 1925 г. был арестован в Москве архиепископ Гурий с другими иерархами по делу митрополита Петра (Полянского)¹⁸⁹, за то, что «принимал непосредственное участие в группировке монархических церковников и мирян, ставивших своей задачей использование церкви и церковного аппарата в антисоветских целях, для сплочения вокруг церкви реакционного элемента». Владыке Гурию, как и епископу Герману (Ряшенцеву), было предъявлено обвинение в том, что он состоял членом так называемого «Даниловского синода»¹⁹⁰. Таким образом, с ноября 1925 по май 1926 года он находился под следствием в Бутырской тюрьме в Москве.¹⁹¹

12 декабря 1925 митрополита Петра взяли во внутреннюю тюрьму на Лубянке. Одновременно была арестована целая группа проживавших в Москве архиереев, которые были, по мнению ГПУ, единомысленны с ним. Это были архиепископы Николай Владимирский, Пахомий Черниговский, Прокопий Херсонесский и Гурий (Степанов) Иркутский, и епископы Парфений Ананьевский, Дамаскин Глуховский, Тихон Гомельский, Варсонофий Каргопольский и другие. Коммунисты устранили последнего канонического предстоятеля Российской Церкви и были готовы теперь представить своего кандидата на Всероссийский престол.¹⁹²

Основные аресты совершились 30 ноября в Даниловском монастыре. В это время григорианцы оформились как отдельная раскольничья группа. А местоблюстительство занимает вместо отказавшегося митрополита Агафангела митр. Сергей (Страгородский).

21 мая 1926 года Особое совещание при коллегии ОГПУ СССР приговорило Амвросия (Полянского), Прокопия (Титова), П.В. Истомина – к трем годам концлагеря; Николая (Добронравова), Дамаскина (Щедрика), Иоасафа (Удалова) и А.Д. Самарина, Гурия (Степанова) – по обвинению «член контрреволюционной монархической церковной организации «Даниловский синод»»¹⁹³ по статье ст.62,68 УК РСФСР приговорили к 3 годам ссылки через ПП ОГПУ в Сибирь. Это групповое дело названо «Дело митрополита Петра (Полянского) и др., Москва, 1926г»¹⁹⁴.

С мая 1926 года по 7 октября 1928 года по данным [12], [13], (ГА РФ Ф.6343) и воспоминаниям Самарин-Чернышевой (см. Самарин А.Д.) с мая 1926 г. по 7 октября 1928 г. он находился в ссылке в Якутске. По данным [2] в 1926-1928 гг. был на Соловках¹⁹⁵.

В 1927-1931 годах находившийся в Арзамасе архиепископ Гурий (Степанов), написал исследование «Богозданный человек: Опыт православной традиции жизни», во второй главе которого раскрывается учение об искуплении. Автор признает неудовлетворительными обе крайности, допускаемые при объяснении тайны искупления: так называемую юридическую теорию искупления и теорию, именуемую нравственной.¹⁹⁶

В 1928 г. 8 октября по постановлению ОСО при Коллегии ОГПУ СССР вл. Гурий приговорен к высылке на три года (с прикреплением к определенному

местожительству).¹⁹⁷

28 июля 1930г. по постановлению ОСО при Коллегии ОГПУ СССР досрочно освобожден. Но еще будучи в ссылке с 25 июня 1930 года был поставлен архиепископом Костромским, но от управления епархией отказался.

С 13 июля 1930 года был назначен на должность архиепископа Суздальского, викария Владимирской епархии¹⁹⁸¹⁹⁷.

Следует заметить, что епископ Гурий (Степанов) и ряд других архиереев обвинялись в том, что «составили так называемый «Даниловский синод» и служили в качестве такового проводниками всех указаний двух бывших обер-прокуроров – Самарина и Саблера, устраивая совещания и советы между собой для обсуждения вопросов практического проведения самарино-саблеровской линии, как например, в вопросе об оставлении Киевской митрополичьей кафедры за белогвардейским эмигрантом Антонием Храповицким; для обсуждения и корректирования готовящихся к выпуску документов митрополита Петра, как например, декларации, и в придании этим документам антисоветского характера; для сообщения и распространения сведений о движении эмигрантской части церкви, зачистки контрреволюционных документов, для обсуждения вопросов о воздействии на митрополита Михаила и т.п., поделывая все это для отвода глаз или за обедом, или тотчас после него».¹⁹⁹

В Москве в 20-е годы кроме Даниловского монастыря также существовало несколько очагов духовной жизни, в их числе и Высоко-Петровский монастырь, где нашли приют братья закрытой в 1923 году Зосимовской пустыни. Ученик старца Гавриила в юности, а затем воспитанник зосимовских старцев архимандрит Агафон (Лебедев, в схиме Игнатий) организовал вокруг Высоко-Петровского монастыря монашескую общину в миру и до последних дней духовно оформлял ее. До последних дней отец Игнатий сохранил братское общение с архиепископом Гурием (Степановым). Владыка Гурий благословил его, по его просьбе, причащаться дважды в неделю Святыми Тайнами, которые отец Игнатий хранил при себе. Владыка заботился об осиротевших чадах Игнатия. В 1937 году он писал им об их отце духовном, умирающем в лагерной больнице. Отец Игнатий умер в концлагере близ Сарова 11 сентября 1938 года.²⁰⁰

А уже 8 мая 1931 году Владыка Гурий сам был арестован по делу «филиала ИПЦ» и отстранился от церковной жизни. Был духовным писателем. Сотрудничал в журнале «Жизнь Востока». Автором делались неоднократные попытки узнать в редакции журнала «Жизнь Востока», под каким псевдонимом писал он свои статьи в этом журнале, но они ни к чему не привели²⁰¹. Далее мы видим, что был осужден в 1932 году по обвинению в «участии в филиале контрреволюционной церковно-монархической организации «Истинно-Православная Церковь»». По этому групповому делу его приговорили к 3-м годам ИТЛ в Новосибирской области.

В 1937(1938?) г. был арестован в ИТЛ под Новосибирском и приговорен к высшей мере наказания – расстрелу²⁰².

Ныне же в наше время в память о нем в Чувашской Республике, Красноармейском районе, селе Красноармейское, есть улица имени Гурия

Степанова.²⁰³ Также в селе Красноармейское находится памятник Гурию Степанову.²⁰⁴

Список использованных источников и литературы

Источники

1. Известия по Казанской епархии, издаваемые при Казанской Духовной Академии за 1900 год. - №14. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1900. – С. 609-656.
2. Известия по Казанской епархии, издаваемые при Казанской Духовной Академии за 1901 год. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1901. – 1139 с.
3. Известия по Казанской епархии, издаваемые при Казанской Духовной Академии за 1902 год. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1902. – 1120 с.
4. Известия по Казанской епархии, издаваемые при Казанской Духовной Академии за 1908 год. – Казань: Центральная типография, 1908. – 1444 с.
5. Известия по Казанской епархии, издаваемые при Казанской Духовной Академии за 1910 год. – Казань: Центральная типография, 1910. – 1368 с.
6. Известия по Казанской епархии, издаваемые при Казанской Духовной Академии за 1911 год. – Казань: Центральная типография, 1911. – 1378 с.
7. Известия по Казанской епархии, издаваемые при Казанской Духовной Академии за 1912 год. – Казань: Центральная типография, 1912. – 1454 с.
8. Миссионерский съезд в городе Казани 13-26 июня 1910 года. – Казань, Центральная типография, 1910. – 80 с.
9. О возведении доцента Академии архимандрита Иннокентия (Ястребова) в сан епископа Каневского и об избрании на освободившуюся после него кафедру калмыцкого языка иеромонаха Гурия (Степанова). НАРТ, Ф.10, Оп.1, Д.№10712.
10. О выпускниках и переводных экзаменах в Казанской духовной семинарии. НАРТ, Ф.116, Оп.1, Д.№849.
11. О назначении Степанова в академию. НАРТ, Ф.116, Оп.1, Д.№1018.
12. Об избрании доцента свящ. Н.Н.Писарева, Е.Я.Полянского и иеромонаха Гурия в звании экстраординарных профессоров. НАРТ, Ф.10, Оп.1, Д.№10999.
13. Об оставлении при Академии профессорских стипендиатов на 1910-1911 учебный год. НАРТ, Ф.10, Оп.1, Д.№10978.
14. О соискании инспектором Архимандритом Гурием степени доктора Церковной истории. НАРТ, Ф.10, Оп.1, Д.№11281.
15. О командировке профессора Гурия в Калмыцкие степи с 1 мая 1911 г. НАРТ, Ф.10, Оп.1, Д.№11049.
16. Отчет о состоянии КазДА за 1905-1906 учебный год. – Казань: Центральная типография, 1906. – 45 с.
17. Отчет о состоянии КазДА за 1908-1909 учебный год. – Казань: Центральная типография, 1909. – 53 с.
18. Отчет о состоянии КазДА за 1909-1910 учебный год. – Казань: Центральная типография, 1910. – 56 с.
19. Отчет о состоянии КазДА за 1910-1911 учебный год. – Казань: Центральная типография, 1911. – 64 с.
20. Отчет о состоянии КазДА за 1911-1912 учебный год. – Казань: Центральная типография, 1912. – 64 с.
21. Отчет о состоянии КазДА за 1912-1913 учебный год. – Казань: Центральная типография, 1913. – 66 с.
22. Отчет о состоянии Императорской КазДА за 1913-1914 учебный год. – Казань: Центральная типография, 1914. – 66 с.
23. Отчет о состоянии Императорской КазДА за 1914-1915 учебный год. – Казань: Центральная

типография, 1915. – 72 с.

24. Отчет о состоянии Императорской КазДА за 1915-1916 учебный год. – Казань: Центральная типография, 1916. – 70 с.

25. Отчет о состоянии миссионерских курсов в г. Казани за 1907-1908 учебный год. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1908. – 16 с.

26. Отчет о состоянии миссионерских курсов в г. Казани за 1908-1909 учебный год. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1909. – 12 с.

27. Отчет о состоянии миссионерских курсов в г. Казани за 1909-1910 учебный год. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1910. – 12 с.

28. Отчет о состоянии миссионерских курсов в г. Казани за 1910-1911 учебный год. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1911. – 12 с.

29. Отчет о состоянии миссионерских курсов в г. Казани за 1911-1912 учебный год. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1912. – 16 с.

30. Отчет о состоянии Попечительства при Михайло-Архангельской церкви Казанской Духовной Академии для вспомоществования всем служащим и служившим в Академии за 1907. – Казань: Центральная типография, 1908. – 4 с.

31. Отчет общества вспомоществования недостаточным студентам Казанской Духовной Академии за двадцать четвертый год существования (с 1 января по 31 декабря 1907 года). – Казань: Центральная типография, 1908. – 7 с.

32. Отчет общества вспомоществования недостаточным студентам Казанской Духовной Академии за двадцать четвертый год существования (с 1 января по 31 декабря 1908 года). – Казань: Центральная типография, 1909. – 10 с.

33. Памятная книжка Казанской Духовной Академии 1912-1913 академический год. – Казань: Центральная типография. 1912год. – 104 с.

34. Православный собеседник, издание КазДА 1906 г. Т.3. – Казань: Центральная типография, 1906. – 742 с.

35. Православный собеседник, издание КазДА 1907 г. Т.2. – Казань: Центральная типография, 1907. – 884 с.

36. Православный собеседник, издание КазДА 1908 г. Т.1-2. – Казань: Центральная типография, 1908. – 806 с.

37. Православный собеседник, издание КазДА 1909 г. Т.1. – Казань: Центральная типография, 1909. – 810 с.

38. Православный собеседник, издание КазДА 1913 г. Т.1. – Казань: Центральная типография, 1913. – 1061 с.

39. Православный собеседник, издание КазДА 1913 г. Т.2. – Казань: Центральная типография, 1913. – 844 с.

40. Православный собеседник, издание КазДА 1914 г. Т.1-2. – Казань: Центральная типография, 1914. – 1081 с.

41. Православный собеседник, издание КазДА 1917г. Март-Май. – Казань: Центральная типография, 1917. – 272 с.

42. Протоколы заседаний Совета КазДА за 1906 год. – Казань: Центральная типография, 1906. – 242 с.

43. Протоколы заседаний Совета КазДА за 1907 год. – Казань: Центральная типография, 1909. – 243 с.

44. Протоколы заседаний Совета КазДА за 1911 год. – Казань: Центральная типография, 1912. – 355 с.

45. Протоколы заседаний Совета КазДА за 1912 год. – Казань: Центральная типография, 1913. – 276 с.

46. Протоколы заседаний Совета Императорской КазДА за 1913 год. – Казань: Центральная типография, 1914. – 288 с.

47. Протоколы заседаний Совета Императорской КазДА за 1914 год. – Казань: Центральная типография, 1915. – 466 с.

48. Приложение к протоколам Совета КазДА за 1911 год. – Казань: Центральная типография,

1912. – 454 с.

49. С ведомостями об успехах и поведении учеников семинарии за 1898 год. НАРТ, Ф.116, Оп.1, Д.№917.

50. С донесениями инспектора семинарии об учениках за 1896-1897 год. НАРТ, Ф.116, Оп.1, Д.№814.

51. С копиями аттестатов и свидетельств окончивших полный курс в семинарии 1902 г. НАРТ, Ф.116, Оп.1, Д.№1023.

Литература

1. Архиепиеи// http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_271 (07.10.2005 г.)
2. Акты Святейшего Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917-1943гг./ Сост. М.Е. Губонин. – М.: Изд. Православного Свято-Тихоновского Богословского Института. – 1064 с.
3. Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни: Поместный Собор 1917-1918гг. и предсоборный период / Круглый стол по религиозному образованию и диаконии. – М.: 2004. – 664 с.
4. Библиотека русских переводов богослужебных текстов Русской Православной Церкви // http://www.churchlibrary.narod.ru/kott_preface_2.htm
5. Богословские труды. – М.: Издание Московской Патриархии, Вып. 12. – С 39-40; или Профессор, протоиерей Ливерий Воронов. Догматическое богословие. <http://www.spbda.ru/theology/contents2.php?part=2&page=8>
6. Владимир Мосс. Православная Церковь на перепутье. <http://portal-credo.ru/site/index.php?act=lib&id=96>
7. Владислав (Цыпин), протоиерей. История Русской Православной Церкви: Синодальный период, новейший период. Изд. Учебного комитета РПЦ. – М.: 2004. – 839 с.
8. Виктор Котт. Статьи. Мы бережем золотник, а теряем пуд (часть 2). <http://www.elhovkahram.ru/publish/195>
9. Голубцов С. Профессура МДА в сетях ЧК и Гулага. <http://www.krotov.info/history/20/1930/golubzov.htm>
10. Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним: В 7 кн. – Тверь: Издательский дом «Булат», 2002.
11. Житие преподобного Гавриила, старца Седмиезерной пустыни. Издание Казанской епархии, Москва: Издательство имени свт. Игнатия Ставропольского 1997. – 38 с.
12. Журавский А.В. Казанская Духовная Академия на переломе эпох (1884-1921 гг.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М.: 1999. – 301 с.
12. Журавский А.В. Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского. – М.: Изд. Сретенского монастыря, 2004. – 864 с.
13. За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917-1956: Биографический справочник. Кн.1. А-К – М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 1997. – 704 с.
14. История. <http://www.cap.ru/cap2/main.asp?prev=17&pos=3>
15. Московские епархиальные ведомости № 4-5 2003г. Церковная жизнь. http://vedomosti.meparh.ru/2003_4_5/3.htm
16. Мученики// <http://www.pravoslavie.ru/put/sv/guriy.htm> (07.10.2006 г.)
17. Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX века. http://kuz1.pstbi.ccas.ru/cgi_bin/db.exe/ans/m/?NYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTd4UfGpTJ230AZB1Te1UюWZfuXVeeujTcGZeuhLp74TaxZQ0slBk+
18. Огрызков С. Пастырство схиархимандрита Гавриила (Зырянова): Диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия. / Московская Духовная Академия. – Сергиев Посад, 2000. – 200 с.

19. Однорал А.А. Российское Православие в XX веке. http://www.krotov.info/lib_sec/15_o/odn/odnor2.htm
20. Письма Святейшего Патриарха Алексия I своему духовнику. <http://www.pravoslavie.ru/archiv/pisma9.htm>
21. Подвижники Саратовской епархии. Вениамин, епископ Саратовский и Балашовский, исповедник. <http://www.eparhiasaratov.ru/txts/eparhy/saints/podv/milov/zhizn.html>
22. Православная энциклопедия. Том «Русская Православная Церковь: монастыри и монашество 1700-1998 гг.» <http://ezh.sedmitza.ru/index.html?did=586>
23. Просим освободить из тюремного заключения (письма в защиту репрессированных). – М.: Современный писатель, 1998. – 208 с.
24. Русская линия. Трезвая политика. Казанский монархист Александр Титович Соловьёв и дело всей его жизни. <http://www.rusk.ru/st.php?idar=103796> (27.10.2005)
25. Священномученик Серафим, архиепископ Угличский. <http://days.pravoslavie.ru/Life/life4899.htm>
26. Симеон (Холмский), архимандрит. Един от древних. Схиархимандрит Гавриил, старец Спасо-Елеазовой пустыни. Жизнеописание. Творения. Письма. М.: Издательство «Паломник». – 2001. – 538 с.
27. Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М.: Памятники исторической мысли, 2000. – 1016 с.

Примечания

- ¹ НАРТ, Ф.116, Оп.1, Д.№1023, лист 87.
- ² НАРТ, Ф.10, Оп.1, Д.№10712, лист. 34-35.
- ³ НАРТ, Ф.116, Оп.1, Д.№1018, лист 7.
- ⁴ НАРТ, Ф.116, Оп.1, Д.№814, лист. 47.
- ⁵ НАРТ, Ф.116, Оп.1, Д.№917, лист. 65.
- ⁶ НАРТ, Ф.116, Оп.1, Д.№849, лист 78,80.
- ⁷ НАРТ, Ф.116, Оп.1, Д.№1018, лист 7.
- ⁸ НАРТ, Ф.116, Оп.1, Д.№849, лист 90.
- ⁹ Известия по Казанской епархии, издаваемые при Казанской Духовной Академии за 1900 год. №14. – с. 623.
- ¹⁰ Известия по Казанской епархии, издаваемые при Казанской Духовной Академии за 1901 год. – №14. – с. 629.
- ¹¹ НАРТ, Ф.116, Оп.1, Д.№814, лист 14,30.
- ¹² НАРТ, Ф.116, Оп.1, Д.№917, лист. 17.
- ¹³ Известия по Казанской епархии, издаваемые при Казанской Духовной Академии за 1901 год. – №12. – с. 571-574.
- ¹⁴ Известия по Казанской епархии, издаваемые при Казанской Духовной Академии за 1901 год. – №13. – с. 597-598.
- ¹⁵ НАРТ, Ф.116, Оп.1, Д.№1023, лист. 87.
- ¹⁷ НАРТ, Ф.116, Оп.1, Д.№1018, лист. 6.
- ¹⁸ Там же: лист 1.
- ¹⁹ Там же: лист 2.
- ²⁰ НАРТ, Ф.116, Оп.1, Д.№1018, лист 3.
- ²¹ Там же: лист 8.
- ²² НАРТ, Ф.116, Оп.1, Д.№814, лист 12.
- ²³ НАРТ, Ф.10, Оп.1, Д.№10712, лист 33.
- ²⁴ НАРТ, Ф.10, Оп.1, Д.№10712, лист 35.
- ²⁵ Там же: лист 36.
- ²⁶ Симеон (Холмский), архимандрит. Един от древних... – С.10,19.
- ²⁷ Симеон (Холмский), архимандрит. Един от древних... – С. 516-517.
- ²⁸ Мученики// <http://www.pravoslavie.ru/put/sv/guriy.htm>

- ²⁹ Журавский А.В. Казанская Духовная Академия на переломе эпох (1884-1921 гг.). – С. 31.
- ³⁰ Архиепиеи// [http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_271\(07.10.2005г.\)](http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_271(07.10.2005г.))
- ³¹ НАРТ, Ф.10, Оп.1, Д.№10712, лист 10.
- ³² Протоколы заседаний Совета КазДА за 1906 год. – С. 99-100.
- ³³ НАРТ, Ф.10, Оп.1, Д.№10712, лист 39.
- ³⁴ Там же: лист 30об.
- ³⁵ Протоколы заседаний Совета КазДА за 1906 год. – С. 100.
- ³⁶ Протоколы заседаний Совета КазДА за 1906 год. – С. 101.
- ³⁷ Журавский А.В. Казанская Духовная Академия на переломе эпох (1884-1921 гг.). – с.183-184.
- ³⁸ НАРТ, Ф.10, Оп.1, Д.№10712, лист 12,13.
- ³⁹ НАРТ, Ф.10, Оп.1, Д.№10712, лист 16.
- ⁴⁰ Православный собеседник, издание КазДА 1906 г. Т.3. – С. 505.
- ⁴¹ НАРТ, Ф.10, Оп.1, Д.№10712, лист 17.
- ⁴² Православный собеседник, издание КазДА 1907 г. Т.2. – С. 682-684.
- ⁴³ Отчет о состоянии Попечительства при Михайло-Архангельской церкви ... – С. 2.
- ⁴⁴ Отчет о состоянии миссионерских курсов в г. Казани за 1907-1908 учебный год. – С. 11-12.
- ⁴⁵ Протоколы заседаний Совета КазДА за 1907 год. – С. 26-27.
- ⁴⁶ Отчет общества вспомоществования недостаточным студентам Казанской Духовной Академии... – С. 5.
- ⁴⁷ Отчет общества вспомоществования недостаточным студентам Казанской Духовной Академии... – С. 10.
- ⁴⁸ Православный собеседник, издание КазДА 1908 г. Т.1. Май. – С. 2, 643-649.
- ⁴⁹ Известия по Казанской епархии, издаваемые при Казанской Духовной Академии за 1908 год... – с. 337-340.
- ⁵⁰ НАРТ, Ф.10, Оп.1, Д.№10712, лист 17,19,21,25,29.
- ⁵¹ Известия по Казанской епархии, издаваемые при Казанской Духовной Академии за 1908 год... – С. 1022.
- ⁵² Православный собеседник, издание КазДА 1908г.,Т.2. Декабрь. – С. 709-718.
- ⁵³ Православный собеседник, издание КазДА 1909г.Т.1. – С. 514-518.
- ⁵⁴ Отчет о состоянии КазДА за 1908-1909 учебный год... – С. 13.
- ⁵⁵ Отчет о состоянии миссионерских курсов в г. Казани за 1908-1909 учебный год. – С. 8.
- ⁵⁶ Отчет о состоянии КазДА за 1908-1909 учебный год... – С. 14.
- ⁵⁷ Отчет о состоянии КазДА за 1908-1909 учебный год. – С. 38.
- ⁵⁸ Отчет о состоянии КазДА за 1909-1910 учебный год. – С. 10-11.
- ⁵⁹ Памятная книжка КазДА за 1912-1913 академический год. – С. 30.
- ⁶⁰ НАРТ, Ф.10, Оп.1, Д.№10978
- ⁶¹ Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия... – кн. 6. – С. 153-156.
- ⁶² Протоколы заседаний Совета КазДА за 1911 год. – С. 52-53.
- ⁶³ Протоколы заседаний Совета КазДА за 1911 год. – С. 165-166.
- ⁶⁴ Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия... – кн.6. – С.153-156.
- ⁶⁵ Отчет о состоянии КазДА за 1909-1910 учебный год. – С. 16.
- ⁶⁶ Отчет о состоянии КазДА за 1909-1910 учебный год. – С. 35.
- ⁶⁷ Отчет о состоянии КазДА за 1908-1909 учебный год. – С. 32.
- ⁶⁸ Отчет о состоянии КазДА за 1909-1910 учебный год. – С.42.
- ⁶⁹ Отчет о состоянии миссионерских курсов в г. Казани за 1909-1910 учебный год. – С. 7-8.
- ⁷⁰ Отчет о состоянии КазДА за 1910-1911 учебный год. – С.17.
- ⁷¹ Отчет о состоянии КазДА за 1909-1910 учебный год. – С. 29.
- ⁷² Журавский А.В. Казанская Духовная Академия на переломе эпох (1884-1921 гг.). – С.187.
- ⁷³ Известия по Казанской епархии, издаваемые при Казанской Духовной Академии за 1910 год. – С. 673.
- ⁷⁴ Журавский А.В. Казанская Духовная Академия на переломе эпох (1884-1921 гг.). – С.166.

- ⁷⁵ Известия по Казанской епархии. Издание Казанской Духовной Академии. Миссионерский съезд в Казани 13-26 июня 1910 года. №23. 15 июня. 1910. – С. 684-686
- ⁷⁶ Журавский А.В. Казанская Духовная Академия на переломе эпох (1884-1921 гг.). – С. 189
- ⁷⁷ Миссионерский съезд в городе Казани 13-26 июня 1910 года. – С. 24.
- ⁷⁸ НАРТ, Ф.10, Оп.1, Д.№10999. лист 8.
- ⁷⁹ Известия по Казанской епархии, издаваемые при Казанской Духовной Академии за 1911 год. – С. 532.
- ⁸⁰ Протоколы заседаний Совета КазДА за 1911 год. – С. 21.
- ⁸¹ Протоколы заседаний Совета КазДА за 1911 год. – С. 56-57.
- ⁸² Отчет о состоянии миссионерских курсов в г. Казани за 1910-1911 учебный год. – С. 8.
- ⁸³ НАРТ, Ф.10, Оп.1, Д.№11049.
- ⁸⁴ Журавский А.В. Казанская Духовная Академия на переломе эпох (1884-1921 гг.) – С. 187.
- ⁸⁵ Отчет о состоянии миссионерских курсов в г. Казани за 1911-1912 учебный год. – С. 11.
- ⁸⁶ Журавский А.В. Казанская Духовная Академия на переломе эпох (1884-1921 гг.). – С. 184.
- ⁸⁷ Отчет о состоянии миссионерских курсов в г. Казани за 1900-1901 учебный год. – С. 6.
- ⁸⁸ Отчет о состоянии КазДА за 1910-1911 учебный год. – С. 43-44.
- ⁸⁹ Отчет о состоянии КазДА за 1910-1911 учебный год. – С. 49.
- ⁹⁰ Приложение к протоколам Совета КазДА за 1911 год. – С. 166.
- ⁹¹ Приложение к протоколам Совета КазДА за 1911 год. – С. 385-392.
- ⁹² Приложение к протоколам Совета КазДА за 1911 год. – С. 424-428.
- ⁹³ Приложение к протоколам Совета КазДА за 1911 год. – С. 430-434.
- ⁹⁴ Приложение к протоколам Совета КазДА за 1911 год. – С.442.
- ⁹⁵ Отчет о состоянии КазДА за 1911-1912 учебный год. – С. 20.
- ⁹⁶ Протоколы заседаний Совета КазДА за 1912 год. – С. 13.
- ⁹⁷ Известия по Казанской епархии, издаваемые при Казанской Духовной Академии за 1912 год. – С. 163.
- ⁹⁸ Протоколы заседаний Совета КазДА за 1912 год. – С. 74.
- ⁹⁹ Протоколы заседаний Совета КазДА за 1912 год. – С. 77.
- ¹⁰⁰ Памятная книжка КазДА за 1912-1913 академический год. – С. 11,103, приложение.
- ¹⁰¹ Протоколы заседаний Совета КазДА за 1912 год. – С. 102.
- ¹⁰² Протоколы заседаний Совета КазДА за 1912 год. – С. 166.
- ¹⁰³ Протоколы заседаний Совета КазДА за 1912 год. – С. 195.
- ¹⁰⁴ Протоколы заседаний Совета КазДА за 1912 год. – С. 197.
- ¹⁰⁵ Протоколы заседаний Совета КазДА за 1912 год. – С. 218.
- ¹⁰⁶ Протоколы заседаний Совета КазДА за 1912 год. – С. 232.
- ¹⁰⁷ Протоколы заседаний Совета КазДА за 1912 год. – С. 256.
- ¹⁰⁸ Православный собеседник, издание КазДА 1913г., Т.1. – С. 1046.
- ¹⁰⁹ Православный собеседник, издание КазДА 1913г., Т.1. – С. 1047-1049.
- ¹¹⁰ Православный собеседник, издание КазДА 1913г., Т.1. – С. 1057.
- ¹¹¹ Православный собеседник, издание КазДА 1913г., Т.2. – С. 215.
- ¹¹² Отчет о состоянии КазДА за 1911-1912 учебный год. – С.43.
- ¹¹³ Отчет о состоянии КазДА за 1911-1912 учебный год. – С.47.
- ¹¹⁴ Отчет о состоянии КазДА за 1911-1912 учебный год. – С.50.
- ¹¹⁵ Огрызков С. Пастырство схиархимандрита Гавриила (Зырянова)... – С.165.
- ¹¹⁶ Отчет о состоянии КазДА за 1913-1914 учебный год. – С. 42.3
- ¹¹⁷ Православный собеседник, издание КазДА 1914г. Февраль. – С. 41.
- ¹¹⁸ Протоколы заседаний Совета Императорской КазДА за 1914 год. – С. 321-322.
- ¹¹⁹ Отчет о состоянии КазДА за 1912-1913 учебный год. – С. 43.
- ¹²⁰ Отчет о состоянии КазДА за 1912-1913 учебный год. – С. 46.
- ¹²¹ Отчет о состоянии КазДА за 1912-1913 учебный год. – С. 58-59.
- ¹²² Православный собеседник, издание КазДА 1913г. Т.1. – С. 1.
- ¹²³ Православный собеседник, издание КазДА 1913 г. Т.1. – С. 5-8.
- ¹²⁴ Православный собеседник, издание КазДА 1913 г. Т.2. – С. 232-233.

- ¹²⁵ Православный собеседник, издание КазДА 1913 г. Т.2. – С. 252.
- ¹²⁶ Православный собеседник, издание КазДА 1913 г. Т.1. (Приложение) – С. 1-26.
- ¹²⁷ Протоколы заседаний Совета КазДА за 1913 год. – С. 140.
- ¹²⁸ Протоколы заседаний Совета КазДА за 1913 год. – С. 151.
- ¹²⁹ Протоколы заседаний Совета КазДА за 1913 год. – С. 158.
- ¹³⁰ Протоколы заседаний Совета КазДА за 1913 год. – С. 159.
- ¹³¹ Протоколы заседаний Совета КазДА за 1913 год. – С. 162.
- ¹³² Протоколы заседаний Совета КазДА за 1913 год. – С. 282-286.
- ¹³³ Православный собеседник, издание КазДА 1913 г. Т.1. (Приложение)
- ¹³⁴ Православный собеседник, издание КазДА 1913 г. Т.2. – С. 533-535.
- ¹³⁵ Православный собеседник, издание КазДА 1914 г. Т.1. – С. 557.
- ¹³⁶ Православный собеседник, издание КазДА 1914 г. Т.2. – С. 153.
- ¹³⁷ Протоколы заседаний Совета КазДА за 1913 год. – С. 343.
- ¹³⁸ Православный собеседник, издание КазДА 1914 г. Т.1. (Приложение). – С. 4.
- ¹³⁹ Православный собеседник, издание КазДА 1914 г. Т.1. (Приложение). – С. 3.
- ¹⁴⁰ Журавский А.В. Казанская Духовная Академия на переломе эпох (1884-1921 гг.). – С.162.
- ¹⁴¹ Отчет о состоянии Императорской КазДА за 1914-1915 учебный год. – С. 48.
- ¹⁴² Протоколы заседаний Совета Императорской КазДА за 1914 год. – С. 83.
- ¹⁴³ Протоколы заседаний Совета Императорской КазДА за 1914 год. – С. 89.
- ¹⁴⁴ Отчет о состоянии Императорской КазДА за 1914-1915 учебный год. – С. 61.
- ¹⁴⁵ Отчет о состоянии КазДА за 1913-1914 учебный год. – С. 22-23.
- ¹⁴⁶ Журавский А.В. Казанская Духовная Академия на переломе эпох (1884-1921 гг.). – С. 178.
- ¹⁴⁷ Протоколы заседаний Совета КазДА...за 1912 год. – С.37-40.
- ¹⁴⁸ Протоколы заседаний Совета КазДА...за 1914 год. – С.119, 140-142.
- ¹⁴⁹ НАРТ, Ф.10, Оп.1, Д.№11281. Лист 1-4.
- ¹⁵⁰ Там же: с. 1-13.
- ¹⁵¹ Журавский А.В. Казанская Духовная Академия на переломе эпох (1884-1921 гг.). – С. 162.
- ¹⁵² Отчет о состоянии Императорской КазДА за 1915-1916 учебный год. – С. 46.
- ¹⁵³ Отчет о состоянии Императорской КазДА за 1915-1916 учебный год. – С. 47.
- ¹⁵⁴ Отчет о состоянии Императорской КазДА за 1915-1916 учебный год. – С. 51.
- ¹⁵⁵ Отчет о состоянии Императорской КазДА за 1915-1916 учебный год. – С. 64.
- ¹⁵⁶ Житие преподобного Гавриила, старца Седмиезерной пустыни. – С. 27-28.
- ¹⁵⁷ Симеон (Холмский), архимандрит. Един от древних... – С.260-265.
- ¹⁵⁸ Симеон (Холмский), архимандрит. Един от древних... – С.265-268.
- ¹⁵⁹ Житие преподобного Гавриила, старца Седмиезерной пустыни. – С.30-32.
- ¹⁶⁰ Подвижники Саратовской епархии...<http://www.eparhiasaratov.ru/txts/eparhy/saints/podv/milov/zhizn.html>
- ¹⁶¹ Православный собеседник, издание КазДА 1917 г. Март-Май. – С. 29.
- ¹⁶² Православная энциклопедия. <http://ezh.sedmitza.ru/index.html?did=586>
- ¹⁶³ Журавский А.В. Во имя правды и достоинства Церкви ... – С. 185.
- ¹⁶⁴ Там же: с.190-191.
- ¹⁶⁵ Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни... – С. 414-417.
- ¹⁶⁶ За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917-1956. – С. 352.
- ¹⁶⁷ Акты Святейшего Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917-1943гг.... – С. 61.
- ¹⁶⁸ Русская линия.Трезвая политика.Казанский монархист Александр Титович Соловьёв и дело всей его жизни. <http://www.rusk.ru/st.php?idar=103796> (27.10.2005)
- ¹⁶⁹ Журавский А.В. Казанская Духовная Академия на переломе эпох (1884-1921 гг.). – С. 215.
- ¹⁷⁰ Сергей Голубцов. Профессура МДА в сетях ЧК и Гулага. <http://www.krotov.info/history/20/1930/golubzov.htm>
- ¹⁷¹ http://kuz1.pstbi.ccas.ru/cgi-htm/db.exe/ans/nm/?HYZ9EJxGHoxITcGZeU-yPqJk9X2r**
- ¹⁷² Письма святейшего патриарха Алексея I своему духовнику. <http://www.pravoslavie.ru/archiv/pisma9.htm>

- ¹⁷³ Журавский А.В. Во имя правды и достоинства Церкви... – С. 206-209.
¹⁷⁴ http://kuz1.pstbi.ccas.ru/cgi-htm/db.exe/ans/nm/?HYZ9EJxGHoxITcGZeU-yPqJk9X2r**
- ¹⁷⁵ Сергей Голубцов. Профессура МДА в сетях ЧК и Гулага. <http://www.krotov.info/history/20/1930/golubzov.htm>
- ¹⁷⁶ За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917-1956. – С. 352.
¹⁷⁷ http://kuz1.pstbi.ccas.ru/cgi-htm/db.exe/ans/nm/?HYZ9EJxGHoxITcGZeU-yPqJk9X2r**
- ¹⁷⁸ Священномученик Серафим, архиепископ Угличский. <http://days.pravoslavie.ru/Life/life4899.htm>
- ¹⁷⁹ А.А.Однорал. Российское Православие в XX веке. http://www.krotov.info/lib_sec/15_o/odn/odnor2.htm
- ¹⁸⁰ Архиепери// http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_271
- ¹⁸¹ За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917-1956. – С. 352.
¹⁸² http://kuz1.pstbi.ccas.ru/cgi-htm/db.exe/ans/nm/?HYZ9EJxGHoxITcGZeU-yPqJk9X2r**
- ¹⁸³ Владислав (Цыпин), протоирей. История Русской Православной Церкви... – С. 384-386.
¹⁸⁴ Московские епархиальные ведомости № 4-5 2003г. Церковная жизнь. http://vedomosti.meparh.ru/2003_4_5/3.htm
- ¹⁸⁵ http://kuz1.pstbi.ccas.ru/cgi-htm/db.exe/ans/nm/?HYZ9EJxGHoxITcGZeU-yPqJk9X2r**
- ¹⁸⁶ Акты Святейшего, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917-1943гг. – С. 413-416.
- ¹⁸⁷ Журавский А.В. Во имя правды и достоинства Церкви. – С. 279.
- ¹⁸⁸ Журавский А.В. Во имя правды и достоинства Церкви. – С. 240-241.
- ¹⁸⁹ Журавский А.В. Во имя правды и достоинства Церкви. – С. 653.
¹⁹⁰ http://kuz1.pstbi.ccas.ru/cgi-htm/db.exe/ans/nm/?HYZ9EJxGHoxITcGZeU-yPqJk9X2r**
- ¹⁹¹ За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917-1956. – С. 352.
¹⁹² Владимир Мосс. Православная Церковь на перепутье. <http://portal-credo.ru/site/index.php?act=lib&id=96>
- ¹⁹³ Просим освободить из тюремного заключения (письма в защиту репрессированных). – М., 1998. – С. 170-171.
- ¹⁹⁴ Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. – кн.2. – С. 490-491.
¹⁹⁵ http://kuz1.pstbi.ccas.ru/cgi-htm/db.exe/ans/nm/?HYZ9EJxGHoxITcGZeU-yPqJk9X2r**
- ¹⁹⁶ Профессор, протоиерей Ливерий Воронов. Догматическое богословие. <http://www.spbda.ru/theology/contents2.php?part=2&page=8>
- ¹⁹⁸ http://kuz1.pstbi.ccas.ru/cgi-htm/db.exe/ans/nm/?HYZ9EJxGHoxITcGZeU-yPqJk9X2r**
- ¹⁹⁹ Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия... – кн.5. – С. 475.
- ²⁰⁰ Огрызков С. Пастырство схиархимандрита Гавриила (Зырянова)... – С. 169.
²⁰¹ http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_271
- ²⁰² http://kuz1.pstbi.ccas.ru/cgi-htm/db.exe/ans/nm/?HYZ9EJxGHoxITcGZeU-yPqJk9X2r**
- ²⁰³ Постановление. // <http://gov.cap.ru/home/67/zakon/2006/108.doc>
- ²⁰⁴ История. <http://www.cap.ru/cap2/main.asp?prev=17&pos=3>

ОБЗОР ИСТОРИИ БОГОСЛУЖЕНИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

А.Ю. КУЗЬМИН

Первоначальный период богослужения на Руси

Устав Великой Церкви на Руси

В 988 году с крещения киевлян началось крещение Руси. Стали строиться храмы, совершаться богослужения. Встает вопрос относительно того, по какому уставу совершалось богослужение в первоначальный период. Вполне естественно, однако, предположить, что первоначально Русская Церковь руководствовалась Уставом Великой Церкви, богослужение которой так понравилось посланцам князя Владимира. Первоначально он был в употреблении храма Святой Софии в Константинополе. Богослужение этого Устава отличалось особой торжественностью и развитым церемониалом. К концу IX века Устав Великой Церкви использовался в соборных и приходских храмах во всей империи.

Так как первоначально все священнослужители были из Византийской империи, из Херсонеса или самого Константинополя, то и богослужение они совершали по тому же уставу, по которому они совершали службы у себя на родине. «Естественно, что они совершали богослужение по тому уставу, который господствовал в то время в Константинополе или в подчиненной ему Херсонесской епископии... А так как в Константинополе господствовал в это время Устав Великой Церкви, то отсюда следует с несомненностью, что он же преобладал и в Херсонесе Таврическом» [25, с. 13]. Литургических памятников, относящихся к Уставу Великой Церкви, сохранилось очень мало. Но кроме этих памятников существуют канонические правила и послания русских митрополитов, постановления русских поместных соборов, которые указывают на существование в нашей Церкви традиций и чинопоследований рассматриваемого устава. Таким образом, мы с уверенностью можем сделать вывод, что первоначально богослужение в Русской Церкви совершалось по Уставу Великой Церкви.

Для совершения торжественных богослужений по этому уставу предполагалось иметь большой хор. В то время Русь не обладала хоровой практикой и такие хоры создать не могла. Голубинский использовал этот аргумент в своих попытках отвержения общепринятости Устава Великой Церкви на Руси. «Собственные службы кафедрально-епископских церквей... составлены были так, что были рассчитаны на большие соборы священников и на целые хоры певчих. Не могло быть у нас препятствий со стороны многочисленных соборов священников; но другое дело были хоры певчих. Образовать подобное количество сколько-нибудь удовлетворительных певческих хоров было делом вовсе не легким, и весьма сомнительно полагать, чтобы правительство в состоянии было этого достигнуть» [15, с. 368].

Однако вместе с первым митрополитом Михаилом, по свидетельству летописи к нам прибыли певцы. И «уже с царицею Анною прибыл в Киев целый клир

греческих певцов, называющийся царицыным. Деятельность всех этих учителей привела к быстрому появлению и скорому росту уже собственных русских мастеров пения» [28, с. 87]. Это дало возможность совершать торжественные богослужения в кафедральных храмах. Что касается богослужения в приходских храмах, у которых не было возможности содержать большие хоры, то богослужение в них проходило без особой торжественности, но по тому же уставу.

Устав Великой Церкви использовался на Руси в кафедральных и приходских храмах вплоть до монголо-татарского нашествия, которое сильно повлияло на ослабление его традиций в нашей литургической практике. Монголо-татарское нашествие захватило почти все области Древней Руси. Вследствие этого стало невозможным отправлять пышные и торжественные богослужения в этих областях, что послужило забвению Устава Великой Церкви и заменой его более аскетичным и скромным монастырским уставом. Уже на Владимирском соборе 1274 года порядки Великой Церкви были настолько забыты, что некоторым святителям, и даже Киевскому митрополиту Кириллу, они кажутся беспорядками, которые требуется искоренять. Нашествие не затронуло только новгородскую область, и Устав действовал там еще долгое время после нашествия.

Обычаи Великой церкви в наших соборных храмах сохранялись долго. Их еще можно было наблюдать в XVII в. Это, прежде всего, были торжественные входы на вечерне, отличавшиеся многочисленностью их участников: для их совершения в соборные храмы в обязательном порядке должно было собираться духовенство окрестных церквей. Такие же торжественные входы совершались и на утрени – после великого славословия, с изнесением Креста и Евангелия и с чтением Евангелия.

«С возникновением полиелея (псалмы 134-й и 135-й), который стал постепенно заменять более древнее пение Непорочных (псалом 118-й), и распространением практики полиелейных входов, входы после славословия прекратились. Только на утрени Великой субботы сохранилась практика входа на утрени после Великого славословия.

Многочисленными по числу участников были и малый, и великий входы на литургиях архиерейским служением. Эти входы также совершались с большой торжественностью, особенно великий вход, во время которого выносились все святыни и даже сокровища соборные» [29, с. 18].

Вплоть до наших дней входы на Литургии совершаются всеми священниками, хотя это не предписывается уставом.

Богослужение по Уставу Великой Церкви

Суточное богослужение, по замечанию профессора Скабаллановича, «составляет загадку», так как «нигде не дано полного чина и очень мало намеков на какие-либо части его» [40, с. 373]. В составе суточного круга богослужения Великая Церковь имела вечерню, утрени, песненное последование вечерни и утрени, триекти (в Великий пост) и Литургию.

О вечерне и утрени сохранились лишь фрагменты, по которым можно судить об общем ходе богослужения. Вечерня начиналась 85-м псалмом. Затем следовал

«Услыши ны, Боже», отпустительный тропарь и отпуст. В будничный день литии не было, а иерей становился позади амвона при пении «Богородице Дево». Возглас «Господу помолимся. Яко Ты еси просвещение наше, Христе Боже наш, и Тебе славу возсылаем». Молитва на главопреклонение и отпуст.

Утренняя по Уставу Великой Церкви начинается в притворе. Начальный возглас утрени – «Благословенно Царство». Мирная ектения, на которой также певец поет стих из 3-го псалма «Господи, что ся умножишася» с припевом «И спаш. Слава Тебе, Боже». После окончания ектении пелись стихи 3-го псалма начиная с шестого стиха с припевом. К 3-му псалму присоединялись псалмы 62-й и 133-й, с тем же припевом. В праздники и в недели праотцев припев заменялся «троичными» «Слава Тебе, Отче, слава Тебе, Сыне, слава Тебе, Душе Святой». Во время этого «трехпсалмия» священник читает утренние молитвы, число которых неопределенно. Затем малая ектения.

После ектении начинаются Непорочны, им предшествует возглас «Непорочнии в путь. Аллилуйя». «Аллилуйя» служит припевом к 1-й и 3-й стихам псалма. Ко 2-й стиху припев «Вразуми мя, Господи», который вставляется в малую ектению между 1-й и 2-й стихами. На следующей ектении возглашается «Вселенную. Аллилуйя». Во это время священник кадит притвор. По окончании каждения певец возглашает «Благословен еси, Господи», а иерей тихо говорит «Премудрость, прости» и, войдя в храм боковыми дверями, продолжает каждение. Затем следует каждение алтаря. Оставив там кадило, он берет запрестольный крест и, войдя с ним в притвор боковыми же дверями, ставит крест перед главными дверями. На 170-м стихе 118 псалма совершается торжественный вход из притвора в храм: священник поет «входное» с аллилуйя и, держа в руках крест, на котором поставлены три свечи, при чтении молитвы входа и благословении его со словами «Благословен вход святых Твоих, Господи», входит в храм через главные двери. Народ входит через боковые двери. Священник проходит к алтарю и ставит на амвоне крест, перед которым становится сам. Заканчивается пение псалма, после которого начинается мелодическим пением произносится «песнь трех отроков»: «Благословите вся дела Господня Господа», с припевом «Благословите». Заканчивалась песнь словами «Благословим Отца и Сына и Святаго Духа Господа, и ныне и присно и во веки веков. Аминь». «Хвалим, благословим...» с богородичным «Тебе необоримую стену и спасения утверждение». Затем следовало чтение синаксаря и пение стихов 50-го псалма с тропарями. На стих «Не отвержи мене...» пелось «Предстательство христиан непостыдное», на Слава – «Единородный Сыне», на И ныне – «Преславную Божию Матерь». В праздники на Слава и ныне – стихиры праздника.

Затем следовали псалмы 148, 149 и 150, стихи которых пелись с припевами: на первые шесть – припев «Тебе подобает песнь Богу», на следующие шесть – «Дадите славу Богу», на следующие четыре – «Тому подобает хвала», на следующие два – «Слава Тебе, Святой Отче», на следующие два – «Сыне Божий, помилуй нас», на следующие два – «Пощади ны, Господи, Духа Твоего Святаго ради», на следующие четыре – «Сыне Божий, помилуй нас», на последние два – «Слава Тебе, показавшему нам свет».

Затем пели песнь Захарии с припевом к каждому стиху первого стиха. На Слава

В соборных храмах служились литии или литании. Они представляли собой торжественное шествие по городу с остановками, на которых пелись тропари, произносились ектении и молитвы. Чаще всего шли на главную городскую площадь.

Литургия была двух видов: ежедневная и Преждеосвященных Даров. По замечанию Красносельцева, об именах их авторов ничего не говорится, однако над некоторыми молитвами: молитвой об оглашенных перед анафорой и молитвой проскомидии по поставлении Даров – имена авторов надписывались. При этом молитвы Литургии Златоуста не выделялись в особый чин, а присоединялись к молитвам Василия как вариант [24, с. 74-75]. Общий ход чинов Литургии был похож на современный. Проскомидию совершал диакон.

Содержащийся в Уставе порядок годового круга богослужения, по замечанию исследователей, содержит в основном указания на обрядовую часть богослужения, т.к. богослужение Великой Церкви отличалось преобладанием «обрядового драматизма» [27, с. 233]. Здесь мы отметим основные отличительные особенности служб триоди и минеи.

В понедельник первой седмицы поста, если на этот день приходилось Сретение, служили полную Литургию.

В Великий Четверг обряд омовения ног происходил перед Литургией. На третьем и шестом часе совершали омовение престола. Также в этот день на вечерне совершали поклонение честному копию с пением тропаря «Поклоняемся копию, пронзившему животворящее ребро Твоя благи, и неизследное твое снисхождение славим».

В Великую Пятницу служили Литургию. На малом входе тропарь «Поклоняемся копию» и «Распявшуся Тебе, Христе, потребилося мучительство, престала сила вражия, ибо ни ангел, ни человек, но Сам Бог спасе нас».

В Великую Субботу патриарх (у нас этой практики не было) совершал крещение. Во время чтения второй паремии, патриарх сходил с горнего места и отправлялся в крещальню, а на горнее место клали Евангелие. При чтении последней паремии духовенство меняло темные великопостные облачения на светлые. После прочтения последней паремии чтец вел новокрещенных в храм, за ними шел патриарх в сопровождении духовенства, одетого в белые ризы, и совершал вход. Затем следовала Литургия.

На праздник Благовещения служили полную Литургию, в какой бы день он ни приходился.

В субботу шестой недели по Пасхе было поминовение усопших. Также поминовение было и в Троицкую субботу.

1-го августа совершался вынос и поклонение кресту. До 13-го августа совершали крестные ходы с крестом по городу и городским стенам.

За четыре дня до праздника Воздвижения Креста на 50-м псалме утрени и на Литургии вместо «Трисвятого» пели «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко» [39, с. 56]. В субботу перед Воздвижением – заупокойное последование.

25-го сентября совершали память землетрясения. В этот день была лития с крестным ходом на поле.

23-го декабря, в память обновления Великой Церкви, на Литургии вместо «Иже

херувимы» пели «Да молчит всяка плоть человека».

Накануне Рождества и Богоявления полагались Царские часы, в конце которых пели многолетие царю.

Если накануне Богоявления не было Литургии, то после последней ектении вечерни певцы поднимались на амвон и пели «Глас Господень». Архиерей входил в алтарь и перед престолом совершал Великое освящение воды.

На этом мы заканчиваем разбор Устава Великой Церкви.

Неполные монастырские уставы

Параллельно с вышерассмотренным уставом на Руси существовали и монастырские уставы. Неизвестно, когда они к нам пришли: вместе с Уставом Святой Софии или чуть позже. Но одно остается без сомнения – уже в первой половине XI века на Руси было монастырское богослужение. Об этом говорит нам дошедший до нас список монастырского устава, датированный первой половиной XI века.

В первом издании сочинения «Полный месяцеслов Востока» архимандрит Сергей относит его принадлежность константинопольскому монастырю Святого Григория в Манганах, основанному византийским императором Константином Мономахом (1042-1056). Этот устав появился у нас не ранее княжения князя Ярослава. Вслед за архимандритом Сергием этого же мнения придерживался и другой литургист, Одинцов, в своем труде «Порядок богослужения в России до XVI века». Однако после выхода в свет первого издания архимандрит Сергей пришел к выводу об ошибочности своего предположения и уже во втором издании признал в древнем уставе один из списков Студийского устава.

Этот список устава представляет собой неполный Студийский устав. Неполным он называется вследствие отсутствия в нем правил монашеской жизни, которые были неотъемлемой частью монастырских уставов. В дошедшем до нас списке сохранилось описание служб в Четыредесятницу, Пятидесятницу и в Петров пост. Несмотря на то, что в некоторых пунктах существуют определенные отличия, в своей основе он сохраняет сходство со Студийским. При дальнейшем сравнении этих уставов мы увидим это сходство. В сравнении мы будем указывать только отличительные особенности, содержащиеся в древнем уставе по сравнению с имеющимся у нас Студийским уставом патриарха Алексия Студита.

Первая особенность, которая встречается в этом уставе, относится к чину поклонения кресту в третью неделю Великого поста. По своему составу он сходен со Студийским, но короче и с некоторыми вариациями. «На утрени по двух кафизмах выносятся крест (по Студийскому уставу – из сосудохранильницы) и полагается на святой трапезе, по 9-й песни поставляется стол пред алтарем и на паволоце простерте полагается крест на нем и по Святой Боже (по Студийскому – по «Святой Боже», «Отче наш» и по возгласе «Яко твое есть Царство...») поют тропарь: «Кресту твоему...» и, поклонению бывшу, посем ектения и поминается игумен и братия и рекут: «Господи помилуй» (12 раз) и отпущение» [38 с. 36]. После этого, как и в Студийском уставе, полагается обхождение с крестом и пением тропаря монастырских келий.

Великий канон в четверг пятой недели, суббота Акафиста и Лазарева суббота представляют сходство с Иерусалимским уставом.

В субботу Цветной недели (Ваий) на вечерне после «Блажен муж...» правый и левый хоры меняются местами, и левый начинает петь «Господи возвах...», как и в прочие субботы. После Евангелия на утрени игумен раздает братьям ваий. В Студийском уставе отсутствует последняя особенность.

О полном прочтении четырех Евангелий на Страстной седмице не говорится.

В Великий Вторник на третьем часе поются двенадцать тропарей страстей Христовых. Между ними читаются четыре паремии, четыре Апостола и четыре страстных Евангелия со свечами в руках. В конце шестого часа отпуст. Девятый час с вечерней и Литургией поется позже.

Чин омовения ног совпадает с уставом Студийским. В Великую Пятницу первый час поется непосредственно после утрени и на нем читается двенадцатое Евангелие, которое читалось в Великий Вторник. Часы третий, шестой, девятый поются в свое время. На третьем часе читается Евангелие от Марка, на шестом – от Луки, на девятом – от Иоанна. Паремий и апостолов нет. Такая же схема богослужения и в Студийском уставе.

В Великую Субботу на утрени после Великого славословия «входит поп с диаконом и свещи предыдущи, и входят на стол (горнее место) и, дав мир, сядет и речет прокимен: «Воскресни, Господи» и прочая, апостол и Евангелие читаются в алтаре» [39, с. 38].

Пасхальная утренья начинается перед закрытыми западными дверями, но ей не предшествует полунощница и крестный ход с пением стихир: «Воскресение Твое, Христе Спасе...». После стихир на хвалитех поется Великое славословие. Потом возглашается сугубая ектения, где после первого прошения «Господи, помилуй» поется три раза, а на остальных двенадцать раз. Отпуст. Литургия вся совершалась внутри алтаря, кроме антифонов, которые пелись народом в храме.

На Светлой седмице пасхальный канон поется только в понедельник, вторник и субботу. В остальные дни канон и стихир на хвалитех пелись воскресные, и они были связаны с гласами стихир на «Господи, возвах», которые пелись накануне.

Антифоны Пасхи пели только в понедельник и вторник. Также в понедельник полагался крестный ход перед Литургией.

Отдание Пасхи было в Светлую субботу, а не перед Вознесением.

Начиная с недели Антипасхи до недели Всех святых в будние дни седмицы наряду с канонами пелись трипеснцы.

На этом заканчиваются отличительные особенности древнего устава от Студийского. Как мы и говорили выше, существенных различий между двумя этими уставами нет. Существующие различия представляют собой, скорее, одну из форм существования Студийского устава, чем самостоятельный устав. Тот факт, что этот устав сохранился в единичном экземпляре, дает нам основание предположить, что он был не очень распространен и использовался лишь в определенной области. Но это и не говорит о том, что не было других списков. С определенной долей вероятности можно предположить, что он был в использовании тех приходов, где не мог быть использован Устав Великой Церкви в силу тех или иных обстоятельств.

Таким образом, до введения преподобным Феодосием устава Студийского монастыря патриарха Алексия, в богослужебной практике Русской Церкви использовались Устав Великой Церкви и неполные монастырские уставы.

Студийско-Алексиевский устав

Краткая история Студийско-алексиевского устава в Византии и на Руси

Одним из последних деяний знаменитого византийского императора Василия II Болгаробойца (976-1025) было возведение игумена Студийского монастыря Алексия на патриарший престол. В начале своего патриаршего служения Алексий построил монастырь в честь Успения Божией Матери. В этом монастыре он ввел устав Студийского монастыря. Монастырь был хорошо известен и неоднократно упоминался в различных византийских источниках. Например, о нем упоминается в комментарии Иоанна Вальсамона к V правилу Константинопольского двукратного собора, которое запрещает епископам построение собственных монастырей с использованием церковных средств. Вальсамон отмечает, что создание собственных монастырей не запрещается, если оно осуществляется за счет собственных средств создателей, и приводит примеры патриархов Фотия, Алексия и Феофилакта, основавших собственные монастыри [6, с. 824-825].

Для монастыря был составлен специальный Типикон, состоящий из двух частей: собственно богослужебной, регламентировавшей службы годового подвижного и неподвижного кругов богослужения, и ктиторской части, которая определяла устройство монашеской жизни. Характерной особенностью этого Типикона было следование практике Студийского монастыря. Это обуславливалось не только известностью студийских традиций, но прежде всего особым отношением строителя монастыря к этим традициям [35, с. 70].

В начале ктиторской части Типикона специально отмечено участие патриарха в его составлении: «предан же писанием от Алексия святого и Вселенныя патриарха в поставленном им монастыри в имя Божественныя Матере» [36, с. 368]. Но, скорее всего, патриарх был лишь заказчиком и редактором текста, а основная работа по составлению велась в самом монастыре.

Древнерусский перевод Типикона является одним из результатов деятельности преподобного Феодосия Печерского по устройению монастырской жизни в Киево-Печерском монастыре. На тот момент, когда преподобный Феодосий был избран игуменом, братия жила еще в пещере. С самого же начала своего игуменства преподобный Феодосий принялся за устройство монастыря. Число братии возросло до 100, и он позаботился о введении между ними общежития. На месте, указанном святым Феодосием, началось строительство монастырского храма, келий и монастырской ограды.

Внешнее устройство Печерского монастыря сопровождалось устройением его внутренней жизни и богослужения, для чего был необходим полный и подробный Типикон. «Повесть временных лет» говорит о том, что «нашелся тогда Михаил, монах Студийского монастыря, пришедший из греческой земли с митрополитом

Григорием, – и стал у него Феодосий прашивать устав студийских монахов. И нашел у него, и списал, и ввел устав в своем монастыре» [5, с. 207]. Это замечание содержится под 1051 годом, но там же говорится, что это было после избрания игуменом преподобного Феодосия. В житии преподобного Феодосия приводится несколько иное повествование: «По сих же посла единого от братия в Константиноград ко Ефрему скопцу, да весь устав Студийского монастыря, исписав, прислет ему. Он же преподобного отца нашего повеленная ту абие и сотвори, и весь устав монастырский исписав, и посла к блаженному отцу нашему Феодосию» [2, с. 378]. Не ранее 1062 года преподобный Феодосий послал одного из братьев монастыря в Константинополь к Ефрему Скопцу, который, по свидетельству Киево-Печерского патерика, был иноком этого монастыря, но потом удалился в Константинополь. Ефрем, переписав устав, отослал его Феодосию. Протоиерей Михаил Лисицын объясняет это разногласие в источниках следующим образом: «Могло дело обстоять так, что у инока Михаила преподобный Феодосий видел устав, но не полный, на что указывает и выражение Нестора биографа, что преподобный Феодосий просил Ефрема «скопца» списать весь устав Студийского монастыря. Но, желая иметь полный монастырский устав с синаксарной и общежительной частью, преподобный Феодосий через несколько лет после этого, как только окончилась постройка монастырских зданий, послал в Константинополь к Ефрему, прося прислать ему весь устав студийского монастыря» [25, с. 165].

«И его (устав) же приим отец наш Феодосий, повеле почисти пред братиею, и оттоле начат в своем монастыри вся строити по уставу монастыря Студийского» [2, с. 378]. Однако это свидетельство из Жития преподобного Феодосия не полностью проясняет историю устройства монастырской жизни в Печерском монастыре, поскольку перевод одного только Типикона (устава), без связанного с ним комплекса богослужебных книг, не могло существенно повлиять на реформу богослужения, а для устройства монашеской жизни было бы достаточно только дисциплинарной части. «Поэтому в случае полного устройства монастырской жизни следует говорить не о переводе одного только Типикона, содержавшего дисциплинарные и богослужебные нормы, а о создании древнерусской версии полного комплекса богослужебных книг, необходимых в богослужебной практике монастырского обряда... Но в данном случае речь идет не о совершенно новых переводах а об особом рода справе, в которой использовались уже существенные славянские переводы богослужебных книг, выполненные в X веке в юго-западной части Болгарского царства» [36, с. 158]. Для более точного исправления использовался также греческий оригинал книг.

Переводчики-справщики работали, судя по всему, в Киеве, куда должен был быть доставлен комплекс богослужебных книг греческого оригинала. В противном случае славянские книги, использовавшиеся при справе, следовало перевезти в Константинополь, где должна была бы находиться группа переводчиков, в распоряжении которых имелся уже комплекс греческих книг монастыря патриарха Алексия Студита. Или же греческие и славянские книги следовало доставить в некое третье место (например, на Афон), где находились переводчики и проводилась подготовка нового комплекса богослужебных книг, причем в каждом из этих случаев

переведенные книги необходимо было доставить в Печерский монастырь.

Каких-либо сведений о доставке и переводе Типикона и других греческих богослужебных книг в Киеве во второй половине XI века не сохранилось. Но в житии преподобного Феодосия отмечено событие, которое косвенно говорит нам об этом. Составитель жития упоминает о поездке в Константинополь Варлаама (первого игумена Печерского монастыря) для различных приобретений на нужды монастыря [2, с. 386]. Из византийской столицы в обратный путь отправился конный обоз, что указывает на количество и значимость сделанных приобретений. В частности, упоминается об иконах и «ино еже на потребу». Книги могли быть получены в монастыре уже в начале 1067 года, потому что на обратном пути из Константинополя Варлаам скончался и был в этом же году погребен в Печерском монастыре.

Перевод был осуществлен еще при жизни преподобного. Об этом можно судить из поучения «О терпении и смирении», которое непосредственно зависит от устава патриарха Алексия [2, с. 438]. Именно этот текст использовал преподобный Феодосий в качестве одного из основных источников.

Из монастыря Печерского Типикон и связанные с ним богослужебные книги переняли и другие монастыри, способствуя тем самым распространению и утверждению Студийского устава в богослужебной практике Русской Церкви. Из монастырей его стали перенимать и некоторые приходские храмы, которые не могли себе позволить отправлять богослужение по Уставу Великой Церкви в силу тех или иных обстоятельств. Особенно этому способствовало постигшее Русь нашествие монголов.

Следует сказать, что Устав Великой Церкви не был вытеснен Студийским, так как тот и другой имели свою сферу деятельности: Устав Великой Церкви использовали в кафедрально-епископских и приходских храмах, Студийский – в монастырях. Поэтому первый продолжал действовать и после появления второго, одновременно с ним.

Общественное богослужение по студийскому уставу

Богослужебный порядок по уставу Студийскому предполагает различия с уставом Иерусалимским, как в общем своем устройении, так и в его частностях. Среди общих особенностей устава студийской традиции можно выделить следующие: 1) по нему положено было петь только каноны студийских отцов; 2) в течение всего года не полагалось всенощного бдения, но в свое обычное время служились вечерня, повечерие, полунощница и утреня; 3) число певшихся стихир на «Господи, воззвах» было меньше числа стихир, назначаемых нынешним уставом: самое большое количество стихир, в период пения октоиха, – шесть, а в дни служения по триоди – девять; 4) великое славословие всегда читалось, только в Великую Субботу оно пелось.

Наше знакомство с уставом Студийским мы начнем с рассмотрения состава служб суточного круга, их развития и особенностей по сравнению со службами иерусалимского последования.

В общем круге всedневных служб в рассматриваемое нами время был тот же

самый, что и в настоящее время. В частности, круг вседневных служб по уставу Студийскому разнится от круга служб по уставу Иерусалимскому только чином вседневного бдения, которого богослужебная практика Русской Церкви не знала до XV века, то есть до времени появления у нас Иерусалимского устава.

В общих чертах порядок совершения вечерни был такой же. Только в те дни, когда полагалось петь «аллилуйя», встречаются некоторые особенности. В эти дни вечерня начиналась чтением «Трисвятого». Во время чтения предначинательного псалма положено читать свечильничные молитвы. В разные века их количество было разным: в X-XII веках их количество неизвестно, так как отсутствуют памятники, говорящие нам об этом. В XIII и XIV веках их количество в разных списках колебалось от четырех до одиннадцати. Такое неопределенное количество молитв смущало современников, и один из них, игумен Афанасий, решил спросить о количестве молитв, читаемых на вечерне, митрополита Киприана, который в это время был занят устройством нашего богослужения. Киприан ответил на поставленный вопрос следующим образом: «о молитвах же вечерних и заутренних спросил мя еси: колико их есть? И на вечерни убо молитвы шесть, а седьмая выходная, а осмая по исполнении вечерней и по возглашении» [26, с. 183].

При пении богородичного стиха священник с диаконом совершали вход с кадиллом. Священник говорил: «Благословенно вхождение Христа, истинного Бога нашего», диакон после этого возглашал: «Свете тихий святых славы», а хор продолжал: «Бессмертного Отца Небесного...». После этого канонарх произносил прокимен дня. Прочитав последний стих, он поворачивался на запад и, сложив руки на груди, ждал окончания прокимна, после чего, сделав поклон, отходил на свое место. Дальнейшая последовательность вечерни по Студийскому уставу не отлучается от ее последовательности в наше время.

В праздничные дни совершалась лития, на которой произносились только первые три прошения. Молитву «Владыко Многомилостиве» священник читал лицом на запад.

После вечерни всегда совершалось повечерие. Устав Студийский предлагает нам четыре вида повечерия:

1. обычное повечерие, которое совершалось во все простые дни;
2. малый чин повечерия, начинающийся с чтения 90-го псалма. Этот вид повечерия совершался от Вознесения до недели всех святых, в субботы вечером, в Господские праздники и накануне памяти великих святых;
3. великое повечерие, которое совершалось в дни Великого Поста;
4. последний вид повечерия совершался от понедельника Антипасхи до Вознесения. Последование его следующее: шесть псалмов, «С нами Бог», «Бесплотное естество херувимское», Символ веры, «Пресвятая Владычице», «Отче наш», «Господи, помилуй» 30 раз, три поклона, прокимен, «Придите, поклонимся», 6-й псалом, «Трисвятое» по «Отче наш», «Господи помилуй» 12 раз. Оканчивалось повечерие молитвой священника, после которой все расходились.

Относительно полунощницы следует заметить, что имелось три чина совершения ее: воскресная, субботняя и вседневная. Воскресная полунощница отличалась обилием тропарей, положенных после воскресного троичного канона. Их количество

Совершение проскомидии имело свои особенности. До конца XIII века ее мог совершать один диакон, без священника. Эта практика восходит к традиции Греческой Церкви, где обязанность приготовления всего нужного для совершения таинства Евхаристии возлагалась на диаконов. В XIV века диаконы стали совершать проскомидию после совершения ее священником. Впоследствии эта практика вышла из употребления.

Число просфор, употреблявшихся в проскомидии, было различным. По замечанию исследователей, их количество колебалось от одной до семи. Такая неопределенность опять же связана с практикой греков, у которых не было твердо закрепленного числа просфор для совершения проскомидии. От числа просфор зависел состав проскомидийных молитвословий. Многие молитвы, произносимые священником или диаконом при совершении проскомидии Студийского устава, нашли отражение и в Иерусалимском уставе.

Покровение сосудов совершалось с теми же молитвами, что и сейчас. До конца XIII века было всего два покровца, и только в XIV веке появляется третий покровец. Окончание проскомидии не представляет особенностей.

Перед началом Литургии, по одним памятникам XIV века, читали всего одну молитву «Царю Небесный», после которой диакон обращался к священнику со словами «Господи, благослови», а священник без всяких слов его благословлял; по другим памятникам, диакон обращался к священнику со словами «Время Господеви сотворити Литургию; Господеви благослови, отче», и читался 50-й псалом.

После Великой ектении пели антифоны: «Благо есть исповедатися Господеви» с припевом «Молитвами Богородицы», «Господь воцарися» с припевом «Молитвами святых» и «Приидите возрадуемся Господеви» с припевом «Спаси ны, Сыне Божий».

Во время пения «Блаженных», после Слава и ныне, священник с диаконом шли на вход с Евангелием. Проходя мимо жертвенника, диакон, указывая орарем на жертвенник, произносил: «Благослови, Владыко, святое предложение». Священник на это отвечал: «Благословенно предложение Божественных Твоих Таин всегда». Диакон отвечал «Аминь». После возгласа «Премудрость, прости» священник целовал выступ иконостаса и входил в алтарь со словами «Благословенно вхождение Христа истинного Бога нашего».

Возгласа «Господи, спаси благочестивыя» не было. «Трисвятое» пели один раз в алтаре. Молитва горнего места несколько отличалась от современной и ей предшествовало чтение молитвы «Царю небесный». Молитва перед Евангелием тоже была другой.

Сугубая ектения до XV в. содержала следующие прошения:

- Рцем вси...
- Господи Вседержителю...
- Богатый милостью...
- Не хотяй смерти грешника...
- О предстоящих людех...
- Помилуй нас Боже...
- Молимся о благоверном...

- Молимся о архиепископе (епископе)...
- Еще молимся за всю братию....

С XV века эту ектению заменила другая, по составу сравнимая в современной. При возглашении «Елицы оглашени изыдите» диакон простирал илитор. Последняя ектения перед «Херувимской песнью» состояла всего из двух прошений.

Исследователи отмечают, что момент перенесения Даров с жертвенника на престол (Великий вход) в разных памятниках описывается весьма различно. Процесс шел в сторону постепенного осложнения путем добавления новых молитв под влиянием Греческой Церкви и церковей южнославянских.

После возгласа «Возлюбим друг друга...» священники произносили «Отца и Сына и Святаго Духа» и целовались в уста со словами «Мир о Христе иерейству твоему». Во время пения Символа веры читалась молитва «Господи Иисусе Христе, любви Творче и Дателю».

При словах «Станем добре», священник читал «Святыи Боже» и снимал покров со священных сосудов. До XV века перед освящением Даров тропаря «Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа» и стихов 50-го псалма не читали. Лишь с XV вв богослужение вводится этот последний элемент. Перед пением «Достойно есть» священник сначала кадил престол, а потом воздевал руки. Во время пения «Достойно есть» читалась молитва, в которой, если день был праздничный, поминалось празднуемое событие. Перед возгласом «И даждь нам единими усты» диакон кланялся перед престолом с молитвой «Царю небесный» и отверзал Царские Врата. Во время пения «Отче наш» священник воздевал руки и читал эту молитву. Перед возношением Святыи Даров священник воздевал руки и произносил «Господи, устне мои отверзеши».

После возгласа «Святая святым» «рекут попове и диакон, приступльше к трапезе «Многая лета, отче. Богу святыю и чистую и честную твою молитву нам; на многа лета, честный отче». Он же отвещает «Купно с животом вашим»; и они рекут «Аминь» и отступят на свои места» [17, с. 379]. Разламывая хлеб на четыре части, священник говорил «В преломлении хлеба познаста ученики Господа своего». Опуская часть Агнца в потир, говорил: «Смешение Святаго Тела и Честныи Крови Господа нашего Иисуса Христа и исполнение Святаго Духа». Далее священник читал молитву «Во множестве грехов моих».

Причащение священнослужителей представляет ряд особенностей. Если служило много священников, то младший священник подавал часть Агнца старшему, а старший подавал младшему. Принимающий произносил «Аминь». Причащение кровью происходило таким же образом. Младший священник, причащая старшего, произносил «Отец, Сын и Святыи Дух», а старший отвечал «Чашу спасения прииму», и наоборот. Остальные священники Тела Христова причащались от руки настоятеля, а Крови – от руки младшего священника. Перед причастием священник произносил: «Даждь ми, Господи Иисусе Христе», – а после причастия: «Буди мне, Господи, во отпущение грехов». Если священник причащался один, он произносил «Се прикасается угля устнам моим», принимая Чашу говорил «Чашу спасения прииму» и «Буди мне, Господи, во отпущение грехов». Таков был момент причащения священнослужителей в XII веке.

В последующие века происходило увеличение числа молитв. При влиянии теплоты в потир священник произносил «Снидет яко дождь на руно и яко капля на землю каплющая». Перед причащением стали читать молитву «Господи, вем, яко несъм достоин, да под кров мой внидеши», после целования с диаконом – «Како стяжу Тя, Господи». Вместо слов «Отец, Сын и Святой Дух» стали произносить «Господу помолимся. Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа». После причащения священники целовались с произнесением слов «Мир о Христе» и читали молитву «Верую, Господи, и исповедую». Когда Литургию совершал один священник с диаконом, последний произносил «Мир о Христе», а священник отвечал: «И диаконству твоему». После причащения оба читали молитву «Буди ми, Господи» и «Тело и Кровь, Юже прият».

Увеличение числа молитв происходило под влиянием богослужебных традиций Церквей Греческой и южнославянских.

На причащение мирян в XII выходили только со словами «Со страхом Божиим», с XIII века этот возглас принял современную форму. На этот возглас клир отвечал «Ко Христу Цареви нашему Богу». Во время причащения мирян по обычаю диакон держал в одной руке потир, а в другой горящую свечу.

До XV века возглас «Спаси Боже, люди Твоя» не было. Перед возгласом «Благословен Бог наш» иногда диакон произносил «Благослови, владыко». После этого возгласа читалась благодарственная (заамвонная) молитва. С XV века она стала читаться на том же месте, на котором она читается сегодня. Возглас «С миром изыдем» произносился диаконом.

Исследователи приводят довольно разнообразные списки окончания Литургии. Очень часто эти списки имеют мало общего между собою. Обобщая, можно сказать, что очень часто Литургия оканчивалась молитвой, причем в разные века она была разная. Отпуст появляется только к XV веку.

Литургия Василия Великого в общем представляет нам то же последование, что и Литургия Иоанна Златоуста, но присутствуют и свои особенности. Читалась особая молитва над кадиллом «Боже, приемый Авелевы дары». Свои молитвы были на вход с Евангелием, на «Трисвятое», на чтение Евангелия, во время «Херувимской песни», после поставления Даров. Слова «Преложив Духом Твоим Святым» также отсутствуют.

Чин Литургии Преждеосвященных Даров имеет гораздо больше особенностей. Начинаясь Литургия Преждеосвященных Даров возгласом «Благословен Бог наш». Во время предначинательного псалма в XIV веке священник читал молитву «Благословен еси Господи, сведый ум человек», а в XV веке читали три молитвы, которые сегодня читаются во время кафизмы, затем вышеприведенную молитву и пятую и шестую молитвы современных служебников.

Возглас «Свет Христов просвещает всех» до конца XIII произносил диакон с кадиллом и тремя свечами. С XIV века, когда многие действия диакона перешли к священнику, этот возглас стали произносить священники, стоя лицом на запад и потом крестообразно благословляя престол.

Стихи «Да исправится молитва моя» пел или священник или певцы. В XIV веке во время пения «Ныне силы небесныя» читали молитву «Никтоже достоин», а в

XV веке стали читать «Боже, седяй на Херувимех, от Серафим славословимый». При перенесении даров с жертвенника на престол читали 50-й псалом. Дары открывались после молитвы «Иже неизреченных и невидимых Таин, Боже».

Причастных было два: «Вкусите и видите» и «Благословлю Господа». Вместо «Да исполнятся уста наша» пели «Благодарим Тя, Христе Боже наш, яко сподобил еси служащаго причаститися» или «Благословлю Господа».

Частное богослужение по Студийскому уставу

Нельзя оставить без внимания и частные виды богослужения, выраженные в чинопоследовании таинств. На протяжении рассматриваемого нами периода они, в свою очередь, тоже претерпели немало изменений.

Крещение и миропомазание. Новорожденному младенцу имя давалось в честь одного из святых, чтимых Русской Церковью. Эта практика пришла к нам из Греческой Церкви. Однако наравне с именами святых русские давали своим детям и языческие имена. «На первых порах Русской церкви, возрастные лица, вступавшие в Церковь, принимая христианское имя, в тоже время сохраняли свое языческое имя, как это было и в первые века христианской церкви, а крещаемые младенцы, наряду с получением христианского имени, получали еще языческие» [9, с. 146]. При наречении имени читалась только одна молитва, которая читается и сегодня. Тропарь Сретения «Радуйся, Благодатная Богородице Дево» отсутствует.

В XV веке в первый день рождения младенца стали читать дополнительно еще несколько молитв: молитва «о дитяти», молитва «о родительнице и женах, присутствовавших при рождении», молитвы «о бабе» и молитва «Владыко Господи Боже, вечным Твоим неизреченным смотрением изволивый родитися в вертепе».

Таинство крещения совершалось в основном на сороковой день после рождения. Но был и обычай совершать таинство крещения в любой день. Если ребенок рождался больной, то его крестили в самое ближайшее время после рождения.

При совершении таинства крещения требовался всего один восприемник: для мужского пола – мужчина, для женского – женщина. Но в Русской Церкви укоренился обычай иметь при совершении таинства двух восприемников. Особенно это было развито в северо-западных областях Пскова и Новгорода. Митрополит Киприан в ответе игумену Афанасию на вопрос о количестве восприемников говорит следующее: «про кумовство, что дитя крестити кум с кумою, несть того... но одному годится крестити, или от мужского полу, или от женского [26, с. 203].

Сначала совершался чин воцерковления. Читалось две молитвы над ребенком и матерью, те же, которые читаются и сегодня. После первой молитвы священник брал на ребенка на руки и нес в алтарь. При этом он сначала прикладывал уста дитяти к обеим сторонам царских врат, потом в алтаре приклонялся с ним перед престолом и обходил трижды вокруг, делая по поклону на каждой стороне, если дитя было мужского пола, и с трех сторон, если – женского. Во время обхождения он читал «Ныне отпускаеши». Затем священник выносил ребенка из алтаря, полагал его перед царскими вратами и читал нынешнюю третью молитву, после которой «знаменовал» чело, уста и перси (грудь) воцерковляемого.

В XV веке младенцев женского пола уже не вносили в алтарь, а только

прикладывали к царским дверям с чтением «Ныне отпускаеши» и затем полагали у царских дверей. Мать воцерковляемого младенца клала 40 поклонов и потом забирала дитя, а священник при этом читал молитву и совершал отпуст.

Чин крещения начинался чтением тех же четырех огласительных молитв, которые читаются и сегодня, с той лишь разнице, что для разных лиц они читались в разное время: для болгар, половцев и чухонцев – за 40 дней до крещения, для славян – за 8 дней, для младенцев чтение молитв соединялось с крещением. Каждая из этих молитв читалась по десять раз. С XV века стали читать по три раза, а иногда по одному разу. Практика десятикратного чтения огласительных молитв соблюдалась лишь при крещении старых евреев.

Слова молитвы «Изжени от него всякий лукавый и нечистый дух» произносили однажды. Вопросы об отрицании от сатаны произносились отдельно. Каждый вопрос повторялся троекратно. С XV века, наряду с древней практикой, стала входить новая практика, схожая с современной. На беса только дули, но в том же XV веке в практику вошло более выразительное действие – плевать на него.

Перед началом последования таинства крещения священник кадил воду и благословлял ее свечой. По мнению Одинцова, этот обычай был взят из чина великого освящения воды [31, с. 265].

Великая ектения содержала всего два прошения об освящении воды и два прошения о крещаемом.

В XV веке при произнесении слов «Велий еси, Господи» священник трижды благословлял воду, а при словах «Да сокрушатся под знаменем образа креста Твоего» он только дул на воду и благословлял ее, не погружая своих перстов.

Помазание крещаемого совершалось по всему телу с произнесением слов «Мажется раб Божий маслом радости во Имя Отца и Сына и Святаго Духа», иногда помазывали без всяких слов.

Крещение совершалось через погружение, но довольно скоро в практику Русской Церкви вошел обычай в некоторых случаях совершать крещение через обливание. Даже несмотря на епископские грамоты, в которых они выступали против подобной практики, произошло укоренение последней.

После погружения священник одевал новопросвещенного без всяких слов. В ектении, следовавшей за облачением, стояли прошения:

- и обещися ему силою Божественною на противнаго миром мазания
- о бытии ему сосуду священну на восприятие благодатного мира
- о сподобиться ему звания, в нем же зван бысть

После возгласа читалась молитва и пелось «Елицы во Христа креститесь». Вокруг купели не ходили.

После чтения молитвы над миром священник помазывал миром, произнося слова «Печать дара Духа Святаго». Относительно частей тела, которые нужно было помазывать, по замечанию исследователей, памятники древней Руси не согласны между собой. Но в основном помазывали те же части тела, что и в современной практике.

«После помазывания, по одним памятникам, с пением 31 псалма священник с новопросвещенным «входит на выход» и затем «по ряду совершается божественная

пением тропарей. Возглас «аксиос» отсутствует при рукоположении диакона и пресвитера, возглашался он только при рукоположении в епископа. Хиротонисаемый в епископа приводился к престолу тремя епископами. В день своего поставления митрополит «всая Руси» совершал вокруг кафедрального города хождение на осле.

Брак. При обручении без всяких слов жениху давался золотой перстень, а невесте – железный. Не было молитвы «Господи Боже наш, обручивый Себе языческую церковь» и сугубой ектении. С XV века добавилось троекратное благословение обручаемых горящими свечами.

Во время пения псалма «Блажени вси боящиеся Господа» припев «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе» не пели. Жениху и невесте не задавали вопросы о добровольном вступлении в брак.

Не читались первые две молитвы. Венцы возлагались с произнесением слов «Господи Боже наш, славою и честию венчай его (ю)» и читалась молитва «Господи Боже наш, иже славою и честию венчал еси Своя мученики святых».

Апостол и Евангелие не читались. После «Отче наш» священник брал потир с Дарами, диакон говорил «Вонмем», священник – «Святая святым», и причащал брачующихся. Певцы пели причастен «Чашу спасения прииму». Причастив брачующихся, священник ставил потир на престол и, преклонив голову над стеклянным сосудом с вином, тайно читал молитву «Боже, Иже сотворивый крепостию си и утвердивый вселенную». Затем он давал испить вино сначала жениху, а потом невесте три раза. Остатки допивал «кум» (возможно, крестный), который стоял сзади жениха и держал венец, или сам жених.

После этого священник, взяв за руки новобрачных, вел их вокруг аналоя с пением тропарей: «Святые мученицы» – дважды и «Слава Тебе, Христе Боже» – единожды. Оканчивался чин венчания сугубой ектеньей, чтением наставления новобрачным и отпустом «Иже в Кане Галилейстей приходом своим честен показа брак».

После отпуста священник поворачивал новобрачных направо и читал молитву на снятие венцов «Господи Боже наш, пришедый в Кану Галилейскую». Вслед за этим священник вел их и сажал на «лавицу».

В XV веке появилось новое чинопоследование таинства брака, которое отличается от приведенного выше. Перед началом обручения священник, благословляя жениха и невесту, говорил «Благослови Господи, раба Твоего (рабу Твою) и освяти его (ее) Духом Твоим Святым, изволившагося сочетати жене своей (мужу своему) (имя) в брак сий честный и святой, по установлению закона Твоего, Владыко Святой». А благословляя обоих, говорил «Союзом любви и благочестия мира». На сугубой ектении было два прошения об обручаемых. Читались Апостол и Евангелие. Обручение оканчивалось молитвой и отпустом.

Чин венчания начинался 122-м псалмом, после которого читали тропарь и кондак равноапостольным Константину и Елене, и следовала сугубая ектения. За ектенией – прокимен «Услышит Тя Господь в день печали» и читалась паремия. После паремии пелся второй прокимен «Славою и честию венчал еси их», и читался Апостол. Затем читалось Евангелие и молитвы те же, что читаются сегодня, только в другом порядке. Возложение венцов совершалось также, как мы приводили выше. Вслед за этим священник влагает правую руку жены в правую руку мужа, хор в это

дальнейшем предшествует всем чтениям из Апостола и Евангелия. Затем следовало чтение первого Апостола и Евангелия, после которых сугубая ектения, произносившаяся после каждого чтения Евангелия, и молитва. Священник произносил «Услыши ны, Господи, услыши ны», зажигал первый светильник и при чтении молитвы «Отче Святыи» мазал болящего. После седьмого помазания читалась молитва «Благосерде и Многомилостиве Господи Боже наш», пелись стихиры святым беззребренникам, возглашалась сугубая ектения и последование оканчивалось молитвой на главопреклонение «Владыко Многомилостиве, Господи Иисусе Христе Боже наш».

В XV веке полный чин елеосвящения вышел из богослужебной практики Русской Церкви и господствующим стал второй чин.

Годовой круг богослужения

Знакомство с богослужебными особенностями Студийского устава было бы неполным без рассмотрения годового круга богослужения. Кроме общих отличительных черт Студийский устав имеет и немало частных особенностей богослужебного порядка в отправлении служб как по Постной и Цветной Триодям, так и по Минее и Октоиху.

В субботу мясопустную на утрени после девятой песни братия исходят в покоище братий и отец (скорее всего, здесь имеется место захоронения) и там поют заупокойные стихиры на хвалитех и на стиховне, потом возглашается заупокойная ектения, на которой поминаются имена почивших братий, и бывает отпуст.

В понедельник, вторник и четверг сырной недели полагались часы без кафизм, а в среду и пятницу той же недели – Литургия Преждеосвященных Даров. Как сообщает нам исследователь Одинцов, совершение Литургии на сырной неделе было обыкновением вплоть до конца XIV века [31, с. 274]. В 1395 году митрополит Киприан писал всему русскому духовенству о том, что «нет никакой службы, но токмо часы с вечернею» [26, с. 76]. Возможно, что митрополит сделал такое указание под влиянием устава Иерусалимского, который в то время был уже повсеместно распространен на Востоке и начинал входить в употребление в богослужебную практику Русской Церкви.

В течение Великого Поста в «постные дни», то есть в первые пять дней каждой седмицы, полагалось совершать Литургию Преждеосвященных Даров. Исключение составляли Великий Четверток и праздник Благовещения, когда служили Литургию Иоанна Златоустаго.

Богослужебный порядок в первые три недели Великого Поста не предлагает нам никаких особенностей. Только в воскресенье четвертой недели описывается чин поклонения Кресту. На утрени после пения двух кафизм переносится из сосудохранительницы Крест и полагается на престоле до окончания девятой песни канона. Потом перед алтарем поставляется покрытый стол, и с престола Крест переносится на этот стол. После «Трисвятого» по «Отче наш» отпуста не бывает, а поется тропарь «Кресту Твоему...» Далее при пении этого тропаря и стихир Кресту происходило целование Креста. В течении всей четвертой недели до пятка по окончании девятого часа Крест предлагался для целования всем присутствующим.

На утрени в субботу той же недели полагается чтение акафиста Благовещению Пресвятой Богородицы.

На утрени в среду и пяток шестой недели полагается читать только две кафизмы вместо трех.

В Лазареву субботу катавасия полагается из канона Пасхи.

В неделю Ваий перед Литургией шли крестным ходом вокруг монастыря, и с этого же дня первый час читался непосредственно после утрени с кафизмой.

В службе понедельника, вторника и среды Страстной седмицы отсутствуют какие-либо указания относительно чтения четырех Евангелий. В Великий Вторник на третьем часе полагается все чтения из пророков, Апостола и Евангелия, которые в настоящее время читаются отдельно на Царских часах Великого Пятка.

В Великий Четверток на утрени полагается чтение двух кафизм. Умовение ног совершается перед Литургией, а не после нее. Евангелие во время этого обряда читает священник, а не диакон. Омовение ног совершается игуменом, который и заканчивает чтение Евангелия, облачившись в фелонь. На первом часе паремии в этот день не положено.

На утрени Великого Пятка в последовании Святых Страстей стихиры на хвалитех не поются, и сразу после окончания утрени следует первый час, на котором читается двенадцатое Евангелие страстей Христовых. Остальные часы читаются в свое время. Читаются они со специальными тропарями и с чтениями Евангелий, но без паремий и Апостолов. Вечерня Великого Пятка поется вместе с Литургией Преждеосвященных Даров. Обычай служить в этот день Литургию продержался вплоть до конца XV века, когда он был отменен митрополитом Киприаном [41, с. 183]. Только в праздник Благовещения полагалось служить Литургию Иоанна Златоуста.

На утрени Великой Субботы поется Великое славословие, во время пения Трисвятого вход с Евангелием, прокимен и чтение паремии, Апостола и Евангелия, которое читается священником в алтаре.

Пасхальной утрени по уставу Студийскому не предшествует полунощница, и не бывает крестного хода вокруг храма с пением стихиры «Воскресение Твое Христе Спасе». После стихир на хвалитех читается Великое славословие и в конце возглашается сугубая ектения, на которой после первого прошения «Господи, помилуй» поется три раза, а после последующих – двенадцать раз. Непосредственно после ектении – отпуст.

Пасхальные часы тоже имеют свои отличия. На них в начале поется «Христос воскрес» трижды, затем «Веселитесь небеса», Слава – «Аще и во гроб», И ныне – «Что Тя наречем», «Трисвятое» по «Отче наш», «Господи помилуй» двенадцать раз. Так поются все четыре часа святой Пасхи.

О Литургии в день Пасхи замечено, что вся она поется священниками в алтаре, за исключением антифонов.

Особенности пасхальной седмицы заключаются в следующем: на вечерни в день Пасхи стихиры на «Господи, воззвах» поются на восьмой глас, во вторник те же стихиры поются на первый и второй гласы, в среду – на четвертый и пятый, в четверг – на шестой и восьмой, в пятницу, как и в понедельник, на восьмой. На утрени в пасхальную седмицу пасхальный канон поется только в понедельник, вторник

и субботу, а в остальные дни, как канон, так и стихиры на хвалитех поются тех гласов, на которые пелись стихиры на «Господи воззвах» накануне – в среду канон и стихиры на хвалитех воскресные 1-го и 2-го гласа, в четверток – 4-го и 5-го гласа, в пятницу – 6-го и 8-го гласа.

Устав приписывает пение антифонов Пасхи только в понедельник и вторник Светлой седмицы. В понедельник перед Литургией полагается крестный ход.

На утрени в неделю Антипасхи по шестопсалмии и «Бог Господь» поется тропарь «Запечатану гробу», после тропаря кафизм не бывает, но сразу поется канон. По шестой песни канона поется «Воскресение Христово видевше», и читается 50-й псалом, Евангелие не читается. Вся воскресная служба этого дня с чтением воскресного Евангелия, пением канона и стихир отправляется в понедельник по Антипасхе.

Начиная с недели Антипасхи до дня Вознесения Господня в простые дни недели вместе с канонами поются трипесенцы. А также по средам и пяткам сначала поются седальны и стихиры Креста, потом воскресны, а в остальные дни – наоборот. Во вторник Фоминой недели на утрени читается только одна кафизма.

В неделю мироносиц на вечерни на Слава и ныне вместо догматика второго гласа поется стихира Великого Пятка «Тебе, одеющегося». На утрени читается Евангелие от Луки (по Иерусалимскому уставу – от Марка), поется канон Великой Субботы. На Литургии, на блаженных, поется трипеснец Великой Субботы.

В недели о расслабленном и самаряныни в конце вечерни тропарь не поется. На Литургии в неделю о расслабленном прокимен: «Велий Господь наш...», а не «Буди, Господи, милость Твоя на нас...», как в настоящее время.

Во все седмичные дни недели о самаряныни в конце вечерни и утрени тропарь не поется.

В неделю о слепом на Литургии прокимен: «Ты, Господи, сохраниши ны...» вместо «Помолитесь и воздадите...».

В среду шестой недели по Пасхе служба по уставу не имеет отдания Пасхи. Однако есть указание на то, что со дня Вознесения в будни не поются воскресные стихиры и каноны.

На Литургии в день Вознесения антифоны – псалмы 44, 45, 46, а не 46, 47, 48, как в настоящее время. На вечерне в тот же день на вечерне положено петь стихиры Октоиха, а не праздника в Триоди.

В день Пятидесятницы на «Господи, воззвах» полагается петь три стихиры, которые по Иерусалимскому уставу поются на стиховне; на стиховне поется одна стихира «Параклита имуща» трижды и на Слава и ныне – «Царю Небесный». На утрени читается одна кафизма.

В понедельник Святого Духа на утрени кафизм нет, также нет кафизмы на вечерне в пяток, когда бывает отдание праздника.

Богослужение в пост святых Апостолов тоже имеет свои особенности. В седмичные дни, за исключением праздничных дней, на вечерне вместо прокимна и на утрени вместо «Бог Господь» поется «аллилуйя». 3-й, 6-й и 9-й часы читались с кафизмами. В конце вечерни и утрени иногда не читался тропарь. После одной или двух кафизм читалось житие святого или слово отца, памяти которого

посвящен день.

Праздничные службы имели незначительные отличия. Основным было то, что не совершалось всенощного бдения.

В праздник Воздвижения Животворящего Креста полагается поклонение Кресту, но чина воздвижения нет. Поклонение происходит непосредственно после «Трисвятого», читаемого после стихир на стиховне. На поклонение поются те же стихиры, что и по Иерусалимскому уставу, с той особенностью, что после каждой стихире поется тропарь «Кресту Твоему». На ектении, возглашаемой после поклонения кресту, поется «Господи, помилуй» 100 раз.

21 ноября, в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, на вечерне читаются обычные паремии Богородицы, а на утрени прокимен «Величит душа моя Господа...», вместо «Слыши, Дщи, и виждь...».

24 декабря и 5 января не упоминается о Царских часах. Ничего не говорится и о том, что служба в день Рождества Христова и Богоявления начинается великим повечерием.

25 марта перед Литургией полагается крестный ход. Об освящении воды в первый день августа не упоминается.

После этого рассмотрения особенностей Студийского устава мы можем сказать, что богослужение по нему было короче, чем совершаемое сегодня богослужение по Иерусалимскому уставу. Также оно было менее торжественно, с преобладанием чтения над пением.

На протяжении четырех веков своего существования на Руси Студийский устав не был консервативным и продолжал свое развитие. Изменения касались не соотношения богослужебных особенностей годичного круга богослужения, а служб суточного круга богослужения, большинство из которых еще не обрели своего окончательного оформления, и чинопоследования таинств, которые также находились в процессе развития. Большое влияние в этом отношении имело влияние Греческой Церкви, от которой Русская Церковь зависела как в административном, так и в богослужебном отношении. Нельзя не заметить и влияния церковью южнославянских, с которыми мы также были в тесных связях и откуда к нам шло множество богослужебных книг.

Во второй половине XIV и в начале XV века на Русь стал проникать Иерусалимский устав, который к тому времени уже окончательно утвердился на греческом Востоке, и дальнейшие изменения в Студийском уставе происходили уже под непосредственным его воздействием.

История введения Иерусалимского устава в практику Русской Церкви.

Деятельность митрополитов и Стоглавого собора

Во второй половине XIV столетия начался длительный процесс замены Студийского устава на Иерусалимский устав, распространившийся к тому времени в Византии, на Афоне и у южных славян.

Первоначальный Иерусалимский устав имеет свое происхождение из Лавры преподобного Саввы Освященного в Палестине. Сформировался он под

воздействием литургических традиций палестинских монастырей и храма Святого Воскресения в Иерусалиме. Но к X веку под влиянием Студийского устава происходит изменение первоначального Иерусалимского устава. «Древнее иерусалимское богослужение было вытеснено константинопольским богослужебным уставом, причем это вытеснение, называемое также «византинизацией палестинского богослужения», происходило постепенно уже в X веке» [33, с. 75]. Завершению этого процесса способствовало разрушение иерусалимских храмов и монастырей арабами-мусульманами в начале XI века, которое привело к прерыванию прежней литургической традиции. К тому времени, как Иерусалимский устав распространился на всем православном Востоке, он представлял собой адаптацию Студийского устава к обычаям палестинских монастырей. Этот устав называется ново-савваитским.

Впервые Иерусалимский устав появился у нас благодаря трудам митрополита Алексия (1354-1378). Первая русская редакция Иерусалимского устава была составлена при участии самого митрополита Алексия для основанного им в 1365 году Чудова монастыря. Однако устав Чудова монастыря не был принят в качестве регулятора богослужения в Русской Церкви. Это было невозможно потому, что к тому времени Студийский устав настолько упрочил свое положение в богослужебной практике Русской Церкви, что требовалось много труда и времени, чтобы заменить его другим уставом. Но такую работу необходимо было вести уже потому, что возникло «противоречие между действовавшим на Востоке уставом и нашей богослужебной практикой» [27, с. 270].

Много усилий для введения нового устава приложил митрополит Киприан (1390-1406), который был сербского происхождения и хорошо осознавал невыгодность того противоречивого положения, в котором оказалась Русская Церковь. «Он хотел помочь ему (уставу) ознакомлением Руси с современным греческим обрядом и перенести его на русскую почву» [26, с. 7]. Своей задачей он ставил исправление богослужебных книг и установление однообразия в их тексте. Но полного исправления в согласовании с греческими книгами митрополит Киприан осуществить так и не смог, ограничившись отдельными богослужебными книгами. Митрополит Киприан ввел в богослужебное употребление Русской Церкви служебник так называемой «филофеевской» редакции, который был составлен константинопольским патриархом Филофеем и чинопоследования которого носили на себе влияние иерусалимского устава. Иерусалимский устав стал особенно сильно распространяться при его преемниках. К XV веку, по свидетельству архиепископа Сергия (Спасского), у нас уже были распространены как сам устав, так и богослужебные книги по этому уставу [39, с. 190].

Несмотря на попытки некоторых вышеприведенных митрополитов ввести у нас на Руси Иерусалимский устав, нельзя сказать, когда, кем и в каком списке принесен был к нам этот устав. Определенно можно сказать, что замена студийских традиций иерусалимскими не была административным актом и не носила официального характера. Этот процесс проходил естественным путем под непосредственным влиянием практики Востока.

До появления печатных изданий профессор Мансветов отмечает существование

у нас до шести различных редакций устава. При этом он отмечает, что они так разнятся, что «едва ли найдутся два совершенно сходных списка» [27, с. 271]. Один из первых переводов Иерусалимского устава на церковнославянский язык был осуществлен учеником преподобного Сергия Радонежского – преподобным Афанасием Высоцким – под названием «Око церковное». Перевод был сделан в Константинополе в 1401 году. «Око церковное» содержит в себе статьи, отсутствующие в греческом Типиконе этого устава. Таким образом, «Око церковное» сообщило свой характер памятникам этого рода на русской почве и дало толчок к отделению русского церковного устава от греческого.

Списки уставов в России были дополнены службами русским святым. Иерусалимский устав предоставлял в этом отношении большую свободу. Здесь без затруднений допускалось внесение служб новопрославленным святым, что почти не допускалось в Студийском уставе, где шло преобладание студийской гимнографии, а в месяцеслове устава преобладали студийские святые. Профессор Голубинский в своем труде «История канонизации святых в Русской Церкви» говорит о том, что в X-XIV веках (когда господствовал Студийский устав) было канонизировано сравнительно немного святых по сравнению с последующими веками (когда употреблялся Иерусалимский устав).

Свой особый вклад внес Стоглавый собор, состоявшийся в 1551 году, который обратил свое внимание на внутреннюю жизнь Русской Церкви, на устройство ее богослужения, которое после пятивекового периода достигло полного развития. Две трети заседаний собор посвятил вопросам богослужения. Собор пересмотрел чин венчания второбрачных, чин крещения, чин Литургии, возгласы, ектении и частные молитвословия. Все это ясно говорит о том, что одной из основных причин созыва собора было желание царя и иерархов Церкви привести богослужение к единообразию.

Собор также занялся «одобрением житий русских святых, из которых многие на этом соборе были канонизированы, и о повсеместном праздновании которых было сделано распоряжение здесь же» [18, с. 10]. Это впоследствии сказалось на появлении так называемых «обиходников». Память того или иного святого праздновалась не во всех местах с одинаковой торжественностью, и богослужение в связи с этим не везде совершалось одинаково, поэтому в разных областях на один и тот же день были различные службы. Все это и явилось причиной появления «обиходников», или местных уставов. Каждый крупный монастырь имел свой «обиходник». Кроме вышеприведенного обстоятельства, появление «обиходников» связано еще и с развитием местных богослужебных традиций каждого монастыря.

Богослужение в XVI веке

Далее мы рассмотрим богослужение XVI века. Иерусалимский устав постепенно входил в богослужебную практику. Шел естественный процесс замены богослужебных традиций одного устава традициями другого. С начала XV века прослеживалось влияние Иерусалимского устава. В XVI веке состав одних чинопоследований почти полностью перешел из XV века, с изменением молитвословий, состав других был изменен в соответствии с традициями и

практикой нового устава.

Чин вечерни, за исключением немногих особенностей, не отличается от современного. Когда на вечерне вместо прокимна пелось «аллилуйя», она начиналась с «Трисвятого». Великопостная вечерня оканчивалась молитвой Ефрема Сирина, чтением «Трисвятого» по «Отче наш» и «Господи, помилуй» 12 раз.

Повечерие. За вечерней служили *повечерие*, которых было три вида.

1. Первый вид повечерия ничем не отличался от современного малого повечерия; оно служилось в те дни, когда по уставу полагалось всенощное бдение или святой с полиелеем, от недели Фоминой, от 24 декабря до 14 января, в седмицы мясопустную и сыропустную.

2. Второй вид повечерия назывался малым и был заимствован из Студийского устава; этот вид повечерия полагалось служить во все дни, кроме постов, и в дни пения «аллилуйя». После обычного начала читался 90-й псалом, вслед за этим «С нами Бог», «День прешед», Символ веры, «Пресвятая Владычице Богородице», «Трисвятое», тропарь святому, Слава и ныне, богородичен (крестобогородичен), «Господи, помилуй» 40 раз, «Честнейшую Херувим», возглас «За молитвы святых отец наших», молитва «Господи, Господи, избавлей нас», «Придите, поклонимся», псалмы 50, 62 и 142, «Слава в вышних Богу», канон Богородицы, «Достойно есть», тропари, которые сегодня положены на малом повечерии. Оканчивалось такое повечерие как современное великое повечерие.

3. Повечерие третьего вида называлось великим и имело сходство с современным великим повечерием, совершаемым в Великий Пост. Оно совершалось во все посты и в дни пения на вечерне и утрени «аллилуйя». Не нем также читались тропари, которые сегодня положены на малом повечерии и которые в Великий Пост заменялись пением стихов «Господи сил, с нами буди», молитва Ефрема Сирина читалась после «Иже на всякое время», а «Трисвятое» читалось перед молитвой «И даждь нам, на сон грядущим».

Всенощное бдение. Накануне воскресных и праздничных дней по уставу положено совершать чин великой вечерни, который, соединяясь с чином утрени, составлял самостоятельный чин всенощного бдения. Всенощное бдение появилось в практике нашей Церкви в XV веке одновременно с уставом Иерусалимским. Профессор Н. Д. Успенский говорит, что чин всенощного бдения в Русской Церкви сохранил некоторые традиции богослужения Великой Церкви и порядки Студийского устава [42, с. 270].

Необходимо также сказать, что не всегда под воскресные и праздничные дни совершалось всенощное бдение: по прежним студийским традициям в храмах совершались отдельно все службы суточного круга [42, с. 272].

Чин всенощного бдения в XVI веке несколько отличался от современного. Начиналось всенощное бдение при закрытых царских вратах. После возгласа «Слава Святей», священник тихим голосом произносил «Приидите, поклонимся» два раза, на третий раз «высшим гласом» произносил «Придите поклонимся и припадем к Нему, к Самому Господу Иисусу Христу, Цареву и Богу нашему». Четвертого стиха не было.

При пении «Вся премудростию сотворил еси», священник становился перед

В том случае, когда пели отдельно вечерню и утреню, утреня предварялась пением канона Святой Троице, который пелся вместо полунощницы. Начало совпадало с вседневной полунощницей, после 50-го псалма пелся сам канон. Вместо «Достойно есть» читались троичные стихи, количество которых по разным памятникам было неодинаковым. Окончание канона было сходно с окончанием вседневной полунощницы.

Полунощница. Чин вседневной полунощницы немного отличался от современного. После начального возгласа чтец читал «Слава Тебе, Боже, слава Тебе всяческих ради», молитву Макария «Боже очисти мя грешнаго», «Царю небесный», «Трисвятое» по «Отче наш», молитву Макария «От сна востав», 50-й псалом. Чин полунощницы оканчивался отпустом, который следовал непосредственно после молитвы «Помяни Господи». За отпустом следовало прощение.

Чин вседневной утрени был таким же, только на ектении после двупсалмия не поминался ни епископ, ни настоятель, а только царь. И не было стиха «Именем Господним благослови, отче».

Часы и Литургия. Литургии всегда предшествовало чтение часов, во время которых священником совершалась проскомидия. Стоглав постановил, чтобы проскомидия и часы заканчивались одним общим отпустом, которого раньше не было [8, с. 175].

Отличительные особенности имели только постовые часы. На третьем читали тропарь Пятидесятницы, на Славу – кондак, на И ныне – «Надежда и Заступница и прибежище» или «Взбранной Воеводе». На шестом часе при пении тропаря священник произносил стихи «Аз к Богу воззвах» и «Вечер и завтра и полудне». Вместо молитв шестого и девятого часов читалась молитва третьего часа.

Часы третий и шестой часто соединялись вместе. В этом случае после молитвы Ефрема Сирина читалось «Трисвятое» и произносился отпуст. В таком случае девятый час совершался отдельно от остальных вместе с «обедницей» и вечерней.

«Обедница», или изобразительные, в обычные дни совершалась до девятого часа, а постом – после него.

Царские часы совершались в те же дни, и их состав по одним памятникам сходен с современным, а по другим на всех часах полагалось читать обычные псалмы. Первый час всегда присоединялся к утрени, а остальные совершались вместе в одно время.

Чины Литургии тоже имели свои особенности. Читались входные молитвы, которые по сравнению с предыдущим временем еще более усложнились. Количество и разнообразие молитв совершенно отличается в разных памятниках. Отцы Стоглавого собора особым определением решили установить норму входных молитв [8, с. 88]. Однако развитие входных продолжалось и после этого определения.

Входные начинались в притворе, потом проходили на амвон, а потом входили в алтарь, где и облачались. Диакон после облачения шел к жертвеннику и готовил сосуды для совершения проскомидии, а священник в это время перед престолом читал молитвы. Непосредственно за этим совершалась проскомидия в обычном порядке. Порядок совершения проскомидии в основе своей был сходен с

современным, но в разных списках существовали отличия в молитвословиях. Стоглав постановил, «чтобы третьим святым покровом покрывали» [8, с. 95]. Это постановление появилось в связи с тем, что многие не покрывали воздухом святые сосуды, так как до XIV века в богослужбной практике воздух не использовался [13, с. 65]. Проскомидия заканчивалась отпустом в Царских дверях.

Начало Литургии было обычным, после великой ектении пели три антифона со своими припевами. Во время пения «блаженных» диакон говорил «Благослови, владыко, святое предложение», на что священник отвечал «Благословенно предложение Божественных Твоих Таин всегда ныне и присно». Совершался вход.

Перед пением «Трисвятого» диакон, обращаясь к священнику, произносил «Благослови, владыко, время Трисвятаго», на что священник отвечал возгласом «Яко свят еси Боже наш», окончание которого диакон совершал в царских дверях, указывая орарем на молящихся в храме. Возгласа «Господи, спаси благочестивыя» не было. «Трисвятое» пели и в алтаре.

Далее следовало чтение Апостола и Евангелия. На сугубой и заупокойной ектениях содержались дополнительные возгласы.

Во время пения «Иже херувимы» священник читал молитвы «Никтоже достоин», «Благодетелю всякой твари» и «Владыко животворяй и благим Подателю». После чтения «Иже херувимы» шли к жертвеннику и совершали Великий вход.

При выходе из алтаря произносили «Да помянет Господь Бог всех вас во царствии Своем». Если присутствовали епископ, царь или князь, то поминали и их. В это время начала входить в практику и современная форма поминовения.

По поставлении Даров на престол читали только «Благообразный Иосиф». Диалог священника с диаконом по разным памятникам был неодинаков.

Далее следовала ектения, Символ веры и ехаристический канон. После возгласа «Победную песнь» диакон, взяв рипиду, опахал ею над Святыми Дарами.

Далее «Достойно есть», поминовение и ектения. «Отче наш» в это время по практике Греческой Церкви читали.

После возгласа «Благодатию и щедротами», священник воздевал руки и читал «Господи, устне мои отверзеши, и уста моя». Кроме молитвы «Вонми, Господи Иисусе», читались еще несколько коротких молитв.

При раздроблении Агнца к положенным ныне словам добавлялись еще два возгласа. Вообще количество молитв во время причащения священнослужителей было больше. Из других особенностей нужно заметить, что младший, если служило несколько священников, приобщался от старшего священника, а затем, приняв чашу, приобщал остальных священников и диаконов. Части Агнца также раздавал младший священник. Диакон, приступая к чаше, не произносил никаких слов.

Миряне, подходя к Святым Тайнам, читали «Твоих даров нас достойны сотвори» или «Се приступаю к Божественному причащению». Подойдя к самой чаше, целовали висевший на груди крест со словами «Спаси мя, Христе Спасе, силою крестною» и «Иже не верует сице, да есть анафема, яко хлеб в Тайных от нас ядомый не образ есть Господня плоти». Молитвы «Верую, Господи, и исповедую» не было.

После возгласа «Спаси Боже люди Твоя» «Видехом свет истинный» не пели, но

иногда пели «Εἰς πολλὰ ἔτη». Возглас «Всегда, ныне и присно» предварялся словами «Благословен Бог наш, просвещая и освящая всех нас, Того благодатию и человеколюбием». Возглас «С миром изыдем» произносил диакон.

За возгласом «Благословение Господне на вас», следовал возглас «Молитвами Пречистыя Ти Матери и всех святых, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас» и обычный отпуст.

Литургия Василия Великого в XVI тоже имела свои отличия от Литургии Иоанна Златоустого. Они касались входных молитв, молитв во время пения «Иже Херувимы», по перенесении Святых Даров и заамвонной молитвы. В момент предложения Даров, после слов «Иже в чаши сей – самая Честная Кровь Бога и Спаса нашего Иисуса Христа», диакон говорит «Аминь», а священник заканчивает: «Излиянная за мирский живот».

Литургия Преждеосвященных Даров предварялась вечерней и начиналась литургийным возгласом, произносимым при открытых Царских дверях, которые оставались открытыми или до пения «Господи, воззвах», или до чтения второй паремии вечерни. Остальное последование не представляет заметных особенностей.

Чинопоследования таинств к XVI веку все еще не приобрели окончательного характера и продолжали свое формирование. В основном памятники приводят последования, сходные с предшествующим временем, с внесением некоторых изменений, которых мы и коснемся. Именно с этим связано большое количество списков, содержащих различающиеся друг от друга чинопоследования.

Таинства крещения и миропомазания. Крещение совершалось перед Литургией. Количество и содержание молитв, читаемых в день рождения младенца, было различным, что объясняется влиянием практики Греческой и славянских Церквей. Не отличалось однообразием и количество молитв на наречение имени младенца в восьмой день.

Перед чтением огласительных молитв священник троекратно дул на чело, уста и грудь крещаемого.

Перед началом таинства крещения священник совершал вокруг купели каждение и, взяв горящую свечу, трижды благословлял ею воду. Мирная ектения была более короткой, чем сейчас.

После помазания священником частей тела крещаемого елеем диакон или прислуживающий помазывал все тело.

Затем совершалось крещение младенца через погружение, миропомазание и воцерковление.

В восьмой день совершалось последование «во еже омыти крестившагося», так как омовение совершалось не во время основного последования, как это делается ныне.

Исповедь. По замечанию А.А. Дмитриевского, «ни один из богослужебных чинов XVI века не отличается таким обилием списков и удивительным в них разнообразием особенностей, как чин исповеди» [18, с. 322]. Основу чина составляют начальные молитвы, 50-й псалом и молитвы самого таинства, которые иногда чередовались с псалмами, и самой исповедью. Перед началом исповеди

священник совершать елеосвящение не мог. Чин елеосвящения делился на три части. Первая часть совпадала с первой частью сокращенного иерусалимского чина XIV-XV веков (см. выше), только после тропарей «Помилуй нас, Господи» следовала сугубая ектения, состоящая из двух прошений. Этим оканчивалась первая часть.

Вторая часть, если было утро, следовала непосредственно за первой. После обычного начала читали псалмы 50-й, 90-й и Символ веры. Пели семь стихир (иногда с богородичными). Затем молитва, во время чтения которой священник наливал в «кадильницу» масло. Пели более 32 тропарей святым и тропарей и кондаков покаянных. Вслед за этим старший священник просит у всех прощения и читает молитву, которая и заканчивает вторую часть.

Третья часть начиналась литургийным возгласом. За ним произносилась великая ектения с особыми прошениями. После возгласа читались Апостол и Евангелие, за которыми следовала сугубая ектения и молитва. Священник возжигал свечильце и, произнося молитву «Отче Святый, Врачу душам и телесем», помазывал болящего. Таким образом повторялось семь раз. К седьмой молитве присоединялась молитва «Боже, Спасителю наш, иже пророком Твоим Нафаном». После этого священник раскрывал Евангелие над головой болящего и читал молитву. Затем пели стихиры, и произносилась сугубая ектения, во время которой читалась молитва прилежного моления. После возгласа и молитвы «Владыко Многомилостиве» следовал отпуст, которым и оканчивался чин елеосвящения.

Службы по Постной и Цветной Триодям тоже представляют ряд особенностей. Сами книги тоже несколько различались по делению. Триодь Постная содержала в себе службы от недели мытаря и фарисея до пятницы шестой седмицы включительно, а службы с Лазаревой субботы до недели всех святых составляли содержание Цветной Триоди.

«Покаяния отверзи ми двери» в подготовительные недели не пели, только после «Молитвами Богородицы» пели стихире «Множества содеянных ми зол». В неделю сыропустную начинали уже петь «Покаяния отверзи ми двери».

В среду и пятницу первой седмицы на утрени по прочтении «Благо есть» пели стихире и произносили сугубую ектению за умерших. В пятницу также совершался обряд прощения, как и в прощенное воскресенье.

На второй, четвертой и пятой неделях поста память святителя Григория Паламы, преподобного Иоанна Лествичника и преподобной Марии Египетской не совершалась.

С понедельника шестой седмицы начинали читать Четвероевангелие. На девятом часу Евангелие читал диакон.

На утрени в Великий Понедельник, Вторник, Среду и Четверток Евангелия не читали. В Великий Четверток на проскомидии по левую сторону от Агнца ставилась Богородичная просфора, которая двенадцать раз возносилась на Литургии. Омовение ног совершалось не только в кафедральных храмах, но и в монастырях.

В Великий Пяток вечерня служилась при открытых царских вратах. Евангелие священник читал в царских вратах. По «Ныне отпускаеши» пели только тропарь «Благообразный Иосиф», но с окончанием «Но воскрес в третий день, Спасе, даруя

мирови велию милость». О выносе Плащаницы не упоминается.

В Великую Субботу на утрени пели те же тропари, что и ныне, но также с добавленными окончаниями. После тропарей пели «Непорочны» с припевами. После Великого славословия совершали вход с Евангелием. С этого времени в некоторых монастырских обиходниках встречаются упоминания о входе с Евангелием и «воздухом», которое совершалось при пении «Трисвятого». Однако вход был не на середину храма, а в алтарь. «Воздух» полагался на престоле и оставался там до недели Фоминой. После отпуста священнослужители в облачениях выходили из алтаря на середину храма, где лежала «икона поклонная», на которой было изображено снятие со Креста и положение в гроб тела Христа, и, при пении стихир «Приидите, ублажим», совершали поклонение.

На Пасху крестного хода вокруг храма не было, а исходили в притвор и там, при закрытых дверях, начиналась утренья. Все песни канона начинались священником в алтаре. Во время пения стихир на хвалитех Царские врата закрывались и священнослужители в алтаре христосовались. При пении тропаря «Христос воскрес», после стихир Пасхи, все священнослужители выходили из алтаря с иконами, Евангелием и крестом и христосовались с народом.

Пасхальное Евангелие священник читал по отделам, стоя за престолом лицом на запад. Прочитанный отдел повторял диакон, стоя на солее.

В Светлый Понедельник, Среду и Пяток после окончания утрени совершали крестный ход.

В понедельник и вторник Фоминой седмицы служили панихиды. В субботу, возможно, было поминовение усопших, так как на Литургии положены заупокойные чтения.

Стихиры на стиховне во все воскресные дни пели дня, а не Пасхи. На отдание Пасхи начало служб обычное. На Литургии все пасхальное. Вместо «Трисвятого» – «Елицы во Христа креститесь».

В субботы на Литургии накануне Пятидесятницы и недели всех святых – заупокойные чтения.

На вечерне в день Пятидесятницы произносилась особая ектения, содержащая 26 особых прошений.

Реформаторы богослужения XVII века. История пассии

Своей литургической деятельностью в этом столетии отличился патриарх Никон, при котором была осуществлена правка богослужебных книг. Движение по исправлению богослужебных книг началось со Стоглавого собора и продолжалось вплоть до середины XVII столетия. Книги исправлялись исключительно по славянским рукописям, которые содержали к тому времени множество ошибок. Доверия к греческим рукописям не было, так как считали, что они утратили чистоту православия. Еще при патриархе Иосифе на ошибки в богослужебных книгах указывал приехавший в Москву иерусалимский патриарх Паисий. На Восток был отправлен келарь Троицкой обители Арсений Суханов, знавший греческий язык. Он был из числа тех, кто не доверял греческому православию. Вернувшись в 1653 году, Арсений предоставил царю и новому патриарху Никону «Проскинитарии» –

записки о своем путешествии, где он, вместо отчета о греческих уставах, описал практику греческой обрядности. Из второго путешествия Арсений привез около пятисот древних греческих богослужебных книг. Около двухсот книг прислали восточные иерархи [22, с. 286-288].

Были исправлены Служебник, Требник, Постная и Цветная Триоди, Минеи и ряд других книг. Были подвергнуты исправлению и некоторые обрядовые стороны, несогласные с практикой восточных церквей, что вызвало недовольство некоторых священнослужителей и привело к расколу. Причиной раскола стало то, что «обрядовые изменения середины XVII века проводились резко (по указу церковных властей) и не предусматривался период адаптации (то есть период одновременного существования старого и нового)» [34, с. 78].

Своей литургической деятельностью в XVII веке известен также Киевский митрополит Петр Могила (1596-1647). Он пересмотрел Требник, особенно молебные пения, и придал им стройную песенную структуру. Во многом благодаря его трудам чинопоследования Требника приобрели единообразие, которого не наблюдалось в предшествующие времена.

С деятельностью митрополита Петра Могилы связано и введение в богослужебную практику неуставной службы пассии. Он, будучи еще архимандритом Киево-Печерской Лавры, внес на рассмотрение Киевского собора 1629 года вопрос о введении чинопоследования пассии в богослужебную практику [32, с. 4]. В 1632 году он, став митрополитом, начал деятельность по распространению пассии на юго-западе Руси. Первоначальное чинопоследование пассии составил он сам.

«В 1702 году чин пассии впервые был напечатан, по распоряжению архимандрита Киево-Печерской Лавры Иоасафа Кроковского, как прибавление к Цветной Триоди. В конце описания чина было сказано: «Сия вся воспоминаются по совету, а не по повелению, яже вся под разсуждение Церкви Святыя Православныя подаются» [37, с.56].

Согласно данному последованию, пассия совершается в чине малого повечерия. После молитв «Нескверная, Неблазная...», «И даждь нам, Владыко...» хор поет на «Слава, и ныне» стихиру Великого Пятка – «Тебе, одеющагося светом, яко ризою...»; в это время открываются Царские врата, выносятся на середину храма и полагается на аналое Святое Евангелие, совершается полное каждение храма. По окончании стихиры читается положенное Евангелие. По прочтении Евангелия – стихира Великой Субботы «Приидите, ублажим Иосифа приснопамятнаго...» Затем произносится проповедь, после которой – тропари «Помилуй нас, Господи...», возглас «Слава Тебе, Христе Боже...» и обычное окончание малого повечерия.

Протоиерей Константин Никольский в своем «Пособии к изучению Устава богослужения Православной Церкви» говорит, что первоначально пассии приурочивались к первым четырём пятницам Великого поста и совершались в вечер этих пятниц [30, с.585].

Вплоть до начала XX века пассии использовались только в богослужебной практике малороссийских епархий. В первой четверти XX века пассия получает широкое распространение и в других епархиях Русской Православной Церкви.

В современной богослужебной практике получил распространение обычай совершать павсии в вечер четырех воскресных дней Великого поста, начиная с недели Григория Паламы, в конце великой вечерни. Чин павсии совершается чаще всего по установившемуся местному обычаю.

Прегращение развития богослужения. Оформление Типикона. Кризис устава

В XVII веке закончилось формирование устава богослужения. К 1610 году относится первое русское печатное издание Типикона Иерусалимского устава. Он был официально исправлен по ряду рукописей, несмотря на это, в нем было допущено множество ошибок, и патриарх Филарет в 1633 году повелел сжечь его.

«Современная русская редакция Типикона восходит к изданию Типикона при Патриархе Московском Иоакиме в 1682 году. Следуя греческим уставам этого времени, в этом издании Типикона правщики «под числом» в месяцесловной части оставили лишь в большинстве случаев службы святым вселенским, а службы многим русским святым вынесли «за число», с отдельным оглавлением: «В той же день» (так и в современном нашем Типиконе и Минеях месячных)» [29, с. 18]. В Типиконах предыдущих изданий те и другие службы сочетались вместе под одним числом, с преобладанием при этом иногда песнопений русскому святому. Кроме того, из месяцеслова было исключено до 50 памятней святых, празднование которым было установлено на русских соборах.

Последняя редакция русского Типикона была осуществлена в 1695 году при Патриархе Московском Адриане. Она отличается от иоакимовского Типикона дальнейшим пересмотром месяцесловной части и согласованием ее с исправленными к тому времени Минеями месячными. Дальнейшие издания ограничивались небольшими изменениями в тексте и корректурными поправками.

Концу XVII века богослужение пришло к тому единообразию, которое хотели установить отцы Стоглавого собора. Залогом этого единообразия стало введение в богослужебное использование единого для всех Типикона. Однако введение этого единообразия фактически означало прекращение развития богослужения. Это был кризис устава, так как развитие устава – одна из его важнейших характеристик.

Особенно сильно кризис устава проявился в последующие два столетия, когда существующая практика стала разниться от предписанных указаний. «Богослужение Русской Церкви в XVIII-XIX веках не подвергалось каким-либо специальным преобразованиям, в этот период сохранялись особенности, сложившиеся к концу XVII века. В целом в XVIII-XIX веках богослужение изменялось в сторону упрощения и унификации своего строя и ослабления значения различных местных традиций» [21, с. 508].

К XX веку богослужение фактически совершалось по новому неписанному уставу. Типикон постепенно превратился из живого описания богослужения в памятник церковной письменности. Профессор Дмитриевский в конце XIX века писал по этому поводу: «Неподвижность и устойчивость Типикона наших дней есть первый его недостаток, как книги руководящей. Тем же качествам наш Типикон обязан тем обстоятельством, что он находится в противоречии с действующей

практикой и порождает недоумения у нашего духовенства и противоречия в распоряжениях епархиальной власти» [19, с. 561].

Попытки реформы богослужения в начале XX века

В первой четверти XX века в Русской Церкви шло движение по упорядочению церковной жизни. Многие иерархи активно высказывались за проведение реформ. В ходе открывшейся церковно-общественной дискуссии активно обсуждались, среди прочих, и литургические вопросы. При этом высказывались самые различные, порой полярно противоположные точки зрения.

Вопрос о внесении изменений в действующий богослужебный устав был поставлен на повестку дня уже в «Отзывах епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе».

Епископ Минский Михаил (Темнорусов) обосновывал возможность изменения устава историей его постепенного формирования: «Не в одно время явился весь состав нынешнего богослужения. Напротив, наше богослужение потерпело много изменений: из несложных молитв, чинов и обрядов времен апостольских оно через постепенный наслоения и прибавки явилось в настоящем сложном и многосоставном виде, рассчитанном на много часов» [3, с. 80].

В докладе епископа Иоанникия (Казанского) «О желательной постановке миссионерского дела...» говорилось: «Древняя Церковь не смотрела на богослужение как на что-то неподвижное, догматически-неизменное. Церковь в лучшие времена своей жизни пользовалась широким правом изменять богослужение. Наш церковный устав особенно нуждается в изменении, как приспособленный для монахов, но никак не для мирян» [3, с. 388].

Епископ Астраханский Георгий (Орлов) также считал пересмотр церковного устава необходимым: «Эта священная книга, предназначенная регулировать формы и порядок церковного богослужения, не подвергается никаким изменениям с 1682 года, и за этот продолжительный срок неподвижности успела приобрести в глазах ревнителей благочестия характер чего-то вечного, догматически неизменного; но именно вследствие этого устав перестает быть регулятором церковной жизни: церковная практика развивается помимо устава. Устав мало-помалу превращается в исторический памятник, а богослужебная практика, теряя под собою почву, постепенно вступает на шаткий и опасный путь произвола; но произвола в церковной жизни быть не должно: все в Церкви, и особенно богослужение, должно совершаться по известному порядку, авторизованному властью Церкви. Поэтому, если церковный устав устарел, если некоторые его требования уже не исполняются, если уставный строй рассчитан на монастырскую жизнь, то необходимо реформировать устав и приспособить его к законным запросам верующего мирянина. Тогда устав может сделаться снова жизненным руководителем церковной жизни; требования духовного начальства следовать уставу будут не пустым звуком, а совершенно жизненными и удобоисполнимыми; а церковно-богослужебная практика, несомненно, приобретет устойчивость и однообразие. Реформа устава находится в полном согласии с предыдущей деятельностью церкви в этом направлении» [3, с. 374].

Однако не все были согласны с тем, чтобы изменить существующий устав.

Основной причиной была боязнь нового раскола несогласных с этими изменениями. Например, Архимандрит Фаддей (Успенский), ректор Олонецкой Духовной Семинарии, писал: «Зачем насильственно стеснять порывы духа <...> Ведь еще и теперь есть много людей, которые никак не могут примириться с сокращением богослужебного чина, не только среди монахов, но и благочестивых мирян. Не предпочитают ли и теперь подобные миряне тех священников и те храмы, где службы идут по уставу церковному, без искажений? Не отделятся ли от Церкви новые «старообрядцы», которые не в состоянии будут перенести искажение богослужебных книг? Не установится ли лишняя преграда между Церковью и прежними старообрядцами? Кроме того, по самому существу дела, ведь нельзя создать одного определенного устава для приходских церквей: ведь один приход состоит из ревнителей благочестия, благолепных служб, в иной храм ходят люди, занятые житейскими делами и не имеющие времени на долгие службы или люди, тяготящиеся такими службами; иные церкви назначены для малолетних детей и т.п. Придется создавать несколько уставов. Да если бы и создан был один общий сокращенный устав или несколько, произвол не прекратился бы; слишком уже вкоренился произвол в совершителей богослужения, чтобы они беспрекословно подчинились новому уставу и перестали допускать в нем сокращения» [4, с. 371].

Большая часть отзывов призывала не к полному пересмотру устава, а к введению некоторых уставных норм, которые сократят произвол бесконтрольных и часто безграмотных сокращений. Свои суждения по этому поводу высказал епископ Смоленский Петр (Другов): «Ни для кого не тайна, что богослужебный устав истово исполняется только в немногих, почти единичных обителях; в остальных же монастырях и приходских храмах ни в чем так не выражается ярко воля настоятеля, как в нарушении устава, – воля, переходящая в совершенный произвол, вследствие чего чин богослужения, не говоря об утрате глубокого содержания, одухотворенного единством мысли и идеи и выраженного в пластических формах, предлагается молящимся в уродливом виде. <...> Церковь обязана принять меры к пресечению грубого искажения по произволу церковного устава. Посему предстоящему Собору необходимо <...> выработать такую обязательную норму церковных повседневных богослужений для приходских храмов, которая, сохраняя в себе всю полноту и глубину содержания, в то же время соответствовала бы условиям современной жизни и ее нуждам и удовлетворяла религиозные чувства и потребности чад Церкви Православной» [4, с. 195].

Затрагивался вопрос расхождения в содержании существующих богослужебных текстов и времени совершения богослужения. Архиепископ Ярославский Иаков (Пятницкий) писал в своем отзыве: «Необходимы известные границы, переступить которые считалось бы непозволительным. В самом деле, можно ли при каких угодно обстоятельствах примириться с совершением Литургии Преждеосвященных Даров в 6 или 7 часов утра при пении «Да исправится молитва моя» и проч.? Нечто подобное представляют из себя наши всеночные, на которых еще при последних, а иногда даже и не последних лучах заходящего солнца чтец уже при чтении шестопсалмия возглашает: Аз уснух и спаш, восстах... Боже, Боже мой, к Тебе утреннюю... поминах Тя на постели моей, на утренних поучахся в Тя... утро молитва

моя предварит Тя... слышану сотвори мне заутра милость Твою. Потом священник возглашает: Слава Тебе, показавшему нам свет, и, наконец, диакон приглашает: Исполним утреннюю молитву нашу» [4, с. 1002].

Предлагаемые варианты были самые разные: от предложения совершать вечерню и утреню в свое время, отменяя тем самым воскресные и праздничные всенощные бдения, до опущения несоответствующих слов и фраз в ектениях и молитвах.

Рассматривалась проблема богослужебного языка. Здесь также предлагались самые разнообразные варианты: от крайнего – совершать богослужение на русском языке, до самого умеренного – адаптировать богослужебные тексты для понимания, заменив некоторые слова, выражения и синтаксис.

Предсоборный Совет начал свою работу 15 июня 1917 года. Выслушав некоторые доклады заседателей, и приняв во внимание состоявшуюся дискуссию, члены Совета одобрили следующие тезисы для соответствующего отдела Поместного Собора:

- Желательно нормировать богослужение русской Церкви, в целях его единообразия.
- Желательны некоторые сокращения богослужения, вызываемые условиями жизни.
- Желательно подразделение в этом отношении церковей: а) соборных, б) приходских (городских и сельских) и в) домовых.
- Просить Поместный Собор Русской Церкви образовать Особую комиссию для работ по сокращению богослужения в целях единообразия (сокращение ненужных концертов, искусственных привнесений в богослужение, ектений, кафизм и др.; неизменяемые части богослужения и части богослужения, в которых изображается праздник, не сокращаются).
- По условиям жизни и желанию прихожан время совершения богослужения устанавливается не в одни часы [11, с. 302].

В соответствии с предложениями Предсоборного Совета было решено создать подотдел «О богослужебном уставе и упорядочении богослужения». Подотдел работал около месяца. Среди заседателей подотдела обозначились два противоположных течения: за неприкосновенность устава и за выработку определенного сокращенного, но обязательного для исполнения уставного порядка.

Итогом работы подотдела стали следующие тезисы:

- «Ныне действующий богослужебный устав слагался на протяжении почти четырнадцати веков истории христианской церкви. Отражая в себе богослужебные порядки разных эпох и различных местностей, современный Типикон есть, однако, устав по существу монастырский. Как таковой, он является наиболее исчерпывающей по полноте богослужебной нормой, как бы стремящейся осуществить во внешней обстановке апостольскую заповедь о непрестанной молитве.
- Как норма идеальная, устав не всегда и не везде может быть выполняем во всех своих подробностях.
- Монастыри неуклонно следуют действующему уставу во всей полноте, так

как владеют наличием средств к этому. Уставное, в собственном смысле монастырское богослужение соответствует главной и изначальной задаче иночества – пребывать в непрестанном молитвенном подвиге, даст почувствовать сладость этого подвига и приходящим в монастырь мирянам и явиться чрез то самым величайшим миссионерским средством.

- В собственно приходских храмах устав сообразно средствам выполняется с сокращениями.

- Поместный Собор полномочен произвести пересмотр устава в видах применения его к средствам приходских храмов. Для сей цели Собором учреждается особая комиссия.

- Настоящим Собором подобное деяние выполнено быть не может. Но для упорядочения богослужебной практики Поместный Собор издает определение, в коем а) напоминает чадам Православной Церкви великое значение богослужебного устава; б) обличает те беспорядки, которые вызваны небрежением к нему; в) преподает руководственные указания, дающие обязательный для приходских храмов уставный минимум.

- Для домовых церквей возможно преподать особые указания.

- Наряду с этим принимаются меры к оживлению нашего богослужения, между прочим, и участием в нем молящихся» [11, с. 305].

Эти тезисы были оглашены на общем собрании отдела о богослужении, проповедничестве и храме, в который записались 134 человека [7, с. 46]. К этому же заседанию отдел подготовил три доклада по уставным вопросам: а) доклад профессора Б.А. Тураева, б) доклад профессора И.А. Карабинова и в) доклад профессора свящ. Василия Прилуцкого.

Профессор Тураев в своем докладе представил проект руководственных указаний по возможному сокращению уставных требований, при сохранении полноты богослужения.

Профессор Карабинов представил историческую справку о происхождении и развитии действующего у нас богослужебного устава. В своем докладе он стремился показать несостоятельность мнения о чисто монашеском происхождении устава, указывая на составные части служб, заимствованные из обычаев соборных храмов Гроба Господня и Великой Церкви.

В докладе священника Василия Прилуцкого речь шла о нарушениях устава в богослужебной практике русских храмов.

После обсуждения представленных отделу тезисов и выслушанных докладов, председатель отдела архиепископ Евлогий представил членам отдела тезисы для доклада Собору:

I. Рядовое богослужение.

A.1. Заповеданный нашим Церковным Уставом богослужебный строй хотя и образовался в окончательном виде в монастырях православного Востока, но его основой послужили богослужебные обычаи соборных храмов Иерусалима и Константинополя, вследствие чего этот Устав не может быть признан чисто монашеским произведением.

2. Как свод богослужебных преданий двух важнейших Церквей православного

Востока и как произведение многовекового богослужебного опыта, действующий Церковный Устав должен быть сохраняем в качестве высшей нормы нашего богослужения.

3. Во всей своей полноте Церковный Устав является трудноисполнимым.

4. Наши монастыри должны по возможности строго соблюдать уставной порядок богослужения с дозволением заменять для тропарей канонов, а также для кафизм пение чтением по принятому обычаю.

5. Что касается мирских храмов, то Церковный Собор, отнюдь не одобряя каких-либо сокращений в Уставе, но снисходя к немощи молящихся и к условиям современной жизни, а также основываясь на истории Устава, знающей случаи смягчения уставных требований, равно как ввиду разрешения самого Устава при некоторых обстоятельствах сокращать богослужение, может допустить известные послабления уставных требований.

6. Для упорядочения рядового богослужения в приходских храмах предлагается:

а) Не допускать замены положенного по Уставу произвольными вставками, например, кафизм акафистами или проповедью, житийных стихир концертом и т.п.

б) Псалтирь стихословить в объеме не менее одной «Славы» вместо целой кафизмы. В церквах, где службы не совершаются ежедневно, возможно последовательное чтение всей Псалтири по «славам» без отношения к седмичному расписанию стихословия. Во дни великих праздников рядовое стихословие можно заменить чтением или (антифонным) пением особых праздничных псалмов.

в) Чтение шестопсалмия не должно быть сокращаемо; не подобает опускать 50-й псалом и хвалитные псалмы на утрени.

г) Песнопения Триодей и великих праздников должны исполняться без пропусков, хотя бы и без повторений. Во дни воскресные, будничные и в меньшие праздники из стихир на «Господи, воззвах», стиховных, литийных, хвалитных должно петь не менее половины положенных как из Октоиха, так и из Минеи. Отнюдь не должна опускаться на воскресной утрене стихира евангельская, воскресные, тропари по непорочных не должны сокращаться. Должно быть восстановлено уставное пение тропарей, кондаков, степенн и седальнов. Из каждой песни канона должно читать не менее четырех тропарей, хотя бы по одному из каждого канона.

7. В первой части Литургии без всякого сокращения надлежит исполнять антифоны Господских праздников, антифоны изобразительные (при невозможности пропеть оба псалма полностью следует читать их), повседневные (в положенные дни) и блаженны со стихами к ним; по входе полностью и в уставном порядке петь тропари и кондаки; строго соблюдать уставное количество апостольских и евангельских зачал на литургии; восстановить пение «аллилуиа» по Уставу на гласы аллилуариев с выразительным исполнением последних. Отнюдь не допускается служение полной литургии в неположенные дни св. Четырдесятницы.

8. Богослужение в кафедральных соборах и храмах при духовных учебных заведениях приближается к монастырскому, в домовых – к приходскому.

Б. Богослужение внерядовое или частное.

9. Совершение последований частного богослужения, в особенности Таинств, должно быть истовым, благолепным и по возможности должно соединяться со

службами рядового круга, главным образом с Литургией.

10. Крещение совершается или в храме, или в нарочито устроенных помещениях (крещальнях). В случае совершения крещения в частном доме (что допустимо лишь в самых исключительных случаях) для сего надлежит избрать самую лучшую из комнат.

При совершении крещения надлежит каждый раз освящать воду по указанному в Требнике чину. Замена этого водоосвящения добавлением в купель св. богоявленской воды, безусловно, запрещается.

Священник всякий раз поучает восприемников о важности и ответственности принимаемого ими на себя долга.

Крещение совершается по правилам Святой Православной Церкви трехпогружательно. Поливательное крещение допускается лишь в самых исключительных случаях «страха ради смертного» в отношении крещаемого младенца.

При публичном совершении крещения (пред литургией в праздники) священник поучает молящихся, объясняя обряды Таинства.

11. Исповедь есть главнейшее средство пастырского воздействия и должна совершаться с особой тщательностью. При массовом стечении желающих причаститься Святых Таин, когда нет возможности совершать для каждого в отдельности чин исповеди (например, в войсках во время походов), допускается так называемая общая исповедь, но с восполнением ее для каждого исповедующегося частною исповедью, состоящею из вопросов о наиболее тяжких грехах, лежащих на совести кающегося, и с прочтением для каждого исповедника разрешительной молитвы и наложением епитимий.

12. Таинство Брака надлежит совершать по возможности сразу после Литургии; священнику надлежит располагать брачующихся приступить пред венчанием к причастию Святых Таин. По окончании бракосочетания священник поучает брачующихся словом назидания.

13. Отпевание должно совершаться согласно с изложенным в Требнике чином (замена указанных в Требнике припевов на 17-й кафизме припевами из чина панихиды, а также пение трех песней канона вместо девяти не допускается).

Отпевание совершается над каждым православным христианином, в вере скончавшимся; замена отпевания обрядом так называемого «печатания» могилы с совершением чина погребения спустя некоторое время после зарытия тела в землю не допускается.

При следовании погребальной процессии кресты, иконы и другие святыни носят с подобающим благолепием и таким же образом возвращаются в церковь.

14. Служение молебнов по просьбе отдельных лиц должно быть благочинным, согласно с положенными в Часослове последованиями общего молебна. Соединение молебных канонов более чем четырьмя святым не допускается. При обхождении прихожан с праздничным молитвословием, за невозможностью совершать в каждом доме полный молебен, допускается совершение краткого моления по такому чину: начальный возглас, тропарь и кондак празднику или святому, ирмос 9-й песни с припевом (в двенадцатые праздники) или «Достойно есть» (в день памяти чтимых

святых), сугубая ектения и отпуст.

II. Меры к упорядочению богослужения.

15. Существующая при Святейшем Синоде Комиссия для исправления богослужебных книг преобразуется в постоянное учреждение, которое, кроме книжного исправления, должно вообще ведать богослужением и решать все относящиеся к нему вопросы.

16. При исправлении богослужебных книг в ближайшую очередь следует пересмотреть текст нашего Типика, так как последнее его исправление было произведено еще в конце XVII в.; при этом пересмотре необходимо предписания о службе русским святым изложить совместно со службами святым вселенским и вставить устав о выносе Плащаницы.

17. Наряду со славянским Типиконом следует издать русский перевод с более полным ясным и общедоступным изложением уставных предписаний, снабженный предисловием, раскрывающим историю и значение Церковного Устава.

18. При новом издании богослужебного Евангелия необходимо соединить вместе и исправить уставные статьи о евангельских чтениях и таблицы этих чтений так, чтобы рядовое чтение Св. Евангелия от Луки непременно начиналось с понедельника седмицы по Воздвижению.

19. В новом издании Минеи службы русским святым следует изложить в соответствии с правленным Уставом.

20. При исправлении и редактировании Служебника образованная согласно параграфу 15 Комиссия располагает в чинах Литургии тайные молитвы так, чтобы они стояли непосредственно перед возгласами, являющимися заключением молитв.

Возгласение: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны» должно быть опущено.

Для поминовения на великом выходе взамен бывших следует напечатать такие поминальные формулы: «Всех вас да помянет Господь Бог во Царствии Своем всегда, ныне и присно и во веки веков» (для диакона) «Да помянет Господь Бог всех вас во Царствии Своем всегда, ныне и присно и во веки веков» (для священника).

Евхаристический канон следует напечатать с такой расстановкой знаков препинания, которая ясно обозначила бы грамматическое отношение возгласений к читаемым тайно молитвам, причем вводные часто диаконские «напоминания» должны печататься мелким шрифтом.

Тропарь 3-го часа: «Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа» печатается также мелким шрифтом и ставится перед словами: «еще приносим Ти словесную и безкровную службу и просим и молим» (в Литургии Василия Великого пред словами «Сего ради, Владыко»).

21. В отношении к Требнику Комиссия, кроме исправления отдельных выражений в молитвах и замены малопонятных речений более понятными, должна еще заняться составлением некоторых новых чинопоследований, вызываемых потребностями современной жизни, а также составить особый чин на погребение диаконов. В книгу молебных пений должен быть внесен новосоставленный чин молебного пения при открытии Всероссийского Церковного Собора и особое новогоднее молебствие.

22. Всякое богослужбное чтение должно совершаться на середине храма, на особом возвышении. Чтение Евангелия допускается лицом к народу.

23. Необходимо принять всевозможные меры к тому, чтобы совершители богослужения знали Церковный Устав; для этого, между прочим, следует поднять преподавание науки о богослужении в Духовных школах, а также озаботиться изданием ежегодников, дающих все нужные уставные указания на каждый богослужебный день.

24. Для привлечения внимания молящихся к богослужению и вообще для поддержания в них сознательного отношения к последнему необходимо издание всякого рода популярных книжек с богослужебными текстами, их переводом, изъяснениями и т. п.

25. Собор обращается с особым посланием к совершителям богослужения, в котором он, с одной стороны, призывая благословение Божие на усердных и истовых его исполнителей, с другой должен призвать всех к точному соблюдению настоящих постановлений» [23].

После обсуждения эти тезисы были утверждены и включены в доклад «Об упорядочении богослужения». Было решено представить доклад Собору. Однако члены Соборного Совета совместно со Святейшим Патриархом после ознакомления с докладом решили направить его на рассмотрение Епископского совещания, которое решило не выносить его на соборное рассмотрение, а разослать епархиальным архиереям для приблизительного руководства по вопросам сокращения устава.

Это постановление не было исполнено, и Соборный Совет передал доклад на рассмотрение Патриарха и Синода, которые согласились с решением Епископского совещания. Дальнейшая судьба доклада неизвестна.

После революции исчезла всякая возможность реформы богослужения. Вопросы остались нерешенными, а их актуальность была прикрыта вопросами положения Церкви в Советском государстве. Сегодня эти вопросы вновь возвращаются и постепенно приобретают все большую актуальность. На архиерейском соборе 1994 года было определено: «Поручить Синодальной комиссии по богослужению продолжить начатые, но не завершённые Поместным Собором 1917-1918 годов труды по упорядочению богослужебной практики» [1, с. 13]. В настоящее время Синодальная богослужебная комиссия ведет порученную ей работу. Хочется надеяться, что в ближайшее десятилетие эта работа даст свои результаты.

Итак, в продолжение своей истории в богослужебной практике Русской Церкви Иерусалимский устав продолжил свое развитие. Он пришел к нам в период прочно сложившихся богослужебных традиций. Происходит изменение первоначального Иерусалимского устава в пользу русской богослужебной практики. Это приводит к появлению монастырских обиходников.

С Малороссии к нам приходит неуставная служба псалтири, которая не нашла до сих пор отражения в Типиконах. Также в Типиконе отсутствуют указания о действиях с Плащаницей.

В середине XVII века в Русской Церкви произошел литургический кризис, и развитие богослужебного устава прекратилось. Типикон к концу XIX века оказался

неспособным регулировать богослужебную жизнь, и требовался пересмотр его. Попытки этого были сделаны в начале XX века.

В первой четверти XX века шло активное движение за упорядочение богослужения. Предлагались решения различных вопросов касающихся пересмотра существующего порядка богослужения, богослужебного языка, богослужебных книг.

Эти вопросы обсуждались на Предсоборном Совете, в подотделе и богослужебном отделе Поместного Собора 1917-1918 годов. Принятые решения в силу обстоятельств не были реализованы в жизни и оказались забыты на десятилетия. Только в конце XX века стали вновь обсуждаться возможности претворения их в жизнь.

Список использованных источников

1. Архиерейский собор Русской Православной Церкви (29 ноября-2 декабря 1994 г.). Документы. – М.: Моск. Патр., изд. дом «Хроника», 1994. – 39 с.
2. Библиотека литературы Древней Руси / под редакцией Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Понырко. – СПб.: Наука, 1997.– Т.1: XI-XII века. – 542 С.
3. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. – М.: Изд. Крутицкого Патриаршего подворья, 2004. – часть 1. – 1031 с.
4. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. – М.: Изд. Крутицкого Патриаршего подворья, 2004. – часть 2. – 1031 с.
5. Кравецкий А.Г. Проблемы Типикона на Поместном Соборе (1917-1918 г.) // www.lestovka.ru/literat.htm (27. 04. 2005 г.).
6. Повесть временных лет: подготовка текста, перевод, статьи и комментарии А.С. Лихачева / под редакцией В.П. Адриановой-Перетц. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Наука, 1996. – 667 с.
7. Правила святых Поместных Соборов с толкованиями. – М.: Паломник, Сибирская благовозвонница, 2000. – 875 с.
8. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. Обзор деяний / Составители: А.Г. Кравецкий, А.А. Плетнева, Гизела-Афанасия Шредер, Гюнтер Шульц. – М.: Изд. Крутицкого Патриаршего подворья, 2002. – Первая сессия. – 458 с.
9. Стоглав. – Казань: Тип. губернского правления, 1862. – 458 с.

Список использованной литературы

10. Алмазов А. История чинопоследований крещения и миропомазания.– Казань: Тип. имп. ун-та, 1884. – 686 с.
11. Арранц М. История Типикона. – Ленинград: Ленинград. Дух. Акад., 1978. – 110 с.
12. Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. – М., 2001. – 507 с.
13. Венедикт (Алентов), иером. К истории православного богослужения: историко-литургическое и археологическое исследование о чине таинства елеосвящения. – Киев: Изд. имени святителя Льва, папы Римского, 2004. – 616 с.
14. Георгиевский Г. Праздничные службы и церковные торжества в старой Москве. – М.: Тип. товарищества И.Д. Сытина, 1896. – 319 с.
15. Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской Церкви. – Сергиев Посад: 2-я тип. А.И. Снегиревой, 1894. – 264 с.
16. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. – Репринт. изд. – М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1997. – Т.1: период первый, Киевский или домонгольский. – 926 с.
17. Дяковский Е.П. Последование часов и изобразительных: историческое исследование. – Киев:

- Тип. Е.Г. Мейнандера, 1913. – 362 с.
18. Дмитриевский А.А. Богослужение в Русской Церкви за первые пять веков // Православный собеседник. – 1882. – ч.1. – с. 372-394 – 1883. – ч.2. – с. 345-374 – ч.3. – с. 198-229 – с. 470-485
19. Дмитриевский А.А. Богослужение в Русской Церкви в XVI веке. – Казань: Тип. Имп. ун., 1884. – 434 с.
20. Дмитриевский А.А. Рецензия на работу И. Мансветова «Церковный устав (Типик), его образование и судьба в Греческой и Русской Церкви» // Христианское чтение. – 1888: часть 2. – с. 480-576
21. Дмитриевский А.А. Современное богослужение на православном Востоке. – Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1891. – 153 с.
22. Желтов М.С., Сергей Правдолюбов, прот. Богослужение русской Церкви. X-XX вв. // Православная энциклопедия. – М., 2000. – РПЦ. – с. 485-517
23. Знаменский П.В. История Русской Церкви. – М: Крутицкое Патриаршее подворье, 1996. – 474 с.
24. Красносельцев Н.Ф. Типик церкви Св. Софии в Константинополе. – Одесса: Тип. Одесского воен. округа, 1892. – 101 с.
25. Лисицын М., прот. Первоначальный славяно-русский Типикон. СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1911. – 386 с.
26. Мансветов И. Митрополит Киприан в его литургической деятельности. – М.: Тип. Лаврова и К., 1882. – 220 с.
27. Мансветов И. Церковный устав (Типик), его образование и судьба в Греческой и Русской Церкви. – М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1885. – 447 с.
28. Мартынов В.И. История богослужебного пения. – М.: РИО ФА, 1994. – 237 с.
29. Настольная книга священнослужителя: 2-е изд. – М.: Изд. отдел Моск. Патриархата, 1992. – Т.1. – 704 с.
30. Никольский К., прот. Пособие по изучению устава богослужения православной Церкви. – 7-е изд., испр. и доп. – СПб.: Синод. тип., 1907. – 878 с.
31. Одинцов Н.Ф. Порядок общественного богослужения в России до XVI века // Душеполезное чтение. – 1877. – ч.1. – с. 136-159, 269-296, 405-430 – ч.2. – с. 3-20, 129-137, 257-278, 385-396 – ч.3. – с. 3-21, 129-150, 257-277, 389-404 – 1878. – ч.1. – с. 63-74
32. Пассия. М.: Изд. Моск. Патр., 2000. – 42 с.
33. Пентковский А.М. Константинопольский и иерусалимский богослужебные уставы // Журн. Моск. Патр. – 2001. – № 4. – с. 70-79
34. Пентковский А.М. Литургические реформы в истории Русской Церкви и их характерные особенности // Журн. Моск. Патр. – 2001. – № 2. – с. 72-79
35. Пентковский А.М. Студийский устав и уставы студийской традиции // Журн. Моск. Патр. – 2001. – № 5. – с. 69-78
36. Пентковский А.М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. – М.: Изд. Моск. Патр., 2001. – 428 с.
37. Чинопоследование пассии // Журн. Моск. Патр. – 1964. – № 4. – с. 56-57
38. Сергей (Спаский), архиеп. Полный месяцеслов востока. – 1875. – Т.1: Восточная агиология. – 548 с.
39. Сергей (Спаский), архиеп. Полный месяцеслов востока: 2-е изд., испр. и доп. – Репринт. изд. – М.: Православная энциклопедия, Паломник, 1997. – Т.1: Восточная агиология. – 732 с.
40. Скабалланович М. Толковый Типикон. – Репринт. изд. – М.: Паломник, 1995. – Выпуск 1. – 491 с.
41. Успенский Н.Д. Литургия Преждеосвященных Даров: историко-литургический очерк // Богословские труды. – 1976. – № 15. – с. 146-184
42. Успенский Н.Д. Православная вечерня: историко-литургический очерк. Чин всенощного бдения на Православном Востоке и в Русской Церкви. – М.: Изд. совет Русской Православной Церкви, 2004. – 382 с.

МИССИОНЕРСКИЕ ОТДЕЛЕНИЯ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ В 1884-1920 ГГ.¹

М.З. ХАБИБУЛЛИН

Изменения в миссионерском образовании, связанные с принятием Устава духовных академий 1884 г.

В 1884 г. происходят кардинальные изменения, связанные с преподаванием миссионерских предметов в Казанской духовной академии. 15 августа 1884 г. в Казанской духовной академии был введен новый устав духовных академий, разработанный при участии нового обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева. Являясь ближайшим сотрудником императора Александра III, он проявлял заботу о миссионерских нуждах Православной Церкви и своими мероприятиями фактически возвратил Казанской духовной академии ее прежнее миссионерское значение, потерянное ею при введении устава духовных академий 1869 г.

Устав 1884 г. в большей степени учел желание и просьбы преподавателей миссионерских отделений Казанской духовной академии, которые постоянно заботились об улучшении качества образования на единственных в дореволюционной России миссионерских отделениях. Так, при составлении нового устава его разработчики учитывали пожелания преподавателей отделений, которые те представили в Совет Казанской духовной академии 15 июня 1884 г. Предложения преподавателей были направлены на более целенаправленное осуществление миссионерского образования. По их мнению, качеству обучения должны были способствовать следующие мероприятия: «1) Распределение миссионерских предметов между преподавателями; 2) Примерное расписание преподавания миссионерских предметов по курсам, с показанием числа лекций и уроков и 3) Применение примерного расписания по татарскому отделу на 1884-1885 и 1885-1886 учебные годы»². Особое внимание преподаватели миссионерских отделений обращали на изучение языков нерусских народов России, т.к. именно эти предметы, на их взгляд, «составляли основу для миссионерских занятий»³. Важное значение преподавателями академии придавалось и преподаванию дисциплин об исламе, буддизме и других смежных предметов, в числе которых, например, было «обличение мухаммеданства»⁴.

Исходя из вышесказанного, следует, что преподаватели миссионерских предметов стремились внести существенные изменения в процесс обучения и подготовки новых миссионерских кадров в академии. На наш взгляд, это были продуктивные мероприятия, поскольку предложения преподавателей учитывали особенности и специфику миссионерского образования. В обращении к руководству академии преподаватели требовали обратить внимание на составление расписаний и постановку миссионерских курсов с учетом интересов каждого преподавателя, студентов, эффективности процесса обучения. Так, каждому преподавателю рекомендовалось вести определенный предмет. На наш взгляд, преподаватели из своего опыта учли

Студенты увлекались на отделение не только казенными стипендиями, но и самой возможностью поступить в академию. Существовала даже такая практика: студенты, получившие при приемных испытаниях несколько неудовлетворительных баллов, все же принимались в ее состав, но при условии поступления на миссионерское отделение⁶.

С 1884 г. по татарскому отделу кафедру татарского языка и этнографии занял экстраординарный профессор академии Е.А. Малов, оставивший занимаемую им прежде кафедру еврейского языка и библейской археологии⁷. Он преподавал татарский язык, этнографию татарских племен и историю распространения среди них христианства. 29 января 1886 г. Малов был возведен в звание и.д. ординарного профессора, а с марта 1889 г. удостоен звания заслуженного профессора. Кафедру арабского языка и обличения мухаммеданства занял и.д. доцента академии Михаил Александрович Машанов, прежде состоявший приват-доцентом по кафедре миссионерских противомусульманских предметов⁸. Машанов с 1884 г. преподавал арабский язык и «обличение мухаммеданства»⁹. Штатным практикантом татарского языка продолжал оставаться кряшенский священник В.Т. Тимофеев. После его смерти в декабре 1895 г. эту должность занял его ученик и продолжатель дела просвещения старокрещенных татар – священник Тимофей Егорович Егоров. Он же занял место Тимофеева и в заведовании Казанской центральной крещено-татарской школой. Сверхштатным практикантом арабского языка, по особому указу Св. Синода от 6 февраля 1891 г., был назначен с марта 1891 г. природный татарин-мусульманин Сахиб-Гирей Ахмеров, принявший крещение с именем Павла¹⁰. К этой же кафедре был временно прикомандирован в 1893 г. архимандрит араб Рафаил (в 1895 г. оставил академию, уехал в Америку, где стал епископом Бруклинским). После смерти Ахмерова сверхштатным практикантом арабского языка с 12 августа 1896 г. (с 1900 г. – единственным) стал природный сириец, окончивший в том году Казанскую духовную академию, впоследствии – магистр богословия, Пантелеймон Крестовникович Жузе. Он также стал преподавателем двухгодичных миссионерских курсов при Казанской академии, а с мая 1916 г. – приват-доцентом Казанского университета по новоучрежденной кафедре мусульманского права¹¹.

Новый устав открыл возможности для более серьезного изучения арабского языка, дисциплин об исламе, повышения уровня подготовки самих преподавателей. В 1885 г. этим воспользовался М.А. Машанов, который и обращается в Совет Казанской духовной академии с предложением о необходимости для преподавателя противомусульманских предметов заграничной поездки на мусульманский Восток: «Почти с самого открытия Казанской духовной академии при ней существует миссионерское противомусульманское отделение для преподавания предметов, имеющих полемическое против мухаммеданства значение, вследствие осязательной потребности в лицах, знающих языки арабский и татарский и учение ислама и его обличением, ввиду многих миллионов мухаммедан, подданных российской империи. Миссионерское противомусульманское отделение существовало с некоторыми видоизменениями своего состава до настоящего учебного года. Новый академический Устав поставил это отделение на более широких началах, сделав при нем группу, соответствующую двум другим группам, и поставил в нем двух

мухаммеданской литературой. Все это весьма естественно приводит к признанию крайней необходимости изучения как арабского языка во всем его объеме, так и изучения мухаммеданской богословской литературы на арабском языке у природных арабов, – знатоков этого предмета»¹⁵. В 1885 г. Машанов уезжает на мусульманский Восток (Египет, Саудовская Аравия, Сирия).

После возвращения в 1887 г. он продолжает свою работу в Казанской духовной академии. Из командировки Машанов вернулся одним из лучших специалистов в области арабского языка и мусульманской догматики не только в Казанской духовной академии, но и в Казани. Всей своей деятельностью он стремился повысить популярность миссионерского противомусульманского отделения. Так, в 1890 г. Машанов и другие профессора обратились в Совет Казанской духовной академии. Отмечая важность миссионерского дела в процессе образования, они указывали на то, «что успехов на этом поприще у отделения почти нет», что «ему уделялось мало внимания, как со стороны властей, так и со стороны поступающих. Были годы, когда поступало всего 2 человека на миссионерское отделение, по одному на отделение»¹⁶. Они выделили следующие причины их непопулярности:

- 1) Недостаток научной любознательности в отношении к востоковедению.
- 2) Предубеждение против необходимости научно образованных миссионеров.
- 3) Трудность изучения предметов миссионерского отделения.
- 4) Недостаток практического приложения получаемых сведений.

«Все указанные причины, – указывали они, – могут быть устранены при более организованной постановке миссионерского образования в инородческих епархиях и при установлении благопотребных мер к практическому приложению миссионерских знаний... Учебный комитет указывает на необходимость поставить в ближайшие отношения и связь епархии, нуждающиеся в лицах с миссионерским образованием, и миссионерские отделения в академии. Эта связь с одной стороны послужила бы важным средством для возбуждения миссионерского дела в инородческих епархиях, а с другой – оживила бы самое миссионерское отделение при академии, указав практическое приложение занятий студентов и придав преподаванию миссионерских наук направление, сообразное с действительными потребностями миссий и инородческих приходов»¹⁷.

Указанные преподавателями предложения и замечания не остались только на бумаге. Теория без практики была неэффективна. Это осознавало и руководство Казанской духовной академии. Оно обратилось в Св. Синод с предложением усилить практическую часть учебных занятий в академии. Вскоре были приняты конкретные меры в этом направлении.

Кроме того, при поддержке преподавателей миссионерских кафедр в 1889 г. при академии были учреждены Казанские миссионерские двухгодичные курсы. А указом Св. Синода от 17 мая 1889 г. разрешалось посещать миссионерские уроки всем желающим миссионерам и священникам нерусских приходов¹⁸.

В 1893 г. М.А. Машанову и Е.А. Малову обер-прокурором Св. Синода К.П. Победоносцевым было поручено подготовить проект миссионерского приюта: «Миссионерский приют, существовавший с 1875 г... прекратил с начала 1893 г. свою деятельность... Поэтому, не признаете ли вы возможным предложить Совету

Казанской духовной академии войти в обсуждение способов к устройству при открывшихся двухгодичных миссионерских курсах собеседований с магометанами, ...чтобы и усилить в них инородческий элемент, а равно и приблизить их, путем собеседований с иноверцами среди инородцев, к их главной цели»¹⁹.

Устав 1884 г. стал толчком для развития и бывшего противобуддистского отделения, также упраздненного и почти забытого после принятия устава 1869 г. Образованный в 1884 г. монгольский отдел был представлен менее значительными в научном отношении деятелями. Кафедру истории и обличения ламайства и монгольского языка с бурятским наречием с 1884 г. по сентябрь 1891 г. занимал, по поручению академического Совета, экстраординарный профессор по кафедре русской гражданской истории Василий Васильевич Миротворцев. В 1884-1891 гг. он совмещает преподавание русской гражданской истории и монгольского языка с обличением ламайства. Кафедру калмыцкого наречия, общего филологического обзора и наречий монгольского отдела, этнографии племен этого отдела и истории распространения христианства между ними с сентября 1886 г. занял в звании и.д. доцента М.С. Нефедьев. Однако через два года, в нарушение требования академического устава, Нефедьевым не была предоставлена магистерская диссертация, он занимал кафедру с особого разрешения Св. Синода по ходатайству Совета академии (в 1888-1891 гг.), а после смерти Миротворцева в 1891 г. временно преподавал и по первой кафедре монгольского отдела, совмещая, таким образом, преподавание сразу на двух кафедрах²⁰.

Однако в августе 1893 г. кафедры монгольского отдела были замещены новыми, более способными к науке лицами. На кафедру истории и обличения ламайства и монгольского языка был определен выпускник Казанской духовной академии 1889 г. священник Иван Васильевич Попов²¹, защитивший 29 ноября 1898 г. магистерскую диссертацию по теме: «Ламаизм в Тибете, его история, учение и учреждение»²². Среди других опубликованных работ интерес представляет очерк «Мифология буддизма в Тибете и Монголии» (1910). Священник Иоанн Попов был по собственному прошению уволен из академии в августе 1909 г.

На кафедру калмыцкого языка в августе 1893 г. (одновременно со священником И.Поповым) был определен выпускник Казанской академии 1892 г. Илья Иванович Ястребов, 18 октября 1898 г. защитивший магистерскую диссертацию под названием «Миссионер Высокопреосвященнейший Владимир, архиепископ Казанский и Свяжский»²³, а в 1902 г. принявший монашество с именем Иннокентий²⁴. В 1906 г. Ястребов уезжает в Киев. Его место занимает иеромонах Гурий (Степанов), который в январе 1909 г. был утвержден в степени магистра богословия за сочинение «Буддизм и христианство в их учении о спасении». С августа 1909 г., после ухода на пенсию и.д. экстраординарного профессора священника И.Попова, архимандрит Гурий временно совмещал преподавание по своей кафедре и кафедре монгольского языка.

Устав духовных академий 1910 г. и миссионерские кафедры

В апреле 1910 г. был принят один из самых суровых уставов духовных академий. Под его негативное влияние попадали многие известные профессора, в числе которых

были и преподаватели миссионерского отделения. Примечание к параграфу 65 было явно направлено на постепенное вытеснение из российских академий светской профессуры и создание почвы для формирования института ученого монашества. На практике проведение в жизнь подобного положения привело к вынужденному уходу из академии многих выдающихся профессоров. «Это было, – пишет А.В. Журавский, – похоже на разгром академической науки. Впрочем, некоторые из профессоров (Курганов, Машанов, Богословский, протоиерей Виноградов), движимые любовью к своей alma mater, оставались еще некоторое время в академии для бесплатного чтения своих лекционных курсов и воспитания себе преемников из числа наиболее способных к научным занятиям студентов, что создавало в академии педагогическую и церковно-научную преемственность»²⁵.

Выполняя предписание нового устава 1910 г., Машанов обращается в Совет Казанской духовной академии с предложением оставить вместо себя на миссионерском противомусульманском отделении академии М.Г. Иванова.

В ноябре 1910 г. Е.А. Малов, в связи с требованиями устава 1910 г., написал заявление об уходе с «кафедры татарского языка, этнографии татар, киргизов, башкир, чуваш, черемис, вотяков и мордвы и истории распространения христианства между означенными племенами». В академии освободилась штатная преподавательская должность на кафедре миссионерских предметов. С аналогичным заявлением обратился в Совет Казанской духовной академии и М.А. Машанов. С его уходом освобождалось место на кафедре «истории и обличения магометанства и арабского языка».

В июле 1911 г. были приняты «Изменения в действующем уставе духовных академий», которые предписывали новые правила для деятельности духовных академий. Науки, изучаемые всеми студентами, были распределены по 17 кафедрам. Кроме того, в Казанской духовной академии вводилась группа миссионерских предметов, подразделяющихся на два отдела: 1) татарский и 2) монгольский.

К татарскому отделу были отнесены следующие предметы: «А) История и обличение магометанства. Б) Этнография татар, киргизов, башкир, чуваш, черемис, вотяков и мордвы. В) История распространения христианства между означенными инородческими племенами. Г) Арабский и татарский языки, с общим филологическим обзором языков и наречий означенных племен»²⁶.

К монгольскому отделу были отнесены: «А) История и обличение ламайства. Б) Этнография монголов, бурят, калмыков, остяков, самоедов, якутов, чукчей, тунгузов, манджур, корейцев, гольдов, гиляков, коряков и других. В) История распространения христианства между означенными инородческими племенами. Г) Монгольский язык и его наречия бурятское и калмыцкое. Д) Тибетский язык». В каждом отделе должно было числиться по три преподавателя, каждый с шестью лекциями в неделю.

Этот Устав также предписывал студентам татарского и монгольского отделов писать два сочинения по миссионерским предметам и одно – по общеобразовательным богословским и курсовое сочинение на тему, назначаемую преподавателем этих отделов.

С августа 1911 г. кафедру арабского языка, истории и обличения мухаммеданства занял выпускник академии 1910 г., епархиальный противомусульманский миссионер

отделении Казанской духовной академии»³⁴.

Указом Синода от 10 мая 1913 г., штат миссионерского отделения Казанской духовной академии был увеличен. Стипендии для студентов миссионерского отделения, ассигнования на командировки преподавателей и средства на издательскую деятельность в документе не были предусмотрены. В татарской группе была образована кафедра «арабского языка и обличения мухаммеданства», в которую вошли профессор М.А. Машанов, доцент М.Г. Иванов и сверхштатный практикант арабского языка П.К. Жузе³⁵.

Миссионерские предметы преподавались в академии вплоть до 1920 г., когда послереволюционные события стали причиной крушения всей системы духовного образования Казани; именно тогда была закрыта известная на всю Россию Казанская духовная академия.

Таким образом, в 1884 г., вследствие принятия нового устава духовных академий, были произведены большие перемены в академической жизни, в учебных программах и в составе самих академических наук в Казанской духовной академии. Ощутимые изменения произошли в статусе прежних миссионерских отделений и в системе преподавания миссионерских предметов. Указ 1884 г. восстановил миссионерские отделения, упраздненные уставом 1869 г., и Казанская духовная академия вновь получила уникальное отличие от других подобных учреждений. Миссионерские отделения получили возможность улучшить кадровые вопросы, усовершенствовать систему образования, усилить издательскую деятельность и др.

Положениями устава 1884 г. в большей степени удалось воспользоваться бывшему миссионерскому противомусульманскому отделению. Татарский отдел укрепился хорошими специалистами, которые смогли в кратчайшие сроки восстановить прежнее миссионерское противомусульманское отделение. Вновь была возвращена практика научных заграничных командировок, увеличено число студентов, открыты двухгодичные миссионерские курсы при академии, расширено научное сотрудничество преподавателей Казанской духовной академии с преподавателями других учебных заведений и др. Но принятый в 1910 г. новый устав духовных академий вновь преобразует бывшие миссионерские отделения Казанской духовной академии. Они снова теряют свою актуальность и значимость. Только благодаря высококлассным специалистам миссионерских предметов в лице М.А. Машанова, Н.Ф. Катанова, П.К. Жузе и других исследования приобрели научную этнографическую направленность и миссионерские предметы преподавались вплоть до закрытия Казанской духовной академии в 1920 г.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Миссионерские отделения Казанской духовной академии (1854-1920)»), проект № 06-01-29104а/В/2006 (Г).

² НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7835. Л. 1.

³ Там же. – Л. 1об.

⁴ Там же. – Л. 13.

⁵ Терновский С.П. Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после

ее преобразования. 1870-1892 гг. – Казань, 1892. – С. 246.

⁶ НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1142. Л. 3.

⁷ Терновский С.П. Указ. соч. – С. 252.

⁸ Терновский С.П. Указ. соч. – С. 424.

⁹ Казанская духовная академия. – Казань, б/г. – С. 810-811, 814; Устав и штат православных духовных академий 1884 г. – Казань, 1884. – С. 26.

¹⁰ Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1891 г. – Казань, 1891. – С. 19, 33.

¹¹ Отчет о состоянии Императорской Казанской духовной академии за 1915-1916 учебный год. – Казань, 1916. – С. 55.

¹² НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7891. Лл. 1-1 об.

¹³ НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7891. Лл. 1 об. – 2.

¹⁴ Там же. – Л. 2.

¹⁵ Там же. – Лл. 2-2об.

¹⁶ Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1890 г. – Казань, 1890. – С. 29-38.

¹⁷ Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1890 г. – Казань, 1890. – С. 37-38.

¹⁸ Отчет о состоянии Казанской духовной академии за 1888-1889 учебный год. – Казань, 1889. – С. 31-39.

¹⁹ Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1893 г. – С. 477-478.

²⁰ Терновский С.П. Указ. соч. – С. 252-253.

²¹ Памятная книжка Казанской духовной академии на 1902-1903 акад. год. – Казань, 1902. – С. 24.

²² Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1898 г. – Казань, 1898. – С. 197.

²³ Отчет о состоянии Казанской духовной академии за 1898-1899 учебный год. – Казань, 1899. – С. 24.

²⁴ Памятная книжка Казанской духовной академии на 1902-1903 акад. год. – Казань, 1902. – С. 25.

²⁵ Журавский А.В. Казанская духовная академия на переломе эпох. 1884-1921 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1999. – С. 71.

²⁶ Высочайше одобренные в 29 день июля 1911 года изменения в действующем уставе Духовных Академий // Приложения к протоколам Совета Казанской духовной академии за 1911 г. – Казань. 1911.

²⁷ Памятная книжка Императорской Казанской духовной академии. 1916-1917 акад. год. – Казань, 1916. – С. 27.

²⁸ Отчет о состоянии Казанской духовной академии за 1909-1910 учебный год. – Казань, 1910. – С. 23.

²⁹ Памятная книжка Казанской духовной академии за 1912-1913 учебный год. – Казань, 1913. – С. 30.

³⁰ Памятная книжка Казанской духовной академии за 1916-1917 учебный год. – Казань, 1916. – С. 34.

³¹ Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1890 г. – Казань, 1911. – С. 169.

³² Годичный акт Казанской духовной академии 5 ноября 1885 г. – Казань, 1885. – С. 65.

³³ Там же. – Д. 11062. Л. 1; Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1911 г. – Казань, 1913. – С. 265-266.

³⁴ Валеев Р.М. Казанское востоковедение: истоки и развитие. XIX в. – 20-е гг. XX в. – Казань, 1999. – С. 310.

³⁵ Там же. – С. 311-312.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ЕЛДАШЕВ Анатолий Михайлович, доцент кафедры права, истории и политологии Академии государственного и муниципального управления при Президенте Республики Татарстан, преподаватель КазДС

протоиерей Владимир МУХИН, кандидат богословия, священник Петропавловского собора г. Казани

иерей Павел КИРИЛЛОВ, выпускник КазДС

КУЗЬМИН Алексей Юрьевич., выпускник КазДС

ХАБИБУЛЛИН М.Э., к.и.н., с.н.с. отдела истории и общественной мысли
Института Татарской энциклопедии АН РТ

Казанская Духовная Семинария
выражает благодарность издательству
"ЛОГОС"
и лично Андрееву Максиму Валентиновичу
за оказанную помощь
в подготовке этого издания
ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСЕДНИК
альманах Казанской Духовной Семинарии
Вып. 1(16)-2008

Главный редактор: иерей Александр Павлов
Редактор: иерей Сергей Демакин
Корректор: М.О. Новак
Верстка: С.П. Беспалов,
В.С. Никифоров

Подписано в печать **06.05.2008**. Бумага офсетная.
Гарнитура "Таймс". Формат 60-84 ¹/₁₆
Усл. печ. л. **13, 83**. Уч.-изд. печ. л. **20, 4**. Печать ризографическая.
Тираж **400** экз. Заказ **02/17**.

Издательский отдел Казанской Духовной Семинарии.
420036, г. Казань, ул. Челюскина, 31 а.
Для писем: 420036, г. Казань - 36, а/я 168.
E-mail: izdat_kds@mail.ru

Отпечатано в Казанской Духовной Семинарии.

420036, г. Казань, ул. Челюскина, 31 а.